ГУБЛИА Р. К.

ОЧЕРКИ ПО АБХАЗСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

Сухум – 2013

ББК 81.2 Абх–3
Г 93

Редактор – О. П. Дзидзария, д.ф.н., профессор

Гублиа Р. К.

Очерки по абхазской этимологии. АГУ: РИО. – Сухум. 2013. 330 с.

В работе впервые в орбиту этимологического исследования вводятся целые семантические группы слов, которые позволяют рассматривать их морфемный состав как элементы целой системы. В ряде случаев автору удается увязать физическую характеристику слова с его семантикой. При анализе широко используется экстралингвистический материал, который выступает как один из важных аргументирующих факторов.

Для автора этимология – это одно из средств, содействующее не только изучению истории абхазского языка, но и истории его носителей. В работе также исследуется этимология некоторых важнейших топонимов, гидронимов, этнонимов, космогонии. Прослеженные автором новые этимологии представляют интерес с точки зрения не только лингвистики, но и истории народа. Достоверность многих этимологий, выявленных автором, не вызывает сомнений, хотя некоторые толкования являются проблематичными.

©Гублиа Р. К., 2013

Введение

Как известно, этимология как раздел языкознания изучает происхождение и историческое развитие слов, почему то или иное понятие, явление называется так, а не иначе. Этимология вскрывает генетические связи исследуемых слов с другими словами, единицами того же языка или других языков и выясняет их происхождение. А этимологические разыскания приводят к выводам, имеющим отношение к истории общества. С этим связано то, что этимологические исследования нуждаются в самых различных экстралингвистических факторах – исторических, этнографических, фольклорных. Все, что происходит в развивающемся обществе, немедленно отражается в языке, интенсивно растет и развивается словарный состав языка, ибо новые понятия требуют новых слов, новых наименований. Откуда берутся новые слова? Новые слова появляются, главным образом, из собственного строительного материала, из морфем, в готовом виде представленных в языке. При образовании новых слов их используют в разных комбинациях. Таким образом, слова не выдумываются наугад, а создаются из ресурсов самого языка, хотя встречаются и выдуманные слова, но в очень ограниченном количестве. Язык практически не создает материально новый элемент для новых понятий, а вводит в новые взаимоотношения, в новую систему взаимоотношений уже существующие элементы, давая им новую семантическую нагрузку [Потиха, 1970:147].

Как и в любом другом языке, в абхазском языке все слова связаны между собой, они образуют систему. А связи слов в языке отражают связи между реальными предметами и явлениями. По этому поводу Ф.Н.Филин писал: «Ни одно слово в языке не может существовать как изолированное образование без формальной и семантической связи с другими элементами

словарного состава, ибо язык как важнейшее средство коммуникаций обязательно является системой, поэтому старое и новое в нем должно связываться в одно целое, иначе может превратиться в хаотическую смесь напластований разных эпох и он не сможет выполнить свою коммуникативную функцию [Филин, 1972:36].

В связи с этим, как справедливо отмечает большинство ученых, вначале необходимо выяснить внутреннюю этимологию того или иного слова в отдельно взятом языке, а затем уже сравнивать с соответствующими параллелями родственных или неродственных языков.

В.А. Абаев по этому поводу писал: «Лексические сопоставления с родственными языками не разъясняют происхождение слов в смысле их первоначального значения, они предлагают прослеживать словарную эволюцию слов и доводят их историю до определенных эпох в прошлом» [Абаев, 1952:56].

В свете того, что известно об историко-культурных контактах абхазов с различными народами, вполне естественно допустить мысль об ареальной природе определенного количества слов. Это, прежде всего контакты соседних народов как родственных, так и не родственных, контакт с Передней Азией, это, наконец, двухсотлетнее пребывание турок на территории Абхазии, вследствие чего почти все абхазы овладели турецким языком, и он стал языком общения с другими народами. Среди заимствованных слов в абхазском языке выделяются т.н. кавказские изоглоссы, не говоря уже о словах, связанных с религией, взятых ими из одного и того же источника.

Так, например, многие слова являются коррелятами арабских, персидских, турецких этимонов, ср.: абх. акалмаҳ, груз. калмахи «форель» возводят к среднеперс. kar-mahi «сельдь», тадж. hikki «форель», авест. karmašia, арм. karmahant «то же»; абх. анабзыҵ «приданое», груз. мзиҵави «то же», арм. сопоставляют с иран. jiti «жизнь», таким образом «приданое» рассматривалось как средство к жизни; абх. аиба «сирота»,

груз. оболи «то же», перс. wabae «трудность, бремя, тяготы, вина, грех»; абх. амц, груз. цру «ложь», иран. zura «то же»; абх. адыг. аалыц «чудище» к тохарско-тюрк. ара, хет. lahpa «то же»; абх. асамарҭал, груз. samartali «правда», к др.-иран. arta «то же». Однако наличие общих слов в некоторых случаях объясняют их звукосимволическим характером, возникшим независимо друг от друга. Так, например, Абаев к звукосимволическим словам относит груз. didi «большой чан didi», «то же», адыг. dada «очень», лит. didis, абх. аду «большой»; груз. ҷама «есть, кушать», рус. «шамкать», абх. ачара «питаться, насыщаться», аҷамҷамра «шамкать», перс. čam «еда и питье», čamudan «хлебать», согд. šam «глотать», авест. šam, др. инд. šam «хлебать» и др. (Климов). Как полагают, объяснение подобных слов надо искать не в каких-то исторических связях, а скорее, в общей звуковой символике.

Большой интерес представляют также и общие заимствования друг у друга как родственных, так и неродственных кавказских языков, в особенности в плане адаптирования. Некоторые из них настолько адаптировались в том или ином языке, что для выявления источника требуют больших усилий. В связи с этим крайне важно подходить к этой проблеме весьма осторожно, тем более в отношении абхазского языка, в свое время не без умысла причисленного грузинскими учеными исключительно к заимствующему языку. В некоторых случаях даже совершенно прозрачные в этимологическом плане абхазские исконные слова, представленные в других языках, отнесены к заимствованиям. Так, например, абх. амза «луна, месяц» из м и за от азара – «измерить», букв. «нечто размеренно двигающееся (по небу)» к груз. mze – «солнце»; абх. аҵас «обряд, адат, обычай, правило», из ҵа «основа, дно», с – превратительный суф., букв. «в качестве основы» к груз. ҵеси «правило», абх. аҕәра «уздечка», для семантики, ср. абх. аҕәҕәа «крепкий», ауҕу «ярмо» к груз. уҕели «то же»; абх. амзыз «причина, вина, кара», ср. религ.

анцәа рымзыз «кара богов» или мзызк дакит «ему мешает какая-то кара, вина», к груз. mizezi «причина»; абх. агәы «сердце», «середина» от глагольного корня агәара «толкать», букв. «нечто толкающееся (в замкнутом пространстве)» к груз. guli – «то же», абх. амца – «огонь» из м и ца от аца «горячий» к груз. цецхли – «то же» и мн. др. (Ломтатидзе, 1976, 1986; Шагиров, 1977, 1989; Рогава, 1966; Джонуа, 2002).

С другой стороны, существующие в абхазском и адыгских языках значительное количество общих слов, заимствованных друг у друга, отнесены к адыгизмам в абхазском языке. Среди них – и совершенно прозрачные, не требующие какой-либо этимологизации. Ср. абх. ахаҟәиҭра – «свобода», из ахы – «голова», аҟәиҭра – «иметь волю на что-либо», к адыг. хәҭныҕа – «то же», абх. ахымхәа – «беспомощный», «неумелый», «бесполезный», «нерасторопный», из ахы «голова», м – аф. отрицания, хәа от ахәара – «помогать», «быть полезным», букв. «себе не умеющий помогать», «себе не умеющий приносить пользу», к адыг. хәымыхә/фымыф – «то же»; ахәшә – «порох, лекарство», из хә от ахәара – «помогать, приносить пользу» и шә от ашәара – «мерить», букв. «мера пороха на один заряд (отмеренное на ладони)» – адыг. фышхъва/хвышъхъва – «то же» и др. В то же время нельзя не заметить наличие в абхазском языке ряда настоящих адыгизмов, например: аҟлапад – «чулки», атлаԥа – «тропинка», аҭхаԥьра – «блаженствовать», аҭлаҳәыста/аҭлаҳәыста – «батрак», атлаш – «сильный, мощный», ҳаҷашь – «гостиная», аҟьабз – «обычай» и др.

Таким образом, количество картвелизмов совершенно произвольно доводят до 300 словарных единиц, адыгизмов – около 80. Здесь укажем некоторые образцы исконно абхазских слов, произвольно причисленных к заимствованиям.

К картвелизмам: адгьыл «земля» – адгили «место»; ажакьа «борода» – бжаке «то же»; ашәымкьаҭ – мегр. сумкети «помост (для погибших от удара молнии)»; агәы – гули «серд-

це», агәц – цьгуци «группа»; амза «луна» – мзе «солнце»; ацсы – сули «душа»; амца – цецхли «огонь»; ацара – ставла «учеба»; ацас «обычай», адат – цеси «правило»; аца «дно» – цале «низ»; агылара – дгома «стоять»; аҭәа – ҭива «сено»; ацхын – зацхули «лето»; аԥьар – ԥвари «крест»; аԥьыка – ԥьи «соль»; абԥьар – абԥьари «доспехи, вооружение»; акьат – кети «шест»; ажакьа – бжаке «борода»; амакьа – маке «жеребая, щенная»; асаркьа – саркье «стекло, зеркало»; асахьа – са хье «рисунок, лик, образ, вид»; асал – сали «клин»; ашьакьикь – шьакики «мигрень»; акьанцьа – кенцьи «кукла, огородное пугало»; абыкь – букьи «труба»; ачалт – челти «борона»; ацан – цони «брод, характер, норов»; ацарда – царди «занавес»; акәапеи – коре «черпалка»; акуынҷа – квинҷи «чиж»; акуырҭ – квирҭи «икра»; акәакәар – кверквери «лепешка»; акәты – каҭами «курица»; аҳаргь – ақәарга – корга «зонт»; азыз – зизе «грудь»; ахәажә – хозо «ритуальные вареники»; ацшьырҳа – ацшьырҟа «кувшин»; акра – дакавеба «держать, ловить, поймать»; ауарчан – орчани «артачливый»; ажьакца – жьанги «ржавый»; азаз – зези «шило»; ампышҭа – бушьҭи «пузырь»; ашҳам – шьхами «яд»; атама – атами «персик»; аҩы – ҕвино «вино»; ацыра – цали – «штука»; адагәа – дагәва «глухой»; ацра – ацра «парус»; амазеи – мза «готовый»; абжьеи – мжьаве «уксус»; атҟәа – тҟве «пленный»; ахьз – захили «имя, слава»; аҳәаза – хозо «змея, насекомое»; ардәына – иадони «дрозд»; аҕар – ҕари «бедняк»; ақәыц – квици «колючий куст»; аҕәра – аҕвири «уздечка»; аҳаҭа – халҭа «бурдюк»; аныга – ныга «подойник»; аура – уро «кувалда»; ашәымкьаҭ – сумкети «помост (для погибших от удара молнии)»; агандал – гандели «оруженосец»; аҕаза – ҕази «полоса»; акупа – кубо «гроб»; аҭыць – туцьи «чугун»; акалҭ – калҭи «подол»; акалаҭ – калаҭи «корзина»; асиа – сиа «список»; арыцхә – рицхви «число»; анарма – нарма «бязь»; асаат – сааҭи «часы (из тур.)»; акакаҷ – kaкачо «цветок» и др…

К адыгизмам: абзамыӄə – бзамы/в «глупый, ротозей – не знающий языка окружающих»; **агəбԍан** – гвыбгъӑн «укор, укоризна»; **аҩыза** – гъвысӑ «товарищ, спутник, попутчик, напарник»; **адагуа** – дӑгвы «глухой»; **ажакьа** – жач|а/жъач|а «борода»; **ацагӯа** – дзагвӑ, цаквӑ «тупой»; **ачԛыркəа** – ч|ырык|вӑ «земляная груша»; **агəаӄра** – гвы|ын «мучиться», **апатаура** – п|атаӯӑн «двигаться», **агубзыԍ** – гвыбзыԍа «ласковый, умный»; **аҩабцьа** – гъвабжӑ «темно-серый»; **аҩажь** – г|важъ «желтый»; **ацыр** – шыр «чугун»; **аӄəитра** – хвит «иметь волю на что-либо»; **акьаца** – к|апӑ «курдюк»; **акьаса** – к|ьасӑ «поздний»; **акьатеи** – к|ьатый «кишка»; **акəар** – к|вӑр «иноходец»; **аӄəбча** – |вып|ч|ӑ «собранный, аккуратный»; **аӄəш** – |выш «умный»; **амаша** – машӑ «могильная яма»; **ацаса** – пасӑ «ранний», **уашхуа** – уашъхва «клятва»; **ауеиа** – ауйӑ «буря, ненастье»; **ахушə** – хвышъхъвӑ «лекарство», **ачԛан** – ч|ӑн «вымороченное наследство», **ачԛыхуа** – ч|ыхвы «пестрый»; **агəжəажəара** – гъызыжъвӑ «беспокоиться, волноваться»; **агуԍра** – гвагъгӑ «надеяться», **аҩашьара** – гъвӑшьӑн «заблудиться, обознаться», **аҳəынҷара** – хəвынҷӑн «грабить», **авартəа** – т|уанӑ «вторая жена»; **ачԛапан** – ныбыдж «пупок»; **ахыхəа** – хафӑ, хахва «расторопный, находчивый», **акьача** – |ача «колчерукий», **ауадаҩ** – угнтагъвӑ «трудный, трудность»; **ашəакӌь** – фоч «винтовка»; **аҳəатҳа** – акъ|атх «трофей»; **акьаҿ** – к|ьӑч|ы «короткий»; **агəаара** – иагвауӑн «обидеться, разозлиться»; амыхəа, Раида, **мыхəа** – мафӑ, мак|вӑ «неодолимый, Рада неодолимый»; **ацынԥажəҩа** – пынц|ыв «ноздря, кончик носа», **акьаца** – к|ӑпӑ «курдюк»; **ауыра** – уыр «кувалда»; **ацагəа** – цагвы «тупоносый»; **аӄаса** – |ӑса «важный, смирный, спокойный»; **атԛачкум** – |ӑшт|ым «кулак»; **абга** – баджа «лиса»; ӑ – быдзы «сосок»; **Ачԛачра** – сач|ын «кастрировать», **абз** – бзӑ «язык» и мн. др[1].

Так обстоит дело с заимствованиями. Однако задача научной этимологии не только в установлении истоков заимство-

[1] Этимология данных слов дана в этой работе в соответствующих местах, см. библиографию.

ванных слов и характера их адаптации, но самое главное – исследование богатейшего основного словарного фонда языка, которое может разъяснить, как, каким образом создается язык, почему тот или иной предмет называется так, а не иначе. А для выяснения предполагаемой этимологии нужна целая система доказательств лингвистического порядка: фонетические, словообразовательные, семантические. Кроме того, необходимы и экстралингвистические факторы, т.е. факторы истории, этнографии, фольклора, чтобы иметь ясное представление о том предмете, которым данное слово обозначается. Однако некоторые этимологи предпочтение отдают, особенно в последнее время, словообразовательному анализу, тем более что он носит системный характер в отличие от фонетического аспекта, как это свойственно абхазо-адыгским языкам, где до сих пор не удается установить строгую закономерность фонетических соответствий, что имеет место в индоевропейских языках. Анализ существующих или существовавших в глубокой древности словообразовательных аффиксальных чередований – это один из наиболее важных исследовательских приемов, с помощью которых ученым удается проникнуть в самые сокровенные тайны происхождения слов. Одни слова образовались по моделям, действующим в современном языке, а в других – произошли исторические изменения, и их состав определяется с помощью этимологических изысканий. Среди старых встречаются все структурные типы слов, характерные для языка.

Однако необходимо отметить, что этимология не может, не располагая достаточным материалом, определять историю слов, относящихся к древнейшим недоступным этапам развития языка. По этому поводу О. Есперсен писал: «Необъясненной остается ранняя стадия, не доступная для изучения материала, и ее надо воспринимать, как она есть».

Задачей этимологии является именно восстановление доступных этапов истории слова, вскрытие причин, приведших

к возникновению слова, определение его важнейших родственных слов. Это все так или иначе связано с проблемой происхождения языка.

Некоторые ученые полагают, что путем изучения истории происхождения отдельных языков устанавливается как образовались те или иные конкретные языки но невозможно уяснить как возникла человеческая речь, что из себя она представляла, ибо изначального языка давно нет, он давно изменился. Отдельная же часть специалистов полагает, что этимология в некотором роде проливает свет и на возникновение человеческой речи [Чикобава, 1953: 127].

Объяснить происхождение языка – это значит выявить те условия, в которых мог зародиться язык, те условия, при которых человек мог начать говорить. Одна из трудностей этимологизации слова состоит в том, что лексическая структура языка не является постоянной, неподвижной, напротив, она изменчива, динамична, эволютивна по своему характеру и всегда находится в состоянии становления. В изменениях языка находят отражение изменения жизни народа, его культуры. Язык – правдивый свидетель истории народа. Некоторые смысловые и словообразовательные связи могли утрачиваться, ибо каждый язык находится в процессе постоянного изменения.

В связи с этим не все слова объяснимы с помощью материала современного языка. Для этого этимологу необходимо обратиться к истории слова и восстановить утраченные когда-то древние связи между ними. В языках с древней письменностью сделать это легче. В частности, в русском языке легко восстановить историю слова «завтра», что оно из «за-утра», т.е. «время, которое следует за утром», ибо эта форма сохранилась в письменных источниках, она звучала еще во времена Пушкина. А в абхазском языке эквивалент этого слова «уаҵәы» объяснить таким образом нет возможности. Здесь надо искать другие пути. При этимологизации необходимо учиты-

вать прежде всего, все способы словообразования, известные в языке, как старые, так и новые: лексико-семантический, лексико-морфологический, морфологический. Говоря о трудностях этимологизации, нельзя не упомянуть те трудности, которые связаны с особенностями северо-западных кавказских языков. Это прежде всего факт преобладания в структуре данных языков моноконсонантности простых основ. В частности, последние в большинстве случаев состоят из одного только согласного звука, что делает в большей части случаев этимологические сближения почти невозможными. Другая трудность – это наличие большого количества омонимов, что приводит к смешению с полисемией. В частности, в абхазском языке до сих пор не определена многозначность элементов цс //цс′ – это результат омонимонии или полисемии? Наиболее древним образованием принято считать соединение первичного корня с каким-либо аффиксом, который когда-то представлял собой самостоятельное слово, лишь после долгого исторического развития, превратившегося в частицу, включаемую в состав связанного или не связанного корня, потеряв свое былое значение, свой смысл как самостоятельное слово. В некоторых случаях, однако, связь многих несамостоятельных слов с самостоятельными не подлежит никакому сомнению. Можно привести целый ряд примеров, сохранивших очевидную связь по значению со многими самостоятельными словами, так, например: преверб-основа, послелог аҫы восходит к именной основе аҫы «лицо, лицевая сторона, рот»; преверб-основа, суф. лишения да – к именной основе ада «вена, артерия, основание, опора»; преверб-основа, локативный суф. ҭа – к именной основе аҭа «место», сохранившегося в самостоятельном виде в абазинском языке; послелог за, аффикс интенсивности качества, действия, признака к слову аза «пядь» (мера длины); показатель настоящего времени уа – восходит к глагольной основе аура – «делать», с которой происходит вторичное обобщение – грамматикализация в значении «делать постоян-

но что-то», соответствующее значению настоящего времени – выражение процесса в его течении (дацхьа-уа-ит-дацхьоит).

Таким образом, в процессе развития языка слова утрачивают древнейшие связи между собой, изменяя фонетический состав и семантику. Это особенно характерно для флективных языков, которые в отличие от агглютинативных языков, обладают внутренней флексией – выражение грамматической формы внутренним изменением гласного звука основы, ср. foot – feet «нога – ноги». Таким образом, флексия служит основным средством словоизменения. В связи с этим связь между морфемами и их слияние сильнее чем в агглютинативных языках, в которых нет ни фузии, ни слияния аффиксов с основой (ср. русск. друг – друзья, но абх. аҩыза – аҩызцәа.

Обычно этимологические изыскания начинаются с выявления композитов, поскольку в прошлом, как и ныне, словосложение использовалось в качестве основного способа образования новых слов, при этом нельзя исключить изначально наличие сложных и производных основ. Сказанное применимо к двусложным, многосложным основам, а также к односложным словам закрытого типа, ибо они связаны с проблемами разграничения омонимии и полисемии.

Еще А.Мейе отмечал, что малоконсонантный характер фонологической структуры корней и основ затрудняют этимологические изыскания, ибо для односложных слов открытого слога характерно создание слов одинакового звучания, что неизбежно ведет к смешению явлений омонимии и полисемии. Однако очень часто разные значения одного и того же слова расходятся между собой так далеко, что смысловая связь между этими значениями утрачивается и начинают считать их самостоятельными словами, лишь случайно совпавшими в своем значении. Если два явления называются словами, образованными от одного корня, то для Аристотеля это служит надежным свидетельством наличия внутренней связи между данными явлениями. Языковые явления обязательно должны

отражать связи реальной жизни. Безусловно при этом нельзя отрицать наличие и случайных совпадений.

Искусство этимолога именно в том, что он находит то связующее звено, которое позволяет говорить об общности происхождения. В частности, наличие одной и той же морфемы в ряде слов свидетельствует о родственности этих слов по какому-то определенному признаку. Морфемы выделяются в слове на основании сопоставления данного слова с другими словами, имеющими те же морфемы. Как известно, при наименовании предмета берется один из его существенных признаков. Эти признаки могут быть собственными (качество, свойство, количество) или относительными, отражающие их связь с другими предметами (пространственные, временные и т.д.). Ярким примером может служить слово абла «глаз», состоящее из б от глагольного корня абара «видеть» и суф. ла со значением парности, совместности, соучастия. Слово абла первоначально означало: букв. «совидящий» (из двух один). Для выявления этой истины необходимо было установить словообразовательную модель, к которой относится данное слово. Таковыми оказались слова, образованные суф. ла, эквивалентным русскому предлогу «со» (сотрудник, собеседник), широко представленному в словообразовании. В одних случаях суф. ла представлен в окаменевшем виде, неотделимой частью корня, как в рассматриваемом выше слове, так, например, в ацӏ-ла «дерево» из тӏ «врытый» и ла «совместно», букв. «соврытый»; атәы-ла «страна», из атәы «собственность» и ла – «со», букв. «совместная собственность». Суф. ла встречается и в живом употреблении, где его семантика четко обозначена: амаҳә – амаҳәыла «зять – свояк», ацӏа – ацӏала «невестка – свояченица», амҩа – амҩала «путь – спутник»; ақәра – ақәла «возраст – ровесник» и др. В слове абла «глаз» в дальнейшем выпадает корневой элемент б и остается суф. ла, который, потеряв свою первоначальную функцию «парности», берет на себя функцию корня: абла – ала. Однако в со-

временном абхазском языке используются оба варианта: абла – в приподнятом стиле, ала – разговорном, просторечном. Таким образом, в вопросах словообразования и морфемного строя основ наблюдаемые определенные трудности связаны с тем, что основы, представленные в современном абхазском языке, как простые нечленимые словарные единицы, диахронически оказываются сложными, производными, состоящими из различных основ или содержащими различные окаменевшие части. В качестве примера можно привести еще слова из номинации земноводных животных: адаҕь «лягушка» состоит из ада – «основа, опора» и ҕь «выпученный, немигающий». Совершенно очевидно, что «лягушка» получает свое наименование из представления о ней как о существе, прилипшем к какой-либо опоре (о тверди, чаще, корней дерева), кажущемся таковым из-за своих передних, коротких ножек с выпученными немигающими глазами. Таким образом, при номинации в качестве мотивирующего признака выделены внешние данные лягушки, особенно бросающиеся в глаза, хотя могли быть выделены и другие, не менее важные признаки, как например, в рус. лягушка получает свое наименование по признаку: лягать – длинными задними ножками и суф. – ка (ляга «бедро, нога» – лягуха – лягухка – лягушка) [Шанский, 1971:251].

По аналогии с лягушкой свое наименование получает и «жаба» – адажә. Состоит из того же корня ада «опора» и вместо ҕь – жә, указывающий на ее габариты: «огромный, большой», т.е. отличительный признак от лягушки. Элемент **да** встречается и в других наименованиях земноводных: адыҕаҷиа «рак», амыдаҕь «головастик».

Примером окаменения грамматического показателя в составе слова может служить слово аҭаацәа / аҭг/ацәа «семья», состоящее из аҭаара // аҭг/ара «посещать» и суф. Цәа – показателя мн. числа. Слово аҭаара//аҭг/ара, в свою очередь, расчленяется на ҭа от аҭа «место», сохранившееся в самостоятельном виде в абазинском языке и аара/г/ара «приходить»,

букв. «приходящие, посещающие место (один очаг)».

Судя по вышеизложенному кажется излишне доказывать важность и необходимость изучения истории слова, но, к сожалению, для абхазского языка она вдвойне важнее. Это вызвано прежде всего тем, что сегодня, когда Абхазия стала самостоятельной, освободившейся от диктата Грузии, возникла необходимость пересмотреть весь научный материал, созданный в период культа личности и застоя и дать соответствующую оценку кавказскому языкознанию, восстановить подлинную историю абхазского языка. Это необходимо сделать, тем более что отрицание истории абхазского языка до сих пор кочует в научных трудах кавказоведов, где эта школа успела пустить свои корни: на Северном Кавказе, в Москве и даже за рубежом, где так или иначе изучались кавказские языки.

Мы не должны забывать, что для грузинских ученых любого толка первоочередной задачей было – ассимилировать абхазов, присвоить их территорию, и с этой точки зрения мы должны подходить к их теориям и учениям. Это – политическая задача Грузии, которая диктовала грузинским ученым необходимость полного отрицания самостоятельности истории Абхазии и роли ее языка на Кавказе. Они к этому подталкивали и некоторых своих учеников – представителей других кавказских языков, которые охотно подхватили предвзятую теорию об одностороннем характере заимствования по отношению к абхазскому языку, решив этим «услужить» своим языкам за счет абхазского языка [подр. об этом: Шагиров, 1989].

Вопросами абхазской этимологии занимались и до возникновения иберийско-кавказской школы языкознания, еще со времен П.К. Услара, но это были в основном отдельные слова, рассматривавшиеся без учета их связи с другими словами – изолированно, единично. В них постоянно приходится сталкиваться с тем, как исследователи, недостаточно знакомые или вовсе незнакомые с фактическим материалом, большое значение придают созвучиям, далеко не всегда убедительным.

Нельзя, например, возводить абхазское слово акәац «мясо» к индоевропейскому gwow или аиха «железо, топор» к ayah [П.К. Услар, 196:143]. Значение и звучание слов в языках иногда могут совпадать благодаря чистой случайности (ср. рус. «косынка» и абх. «акасы»). Подобные случайные совпадения ничего не говорят ни о заимствовании, ни о родстве. Ведь известно, что многочисленные слова в каждом языке создаются комбинациями ограниченного количества звуков. Ясно, что при этом непременно должны быть случайные совпадения, вероятность которых не очень велика, но есть. В то же время у того же П.К. Услара находим вполне допустимые этимологии, так, например, арцызба «юноша» (достигший призывного возраста), букв. «ведущий армию», арахә «скот», «богатство, прибыль», из ра «множество» и ахә «цена», букв. «имеющий цену», абцьар «вооружение», аналогичное ацьбара «крепкий, сильный» и др. Как известно, в начальный период этимологических исследований еще не была выработана какая-либо методика, и если иногда появлялись вполне допустимые этимологии, то этим мы обязаны в основном языковому чутью незаурядных языковедов, таких как: П.К. Услар, А.Н. Генко, Н.Ф. Яковлев и др.

Как известно, в начале XIX в. усилиями немецких ученых Ф. Боппа и Я. Гримма, а также датчанина Р. Раска и некоторых других лингвистов на базе сопоставления некоторых индоевропейских языков были заложены основы сравнительно-исторического метода в языкознании.

Этимология как наука сформировалась именно в этот период вместе с возникновением сравнительно-исторического метода. Безусловно, вопросами этимологии занимались и до этого, но, как было отмечено выше, они были в большей степени несостоятельны, несовершенны, а иногда и нелепы.

Но и в последующее время с возникновением этимологии как науки также продолжали появляться, хотя в меньшей степени несостоятельные, а порой и нелепые этимологии. А это

вызывало и вызывает всегда у некоторых скептическое отношение к этимологическим исследованиям и даже откровенную насмешку. Такое отношение к этимологии в достаточной степени обоснованно, ибо попытки этимологизации непонятных слов и названий всегда вызывает интерес, как у многих языковедов, так и у далеких от языкознания людей. Чаще этимологии основаны на безудержной фантазии их авторов: одни стремятся все сводить к своему родному языку, исходя из патриотических побуждений, другие – из каких-то корыстных целей. Чаще же это происходит из-за отсутствия какого бы то ни было представления о методах этимологического анализа слов, в основном опираются на случайные сходства звукового и семантического порядка. Участи иронии и насмешек не избежала и абхазская этимология. Замечательный абхазский сатирик Ш. Чкадуа, подражая некоторым нелепым, смешным этимологиям, слово акамбашь «буйвол», известный своим пристрастием к огородам, этимологизирует таким образом: акамбашь из аганбашь, означающий якобы «со всей огромной тушью сбоку наваливающийся на ограду». Для подтверждения приводит пословицу: акамбашь ахул абон, ааанда абомызт – «буйвол не замечал ограду, но видел капусту».

В настоящей работе в орбиту этимологических исследований вводятся целые семантические группы, которые позволяют анализируемые лексемы и их морфемный состав рассматривать как элементы целой системы.

Все изменения в языке – фонетические, морфологические, семантические происходят не хаотически, а закономерно и все они связаны между собой неразрывными нитями. Но семантический анализ считается самым сложным, ибо в нем системность и закономерность изменений, как установлено, не столь очевидны, как в области фонетики и морфологии. Но определенная закономерность изменений все же имеется. Эта закономерность проявляется уже в наличии отдельных типов общих причин семантических изменений. В разных языках

нередко происходят одинаковые, часто независимые друг от друга семантические изменения. Этот типовой характер изменений значения слова объясняется общностью мышления человека, общностью, которая проявляется, несмотря на различия, существующие между языками. В данной работе делается попытка установить первоначально, из каких элементов и на какой семантической основе образованы интересующие нас слова.

Работа состоит из этнографического описания с целью создания историко-этнографического фона для лучшего понимания раскрываемых данных этимологии. Язык непосредственно связан с трудовой и общественной деятельностью народа, и нельзя рассматривать его в отрыве от исторических условий, на фоне которых он функционировал. В связи с этим этимологические разыскания приводят к выводам, имеющим отношение к истории общества. Неправильное ошибочное решение этимологии может привести к искажению истории общества. Мейе считал, что невозможно понять язык, не имея представления об условиях, в которых живет народность, говорящая на этом языке. По этому поводу он писал: «Ни в чем этнос не раскрывается так полно, так широко, так тонко и неповторимо, как в его языке». Б. Броневский отмечает: «Язык абхазский имеет сходство с черкесским, однако почитается за особенный диалект и разделяется на несколько наречий. Если бы кто занялся поверкою словаря кавказских диалектов, оставленного Гюльденштедтом, означая в точности произношение горских народов, испорченное немецким правописанием, оказал бы великую услугу исследователям происхождения народов» [Броневский, 1823: 65] (Труды АГУ, Сухум, 2011. Ст. 293-301.).

МОРФЕМЫ И ИХ ВИДЫ

Как полагают, в древнейший период имена и глаголы были слабо дифференцированы между собой в смысловом отношении.

Глагол сближается с именем в силу того, что в абхазском и абазинском языках он выражает не столько действие как процесс (подобно другим некавказским языкам), сколько результат действия, так как результат действия (законченное) уже не может считаться совершающим процессом, а как бы опредмеченным, стабильным состоянием или качеством. Таким образом, глагол сближается своим основным значением с именами, носящими предметные, качественные, количественные значения. По этому поводу Н.Ф. Яковлев пишет: «Первоначально в абхазском языке, как во всех других языках, деления на глагол и имя не существовало, а была лишь одна общая часть речи, которая могла употребляться без всякого специального оформления. Современный абхазский еще сохранил некоторые пережитки этого состояния, благодаря чему глагол и имя переплетены друг с другом теснее, чем в более поздних языках» [Яковлев, 2006 (1950):154].

В дальнейшем глагольные основы, приобретая различные форманты числа, лица, времени, наклонения, пространственных превербов и др., получают возможность выражать процессуальность, что ведет к четкому разграничению имен и глаголов [Генко, 1955:78].

Подтверждением могут служить чистые основы глагола без формантов, которые употребляются чаще в значении имен в собственном смысле: ахра «точить» – ахы «пуля», ачара «питаться» – ача «хлеб», ацәара – ацәа «спать – сон»; ашьара «трескаться», кровотечение – ашьа «кровь», аччара – ачча «смеяться – смех», асара «разрезать» – аса «кусок» и др. Чистые основы часто выступают в роли определения: асы рбылгьа «скатанный снежный ком» от абылгьара – «скаты-

ваться, катание»; аԥьыԛхы «толченая соль» от аҳра «толочь», аг̧ахара «застрять где-либо, в углу», ауаҩы г̧аха – «отсталый человек»; анагара – «отнести, отвезти (туда)» – ауаҩ нага – «известный человек»; видный; ахьчара – пасти – ахьча «пастух», аԥс’ра – «умереть» – аԥс’ы «мертвый» и др.

Этим объясняется, что одни и те же морфемы могут быть использованы как в именах, так и глаголах. Морфемы делятся на корневые и аффиксальные. Последние оказались таковыми в результате постепенной утраты ими своего былого, самостоятельного, вполне реального значения [Генко, 1955:85]. Этот процесс – переход корневых в аффиксальные – происходит постоянно в процессе исторического развития языка, поэтому это деление по существу относительно. Аффиксальные морфемы, занимая разное положение в слове (префиксы, суффиксы, инфиксы), выполняют различные функции – словоизменительную и словообразовательную.

Еще Н.Ф. Яковлев делил значимые части слова на самостоятельные и несамостоятельные семы (морфемы). Самостоятельные – это те, которые образуют отдельные слова и части слова, а несамостоятельные могут быть только в составе слова. Но и они, как он отмечает, когда-то были отдельными самостоятельными словами и лишь после долгого исторического развития, потеряв свое былое самостоятельное значение, свой смысл, включились в состав других самостоятельных слов.

Н.Ф. Яковлев также отмечает, что некоторые из них до сих пор сохраняют свою связь с самостоятельными словами. Для подтверждения он приводит некоторые примеры: а̧ы «лицо», послелог «внутри, в»; ахы «голова» – аханы «во главе, головное место», аԥа «дно» – аԥаҟа «под», иҟы «долби», аҟра «долбить» – ҟа – послелог (аҩныҟа «домой»), ар «толпа, сборище, войско» – ар суффикс множественности и др. [Яковлев, 2006 (1950):149].

Итак, на основе вышеизложенного можно сделать обобщающий вывод: все изменения в языке – фонетические, мор-

фологические, семантические – происходят не хаотически, а закономерно. Таким образом, в целом словообразовательный процесс носит закономерный характер, в котором используются как строительный материал известные в языке единицы (морфемы) и все они связаны между собой неразрывными нитями. Однако системность и закономерность изменения в языке не одинаковы. Они более очевидны в фонетике и морфологии, в отличии от семантики, хотя имеются определенные закономерности в изменении значения слова. Это, например, наличие типовых и общих причин семантических изменений. Иногда значение слова изменяется столь существенно, что оно приобретает прямо противоположный смысл (ср. хуызмам – дешевый, ничего нестоящий – бесценный, дорогой). В данной работе предлагается история развития некоторых морфем, широко представленных в словообразовании.

Морфема аа/г/а. Морфема аа/г/а реализуется в следующих функциях:

1. аа//г/а – «указательная частица», указывающая на предметы, видимые, близко расположенные к говорящему лицу (аа ашәкә – «вот книга», аа ахоны – «вот дом»). Встречается и во многих кавказских языках, в частности, в адыгских языках – а тхылыр – «эта книга», в картвельских – аи цигни («вот книга»). Полагают, что она междометного происхождения, одни считают её генетически общей для всех кавказских языков, а другие – общей для абхазо-адыгской семьи языков.

2. аа/г/а – преверб направления по горизонтали, указывающий на направление действия от объекта к говорящему лицу (дааит, дг/аит «пришел оттуда сюда»). Данный преверб выражает также степень длительности действия в пространстве и во времени (способы действия). Это возможно особенно в глаголах движения, ибо в них наиболее полно могут демонстрироваться все степени длительности в силу того, что морфема аа/г/а может быть протягиваема по усмотрению. Может

выражать самое короткое проявление действия в пространстве и во времени до самого длинного.

Таким образом, направительный преверб аа/г/а выражает, с одной стороны, направление по горизонтали к позиции говорящего лица, с другой – пространство, имеющее значительную протяженность, которую можно удлинить или укоротить в зависимости от контекста. Эта особенность дала превербу аа/г/а возможность использовать для выражения различных способов действия, т.е. качество действия, за исключением некоторых видов интенсивности или ограниченности действия, так, например: дҭалеит – «вошел» (вообще), но дааҭалеит – «вошел, охватив большое пространство». Преверб аа/г/а может выражать следующие способы действия: исчерпанность, основательность действия (урҭ сгәы зынза иаацырцәеит – «они мне совсем надоели»); ослабленность действия (сааццакит акыр – «немного поторопилась»); непродолжительность действия (дааҭгылоит акыр атротуар ахьаанцәо – «приостанавливается в конце тротуара»); прерывистое действие (ашәҭ бҕьыцқәа аақонацсуан – «лепестки цветов иногда залетали сюда») и др.

Морфема аа/г/а также используется в словообразовании в основном в значении «сюда, близко»: аагара «приносит сюда», аабыкьа «недавно», аагылара «остановиться (здесь)», аазара «воспитать», букв. «довести до определенного срока», ааигәа «недалеко», «недавно», ааигәара «близко», аарыхра «выращивать», аахуара «купить», букв. «взять сюда (к себе)», аамҭа//г/амҭа «время», из г/а/аа от а/ара/аара «приходить (сюда)», «всходить (растение, волосы)», «наступать» и мҭа «след», «следствие».

Морфема аа/г/а встречается также в качестве суффикса в большинстве случаев с сохранением семантики направления в производных глаголах (алкаара «понять», «выделить», ацаара «спрашивать», азцаара «о чем-то спросить», «выпрашивать», аҭпраара «выпорхнуть», ацшаара «искать», ацхыраара «помогать», букв. «что-либо направить к себе») и др.

Морфема г/а/аа и в качестве суффикса может выражать также различные способы действия: ослабленность, длительность, исчерпанность, интенсивность проявления действия, качества, признака (даара «очень», аԥәаара «визжать, вопить, кричать», ахаа «вкусный, приятный», аҳәаа «граница», аԥаара’ «тускнеть», ср. аԥа’ара «посетить, приходить в гости» (оттуда-сюда), аԥаара «собирать урожай, сбор (винограда)»).

Морфема <u>ба</u>. Образует целый ряд звукоподражательных комплексов и слов: абыҟ «бух» – звук падения больших предметов, быѡѡы «муу» –подражание мычанию быков, абыбра «реветь» (о медведе), абарбарра «болтать, болтовня, бахвальство, пустословие», абадақь «бахвальство», абаба «пушистый, пышный (ачабаба «буханка хлеба»)», абабира «разросшиеся, опухание (дбабаза дчит «вздувшись, опух»)», абԥьааҳәа «мгновенно, быстро». Морфема <u>ба</u> в словообразовании широко представлена именно в этих значениях: пушистый, пышный, легкий, увеличившийся в объеме, большой, опухший, вздувшийся. Таким образом, ее наличие в том или ином слове в некоторых случаях пока еще мотивировано, но в современном абхазском языке в большей степени морфема <u>ба</u>, превратившись в немотивированный простой символ, выступает в качестве словообразовательных морфем, чаще префиксов: абза «живой», абжьа «приручeнный», абжа «половина», абыкь «труба», алаба «палка», абѡа «медь», ѡба «два», хԥа (ба) «три» и др. Теперь перейдем к тем словам с морфемой <u>ба</u>, с которыми абхазский языковой материал дает возможность в той или иной степени определить их происхождение.

Аб «отец», аб «козел», абаԥъ «нехолощеный козел». На наш взгляд, исходным значением данного термина было – «большой», стало быть, самый сильный, крепкий, возникший вначале в стаде, в коллективе, а затем в семье (об этом подр.: Гублиа, 2004:125). Термины родства, по мнению З. В. Анчабадзе, появились позднее, соответственно и термин аб

«отец» появился тогда, когда еще не было каких-либо форм семьи и брака, когда люди объединялись в родовые эндогамные коммуны, состоявшие из небольших групп в несколько десятков человек, со своими вожаками [Анчабадзе, 1964:20]. На наш взгляд, эти вожаки и есть «отцы» – аб. Подтверждением могут служить некоторые слова, где морфема (а)б выступает в значении «большой, сильный» – абҕа «хребет», абҕаб «тур», ахыб «крыша, кровля», абырг «пожилой, почетный», абылра «пожар», «гореть», «возгорание», ср. абырқь – звукоподражательный комплекс, выражающий «внезапный охват огнем большого объекта», абцьар «оружие», «вооружение», абна «лес», букв. «большое пространство (заросшее деревьями)», абара «видеть», букв. «охват большого пространства», для семантики ср. абара «суша», абаҟа «памятник», ср. абақ «бух», имитация падения тяжелых, больших предметов.

Морфема ба образует целый ряд указательных местоимений и наречий со значением «видеть»: абар «вот» (нечто видимое), абан «тот» (видимый), абри «этот», абас «таким образом» и др.

Абг/а/абаа «крепость», каменное здание, дворец, «башня», развалина, гниль».

Некоторые исследователи данное слово возводят к чеч.-инг. bwau/bwou/vwov (j) «башня оборонительная или жилая». Однако с чеч.-инг. допустимо связать не абг/а/абаа, а более близкое по фонетическому облику и семантике иное абх. слово абора «хлев», «буйволятник», представленное и в мегр. языке абоура/абуура «хлев», в каб. боу, адыг. бы «нора, берлога» [Шагиров, 1977:101].

Слово абг/а/(аа) допустимо членить на два компонента б(а) «большой» г/а/аа – корень-суффикс со значением охвата большого пространства, для семантики ср. со словом аҭбг/а// аҭбаа «широкий, просторный» (аҩнаҭа ҭбаа «большая традиционная семья»), «широкий». Морфема г/а//аа, как отмечалось выше, широко представлена в словообразовании, как в

качестве префикса, так и суффикса, образуя многочисленные производные имена и глаголы, выражая направление оттуда – сюда и различную степень длительности в пространстве и времени. Таким образом, слово абг/а/абаа должно было означать «нечто просторное, широкое, охватывающее большое пространство».

Абжьы «голос»: членимо на б и жьы. Для семантики б ср. его присутствие в словах абарбарра «болтать», «бубнить», «пустословить», абыбра «реветь, голосить громко».

Таким образом, б – звук, возникающий вследствие колебаний человеческих связок при разговоре, крике, реве, имитирующий определенный процесс разговора, говора. Суф. – корень жьы тот же, что в целом ряде производных глаголов, выступающий в значении «бросать, выбрасывать»: акажьра «бросать», аҽажьра «бросить в лицо», алажьра «забросить», аҭажьра «бросать что-н. тяжелое внутрь чего-н.», аужьра «отпускать», аныжьра «оставлять» и др. Исходя из вышеизложенного, слово абжьы можно этимологизировать как б – «нечто громкое» (произносимое) и жь «бросать», «выбрасывать», букв. «нечто выбрасываемое, выпускаемое (изо рта)».

Абахҭа «тюрьма». Как известно из фольклорных, этнографических и письменных источников, в древности у абхазов не было как таковых тюрем наподобие современных. Тюрьмами служили крепости, куда загоняли пленных и отбитый скот. А внутренних преступников не сажали в тюрьмы, а наказывали по законам кровной мести, чаще изгнанием из общества.

Преступник должен был наказываться и осуждаться, прежде всего, своим собственным родом. Свидетельством тех времен может служить слово абаандаҩы – «арестант, преступник, заключенный, арестованный», состоящий из абаа «крепость», андара «водворить», букв. «водворенный в крепость». Соответственно с этим и слово абахҭа можно было бы объяснить, связав его со словом «крепость» таким образом: абаа/аба/а крепость, х – суф. со значением «застрять», ҭа «место»,

букв. означающее: «место, где остаются, застревают». Для семантики х, ср. его присутствие в словах: анхара «остаться», аҽахара «застрять» (на скале), алахара «застрять» (в лесу), аҭахара «застрять» (в яме), «погибнуть» и мн.др.

Однако принято считать, что слово абахҭа возникло под влиянием русского быта после присоединения Абхазии к России. Возможно, оправдано и то, что его связывают с другим, пришедшим также из русского языка словом вахта, в свою очередь идущего из нем. wacht – «стража», «караул», производного от wachen – «сторожить, бодрствовать». В таком случае абахҭа первоначально должно было означать: «охраняемое». В самом же русском языке слово «тюрьма» полагают заимствованным из тюрк. языков, в которых тюрьма – «заключение» от тюрк. «класть», мя – суф. (Шанский, 1971:148).

Слово абахҭа стало особенно зловещим и распространенным, когда в Абхазии начались массовые выступления населения против усилившегося царского колониального режима в Абхазии. Как известно, в то время (40-е годы XIX в.) возродилось в массовом порядке абреческое движение, когда в знак протеста против существующего порядка люди выходили из повиновения и подавались в лес.

Тогда абреки зарекомендовали себя в среде народа как рыцари правды и справедливости, как спасатели отечества. А царские чиновники смотрели на них как на разбойников и преступников. Их ловили, ссылали в Сибирь, сажали в тюрьмы, вначале в Кутаиси, а затем начали строить и внутренние тюрьмы. Об этом свидетельствуют рассказы, путевые заметки, докладные записки участников и наблюдателей этих событий, протекавших на территории Абхазии в середине XIX в. В частности, кутаисский генерал-губернатор, непосредственный участник очистки Дала и Цабала, подробно описывает, как ловили и уничтожали, сажали в тюрьмы этих абреков: это – Халилбей Амаршьан, Шабат Амаршьан и др. И сегодня нельзя без содрогания читать строки, в которых он описывает,

в частности, с каким изощренным коварством был пойман с помощью мегрельского князя Дадиани Халилбей Амаршьан. А вот что он пишет об убитом князе Шабате Амаршьан: «Статный, ловкий, отчаянный Шабат лежит недалеко от Марамбы вдали от темного ущелья и грозных скал, на зеленой возвышенности, под сенью роскошных фруктовых деревьев, где ничего ни мрачного, ни ужасного; лежит прах убитого князя Шабата Маршьан. Из уважения к его роду на его могилу приходили плакать знаменитые князья Абхазии, Цебельды и Самурзакана» [Из книги И. Хварцкия «Абхазские сказки»].

Здесь в полной мере подтверждается старый и верный тезис о связи истории слова с историей народа, а также о связи истории слова с историей обозначаемой вещи. Все абхазы, к какой бы социальной категории они ни относились, были в отчаянии, что окончательно теряют свою независимость, что толкало многих к безумству («безумство храбрых»).

В это страшное время особенно трагична была судьба князей, владетелей, дворян, которых просто убирали – ссылали в Сибирь, расстреливали. А ведь они играли немаловажную роль в сохранении независимости своей родины, веками не уступая ни клочка земли желающим захватить ее, а, как известно, этих желающих всегда хватало во все времена.

Морфема ka. Морфема ḳa, как и все другие морфемы, должна восходить к какому-либо имени с конкретным значением. В современном абхазском языке морфема ḳ(а) выступает в роли обстоятельственного аффикса места, послелога места и направления, а также в качестве преверба-основы в глаголах – аḳалара «сделаться, превратиться, созреть», аḳазаара «быть, существовать, находиться», ср. ара сыḳоуп «я здесь», сыḳоуп «я есмь», аḳацара «(с)делать». По мнению К.В. Ломтатидзе, ее исходное значение хорошо сохранилось в послелоге – места (аѳныḳа «домой») и в обстоятельственном префиксе места (дахьыḳоу «где он находится»). Это значение

– «место», она связывает с груз. словом ḳана «нива», исторически означавшее «земля», «место», ср. квеḳана «страна» [Ломтатидзе, 1956:225].

Некоторые ученые (П. Чирая, Н. Марр, Арн. Чикобава) морфему ḳа выделяют и в основе груз. глагола ḳав, иḳо – был, ḳо «сделал», ср. абх. аḳазаара «быть, существовать», иḳоуп «есть», букв. «на месте есть то», «находится, существует», иḳоуи? «как дела?» букв. «что есть?», иḳази – «что было?» и др. По мнению К.Л. Ломтатидзе, некогда в абхазском языке должно было существовать имя с корнем ḳа в значении «место».

На наш взгляд, исходное значение представлено в утвердительной частице ыḳы/аḳа «да».

Морфема ḳа образует целый ряд звукоподражательных слов: аḳарḳарра «кудахтать», аḳыжḳыжра «визжать», аḳыжәбыжәра «лепетать», аḳыр-ḳырҳәа «громкий хохот», аḳырҿ «кусать» (с хрустом), аḳыжҳәа «вонзить» (со всей силой), аḳаԥ-ḳаԥ «деревянные шлепанцы», по звуку издаваемому ими при ходьбе, аḳырḳы «горло», по звуку, образуемому в горле, аḳаара «кричать, мычать, реветь», аḳра «топтать, трамбовать», аḳара «рассекать». Последнее значение широко используется для создания производных глагольных основ: арḳара «делать просеку (в лесу)», аԥḳара «порезать, резать», аԥḳара «бить, колотить, наносить удары, побить», аҭḳара «вырезать (узоры)», аḳḳара «то же».

От корня же аḳра «трамбовать, топтать» образованы имена абаḳа «памятник», «упругий, твердый, крутой», ашьаḳа «столб», где ḳа означает «утоптанный», агуаḳ «страдалец, мученик, несчастный», из гәы «сердце» и ḳ «растоптанный», амаḳа «пояс», аḳаԥшь «красный», где ḳ представлено в значении «быть», «наличествовать», аḳата «молодой, поросль», «молодняк», аḳаса «опытный, важный», аḳаԥа «крепкий (дḳаԥаза дыḳоуп «он крепок»)» и др.

Итак, на основании вышерассмотренных слов семантическое развитие морфемы ḳа можно расположить таким обра-

зом: быть, существовать – аҟацара, аҟазаара, аҟалара – «сделаться, созревать, находиться где-нибудь, случиться»; аҟра – «топтать, трамбовать»; аҟара, апҟара – «бить, колотить, сечь, резать, рубить», арҟара «прорубить просеку», арҟҟара «наносить узоры», аҟҟа «узор».

Морфема ҟа широко используется также в качестве послелога (аѳныҟа «домой», аусҳәарҭа аҟны «в сельсовете», адәахьыҟа «снаружи» и др.).

Морфема (цәа). Морфема цәа образует ряд звукоподражательных комплексов, звукоизобразительных слов, связанных в основном с жидкостью, с водой, с дождем: ацәцәаҳәа «градом, обильно» (идет дождь, выделяется пот), ацәырцәырҳәа «струей, фонтаном», ацәыртҳәа «мгновенно» (выплыть из воды), ацәыжҳәа «вонзить в мягкое тело (кинжал)», ацәара «выделение жидкости при процессе разложения, гниения», аҟуцәа «приток реки», букв. «обильно вливающийся», ацәцәа «звонок» и др.

Морфема цәа проходит несколько стадий семантического развития:

1. Сгуститься, плотно, густо расположиться. Концентрация как однородных, так и разнородных предметов.
2. Превратиться в результате слияния, уплотнения в единый предмет, в монолит.
3. Уничтожиться, исчезать, кончаться, ломаться (в результате слияния).
4. Интенсивность проявления качества, действия, признака.

Морфема (цәа) образует целый ряд именных и глагольных образований с вышеуказанными значениями.

Глагольные образования

1. Аилацәара «сдружиться, сблизиться, сгуститься, слиться».
2. Алацәара «распространиться, внедриться в какую-либо среду».

3. Анцәара «кончаться, уничтожаться, гибнуть», «изнемогать».
4. Аццәара «поломать», «кончаться», «прекратиться».
5. Ахцәара «резать, отрезать, отрубить, рубить, разориться».
6. Ахьцәырра «соскользнуться».
7. Алцәара «иссякнуть (силы)».
8. Ацәахра «прятать».
9. Аимцәара «разорить», «ограбить».
10. Акыдцәара «хлынуть, литься (о дожде)».
11. Амцәара «высыхать», «кончаться».

Именные образования

1. Аиацәа «звезда», из аи – префикс совместности и цәа «сгуститься, сплотиться, густо, плотно расположиться», букв. «густо, плотно расположившиеся». Из него развились названия цветов: голубой, синий, зеленый. Для более конкретного, точного разграничения затем называется тот или иной предмет с определенным цветом: ашьац цшшәыла «цвет травы», ахәацшшәыла «цвет золы (серый)», ажәҩан цшшәыла «цвет неба (голубой)» и др.
2. Ашьхыцә «рой пчел», букв. «скопившиеся пчелы».
3. Аҳәынцәры «пуговица». В старину пуговицы приготовляли из шерстяных или кожаных скрученных в один пучок нитей, из ҳә от аҳәра «скататься, свернуться», «быть скрученным» и цә «пучок».
4. Ашьыцәра «букет (цветов)», «прядь (волос)».
5. Агәацәа «печень», из гәы «овальный», цәа «уплотненный», «сгусток».
6. Аиқәацәа «черный», из аи – совместно, қәа от аиқәа «темный», цәа – суффикс интенсивности, букв. «темный очень, сильно».
7. Дгурҕацәа «радостно», букв. «сильно радуясь».
8. Асарцәи «запятая», букв. «сильно скрученный».
9. Аҳәынцәа «грязь», «слияние почвы с водой».

10. Арцәра «заквасить», «слияние молока с закваской», «засолить».
11. Ацьыктцәацәа «толченый перец с приправами», букв. «смешение различных ингредиентов», «смесь с солью».
12. Ацәа «яблоко», «нечто монолитное».
13. Ацәы «кол».
14. Ашхәцәы «качан (кукурузы)», из аш от ацш «кукуруза», ахәцәы «ветка», «ручка», «стержень».

Морфема (цәа) в своем семантическом развитии закономерно изменяет значение слова, и в некоторых случаях оно приобретает прямо противоположное значение, противоположный смысл (ацәара «истекать, жидкостью» – анцәара «кончаться, уничтожаться, гибнуть»).

Морфема (<u>ҳәа</u>). Это, прежде всего, звукоподражательные комплексы – аҳәҳәыҳәа «обильно, равномерно, плавно»; аҳәицә – ҳәицә «равномерно, раз за разом»; аҳәырҳәырра «семенить, катиться (по земле)», аҳәаҭа – ҳәаҭа «валить густо, равномерно, беспрерывно (о снеге)», аҳәылыҳәа «то же», аҳәицәхәицә «равномерно (размахивать)», аҳәҳәҳәа «плавное перемещение сыпучих веществ, беспрерывно».

Все значения данной морфемы обнаруживаются в образовании слов. Это, прежде всего, то, что принадлежит земному миру, земной сфере, низу – растительность, посевы, пастбища и даже низкорослые животные (прижатые к низу, земле): аҳәыҳә «голубь», аҳәынаԥ «мышь», ахәыс «теленок» и др. См. перечень:

1. Ахәра «пастись», «скатываться, свернуться, виться».
2. Аҳәи «бурьян, заросль».
3. Аҳәҭа «лощина».
4. Аҳәҳәара «сгребать (сено)».
5. Аҳәынаԥ «мышь», для семантики ср. аҳәырҳәырра «катиться, копошиться (в зарослях, траве)».
6. Аҳәынцәа «грязь, слякоть», «земля, смешанная с водой».

7. Аҳәыцш «лужайка».
8. Аҳәырҳәырра «семенить, катиться по земле».
9. Аҳәыҳә «голубь». Семантически связано с предыдущим словом, букв. «катящийся, семенящийся внизу».
10. Аҳәра «первозданная растительность».
11. Аҳәыгура «бугорок».
12. Аҳәаза «змея», букв. «ползающая (по бурьяну, растительности)».
13. Аҳәара «говорить, сказать», букв. «плавно, равномерно сыпать, выпускать нечто (изо рта)».
14. Аҳәарсҳәарсра «размеренно, ритмично двигаться, катиться по земле» о животных, детях и вообще низкорослых: аҳәа «свинья», аҳәыс «теленок», аҳәыҳә «голубь», аҳәаза «змея» (см. выше).
15. Аҳәаа «граница, межа, предел». Из ҳәа «земная сфера», аа – пространственный суффикс, указывающий на безграничную даль, простор, линия, где смыкается земля с небом.
16. Аҳәа «шашка», букв. «нечто равномерно размахиваемое».
17. Аҳәызба «нож», букв. «маленькая шашка», для семантики ср. ацхәызба – ацҳәысба «девушка», букв. «маленькая женщина».
18. Аҳәҵа – первая часть сложных глагольных основ, выражающих действие, совершаемое позади кого-чего-н., ср. аҳә – часть тела ниже талии.
19. Асҳәа «очаг». Состоит из с – окаменелый аф. возвратности и ҳәа – «низ, внизу».

Морфема ҳәа используется также для образования производных глаголов со значением совершать что-либо «небрежно, грубо»: ашәхҳәара «стаскивать одежду», аԥонҳәара «вывалить из дома», алҳәара «вонзить», ахҳәара «сбросить, стащить (небрежно), снять (с работы)», «сорвать сверху», атҳәара «вывалить из углубления».

Как выясняется, связь между словами, образованными морфемой ҳәа, совершенно очевидна и прямолинейна.

На первый взгляд, в синхронном плане слова далеко расходятся друг с другом с точки зрения семантики. Но при диахроническом рассмотрении выявляется то, что их объединяет.

Литература

1. Потиха З.А. Современное русское словообразование. М., 1970.
2. Филин Ф.П. К проблеме происхождения славянских языков. BR 5.
3. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949.
4. Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. Тбилиси, 1976.
5. Ломтатидзе К.В. К вопросу об исходных видах слов «рука», «нога» в абхазо-адыгских языках. ИКR Т. XV. Тбилиси, 1966.
6. Шагиров А.Н. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1989.
7. Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкеских) языках. Тбилиси, 1966.
8. Абдоков А.И. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик, 1965.
9. Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. Сухум, 2002.
10. Чикобава А. Введение в языкознание. Тбилиси, 1953.
11. Шанский. Этимологический словарь русского языка. М., 1971.
12. Генко А.Н. Грамматика абазинского языка. М., 1955.
13. Яковлев Н.Ф. Грамматика абхазского языка. М., 2006.
14. Гублиа Р.К. Вопросы абхазской этимологии.//Труды АГУ, 2011. Сухум. Ст. 301 – 308.

Морфема кә(а). Морфема кә(а) соотносится со звукоподражательными комплексами ақәқәа, ақәқәаҳәа, характеризующими слезы, дождь (унылый, нудный). Слезы обычно связаны с горем, печалью, скорбью, страданием. Этим, надо полагать, объясняется, что морфема кәа в словообразовании используется в некоторых случаях для выражения вышеуказанных значений. Однако основное, типичное значение ее – «верх, сверху, поверх» как в именных, так и глагольных основах.

Ақә «крыша, кровля, верх, вершина».

Ақәа/ақәеи «дождь». Второй вариант ақәеи членим на ақә «верх, сверху» и ауеи – ауаиа «ненастье, шторм, буря». Данный компонент в свою очередь образует немало слов с негативным значением: ауама «ужас», ауамага «ужастик, чудовище», ауау «похоронный припев», ауеимада «обильно льющиеся слезы», связанный с горечью, отчаянием и др. Ауеи имеет соответствие в адыгских языках в виде **уайа** «буря, ненастье». А.К. Шагиров данное слово расчленяет на **уа** «небо, атмосфера» + суф. йа/ей «плохой» и на этой основе абх. ауеиа причисляет к адыгизмам (Шагиров, 1989:30).

На наш взгляд, абх. ауеи→ауаи из аура «идти (о дожде)», аи→еи – оценочный суф., ср. ақәа ауеит «дождь идет», букв. «дождь делается».

Ақәашь «рок, судьба, доля, участь (обычно, несчастливая)», из ақә «сверху», шь – корень, связанный со значением «двигаться, надвигаться, ползти», для семантики, ср. акылшышьра «выползать».

Ақәра «возраст», ср. ақәра «быть на чем-то, лежать на чем-то, поверх чего-то», отсюда понятия – ус иақәып – иақәм «так положено – не положено». Исходя из этого, ақәра «возраст» допустимо объяснить как «сверху наложенное», ра – суф. собирательного множества (многое лета).

Ақәра «присяга, клятва, присягать, божиться», из ақә «сверху налагать», ра – масдар, который отпадает при спряжении, ср. дқәит «он поклялся».

Ақәла «ровесник», из ақә «возраст», ла – суф. совместности в значении рус. предлога – «со» – «соратник, собеседник», ср. абх. амаҳәыла «свояк», ацала «свояченица», амҩала «спутник» и др.

Ақәцә «макушка, верхушка», из ақә «верх», цә «край, макушка». Для семантики цә, ср. акьатрацә «макушка», аҿацә «край», амацәа «палец», букв. «край руки» и др.

Ақәақәа «комки жидкой грязи, теста, крупы, муки….» из редуцированной қәа в значении «нечто округлой, овальной формы (о каплях дождя)».

Ақәацә «хата, хижина с конусообразной крышей», из ақә «верх», цә «торчать», букв. «сверху торчащий».

Ақәыцьма «волк». П.К. Услар этимологизирует, на наш взгляд, справедливо, как ақә «сверху», ацьма «коза», букв. «таскающий козу» по аналогии с русским «волк» – «волочиться, волочащий (мелкий рогатый скот)» [Услар, 1887:10].

Ақәнага «следуемое, положенное (то, что положено)», из ақә «сверху», анага от анагара «нести туда», «дотянуться до чего-то».

Ақәылара «грабеж, нападение, набег», из ақә «сверху», ла – суф. со значением движения.

Ахықәкы «цель», из ахы «голова, верх, вершина», ақәкы от ақәкра «направить на что-л., решиться, прицелиться на что-то», букв. «голову направить на что-то».

Ахықә «край, кромка чего-л. (берега реки, моря, оврага, какого-л. события…)».

Ашақә «фырканье (лошади)»; через сложенные ладони выдыхать воздух с шумом, переносно – «бездельничать», ср. рус. «бить баклуши (первоначально – «раскалывать полено на баклуши-чурки»)». В словообразовании ашақә используется в значении «ради чего-то», чаще «нарочно, ради шутки»: хәмаршақә «шутки ради», кьафшақә «забавы ради», ҿырбашақә «фарса ради», но гәаҕшақә «со зла», машәыршақә «по несчастью, нечаянно» и др.

Аиқәмшәа «неудачник, несложившийся, несостоявшийся», из аи «рецепрок», ақәмшәара «не попадать (в цель)», ср. положительную форму аиқәшәа от ақәшәара «попадать (в цель)», букв. «готовый, исправный, наряженный, образцовый».

Азқәа «спина», из з – «ровный, гладкий», қәа «верх (о поверхности)», для семантики з, ср. иззаза «то же» (ср. «поверхность стоячей воды – ровный, гладкий, неподвижный»), аҟәзга «неподвижный, остолбеневший (о человеке)» и др.

Аиқәа «штаны, штанина» от аиқәра – сиқә «быть сложенным друг на друга, сложенный».

Аиқәа «темный», из аи «рецепрок», қәа «темнота (от пасмурной погоды, от дождя)».

Аиқәацәа «черный», из аиқәа «темный», цәа – суф. интенсивности, букв. «очень темный», ср. дгәрҧьацәа «очень радуясь».

Ахақәитра «свобода», из ахы «голова», ақәитра «иметь волю на что-л.», в свою очередь расчленяющийся на ақә «сверху», и – указательная частица, т – суффикс разнонаправленности действия. Данное слово имеет соответствие в адыгских языках, а также в некоторых кавказских, ср. адыг. хәытныҷ/а «то же», қвиҭ/хвиҭ «свободный, вольный, просторный». В специальной литературе принято считать адыгским заимствованием (Шагиров, 1989: 28).

Ақәцара «борьба», из ақә «сверху», ацара «прыгать», букв. «сверху прыгать».

Ақәаршыѡ «ливень», из ақуа «дождь», р – каузатив, ш – «пенистый», ѡ – «бегущий», букв. «пенисто бегущий дождь».

Ацәқәрца «волна», из цә «поверхность, наружность (моря)» и қәрца «бороться, биться», из қә – «верх», р – аффикс каузатива, ца – «прыгать», букв. «сверху прыгающий».

Ақәцсара «насыпать (сверху), набросать, обсыпать», из ақә «сверху», цса от ацсара «подметать, метать (нечто мелкое)».

Ақәкьара «соскочить с чего-л.», из ақә «сверху», акьара «метать, махать чем-то».

Аҽыкә «обочина», из аҽы «лицо, лицевая сторона» и қә «верх, край».

Ақәц «акация», из ақә «верх, сверху», ц «зубец», букв. «сверху зубцы».

Ақәатца «роща», из ақә «верх», тца «низ, дно (без зарослей)».

Ақәатәа «холст», из ақәны «лень», тәа – суф. принадлежности, букв. «из льна, льняное».

Ақәача «утка, селезень», из ақә «верх», ча от ачра «опухать, вздуться», букв. «сверху пухлый».

Қәсыца «прыжок (в длину)», из қәсы «коснуться, прикоснуться», ца от ацара «прыгать», букв. «коснувшись (поверхности земли), прыгать».

Амшақә «последний день, предначертанный день», из амш «день», ақәра «положить, лежать», букв. «положенный день».

Амыкәшәатә «ужас, несчастье», из м – аф. отрицания, ақәшәара «случиться», тә – суф. принадлежности, в целом «то, чего не должно случиться».

Ақәакьа «приплюснутый», из ақә «сверху», ькь от акьакьа «плоский».

Асақә «пудра», из аса «мелкий», ақә «сверху», ср. арссара «размельчать, разрезать (на мелкие части)», асса «размельченный».

Морфема қәа также широко представлена в глагольном словообразовании в качестве преверба-основы со значением локализации действия «сверху, поверх чего-л., наверху». В динамических глаголах морфема қәа может сочетаться с:

а) корне-суффиксами: ла – ақәлара «подняться (на дерево), двинуться (в путь)», ақәлара «нападать»; тца – ақәцара «класть на что-л., накладывать поверх чего-то»; ақәцара «вышивать», из ақә «сверху»; ц – суффиксоид, ақәцра «сойти, слезать, покидать, оставлять, удаляться, исчезать»; х – ақәхра

«снимать сверху»; ха – ақәхара «задержаться, застревать, остаться».

б) со связанными корнями: ақәдара «класть поперек, провести линию, черту поверх чего-л.».

Ақәҭәара «поливать что-либо (сверху)», ср. атаҭәара «подливать», ахаҭәара «долить», аҿаҭәара «облить лицо».

Ақәжьра «наваливать, набросать (сверху) что-л.».

Ақәзара «вместиться в чем-то, на какой-то площади, в каком-то пространстве», из ақә «сверху», з «объем».

Ақәҳара «падать на что-л., рухнуть».

Ақәхара «преодоление чего-л., осилить», ср. имч ақәхеит – иақәмхеит «хватило – не хватило силы, одолеть – не одолеть», из ақә «сверху»; ахара «мочь», ср. амчхара «сила, влияние», из амч «сила», ахара «тянуть, тащить, далеко».

Ақәцәкьара «прикрикнуть», из ақә «сверху», ацәкьара «царапать, ободрать».

Ақәрҳәҳәра «обсыпать, посыпать (присыпать) что-либо, чем-либо».

Ақәпапара «облепить чем-то (сверху)».

Ақәгылара «подняться на что-н., становиться на что-то».

Ақәцсычҳара «вздыхать», из ақә «сверху, вверх», цсы «воздух», ачҳара «терпеть».

Ақәцәраара «соскользнуть откуда-н.».

Ақәртатара «размазать по поверхности чего-л., наляпать, из ақә «сверху», р – каузатив, тата «расползать».

Ақуххра «наскочить на что-то».

Ақәшәара «попадать (в цель)».

Ақәжьцәара «плюнуть (сверху-вниз)».

Ақәибыҳәара «обступить», из ақә «сверху», аиба «совместно», ҳәа – связанный корень.

Ақәырхәхәара «полить тонкой струей (сверху)», ахәхәа «тонкий, узкий (о струе)».

Ақәсра «переходить (мост)», из ақә «сверху», с – со значением движения, ср. аиасра «проходить мимо», ахысра «перейти через что-л. (сверху)».

Ақәрыҩра «свалить сверху-вниз», из ақә «сверху», р – каузатив, ҩ – от аҩра «бежать, бег».

Ақәцалара «заставить лезть вверх, поверх чего-то», из ақә «вверх», ца – от ацара «идти», ла – суффиксоид со значением движения.

Морфема қәа образует статическую форму глагола ақәра, ақәзаара «лежать на чем-то (в пассивном или активном состоянии)»: астол иқәып «лежит на столе сверху (в пассивном состоянии)», но амҩа дықәып «он идет, двигается по дороге (в активном состоянии)», адунеи дықәып «он двигается (идет) по миру (в активном состоянии)», «он живет, движется».

в) морфема қәа в качестве преверба-основы образует множество производных глаголов со свободными корнями.

Ақәаарыхра «обрабатывать», из ақә «сверху», аарыхра «выращивать».

Ақәацара «шевелиться», из ақә «сверху», ацара «двигаться».

Ақәбаара «сгнить поверх чего-то», из ақә «верх», абаара «гнить».

Ақәбгара «свалиться (сверху), обвалиться».

Ақәблаара «обгореть, сгореть совсем», из ақә – «верх», бл – «гореть», аа – суффикс со значением «исчерпанности действия».

Ақәғәғәара «давить, подчеркивать, угнетать», из ақә – «сверху», ағәғәара – «крепко, сильно».

Ақәҕьацара «укрепиться, приняться, обжиться», из ақә «сверху», аҕьацара «приняться».

Ақәҕьғьара «соскоблить сверху», из ақә «сверху», аҕьғьара «скоблить».

Ақәзра «погибать из-за чего-л.», из ақә «сверху», азра «пропадать».

Ақәиара «ложиться на что-л.», из ақә «сверху», аиара «ложиться».

Ақәибагәара «навалиться сверху друг на друга», из ақә «сверху», аиба – показатель совместности, агәара «толкаться».

Ақәныҟәара «идти по чем-л., руководствоваться чем-то», из ақә «сверху, поверх», аныҟәара «ходить, двигаться, поступать», букв. «поверх чего-то ходить».

Ақәпапара «облепить поверхность чего-л.», из ақә «сверху», апара – связанный корень со значением «распространяться, размножаться», ср. аплара «то же».

Ақәцқьара «исчезать бесследно», букв. ақә «сверху», ацкьара «очиститься».

Ақәццышәаара «испепелиться», из ақә «верх», аццышә «пепел», аа – аф. исчерпанности действия.

Ақәчаара «опухать», из ақә «верх», ч – «опухоль», аа – аф. интенсивности.

Ақәҷҷара «трескаться по поверхности, освещать сверху».

Ақәшара «застать рассвет», из ақә «сверху», ашара «светать»; «обходить вокруг чего-то».

Ақәшәира «проклинать», из ақә «сверху», ашәира «проклинать».

Ақәҩра «надписать», из ақә «верх», аҩра «писать», ақәҩы «надпись».

Ақәшәшәра «освистать», из ақә «сверху», ашәшәра «свистеть».

Ақәшьыхаара «намазать сверху», из ақә «сверху», ашьых «мазать, штукатурить», аа – аф. интенсивности.

Ақәҽаҳәара «привязать кого-то, чего-то к чему-то».

Ақәҳәҳәара «накричать», из ақә «сверху», аҳәҳәара «кричать».

Ақәрыцқьаара «протирать, вытирать (сверху)», из ақә «сверху», арыцқьара «чистить», аа – аф. исчерпанности действия.

Ақәрцәазра «намазать, пачкать, запачкать», из ақә «сверху», арцәазра «пачкать».

Ақәҩра «раздаваться (о голосе)», из ақә «сверху», аҩра «раздаваться».

Ақәцаара «схватить, сорвать что-л. с какой-либо поверхности», из ақә «сверху», ацаара «хватать», ср. ахцаара «сорвать (шапку)», алцаара «вырвать (из какой-л. среды)».

Ақәцера «сломать над чем-то, разбить на чем-то».

Морфема қә в сочетании с реципроком аи образует сложную морфему аиқә и как словообразовательный формант выступает в целом ряде производных глаголов со значением «друг на друга».

Аиқәкра «успокоить, обряжать покойника», из аиқә-, акра «держать».

Аиқәцсара «складывать, сыпать друг на друга».

Аиқәра «быть сложенным друг на друга».

Аиқәтәара «садиться друг на друга, успокоиться».

Аиқәҭәара «обливать друг друга, бурлить», из аиқә-, ҭә – связанный корень со значением «разливать» (ср. аҭәара «плавиться»), аҭаҭәара «наливать».

Аиқәхара «остаться в живых, спасаться», из аиқә-, ха – суффиксоид со значением действия.

Аиқәҵара «складывать в кучу, разводить огонь».

Аиқәҿҭра «окликать друг друга», из аиқә-, аҿҭра «звать».

Аиқәшәара «встречаться, согласоваться, совпадать».

Аиқәқшара «спустить (курок)», из аиқә «друг на друга» и акшара «ударять, бодаться».

Аиқәаҳара «падать друг на друга», из аиқә «друг на друга», ҳа «падать (наращивать падение)».

Аиқәшара «кружиться вокруг друг друга».

Ақәцшра «обозревать», из ақә «сверху», ацшра «смотреть».

Ақәргара «окликнуть, звать», из ақә «сверху», аргара «подать (голос)».

Ақәргылара «поставить что-то на что-л.», из ақә «сверху», аргылара «ставить».

Ақәргәгра «дать надежду на что-то, обнадежить», из ақә «верх», аргәгра «дать надежду».

Ақәрхаара «скосить сверху», из ақә «верх», архра «косить», аа – показатель интенсивности, исчерпанности действия (способ действия).

Ақәрзра «тратить, расходование чего-то на что-то, терять», из ақә «верх», арзра «терять».

Ақәрҭаара «наполнить, навалить на поверхность чего-л.», из ақә «верх», арҭәра «заполнять», аа – показатель исчерпанности действия.

Ақәрчра «застилать, заставить валить (о дыме, пыли)».

Ақәхәазара «ползти поверх чего-л.».

Ақәцара «согнать откуда-н.», из ақә «верх», ацара «идти», ср. акацара «отгонять, гонять, угонять».

Морфема қәа в дальнейшем в той или иной степени грамматикализуется, выражает различные грамматические значения, в то же время не теряет свое инвариантное значение полностью, а лишь частично:

а) в сочетании с реципроком аи выражает наивысшую степень проявления качества, свойства, действия, ср. еиқәцах «туго, накрепко», деиқубырфынха «вся в шелках», деиқәгызмалха «хитрющий», аиқәрцшзара «приукрасить», аиқәлашьцара «совершеннейшая темнота», аиқәҷабра «весь складный, аккуратный» от аҷабра «клеить» (Чкадуа, 2005: 69);

б) выступает в качестве показателя мн. числа класса вещей в именах – аҩны – аҩнқәа «дом-дома», атла – атлақәа «дерево-деревья», ажә – ажәқәа «корова-коровы» и др.;

в) реализуется в многократности, неодновременности, выборочности действия, связанного с личными показателями субъекта или объекта во мн. числе; иацхьақәеит «кое-кто читал, некоторые читали то», ицақәеит «некоторые неодновременно ушли» и др.

Как выясняется, возможность использования морфемы қәа в грамматических значениях заложена была в инвариантном

значении – ақәқәа, ақәқәаҳәа «капли дождя, слез, следующие одна за другой, совершенно похожие друг на друга → множественность чего-л. по счету капель → протяженность, протянутость действия и др.». То же самое наблюдается с показателем мн. ч. класса человека цәа от ацәра «строгать», ацәыцә «стружки (множество)».

Морфема м(а). В словообразовании абхазского языка морфема м(а) широко представлена как в именах, так и глаголах.

В современном абхазском языке она полисемантична: м(а) – входит в основу многих слов, которые, на первый взгляд, генетически не объединимы. Однако этимологически же анализ обширного материала позволяет их увязать друг с другом, и в качестве исходного значения признать значение «рука». В производных словах в большинстве случаев реализуется именно это значение; в некоторых словах совершенно прозрачно, в других – оно стерто, размыто, и чтобы выявить исходное значение, необходим этимологический анализ.

М(а) в статическом оформлении означает буквально – «находиться в руке», т.е. «иметь»; исымоуп «то (в) у меня в руке», «то я имею». К.В. Ломтатидзе выделяет ряд слов, в которых ма встречается в значении анапы/амапы «рука» [Ломтатидзе, 966:57].

Значение морфемы м(а) «иметь, располагать» не подлежит сомнению в следующих именных основах:

Амаа «ручка» (сосуда, корзины, окон, дверей…), из ма – «иметь, располагать, обладать», аа – пространственный суффикс со значением «простираться в определенном направлении», «протянутый, вытянутый».

Амапы / анапы «рука», из ма – в том же значении, пы – «тонкий», букв. «иметь нечто тонкое», т.е. тонкая часть тела. В специальной литературе этимология данного слова представлена иначе. К.В. Ломтатидзе слово амапы / анапы «рука» сопоставляет с адыгскими данными – лъакъІу лъакъуа «нога»,

где, по ее мнению, компонент къIуа / къуа – выделяется со значением «конечность», «отросток», что реконструируется для абхазской формы ашьапы: п→къIуа/къуа [Ломтатидзе, 1966: 158].

В абхазском языке немало слов, производных непосредственно от данного слова: амапы «рука».

Амацәа/анацәа «палец», букв. «кончик руки», из ма «рука», цә – «край, конец», для семантики ср. ақәцә «верхушка, макушка», акьатрацә «побег», «отросток», акьацә «торчащий» и др.

Амахәар «рука» (без кисти), из ма – «рука», хәа – «ручка», р – суффикс абстрактности, для семантики хә, ср. ахәхәа «длинный», «узкий», «продолговатый».

Амаха «ляжка», «рука», «конечность», из ма-, ха от ахара «тянуть», букв. «нечто тянущееся», «протянутое», ср. ашьаха «нога», букв. «протянутая (нога)», амаха – ашьаха «конечности», букв. «протянутые».

Амазеи «готовый», где зеи от азара «измерить» – о зыбких, сыпучих веществах, измерение которых предполагает наполнение определенной посуды этими веществами (кувшин, корзина, мешок и др.). С этим связано и слово азна «полный», т.е. наполнение определенной посуды. Таким образом, слово амазеи этимологически должно было означать «отмеренный».

Амахәҷа «запястье» из ма «иметь», хәҷа от ахәҷра «сгибать», букв. «сгибающийся» (результат сокращения мышц под рукой).

Амашьхәлԥ/амажьхулԥ – «локоть», из мажь – «тело» и ахәлԥра «выдаваться, выделяться», букв. «нечто выдающееся из тела».

Амаɣра «рукав» из ма-, ɣ – в значении «раскинутый», для семантики ср. аɣаɣа «раскидистый, раскинутый».

Амаамаса «подручный, выполняющий подсобную работу (мальчик)», из амаа «ручка», маса «мелкий», в свою очередь расчленяющийся на м'а – и с «мелкий», ср. аса «мелкий».

Мар «легкая рука», мар умоуп «легкой руки тебе», мархәара «приветствие прядильщице», пожелание сноровки, соответственно плодовитости, плодотворности, результативности, обилия. Подтверждением может служить поговорка – Азәы иусура мар ацам, ауаа жәпа русура мар ацоуп, – «работа одного не плодовита, работа многих – плодовита».

Амарымажа «чрезмерная плодовитость, плодотворность» из мар «плодовитый», мажа «избыток».

В процессе исторического развития слово мар приобретает и прямо противоположное значение: амариа «простой, легкий, дешевый, удобный, доступный, слабый», ср. мариа беиа дибеит «он его увидел легкодоступным, слабым», арма «левая рука» (слабая).

Амара «нерасторопный», «медлительный, неуклюжий».

Амариеи «медлительный, неуклюжий» из амара и аи-еи – утвердительная частица, ср. аиеи «да».

Амаҿа «мера длины в одну ладонь», из ма и ҿа от глагольной основы аҿара «рубить» (колышки, хворост), «рубец, след, отметина», ср. ашьаҿа «шаг», букв. «след ноги»; ср. аҿаасҭа «обезображенный» (со шрамом на лице) от аҿара «рубить». В.А. Чирикба, вслед за ним и А.К. Шагиров ҿа в данном слове связывают с аҿы «лицо» [Шагиров, 1989:176].

Амармацә «сросшиеся несколько кукурузных початков», из мар «обильно», р – аф. принадлежности, амацә «палец», букв. «обилие початков».

Амарԥъа «косой, левша», из мар «левый, слабый», ԥъа – «сильный» (правый), т.е. «смещение глаз».

Амҭа/ амаҭа. Полиперсональное слово выражает следующие значения: «результат, вклад, лепта, след, следствие, часть, доля, время, пора, момент». К.В. Ломтатидзе расчленяет на две части: ма от амазаара «иметь», ҭа от аҭара «дать» [Ломтатидзе, 1966: 150-161]. В качестве суффикса прибавляется почти к каждой глагольной основе, а также к некоторым именам.

Именные основы.

Анапымҭа, «след руки (символ труда, удачи), рукопись, почерк».

Ашьапымҭа «след ноги» (символ удачи).

Ашьҭамҭа «весть, известие, след, родословная, происхождение», из ашьҭа «след ноги», амҭа «след руки».

Ахымҭа «след пули».

Асакьаҳәымҭа «в самую пору».

Аҟәхымҭа из аҟәых «часть чего-то», аҟәхра «отстранить, отставить, отнять часть (от чего-то целого), ср. аиҟәхра «разъединить, рассекать».

Аҳамҭа «подарок, награда». Н. Марр компонент ха в данном слове рассматривает как корень слова аҳ – «владетель». А. Хеция справедливо, на наш взгляд, связывает его с глагольной основой арҳара от аҳара «заработать, приобретать» [Хециа, 1988:39].

Аамҭа «время, следствие, пора, момент», из аа – преверб направления (оттуда – сюда) и мҭа – «период», букв. «следствие наступающего, грядущего».

Глагольные основы.

Ашамҭа «момент, период рассвета».

Ахәламҭа «период наступления сумрака».

Анцамҭа «запись», из анцара «занести, записать» и мҭа «след, результат».

Ашәымҭа «период зрелости» от ашәра «созреть».

Ацшаахымҭа «находка», из ацшаара «искать», мҭа «результат, следствие».

Ашәҭымҭа «период цветения», из ашәҭра «цвести» и мҭа.

Аҟацамҭа «чье-либо изделие», «исполненное, сделанное», из аҟацара «делать», мҭа «результат».

Аусумҭа «труд» из аусура «работать» и мҭа «результат», букв. «результат работы».

Аҧцаамҭа «исследование», из аҧцаара «исследовать» и мҭа «результат».

Аҳәамҭа «высказывание», из аҳәара «сказать», мҭа «результат, следствие».

Аҭыхымҭа «рисунок», из аҭыхра «рисовать», мҭа «результат».

Азахымҭа «шитье, пошитое», из азахра «шить», мҭа «результат».

Аԥеиамҭа «произведение», из аԥеиара «творить» и мҭа «результат», букв. «результат творения».

Анаплыхымҭа «ручное изделие», из анапы «рука», алых «изделие», мҭа «результат».

Аизгамҭа «сборник», из аизгара «собирать» и мҭа «следствие».

Амҳаста «ефес», из амҳа «то, за что можно держать» и ста «место».

Ацамҭа «момент ухода», из ацара «идти», мҭа «момент».

Акьыцхьымҭа «публикация, издание», из акьыцхьра «печатать» и **мҭа** «результат».

Морфема **ҭа** в качестве префикса встречается в одном-единственном слове – амҭахара «достаться», «оставаться наедине с чем-л.».

Как было отмечено выше, морфема м(а) в большинстве случаев в именных и глагольных основах представлена десемантизированно в окаменелом виде, в качестве детерминанта основы. Однако сравнительный анализ многочисленных примеров дает возможность обнаружить отражение исходного значения – иметь, располагать, обладать кем-то, чем-то, в особенности в именных основах.

Амажәа «тесто», из ма и жәа со значением «густой, плотный».

В адыгских языках в мажаджа «чурек» первую часть мажа/маджа сопоставляют с абхазским амажәа [Шагиров, 1977: 265]. П.Чарая абх. амажәа возводит к мегр. мазва, а это, в свою очередь, к греч. maza «тесто, лепешка, ячменный хлеб» [Чарая, 1912: 12].

На наш взгляд, абх. амажәа имеет свою этимологию, членимо на ма и жәа «густой, плотный». Дело в том, что морфема жәа во всех своих реализациях выступает именно в этих значениях, ср. ажәпа «густой, плотный», ажәла «семена», букв. «нечто плотно, густо расположенные друг к другу», переносно – фамилия; амжәа «тутовое дерево, плод дерева» (скопление мелких крупинок на одной кисти) и др. [Гублиа, 2004: 20].

Амагә «обувь», «сапог», из ма – «иметь, обладать», гә – «овальное», ср. агә «сердце» (по форме подъема ноги).

В специальной литературе возводится к груз. могви «то же» [Ломтатидзе, 1976; Шагиров, 1989].

Амаза «тайна, секрет», из ма «иметь» и за от азара – «скрывать, утаивать, прятать, притаиться», «воровать, красть»; таким образом, слово амаза первоначально – «то, что скрывается, прячется», ср. амазара – «плотничать», амазаҩы – «плотник», букв. «обладающий таинством».

Амакьа «жеребая» (о кобыле), щенная (о некоторых животных), из ма – и кьа – «торчать». Морфема кьа в словообразовании широко представлено именно в этом значении, ср. акьа «ястреб с длинным клювом», названный так по форме клюва, букв. «торчащий»; акьан «поминальная свеча» – длинный шест с навешанными на нем кондитерскими изделиями, длинный столб без сучьев, букв. «торчащий». Заимствовано груз. макє «то же».

Амақьа «точильный камень», из ма – и қьа со значением «податливый, эластичный, мягкий», для семантики ср. ақьақьа «мягкий, упругий, гибкий», ақьақьара «обвить, обернуть вокруг (о чалме), ақьақьара «лицемерить, подхалимничать, лебезить, извиваться», ақьақьа «круг, ободок, свитый из лозы, веревка» и др. Принято считать мегр. заимствованием [Ломтатидзе, 1976; Шагиров, 1989 и др.].

Амақьацсыс: 1) «точильный камень особого приготовления»; 2) ритуальный камень белого цвета, круглый, как солнце, на котором древние абхазы подвергали пыткам, физиче-

скому истязанию провинившихся. Они брали в руки 7 стрел, связанных в один пучок и били с целью вынудить просить прощения у Мақьацсыс. При этом произносили над ним слова проклятия, сегодня совершенно непонятные: «ных, арыӄәа ҳарыӄәа рацә, џьар ҭасрыӄәа; ҕурмысҭа, ҳа, цсырмысҭа, маҳа цсиа мадлацса». Избитый провинившийся, истекая кровью, вынужден был просить прощения у камня: О Уашхәа Мақьацсыс, сыцсы ҷых, уацшәмаха – «О Уашхәа Мақьацсыс, выручи мою душу, будь хозяином моей души». Эта пытка, устроенная над провинившимся называлась уашхәа идырҳәеит – «его заставили сказать уашхәа», что означало: его подвергли страшным пыткам для спасения души. Как и у многих других народов, у древних абхазов камень также имел глубоко символическое значение. Он мог являться символом вечного Бога, говорившим о его вечности, незыблемости, как твердейший из всех земных материалов. В связи с этим камень становится иконой бога [Крылов, 2001:175]. По этому поводу Ш.Д. Инал-ипа пишет: в формуле Уашхәа Мақьапсыс последний выступает «как земное олицетворение небесной тверди» [Инал-ипа, 1976:161].

Амацә «саранча», из ма – и цә – соотносящийся с глагольной основой ацамцамра «постоянно шамкать, подыскивая пищу», букв. «ненасытный, обжора».

Амаршәа «подход», из ма – и аршәара «примериться, приноровиться к кому-чему-л.».

Амахә – «ветка», из ма – и хә – от ахәара «сгибаться», букв. «нечто сгибающееся».

Амацара «только одно», из ма и ца от ацыра – «штука, зерно», ац «зубец».

Амал «имущество, богатство, состояние», из ма «обладать, иметь», л – «масса чего-то», для семантики ср. алаҳара «падать в какую-н. массу», алацәара «внедриться, распространиться в какую-либо среду», алашьцара «темнеть», из алара «находиться в какой-л. среде (воздуха), шь – «тьма», ца от ацара «идти».

Ачма «калым», из ч(а) «питаться, насыщаться» и ма – «иметь, располагать», для семантики ср. аналогичное слово ачҭа «калым» (жениха рабовладельцу за дочь его раба), из ч(а) «питаться», ҭа «давать».

Агәчама «таз, бедренная кость», из агә «овальный», ча «пухлый, пышный», ср. ачра «опухать», ма – «иметь».

Азмах «болото», из з «вода», м(а)-, ах «гуща, осадок».

Макьана «пока, пока еще (не конец), из ма-, кьа «конец. край» и на – локативный суффикс.

Амаԓа «пояс», из ма – и ԓа от глагольной основы аԓра «трамбовать, топтать» (обработка, выделка кожи).

Амаԓа «старый» (о животных), букв. «затвердевший, твердый».

Аманшәала «удобный», из ма – и аншәалара «падать на что-либо плоское (ладонь), в целом – «падающий на руку».

Амҩахәаҵа «тропинка», из амҩа «дорога, путь», хәа «узкий», «метка», для семантики ср. ахәхәа «длинный, узкий».

Амарда «подъем, крутой склон горы» из ма-, р – аф. каузатива, да «линия, черта», для семантики д, ср. алдара «провести борозду, полосу, линию».

Амаркал «загонщик дичи на соколиной охоте», из ма-, р – аф. каузатива, кал – от акалра «раскалывать».

Амаҵ «услуга, обслуживание», из ма – и ҵ «низ», «под» от аҵа «дно».

Амати «моросящий дождь», из ма-, ти от атиира «тягучесть, тягучий».

Аламсы «кнут из кизиловой или ореховой ручки с кончиком», «из раскромсанной льняной нитки», для семантики мсы, ср. симассы «косматый, обросший».

Амаҭәа «одежда, вещь», из ма – и ҭәа от глагольной основы аҭәара «подобать», «соответствовать, подходить», букв. «иметь нечто соответствующее, подходящее».

Амаша «могильная яма», из ма – и ша – «полое пространство», для семантики ср. атыша «пещера» (с полым простран-

ством), ашҭа «двор» (площадь, поляна без деревьев), аҟьаш «лысый», «голый», апаш, «то же» [Гублиа, 2004: 20]. Имеет соответствие в адыгских языках – машъа / маша «то же». А.К. Шагиров ша / шъа в этом слове связывает с убых. ша «рыть, копать», с абх. ажра «копать, рыть», на этой основе абх. амаша причисляет к адыгизмам [Шагиров, 1977: 263].

Аматра «лейка, воронка», из ма-, тра – «открытый» для прохождения жидкости по полой трубе, ср. ашә атит «дверь открылась».

Амҵ «муха», из м-, ҵ. Последний в целом ряде слов представлен со значением «малый», ср. аҵа / аҵ′а «вошь», арҵу «стрекоза», аҵан «карлик», аҵыс «птичка», аҵарбел «пиявка» и др.

Амҩа «дорога, путь», из м и ҩа от аҩра «раздаваться, доноситься, простираться».

Аҵәымха «соска» из ҵә от аҵәара «сосать», мха «ручка», т.е. «то, за что можно держать, ухватиться». То же самое в ряде слов: амхаҵ «лопата» для раскладывания мамалыги, амхаҵә «ложка», из мха «ручка», ҵә «палка», алымха «ухо», из л – «однородная среда», мха «то, за что можно ухватиться», амхаста «ложа» (ружья), аҭамха – «приспособление для сушки, вяления мяса», ачамха – «ложка деревянная для пастухов», из ча «питаться, питание», мха «ручка» букв. «то, чем поднимают еду».

Амзыз «кара, вина», «укор» ср. анцәа рымзыз «вина, укор богов», переносно – «причина». Усвоено груз. языком в значении mizezi «причина». Расчленяется на амза «луна», з – «для», букв. «для луны». Данное слово связано с обожествлением луны, как и всех других небесных светил.

Амзырха «двор», из м-, за – «объем, емкость, вместимость», р – каузатив, ха от ахара «тянуться», букв. «протянутый».

Амзанра «чудесный, прекрасный», из м-, за – «предел», ан «находиться», букв. «предельный» (о качестве).

Амҩаныфа «провизия», из амҩа «дорога», ан – локативный суффикс, ф – от афара «есть», букв. «еда в дороге».

Амуртатра «язычество» – неясно.

Амца «незрелый, неспелый», от амцара «отскакивать», букв. «отскакивающий», т.е. «не мягкий» (твердый).

Амишәан «пугало», «чудище», из м-, ашәара «пугаться».

Атама «персик», из та от атата «мягкий», ма «иметь».

Амшақә «день смерти», из амш «день», акә «сверху, верх», букв. «сверху отпущенный день».

Амш «день», из м – и ш «белый, светлый». Принято считать родственным адыг. махуа / мафа и убых. масуа «день». В слове амш, на наш взгляд, П. Чарая справедливо выделяет элемент ш в значении «свет, светлый». В адыг. языках и убыхском элементы хуы / фа также означают «белый свет, светлеть».

Амаҷ «немного, малость», ср. адыг. машъIа / мачIа «мало, малый», расчленяется на м – и ҷ. Последний в значении «малый» встречается в целом ряде слов: ахәҷы «ребенок», аҷкәын «мальчик», аҷыц «зрачок»; в глагольных корнях: аҷара «трескаться» (на мелкие части), аҷаҷра «делать сборку», «нанизывать (табак) на иглу», аҷырҷырра «чирикать, щебетать» и др. Звук ҷ в значении «малый» встречается и в грузинском языке, ср. biʒi «мальчик», в связи с этим возникает вопрос: имеет ли место одинаковое осмысление звука ҷ в данных языках (абх., адыг., груз.) или же заимствование из одного языка в другой? Для выяснения этого вопроса необходимы дополнительные исследования как в адыгских, так и в картвельских языках. По Г.В. Рогава ҷ – общий с грузинским ʒuli «сын», со сванским ʒuль «то же» [Рогава, 1956: 32].

Амаҭ «змея», убых. антIа. Убыхскую форму с абхазской сравнивал еще Н. Трубецкой (NW 85). Г.А. Климов сюда же относит предположительно и адыг. нтIа в лантIа «гибкий, легко сгибаемый» [ААЭ1, 1965: 302]. Абх. амаҭ расчленяется на м(а) и ҭ – в значении «трепыхаться», ср. аҭырҭырра «сгибаться», «трепыхаться», «колыхаться».

Г. Дюмезиль и Г.А. Климов не исключают заимствование из индоевропейских языков: герм. math «червь, паразит», др. ирл. nathir «гадюка», лат. natrix «то же». По мнению А.К. Шагирова, здесь нет необходимости говорить о заимствовании; созвучие форм полагает случайным звукосимволическим характером [Шагиров, 1982: 71].

А'мазаара «обладать чем-то», отсюда ама'зара – «состояние, имущество». Аматраз «убежище охотника», окоп (военный) из ма-, атра «вместилище, гнездо», «хлев» и з – «подвижный», для семантики з ср. аҳәазара «ползать», аизара «собираться» и др.

Амарцеи «ученик, подмастерье», букв. «кого обучают».

Амакәан «мешок», из ма-, кәа – «овальное», ср. акәарма «капля», акәац «точка» и др.

Амлацәыр «иволга» – возможно, из груз. молагури «то же».

Аматәра «профессия для кузнецов», из ма – «рука», тә – суф. принадлежности, букв. «для руки», «руку приложить».

Амахе «верблюд», из амаха «лука» и аеы «лошадь», букв. «лошадь с лукой». [Кварчия, 1981: 92]. Имеет соответствие с махъша /махъуша/махша в адыгских языках, а также в некоторых других кавказских языках. В специальной литературе в целом принято считать тюркским заимствованием.

Амацуар «свора, гончая, борзая собака», изамац'уар, из амц и ауаруарра.

Акалмах(а) «форель» из акала «стройный, изящный», ма-, х(а) «вытянутый». А.К. Шагиров причисляет к картвелизмам – kalmaxi «то же».

Амашәыр «авария», «несчастный случай», из ма «иметь», шә «связанный корень со значением «бросить, кидать», ср. аршәра «кинуть, бросить».

Аматанеира «умолять, просить, унижаться, поклоняться», из ма-, та атиира «гнуться, изгибаться».

Акалам «тростник», из акала «стройный, изящный», м – «иметь, располагать».

Амаҳагьа «кровосмеситель», из амаҳара «не слышать, не слушать» и гь «лицо деятеля с негативным значением».

Амацурҭа «кухня», из амац «услуга», «обслуживание», у – аура «делать», р – каузатив, ҭа – «место», букв. «место обслуживания».

Амацьана «несуразный, растяпа», из ма-, цьа – оценочный компонент с негативным значением, на – словообразовательный суф., для семантики ср. арцьара «поносить», «хулить».

Амба «ворота» (при некоторых спортивных играх), от амбара «не видеть», «не видный».

Амерҭ «название песни». Возможно, груз. заимствование.

Амцын «подле кого-либо, рядом с кем-то, чем-то», мцы «перед», н – локативный суффикс.

Аргама «открыто, явно», от аргара «подать голос», «обнаружиться», «окликнуть». А.К. Шагиров данное слово возводит к осет. аргон, аргом «лицо, лицевая сторона, очевидный, явный, открытый» [Шагиров, 1989: 102].

Амц/х/ə «излишек, избыток, слишком», из амц′ «ложь, неправда», х/ə «доля».

Азамԥа «щека», из азы вода «слеза», и амԥа «путь, дорога», букв. «дорога, путь слезы».

Амҳабыста – амҳац «лопатка для мамалыги», из амҳа «ручка», абыста «мамалыга».

Амшгара «терять время понапрасну», «проводить день», из амш «день», агара «проводить» (нести).

Ақамсыс «косматый, лохматый», из қа от ақақа «поросль», «всход», мсыс «разросшийся», ср. аимассра «то же», ахьссра «свисать» (о бахроме).

Амыргуз «сорт сливы». Назван так по форме плода, мы-, р – аф. притяжательности, гə – «овальный», з – «полный, гладкий», ср. ақəаз «крупный, гладкий, ровный (как поверхность воды)».

Амыркыцьы «репейник», букв. «шершавый», ср. ацьацьа «шершавый».

Амыцмыць «граната». Названа по выглядывающимся из потрескавшейся кожуры плодам, ср. акылцыц – «выглядывающий из узкой трещины».

Ақәчама «бедренная кость», из ақә – «сверху», ча – «пухлый», ср. ачы «опухший» и ма – «иметь, располагать».

Амыткәма «причитания», из груз. motkma «то же».

Акәамҟьа «кусок, обрывок», из акәа «пазуха, корпус» и амҟьара «оторваться», букв. «оторванное от целого (корпуса)».

Амақарра «угрожать», из груз. муқара «угроза».

Амхныза «половинщик по ниве», из амхы «нива», анызаара «находиться на поверхности (земли).

Адамыцәа «тавро, клеймо, метка, знак» – из тур. (араб.) тамга «то же».

Аԥьма «коза», сопоставляют с адыг. чамы, каб жам «корова» с др.-инд. аja пехлев, azak «коза». В абхазском предполагается перенос названия с коровы на козу. Г.В. Рогава абх. аԥьма сопоставляет с адыг. пчаны / бжана «коза». [Рогава, 1956: 75].

Амхалара «везение, удача», из м – и ахалара «добавляться».

Амцахара «сигнальные огни, зажигаемые во время набегов», букв. «далекие огни», из амца «огонь», ахара «далекие».

Амасар «дранка», из ма – и асара «расколоть», р – суф. абстрактности, букв. «нечто расколотое».

Амазаѳы «плотник», из амаза «тайна», «секрет», ѳ – «лицо деятеля».

Амадиа «акушерка», из амадара «доверить, поручить».

Мрабжь «божество солнца», из амра «солнце», бжьы «семь».

Амаѳара «случка, встреча, соединение, схождение», чаще встреча осла и кобылы для создания мула, ср. аѳара «выслеживать, устроить засаду».

Амажәроу «холостяк», из ма – и ажәра «старость», р – аффикс каузатива, оу-ау «длинный», букв. «человек продлившейся старости».

Амалыр «дефект», из ма-, лы «войти в однородную среду», р – суф. абстрактности, букв. «вошедший в некую среду (тело)».

Амашьца «прирученный, покорный», из ма – «рука» и ашьцылара «привыкать».

Аманыза «шлем из тонких стальных нитей, сетка для защиты головы и шеи», из ама «иметь, обладать», аныза от анызаара «располагаться на поверхности чего-либо».

Ацәматәа «плуг», «соха», из ацә «бык», и атәара «подобать, соответствовать», «подобающее, соответствующее», букв. «нечто подобающее быку».

Аимаа «обувь», из аи-, маа – «ручка», ср. амаа букв. «то, за что можно ухватиться (голенище)».

Хама-хама «в отдельности», на некотором расстоянии друг от друга, из ха от ахара «далеко», «тянуть» и ма – суф.

Ахәмарра «играть, шутить», заимст. из груз., ср. хумроба «игра».

Ацәамхьа «спросонок», из ацәа «спать», м – аф. отрицания, хьа – результат следствия.

Амаҳә «зять», амаҳәыла «свояк». Сопоставляют с адыг. малъхъа / махъулъа «то же», абаз. махъы. Последний Н.Ф. Яковлев этимологизирует таким образом: ма – древний именной префикс, хъы «сеть», «вязать» и лъы – «кровь, род», букв. «связующий по крови (свой род с родом жены)». [Яковлев, 1948: 85].

Г.В. Рогава «членит» адыг. махъулъа / малъхъа на ма – окаменелый классный показатель, хъу – корневой компонент, который возводит к адыгскому хъуы «самец, мужского пола» и лъа «кровь». Последний компонент сближает с абхазским ашьа «кровь», аиашьа «брат». [Рогава, 1956: 33,34].

Однако абхазское слово амаҳә имеет другую основу, оно расчленяется на ма – словообразовательный аффикс со значением «иметь, располагать», которого нет в адыгских языках как такового и корневой морфемы ҳә – от аҳәара «сватать»,

«говорить, сказать, просить». Возможно, слово амаҳә первоначально означало «упрашивающий, уговаривающий, а затем уже сватающий». В этом случае адыгскую форму приходится признать заимствованной из абхазского языка, но не основную форму, а производную от него. На наш взгляд, в адыг. языки попало абхазское слово амаҳәыла в виде малъхъа / махъула, но не в своем прямом значении – «свояк», а в исходном – амаҳә «зять».

В этом случае абхазское слово амаҳәыла «свояк» отражало позицию абхазов по отношению к зятю адыгу: амаҳә «зять (муж одной сестры)», амаҳәыла – муж другой сестры (адыга), воспринятое адыгами как «зять» (вообще).

Амарцьа «возглас, означающий призыв, клич, поощрение». Представлено во многих кавказских языках: груз. марць «побеждать», от которого образовано гамарцьоба «приветствие». Принято считать заимствованием из араб. marji «обращение за помощью», тур. mercі «то же», карач-балк. марджа / маржа «пожалуйста», марьже «призыв» и др.

Амест – сафьяновые сапожки, без подошвы, носимые с галошами – из тур. mest «то же». Слово имеет распространение во всех кавказских языках.

Амц «сторона, бок, стена», ахәамц «корпус». Во всех своих реализациях ц(а) выступает в значении «гладкая, сплошная сторона», ср. ацаќьа «скала (крутой гладкий утес)».

Амеида «согласие, ведомо», из ама – и да «линия, черта», ср. аимадара «связаться друг с другом». Заимствовано груз. в виде имеди «желание».

Амца «огонь». Сближают с каб. мафIа / машъIуа «то же», убых. мыджъа «то же» (р.-Spr.240). Абхазское амца П. Чарая сближает с груз. сесхли, сван. lemesk. Для адыгской формы исходной является машъIуа, где шъIу возводится к цIу.

По мнению К.В. Ломтатидзе, абхазское название с лабиализованной аффрикатой вскрывается в слове амацәыс «молния» [Ломтатидзе. 1942]. Однако слово амацәыс, состоящее

из ма и цәыс от ацәысра «резвиться, баловаться», выражает особенность одной из разновидностей молнии, возникающей вдали, в облаках и не представляющей грозной силы – не бьет, не поражает (мгновенный разряд электричества между облаками), в отличие от афы (разряд электричества между облаками и землей). Соответственно первая разновидность представляется «резвящейся, беснующейся» [Гублиа, 2004:67]. Слово же амца «огонь», как справедливо отмечает Н. Марр, соотносится со словом аца «горячий», в свою очередь производное от ацеицеи «блестящий», ацамцамра «гореть, блестеть», ацаҳәцаҳәра «раскаленный», ацаҳәцаҳә «горячий, пылающий». Таким образом, абх. аца «горячий», амца «огонь» – звукоизобразительного происхождения. На наш взгляд, этим и объясняется некоторая схожесть этого слова в кавказских языках.

Ашьамаԥа «крупный рогатый скот», из шьа «нога», маԥа «крупный».

Ашьамхы «колено», из шьа «нога», мхы «голова» (м и хы-).

Ақамыз, иқамызуа «скользить, скользя», из қа «нежный», ср. ақақа «молодая, нежная поросль», з – особый вид движения, ср. аналогичные образования: ачараз «скольжение – конная игра», амацәаз «кольцо, перстень», букв. «нечто скользящее (по пальцу)». Акьараз «приглашение для полевых работ, чаще для прополки», букв. «становящиеся в один ряд, образуя скользящую линию». Сюда же аҳәазара «ползать», агазгара «колебаться, зыбиться (о гладком водном пространстве)»; азара «оседать, отстаиваться» и др.

Аҭаҷкум «кулак», из ҭа – «место», ҷ – «сжать», кум – «комок», ср. акумпыл «круглый», акәмра «каморка». аҭаҷкәм букв. «сжатый в комок».

Акәарма – «капля», акәара – «то же», букв. «нечто овальное, маленькое (по форме капли)».

Агәам «мусор», из гәы «овальный» (по форме собранного мусора).

Амшын «море». Названо по ассоциативному воздействию амш «день», «космос», букв. «нечто светлое».

Амгьал «чурек», из м – «иметь», гь – «круг, круглый», л – «среда», для семантики ср. агьажь «круглый»,

Амгәа «живот», из м-, гәа «овальный» (по форме живота).

Амԥ «колючка», из м-, ԥ – «колючий», ср. аԥа «враг». Морфема ԥ(а) во всех своих реализациях выступает в значении противоположности или враждебности к чему-то.

Амыжьзы «морская вода», из м-, жь от амжьыжькра «разбередиться», зы «вода», букв. «разбереженная вода (солью)».

Ампышԥа «пузырь», из м – «комок», ш – «полое, пустое», ԥа – «место».

Амчхара «власть, превосходство, преимущество», из амч и ахара «тянуть, тянуться», «далеко», ср. азхара «вдоволь, становиться достаточным, довольно, достаточно», имч хеит «хватило сил», но имч мхеит «не хватило сил».

Амехак «охват, многогранность», амехакра «захватить, овладеть, распространиться» (ср. аҩны амца амеханакит «дом охватил огонь». Расчленяется на м – и аехакра «держать». Ҽеха в свою очередь расчленяется на ҽ – аф. возвратности, ха – «сверху». Элемент ҽеха в свою очередь широко используется в значении «разгар, пик какого-либо действия»; аусураеха «разгар работы», ахәлбыеха «вечер, вечером», ашоураеха «разгар, пик жары», агурԥьараеха «в разгар веселья» и др.

Амса «ногти», «роговой материал» от амсара «отрезать», букв. «то, что отрезается».

Азымԥар «родник», из азы – «вода», м-, ԥа – «низ, дно», р – со значением «двигаться» (о воде).

Амхы «нива, засеянное поле», из м-, хы от ахра «косить», букв. «скашиваемое», для семантики ср. аарыхра «урожай», из аа – преверб направления (элативное), р – каузатив, ахра «косить»; «обработать, выращивать, растить». В.А. Абаев абх. амхы связывает с осет. хуым / хумх «пашня, поле» и считает иран. заимствованием [ОЯФ, 314]. К.В. Ломтатидзе сближает

с груз. ахо «кулига, чаща (лесной участок, расчищенный под пашню)».

Аимхәц «бусы», «бисер», из аима – цельный деривационный формант со значением «совместно», «соединение», хә – «волосок», хәыц «отдельные волоски», букв. «объединенные части».

Морфема **м(а)** в процессе исторического развития постепенно приобретает и прямо противоположное значение: от «иметь, располагать чем-то, кем-то, обладать», «изымать, отчуждать, отнимать, не иметь» – отрицание наличия чего-либо – аффикс отрицания – м.

Таким образом, морфема **м(а)** становится выразителем т.н. категории полярности: позитива-негатива (утверждение – отрицание), кроме того, она приобретает значение общего вопроса, т.е. требующего ответа – «да», «нет», ср. уцома? «ты идешь?», ԝнума? – «это дом?».

Морфема **м(а)** в качестве аффикса может быть представлена в виде префикса, инфикса, дистрибуция которых связана со статичностью, динамичностью и модально-аспектной временной формой глагола, ср. дцом «не идет», дымцеит «не пошел», дцомызт «не шел», дымцазт «не шел» и др.

Морфема **м(а)** с отрицательной функцией образует немало имен.

Амшә «медведь», убых. мышъуа, адыг. мышъа «то же». Н.Ф. Яковлев адыгскую форму разъясняет как «не выслеженный, тот, на кого не охотятся, за кем не охотятся [ГАЯ, 1940: 274; ГКЧЯ, 1948: 202]. Г.В. Рогава членит абх. и адыгск. формы на м – классный показатель и корневую часть шъа, шу [Рогава, 1969: 28]. Некоторые исследователи данное слово сближают с другими материалами кавказских языков: груз. даʒви, чан. мʒуʒи, мегр. ʒуыʒи, дарг. синка, лакск. цуша, лезг. сев, аварс. цу, чеч. ча и др.

Однако «медведь» – абх.-адыг. слово и не имеет отношения к материалам других групп кавказских языков.

На наш взгляд, второй компонент шә в самом деле восходит к полисемантическому слову ашәара «мерить, примериться, приноровиться, охотиться, пугаться, бояться, разрушать, растрачивать» и др., но не в значении «охотиться», как предполагал П.К. Услар, а в значении «бояться, пугаться», букв. «пугало».

Таким образом, можно допустить, что слово амшә должно было этимологически означать «пугало, страшилище», из м «иметь, располагать», ашәара «пугаться, бояться», букв. «нечто пугающее, пугало», ср. адыг. шъынан, каб. шынан «бояться». О звукосоответствии шъ → ш → шу, шъу см. А.К. Шагирова (1982: 36, 37-38).

Амеыша «воскресенье». Д.И. Гулиа разъясняет, как нам кажется, справедливо – как «не день мотыжить», т.е. «нерабочий день», из м – аф. отрицания, ҽ от аҽара «мотыжить, разрыхлять», ср. аҽа'ра «вспаханное, разрыхленное поле».

Ананамга «бедняк», из ана «туда», анамгара «не донести, не доводить», букв. «тот, кого урожай (старый) не доводит до нового».

Амшьҭа «сглаз», из м – аф. отрицания, шьҭа от ашьтра «посылать, отпускать», букв. «неотпускающий».

Абзамыӄә «глупый, дурной». Сопоставляется с убых. бзамыкъІв «то же», адыг. бзамыІв «незнающий языка окружающих; говорящий на ломаном языке». Убыхскую форму Месарош этимологизирует как «чей язык не сгибается (от къІвы «сгибаться») [P.-Spr. 232].

С.К. Шакрыл соответственно и абазинскую форму разъясняет так же, как «тот, у кого язык не сгибается» [Шакрыл, 1968]. А.К. Шигиров адыгскую форму разъясняет иначе: «бз – язык, мыІв (исторически – мыкъу)», «не разносящийся, не раздающийся», в связи с чем убыхскую и абхазскую формы относит к адыгизмам [Шагиров, 1989: 21].

На наш взгляд, хотя структурно и семантически абх. абзамыӄә и адыг. бзамыІв весьма близки, но это все же разные

слова. Адыг. бзамыIв более сопоставимо с иным словом в абхазском языке – это агәнымаԥ «бестолковый, ограниченный», букв. «у кого сердце не воспринимает, не отражает (что-л.)», из агә «сердце», аныԥра – анымыԥра «отражаться – не отражаться», «воспринимать – не воспринимать», ср. также аныр-ра «чувствовать».

Как известно, в абхазском языке слово агә «сердце» выражает процессы мышления: думать, размышлять, вспомнить, сообразить, решить, ср. ихы азцеит – игә азцеит «голове понравилось – сердцу понравилось»; ихы ицнаҟсит – игә ицнаҟеит «голова сообразила – сердце сообразило».

Анымха «бездельник», из анымхара «не хозяйствовать», букв. «не хозяйствующий, лодырь».

Агәмшәа – «бесстрашный, храбрый», из агә «сердце», м – аф. отрицания, шәа от ашәара «бояться».

Аҭәамшьара «пренебрегать, презирать», из аҭәара «подобать», м – аф. отрицания, ашьара «считать», букв. «не считающий себе подобающим». Морфема м(а) с отрицательной функцией образует также немало имен.

Амуча «лодырь, паразит», из м – префикс отрицания, у от аура – делать, ча от ачара – «питаться», букв. «питающийся, не делая дело».

Аилымга «тупой, бестолковый, несообразительный», ср. положительную форму: аилга-амш еилгеит «погода прояснилась», аилга «прозрачный, ясный».

Иакум «не положенное», «что не следует», и – показатель III л. кл. вещей, ед. ч., акә от акәзаара «быть», м – суф. отрицания.

Амыҟәшәатә «ужас», м – аф. отрицания, аҟәшәара «случится, попадать», тә – суф. принадлежности, букв. «то, что не должно случиться».

Амыжда «лукавый», из м – аф. отрицания, ж от ажра «хоронить, копать», да – суф. лишения, букв. «непохороненный, нехоронимый», «лукавый», ср. рус. «непотопляемый».

Азымхара «не хватать», иазымхеит «не хватило (чего-то)», из азы – «для кого-чего-то», м – аф. отрицания, ахара «тянуть», букв. «недотянуть (до нужного предела)».

Амыхьтә «ужас», из м(ы) – аф. отрицания, хь – «боль, случиться» от ахьра – «болеть, случиться, произойти что-нибудь с кем-нибудь». Таким образом, амыхьтә изначально должно было означать «то, чему не должно было случиться, произойти».

Амыкә «шишка», «нарост», из м(ы) и кә «овальный».

Арымзаа «полчище», из р – собирательное множество, мзаа – амзаара «иссякать», м – аф. отрицания, з – «край, предел», аа – пространственный суффикс, букв. «бесконечное множество», «нескончаемое».

Аҭамцара «простить, извинить», из аҭа «место», м – аф. отрицания, ц – суффиксоид со значением действия, ср. аҭацара «класть» – аҭамцара «не класть», ср. анцәа саҭоумцан «Бог, прости», т.е. «не закладывай, не клади меня перед кем, чем-то».

Цасым «грешно», из ацас «обычай», адат «уклад жизни, характер», из ца от аца «основа, основание», с – превратительный аффикс, букв. «в качестве основы, основополагающее», а цасым «неположенное (по религиозным представлениям)», «табу». Заимствовано груз. цеси «правило», хотя в специальной литературе рассматривается как обратное заимствование – из груз. в абх.

Ашҳам «яд, отрава», из ш «белое», ҳам «не полезное», ср. ахаҳара «идти на пользу», но ахамҳара «не идти на пользу».

Ахәмга / ахәнга «осквернитель», «подлый, нечестный, коварный», ср. аҕа хәмга «враг осквернитель», образовано от ахә «темный», ср. ахәашь «грязный, мутный», ангара «носить», букв. «проносящий муть (скверну)».

Амыҕәа «мучение, наказание», из м и ҕәа от аҕәра «скоблить, выравнивать», ср. аҕәхра «уничтожить, разгромить» и др. Слово амыҕәа встречается чаще в сочетании с аџьа «труд»,

ацьамыҕәа «тяжкий труд», амыҕәацәгьа «мучение, тягость».

Морфема **ҕә(а)** обнаруживает аналогичные значения во всех своих реализациях: аҕәы «доска», букв. «нечто жесткое», аҕәра «уздечка», аҕәакьиа «особый вид железа», аҕәҕәа «крепкий, сильный» и др. Представлено в адыг. мыгъуа «несчастье». А.К. Шагиров на адыгской почве разъясняет таким образом: м – аф. отрицания, ҕәуа «время, пора». Соответственно абхазскую форму причисляет к адыгизмам. [Шагиров, 1988: 271].

Атәым «чужой, чужак», из атәы «свой», м – аф. отрицания, букв. «не свой».

Ацәама «глиста», из ацәа «кожа, поверхность, внутренность», ср. ицәа иалашәеит «внутренне почувствовать» и м – аф. отрицания.

Ирахәм «плохой, негодный», ср. игәы рахәм «ему не здоровится». Ирахәм «негодный» от арахә «годный». Вскрывается в выражении рахә узцшит «Чтобы тебе сопутствовала удача (пожелание при встрече)». Первоначально «Чтобы тебя ожидало нечто ценное», из ахә «цена», аахәара «взять с собой», «купить» (ахә змоу, акыр иацсоу – «нечто ценное»), хә вскрывается в слове арахә «животное, скот», букв. «нечто ценное».

Агәрамга «подозрительный», «не доверяемый», из агәра «внутреннее достоинство», м – аф. отрицания, га → агара «нести, брать, взять», агәрагара – агәрамгара «доверять – не доверять».

Агәнымаԥ «невосприимчивый», из агә «сердце», м – аф. отрицания, аныԥра «отражать», букв. «у кого сердце не воспринимает, не отражает что-либо».

Ихәарҭам «плохой, плохо», из ахәарҭа «полезный, годный», «помощь», м – аф. отрицания, букв. «негодный», «плохой». Из нее формируется школьная оценка – «плохо».

Хар амам (→ **ахара** «вина» + **амам** «не имеет»), первоначально в религиозном значении «не иметь вины, укора (от богов)», связанные с нарушением ритуалов, главным образом,

в жертвоприношении, букв. хара-амам – «не имеет укора, вины». В дальнейшем данное слово становится также школьной оценкой: «не иметь вины → удовлетворительно, посредственно».

Агәлымцәах «незабвенный, незабываемый», из агә «сердце», алымцәара «не кончаться, не иссякать», букв. «из сердца не уходящий, не исчезающий».

Атәамбара «пренебрегать кем-нибудь, чем-нибудь», из атәы «свой, собственность», м – аф. отрицания, абара «видеть, смотреть», «считать», букв. «не видеть своим».

Амыхәа, **Рада мыхәуа** – припев свадебной песни, от амыхәара «не совладать, не справиться с кем-чем-л.», ср. ахәара –амыхуара «совладать – не совладать», букв. «неодолимый, неукротимый Рада».

Ҳаҕеимш «ужас», ҳа – притяжательный префикс I л. мн. ч., аҕа «враг», амш «день», букв. «день нашего врага (ужасный)».

Агәмшәара «отвага, бесстрашие», букв. «бесстрашное сердце».

Амзанра «чудесный, прекрасный», из м-, за – корень, степень продления признака, качества, «предел чего-либо», ср. аназара «достичь предела чего-либо», ан – «находиться».

Ашәымкьаҭ/ашәынкьеҭ «помост, вышка», куда укладывали пораженных молнией домашнюю скотину и человека. Помост устраивался на четырех ножках с перекладиной, соразмерной с убитыми. Это было связано с тем, что по религиозным представлениям абхазов молния бьет и поражает по велению могущественного бога грома и молнии и всяких атмосферных явлений – Афы. В этнографической литературе представлено обстоятельное описание обрядов по случаю смерти человека и животных от удара молнии, имевшие место в разных уголках Абхазии [С. Званбая, С. Джанашия, Н. Альбов, Г. Чурсин, Ш. Инал-ипа и др.]. Согласно религиозным верованиям абхазов, все пораженные молнией существа становятся достоянием божества и они объявляются неприкос-

новенными. В связи с этим смерть от молнии считалась блаженством, счастьем, соответственно ее надо не оплакивать, а праздновать – радоваться, веселиться, плясать, устраивать пир, чтобы не разгневать Афы. Этим объясняются особенности обрядов, проводимых при поражении молнией домашнего скота и человека: это – укладывание останков погибших на высокий помост – ашәымкьаҭ, моления божеству Афы, исполнение круговой пляски с особой песней Оҭлар–Чопа, жертвоприношения. При этом если пораженные убиты, то их оставляли на помосте до полного разложения, истления, а если только повреждены, их спускают с помоста и переносят домой, а ашәымкьаҭ разбирают на части и оставляют обломки на месте, их нельзя трогать.

Исходя из вышеизложенного, несложно представить этимологию слова ашәымкьаҭ «помост». Данный предмет получает свое наименование по своему первичному назначению, связанному с религиозными верованиями, молитвенному обряду божеству – Афы. Слово ашәымкьаҭ членимо на ашә(ы) от ашәара «мерить, измерить, определить величину (длину, ширину)», м – аф. отрицания, кьаҭ от глагольной основы акьаҭара «умереть, погибать», «гаснуть» – о пораженных молнией, а также гибели некоторых насекомых. Акьаҭара употребляется и в значении «гасить огонь» – амца кьаҭеит. Если сложить все части данного слова, этимологически оно должно было означать: «емкость для не погибших, не скончавшихся». Подтверждением может служить и тот факт, что слово акьаҭара приобретает значение «осчастливить, обогатить», ср. диркьаҭеит «он его осчастливил, обогатил». А для семантики шәа можно привести еще не одно аналогичное слово: аишәа «низкий стол (круглый, треугольный, длинный)», аишәахьча «столик для пастухов», где шәа также связана с глагольной основой ашәара «измерить», букв. «нечто отмеренное», аҳәышәҭа «деревянное сооружение культового назначения у пастухов, также для пораженных молнией». Само слово акьа-

ҭара изначально скорее должно было означать не «погибать, гасить и т.д.» (Шакрыл, 1986: 331), а «раздавить, размякнуть», «сделать дряблым», для семантики ср. значение ҭ в слове аҭыртҭырра «трепыхаться, становиться дряблым, мягким».

В специальной литературе имеются другие этимологии, так, например, С. Джанашия ашәымкьаҭ возводит к мегр. сум-кети, букв. «три палки», из сум «три», кети «палка». Однако, на наш взгляд, в этом не было никакой необходимости. Существует также мнение, что ашәымкьаҭ букв. «вместилище для сыра». Для подтверждения приводится название нартской винной амфоры ҩазамкьаҭ, переводимое как «вместилище для вина». [Кварчия, 1981:114]. Однако в абхазском языке мкьаҭ в значении «вместилище» отсутствует, хотя значение одной части слова могло переместиться на другую часть, но это вторичное явление. Ашәымкьаҭ изначально не был предназначен для сыра.

Как известно из фольклорных материалов, у нартов было несколько винных амфор с различной емкостью: это – ҩазамакьаҭ, хамхәа, агазакьаҭ, аҩазакьат и др. Среди них особое место занимала амфора с емкостью 600 кувшинов, называемая ҩазамакьаҭ. Вино в этой амфоре обладало волшебной, сверхъестественной силой, оно никогда не кончалось, сколько бы его ни черпали. Отсюда и его название – ҩазамакьаҭ «нескончаемое свежее вино», из ҩа «вино» (аҩы), за «свежий» (аза), мкьаҭ «нескончаемое». И оно обладало особой силой: выпив, нарты становились еще могущественнее. Таким образом, еще раз подтверждается, что ашәымкьаҭ первоначально должно было означать: «нечто отмеренное для непогибших», «нескончавшихся». Другой же вариант данного слова ашәинкеҭ обозначает совершенно противоположное значение: «несчастный, убогий». Первоначально это люди, которых поразила молния, но остались в живых с различными увечьями – искалеченные, изуродованные, пришибленные. Это стало возможным благодаря тому, что в слове ашәымкьаҭ – аффикс

отрицания м убирается с заменой на н ← (м). Объясняется это тем, что по представлению древних абхазов погибать от удара молнии – это счастье (он облагодетельствован божеством), а остаться в живых с увечьями – это несчастье (он отвергнут, наказан божеством).

Таким образом, благодаря замене м на н круто меняется значение ашәамкьаҭ «благодать, счастье»; ашәинкеҭ «несчастье, убожество».

Исходя из вышеизложенного становится ясным, что этимологизируемое нами слово первоначально не имело никакого отношения к сыру, это было бы кощунством – класть сыр на ашәымкьаҭ. Но нельзя исключить и то, что в связи с потерей первичного назначения оно могло приобрести новое: «емкость для сыра».

Атәымацьара «чужбина», из атәым «чужой» (→ атәы «свой» + м отриц. ч.), цьара «где-то».

Амараҳәра «увиливать», из амара и аҳәра «сворачиваться, свернуться, скататься».

Амбатә «ужас, много, множество» из м – аф. отрицания, абара – «видеть», тә – аф принадлежности, букв. «то, что не должно видеть».

Морфема ма также широко представлена в глагольном словообразовании в качестве преверба-основы. Может сочетаться:

а) с корне – суффиксами: **ц** – амцра «отойти от чего-то», «уйти от чего-то», «оторваться от чего-то», амхра «отнимать, оторвать», амхара «теребить, возиться», амахара «проиграть».

б) с некоторыми глагольными основами – амсара «отрезать» от асара «резать», амжәара «оторвать», амакра «оспаривать», амҟьара «отскочить», амҽара «отломать» от аҽара «мотыжить», «разрыхлять» (землю мотыгой), «отламывать», амбара «высохнуть, иссякать (об источнике), амҷара «отломиться», амцәара «кончаться».

в) со связанными корнями: амажьра «иметь много чего-либо», амкьра «торчать», амцәара «кончаться, иссякнуть», амараҳәра «увиливать, уклоняться», амдара «подхватить», амҳәара «отвалить» и др. [Ломтатидзе, 1982: 46; Клычев, 1994: 38; Чкадуа, 2005: 85].

Морфема ма с другими морфемами образует сложные морфемы с одними значениями. Амха категория непроизвольности в значении «невольно»: амхаҳәара «невольно сказать что-либо», амхагара «невольно взять что-либо», амхафара «невольно съесть что-либо», амхацәыура «невольно заплакать», амхаччара «невольно засмеяться» и др.

Аим(а) – с огласовкой и без огласовки выражает реверсивные значения типа соединение – разъединение. Состоит из аи – «совместно», м(а).

Данная морфема аим(а) сочетается:

а) с корне-суффиксами ла-, ц-, х-аимыцра «разойтись», аимыхра «разобрать, разъединить, разбросать», аимаҕьара «заживать» (о ране).

б) со связанными корнями – аимжәара «разорвать друг от друга», аимадара «соединить, связать», аимшра «рассыпаться в разные стороны», аимаҳара «сомкнуться», аимцәара «разобрать, разграбить», аимдара «обменяться чем-то», аимшәшәра «рассыпаться на части», аимсара «чихнуть».

в) с глагольными основами – аимырҕәҕәара «сжать», аимакра «оспаривать друг у друга», аимќьара «раздвинуться, разверзнуться», аимжәара «расчленить, разорвать», аимацьгәара «сжать», аимырххара «растягивать в разные стороны», «оспаривать», аимабзиара «содружество», аимҳәара «разомкнуть», аимҳәы «кашель», аимара «иметь друг друга» и др.

Ампы «захватить, прибрать в руки, к рукам», ампыцакра «находиться в руках, держать, овладеть», ампыцхра «взять из рук», «выхватить из рук».

Амќә «держать в сжатой руке, в кулаке» – амќуцхра «вырвать из кулака», амќәцацжәара «взорваться в кулаке».

Мца – «перед кем-либо, чем-либо»; амцагылара «стать перед чем-то», амцра «оторваться, отойти», амцхра «убрать перед кем-то», амцацара «положить, поставить перед кем-то, чем-то» [Ломтатидзе, 1982: 52].

Мҭа – означает «нахождение чего-либо на пальце, на талии», амацәаз лымҭалцеит «она надела перстень (кольцо) на палец», амаԥа имҭаицеит «он надел пояс».

Морфема м(а) в варианте ыма – выражает категорию «кажимости» в глагольных образованиях: исымаирехуеит «он нахваливает», исымаирбзиеит «он показал то хорошим», длымарыцҳахеит «он показался ей несчастным, бедным» [Ломтатидзе, 1970: 15].

Ама выражает связь между кем-то, чем-то: амадара «подхватить (песню)», амакра «оспаривать», амахара «проиграть».

В абхазском языке встречаются и заимствованные слова с морфемой м(а), но они стоят изолированно , одиночно. Для наглядности приведем несколько примеров:

Амҳәыр «печать» – из тур. muhur «то же».

Амаден «руда» – из тур. maden «металл, руда, минерал».

Амармал «мрамор» – из тур. mermer «то же».

Амаҳмыз «шпоры» – из тур. mahmuz «то же».

Адима «ткань» – из тур. dimi «то же».

Алмас «алмаз» – из тур. elmas «то же».

Амхалдыз «магнит» – из тур. mihladis «то же».

Амашьа «щипцы» – из тур. maša «то же».

Амардуан «лестница» – из тур. merdiven «то же».

Ачыԥьмацьа «сундук» – из тур. cekmece «то же».

Адашьма «пол» – из тур. dešeme «то же».

Аҳамам «баня» – из тур. hamam «то же».

Амацкара «шут» – из тур. maskara «то же».

Акурма «мясо, жаренное в собственном соку» – из тур. kavurme «то же».

Асырма «галун» – из тур. sirma «то же».

Амыркан «бязь» – из тур. amerucan «то же».

Алаҕәм «мина» – из тур. lagim «то же».

Аҭаалым «зарядка» – из тур. talim «обучение, ученье».

Аҭеслымра «капитуляция, сдача в плен» – из тур. teslim «то же».

Азамана «прекрасно» – из тур. zamaene «то же».

Аеҭым «сирота» – из тур. yetim «то же».

Амилаҭ «нация, народность» – из тур. mielt «то же».

Амҳәыр «печать» – из тур. mlih «то же».

Аҭамам «точный, правильный» – из тур. taman «то же».

Амаалыкь «ангел» – из тур. meldd̓ke «то же».

Амаамын «обезьяна» – из тур. maymun «то же».

Амарҭақ «рейка» – из тур. mertek «то же».

Амыркац «стропило» – из тур. makas «то же».

Асамарлыкь «чума, холера» – из тур. selmelik «то же».

Ашьамсиа «зонт» – из тур. љemecye «то же».

Цьаҳаным «ад» – из тур. Gehennem «то же».

Амарцхьал «золотник» – из тур. miskal «то же».

Амамиа «шомпол» – из тур. meme «то же».

Ашьацма/асачма «дробь (ружейная)» – из тур. saиma «то же».

Амалҳам «мазь» – из тур. melhem «то же».

Амарцхьал «золотник» – из тур. mircxal «то же».

Агумрыкь «таможенная пошлина» – из тур. gьimrьik «то же».

Аҭарцьман «переводчик» – из тур. tercuman «то же».

Алмас «алмаз» – из тур. elmas «то же».

Адамаҭ «связка (табачных листьев)» – из тур. demet «то же».

Аҳақьым «врач, доктор» – из тур. hekim «то же».

Амаден «руда, металл» – из тур. maden «то же».

Емына «чума, мор» – из тур. jaman «плохой».

(Материалы из турецкого языка взяты из работы А.Н. Шагирова «Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков». Москва, 1989).

Как уже не раз отмечалось нами, все исконные абхазские слова, схожие с картвельскими, в иберийско-кавказском языкознании были отнесены к картвельским заимствованиям без каких-либо комментариев, как само собой разумеющееся. Исключение не составляют и исконные слова с морфемой м(а), рассмотренные выше: амажәа «тесто», агьама – гемо «вкус», ашҳам – шьхами «яд, отрава»; амаҷар – маҷари «молодое вино», амакьа – макье «жеребая, щенная», амаԛьа – маԛье «точильный камень», амзыз – мизези «кара, вина, причина», атама – атами «персик» и др. [Ломтатидзе, 1976; Шагиров, 1989].

Литература

1. Гублиа Р.К. Абхазо-адыгские этимологии. – Сухум, 2004.
2. Кварчия В.Е. Животноводческая лексика в абхазском языке. – Сухум, 1981.
3. Климов Г.А. Абхазо-адыгские этимологии. Заимствованный фонд. // Этимология. – Москва, 1966.
4. Ломтатидзе К.В. К вопросу об исходных видах слов «рука», «нога» в абхазо-адыгских языках. ИКЯ. Т. XV. – Тбилиси, 1966.
5. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М., 1977.
6. Хеция А.Дж. Неологизмы в абхазском языке. – Сухум, 1988.
7. Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. Материалы по яфетическому языкознанию. – СПб., 1912.
8. Шагиров А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. – Тбилиси, 1976.
9. Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. – Тбилиси, 1976.
10. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухум, 1978.

11. Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских языках. – Тбилиси, 1956.
12. Трубецкой Н.Ф. Основы фонологии. – М., 1960.
13. Шагиров А.К. Материальные и структурные общности. Лексика абхазо-адыгских языков. – М., 1982.
14. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. – М. – Л., 1948.
15. Марр Н.Я. О положении абхазского языка среди яфетических. Материалы по яфетическому языкознанию. Т. V. – Спб., 1912.

Морфема ц(а). Морфема ц(а) в своих реализациях выражает однородные значения типа «перед», «впереди», «вначале», «раньше», «прежде», «у», «около», «возле», т.е. нахождение кого, чего-н. впереди. Все вышеуказанные значения производны одно от другого. Как показывает анализ фактического материала в большинстве случаев данная морфема сохраняет свою семантику весьма четко, но немало слов, в которых она становится антисемантичной, приняв лишь структурную функцию. В этих случаях она ничего не добавляет к значению слова в целом. Как известно, в результате языковых изменений меняется слово не только внешне, но и внутренне, т.е. фонетический облик и его смысл, его значение.

Морфема ц(а) образует множество именных и глагольных основ, как в качестве корневых, так и аффиксальных морфем.

Глагольные образования. Это прежде всего основа статического глагола ацра/ацызаара «быть установленным, принятым, положенным» (за основу), ср. ус иацуп «так принято» (обычай, адат). Ацнызаара «быть расположенным возле кого-чего-л. (моря, реки)». Морфема ц(а) образует также ряд динамических корней.

Ацара' «вязать, плести», ср. лыхцәы лцеит «она сплела косы».

Ацара «разредить, выдергивать (траву)».

Ацара «с трудом пробираться через что-то» (толпу); «разрежая что-л.» (посев)».

‘Ацара «прыгать», «одноактное, однократное действие».

Морфема ц(а) в глагольном словообразовании в качестве преверба-основы, сочетаясь с различными компонентами, образует множество производных глаголов, привнося в них вышеназванные значения.

Морфема ц(а) может сочетаться:

а) с корне – суффиксами: ла – ацылара «встречать»; ца – ацца̀ра «создать», «положить начало», «творить», «ввести»; х – ацыхра «отменить», «ликвидировать»; ха – ацхара «лишиться кого, чего-л.».

б) со связанными корнями: ацаҳара «наткнуться, напороться на кого, что-л.»; ацасра «опередить кого, чего-л.»; ацшьра «соединить что-л. с чем-л., присоединить»; ацḱара «резать, бить, сечь, кроить»; ацшра «смотреть, ждать, гадать, вид, внешность»; ацаḱьара «вырваться вперед, выскочить»; ацызара «предводительствовать» и др. [Ломтатидзе, 1982:42; Клычев, 1994:18; Чкадуа, 2005:90].

Морфема ц(а) в сочетании с другими морфемами образует немало сложных морфем с одними значениями, также широко представленными в глагольном словообразовании: Ацыра «заслон, преграда», из ц «впереди», р – аффикс каузатива – ацыракра «заслонить, закрывать», ацыражьра «забросать, завалить», ацыраҳәара «подвязать» (спереди), ацыраҳәа «фартук», ацыргара «отодвинуть, убрать (преграду)», ацырḱьара «отскочить от чего-л.», ацыртра «развязать», апыргылара «загородить» поставить преграду букв. поставить ширму; апын/ацны «прилегать к чему-то (возле, около)» от ацынра «находиться около кого, чего-л.», ср. амшын сацнуп «я живу (нахожусь) около моря». Состоит из ц «впереди», н(ан) от анра, анызаара «находиться, располагаться» (на горизонтальной плоскости, на земле), ср. адунеи дануп

«он располагается в мире (двигается по миру, т.е. живет)». Образует ряд производных глаголов: ацынтәалара «сидеть около кого-то, чего-л.» (у постели больного); ацынгылара «становиться впереди кого, чего-то»; ацынкылара «предъявить (обвинение); ацынххылара «устремиться на встречу»; ацынгалара «понести на встречу» и др.; ацхьа «впереди», из ц– хьа со значением направления в разные стороны, чаще в обратную сторону, к себе; ацхьара′ «устремиться на ночлег», «убраться к себе, на свое место»; ацхьацара «отогнать обратно»; ацхьаҳәара «причесать (назад)»; а′цхьакра «припрятать, убрать (на свое место)»; ацхьара «звать (к себе)»; ′ацхьара «читать», букв. оттуда – сюда (к себе) направить»; цс/ цс’ – движущаяся однородная масса, из ц «начало», с/с’, «двигаться». Целостные морфемы цс и цс’ используются для дифференцированного обозначения различных движущихся масс: воздуха, воды, птиц, рыб и др.

Морфема **цс** – со свистящим спирантом обозначает исключительно воздух и производные от него слова, например, «воздух» апсы – ср. ицсы леига-ɷеигоит «он дышит», букв. «он гоняет воздух вниз – вверх», отсюда и вторичное значение – апсы «душа, дух», от которого образованы немало производных глагольных основ и имен: ацсынцры «продолжительность жизни», «срок жизни», из апсы «дух, душа», и анцыра/ анцра «существование кого, чего-н.» в свою очередь расчленяющийся на ан – горизонтальная плоскость (земли) и ац′ра/ ацра «прохождение определенного времени», ацсата «место обитания души, благодеяние»; ацсгара «передохнуть»; ацсзара «затаить дыхание», ацстазаара «жизнь», букв. «нахождение души (в чем-то)»; ацстацара «оживить», букв. «положить душу вовнутрь»; ацсшьара «отдыхать»; ацсцара «испугаться»; ацсхыхра «испускать дух, умереть»; ацсмачра «обморок»; ацснырхара «спасать» (душу); ацсые «слабый, слабохарактерный», из ацсы «дух, душа» и аера «сгибаться, согнуться»; ацстҳәа «облако», «туман»; ацсыхәа «возмож-

ность», «помощь», «прием, выход, неукротимость», ацсыцкьара «честность»; ацсыцәгьа «жадный»; цсызхоу «все живое, все, у кого душа»; ацсхҭынцара «самопожертвование»; ацсадгъыл «родина, отечество»; ацсада «беспомощный»; ацсхацсы «падаль», из ацсы «душа, дух»; ахацсра «умереть, над чем-н., т.е. умереть, не выпустив (не испустив) дух».

Морфема **цс** образует также глагольную основу ацсара «подметать», связанную с массой мусора: метя, очистить какую-либо поверхность от сора, пыли. Основа ацсара в сочетании с различными превербами – основами образует производные глаголы со значением «сыпать (о сыпучих веществах)»: алацсара «сыпать в какую-либо среду», ахацсара «насыпать сверху», «дополнить», акацсара «рассыпать сверху вниз», аилацсара «смешивать, перемешивать» (сыпучие вещества), ақәцсара «набросать сверху, сеять (семена)», аҭацсара «засыпать» (в какую-либо посуду, в полое пространство), ацацсара «подсыпать» (снизу), аҿацсара «сыпать по лицу», аԥонацсара «всыпать внутри чего-л.» и др.

В остальных случаях представлен цс’ со свистяще-шипящим вариантом. Ацс’абара «природа», из цс’а «движущаяся масса», абара «видеть».

Ацс’лымз «песок», из пс’, «сыпь», и алымзра «нерастворимый, не растворяться». По мнению Б.Г. Джонуа, ацс′лымз из апслымса.

Ацс’ыз «рыба», букв. «движущаяся масса в воде».

Ацс’аа «пернатые», из пс’ и аа – пространственный суффикс.

Ацс’ас’а «мелкий рогатый скот», из цса «нечто подвижное», с’а «мелкий», ср. аса «кусок».

Ацс’ҭыр «полчище», из цс’ «движущаяся масса», ҭыр «гибкий».

Вариант пс’ы представлен также в наименованиях рек и производных от них слов: Пс’оу, Аацс′ы, Хыцс’ы, Лашыцс’ы, где цс′ представлен в значении движущаяся масса (воды).

Однако для различия одной реки от другой к нему добавляются различные компоненты. [Гублиа, 2004:49].

Морфема **ц(а)** в качестве суффикса также выделяется в ряде географических наименований в значении «устье, начало, край»: Хәац, Гарц, Гәарац, Пшьац, Бзыц и др.

Морфема ц(а) в ряде случаев помогает раскрытию этимологии слов в целом.

Ацасра «опередить, обогнать» из ца «спереди», с – связанный корень со значением движения, ср. аиасра «пройти мимо чего-то», ахысра «переходить через что-л.» и др. С этим связано и слово ацаса «ранний». Последний представлен и в адыгских языках в виде паă/пас «ранний», который Шагиров по адыгскому материалу разъясняет иначе: ă «сеять», «сажать», букв. «первый посев», на этой основе абхазскую форму причисляет к адыгизмам [Шагиров, 1977:8].

Ацҿера «разбить», «ломать», ацҿеера «разламывать», «разбивать» (на отдельные куски), ср. ацҿеха «обломок», аеыҭ «ломтик». Морфема ҿ соотносится со словом аҿара «мотыжить, разрыхлять» (на отдельные комки землю).

Ацшра «смотреть», «обозревать», «вид», из ц «вперед», ш «простор, воздушное пространство, космос», букв. «в простор, в воздушное пространство».

Ацшаара «искать», из цш «смотреть», аа – пространственный суффикс, букв. «просматривать пространство».

Ацаара «заниматься жречеством», ацааѡ «жрец», из ц «перед, спереди», аа – пространственный суффикс со значением направленности действия оттуда – сюда. В словообразовании широко представлено в значении «хватать, срывать», ср. ахцаара «срывать с головы (шапку)», аҟәцаара «схватить сверху что-н.», алцаара «выхватывать из какой-либо среды», аҿцаара «схватывать изо рта, с лицевой стороны».

Использование данного слова для обозначения «жречествовать», «жрец» объясняется тем, что жречество – это общение с богом. А жрец – посредник в общении людей с

богом, который должен был схватывать, улавливать легко, на лету мысли бога. Развитие значение слова ацаара идет от «схватывать → хватать – в сторону «достигать→ постигать→понимать», ср. рус. «схватывать на лету, улавливать (мысль)», нем. grejfen «хватать», begrejfen «понимать» и др. Семантическим источником значения «понимать» послужил глагол движения, достижения какой-то цели, что наблюдается в разных языках независимо друг от друга. Этот типовой характер изменения значений слов объясняется общностью мышления человека, которая проявляется несмотря на различия, существующие между языками.

Ацхьакра «припрятать», из ацхьа «впереди», акра «держать».

Ацыжәара «превосходить», из цы, жәа тот же элемент, что в ажәылара «наступать (плотно, густо)».

Алацшра «высматривать», из ла «среда», ацшра «смотреть».

Аҭарцқара «проглотить, влить (вино)», из ҭа «место», р – аф.каузатива,

цқара, ср. цқара – цқара «быстро-быстро».

Аццра «откалывать, ломать кусками. Слово образовано по способу действия.

Ацхашьара «стыдиться, стесняться», из ацха «лишение, потеря», ашьара «считаться», букв. «с лишениями считаться».

Ацыхьашәара «достаться», ацыхьа «впереди», шәа «падать».

Ацырхагара «мешать», из ацыр «заслон», р – аф. каузатива, ха – суффиксоид со значением «задержаться, застрять.

Ачацара «ковать, готовить, сооружать».

Аҵацшьара «бодрствовать, дежурить, караулить, бдеть (возле постели больного), для семантики ҵа ср. аиҵаҳара, аҵаҳара «заботиться, лелеять, экономить».

Аҿацара «возразить, зацепиться», из аҿы «лицо», «рот» ацара «прыгать».

Аҽацҿера «разоблачить», из аҽы «лицо», цера «разбить», букв. «разбить в лицо что-либо».

Атоцра «нерест, икрометание». Звукоизобразительное слово, особые движения при икрометании, букв. «выпрыгивать».

Ацашашара «гарцевать», из редуплицированной основы ша-ша «крутиться, вертеться», ср. аршара «вить, крутить».

Аҟәдырцара «гадать на фасоли», из аҟәд «фасоль», арцара «бросать».

Ахыццара «шелушиться (о коже)», из ахы «сверху», аццара «крошиться», «отскакивать».

Ахырцара «отсрочить», из ахы «через голову», арцара «заставить перепрыгнуть, проскочить», «отсрочить»

Аццыҳәара «иметь желание», из аццы «сопровождать», аҳәара «просить», «говорить».

Ахарцара «накидывать, накрывать», из аха «сверху», арцара «кидать».

Ахацызара «самовольничать», из ахы «себя», ацызара «опережать».

Ахацара «овладеть, объять, накрыть», из ахы «сверху», ацара «прыгнуть, наскочить».

Алцхара «просвечивать», из л «однородная среда», ацхара «светить».

Алцха «милость, благодать, свет, тепло, благо», ср. анцәа улцха ҳаҭ «дай бог твою милость, свет, тепло».

Агәацхара «нравиться», из гә «сердце», ацхара «теплеть, греть, светить».

Ахцара «отскакивать» (о кожуре), «заносчивый».

Морфема ц(а) образует немало и именных основ, в основном в тех же значениях, что и в глагольных образованиях.

Аца «сын», букв. «начальный, родоначальник». Это, надо полагать, из проявлений особого положения мужчин в обществе, в хозяйстве и в общественных отношениях, возникшие при первобытно-общинном родовом строе.

Ацагәа «куцый, тупой», из ца «перед», гәа «овальный».

Ацаҟьа «плоский», из ца-, ҟьа от аҟьаҟьа «гладкий, плоский».

Ацан «брод», из ц «перед», н – локативный суффикс.

Ацанда «бесхарактерный, вздорный», букв. «без брода».

Ацарда «занавес», из ца «спереди», р – аф. каузатива, да «черта, линия», ср. аҩада «верх, север», букв. «верх – линия, черта», алада «низ, юг», «линия, черта», ср. ада «вена, артерия (нечто простирающееся)».

Ацаԥа «усы», из ца «перед, впереди», ԥа – «низ», букв. «низ переда (носа)» или «дно носа». Имеет соответствие в адыгских языках пашъа/пача «то же», получающий одинаковое с абхазским объяснение, однако А.К. Шагиров предпочитает видеть в абхазском адыгское заимствование [Шагиров, 1977:8].

Ацагьа «гордый, надменный, высокомерный», из ца «вперед», гьа от агьагьара «двигаться кругообразно вперед, грациозно, игриво, кокетливо», ср. Ацҳәызба дгьагьо асасцәа рымаԥ луан – «девушка игриво, кокетливо кружась, обслуживала гостей»; Амра гьагьо ажәҩан икыдланы иҩәиуан – «Солнце, грациозно кружась, поднималось по небу»; имеет соответствие в адыгских языках – цаг′ «гордый». А.К. Шагиров расчленяет его на ц – «нос» и г′, который возводит к общеадыгскому слову бг′ы «гора». Исходя из этого, абхазское ацагьа причисляет к адыгизмам, без какой-либо попытки привлечь абхазский материал. Допускает и другой вариант объяснения – из ц – льаг′а «высокий», где, по его мнению, могло выпасть льа: цлъага → цага. [Шагиров, 1977:7]. Но это маловероятно.

В абхазском языке элемент гьа широко представлен в словообразовании как с позитивным, так и негативным значением, ибо глагольная основа агьагьара может выражать и негативное значение агьагьара «еле волочиться по жизни», ср. позитив – агьама «вкус», азардагь «буланая лошадь», амгьал «чурек», агьажь «круг», аергь «божество», агьад «лебедь»; негатив –

амаҳагьа «кровосмеситель», ацыгьра «лягать», агьангьаш «коварный», абрагь «абрек», ацәгьа «плохой», «зло, злостное намерение, клевета, трудный» и др.

Ацшьырҳа «посуда для жидкости», из цшь «бок, сторона», ср. ацшь хәхәаза «бок длинный, узкий», р – каузатив, ҳа «высокий».

Ацышәара «испытывать», «опыт, экзамен», из ц и шәа «мера», от ашәара «измерить».

Агәҳәцы «женская грудь», из агә «овальный», ҳәцы «выступ».

Аилацатара из аилаца «спутаться, перепутаться», та – суф. разнонаправленности действия, ср. абгьатра «расковырять (в разные стороны)».

Ацстыр «полчище, войско», из цс «движущаяся масса», ты «гибкий», р – суф. абстрактности.

Ацача «сторожевая птица», из па «впереди», ча тот же компонент, что в ахьча «сторожить, караулить, оберегать, защищать, пасти».

Ацарч «обертка кукурузного початка», из ца «спереди», р – каузатив, ч – «ворох».

Ацарцал «мошки», ср. также ацарцалыкь «бабочка», ахьчцацыр «то же». Звукоизобразительные слова от ацарцарра «порхать», «махать крыльями, подергиваться».

Ацгала «удача», из ц «впереди», га от агара «взять», ла – суффиксоид.

Ацс'аа «пернатые», из цс' «движущаяся масса», аа – показатель собирательного множества.

Ацсата «место души после смерти».

Ацсаҳәа «влажный», из цс и ҳәа, от аҳәра «валить, выпадать», ср. азаза ҳәит «роса выпала», «навалила».

Ацра «парус», букв. «развевающееся».

Пымкрада «беспрепятственно». Основой является ацкра – ацымкра «препятствовать – не препятствовать», «задержать – не задерживать».

Ацыхьашәара «попадаться, достаться», из ацыхьа «спереди», шәа «падать».

Аҭарцқара «влить», ҭа «углубление», р – каузатив, цқара, ср. ацқара – цқараҳәа «быстро проходить».

Акәдырцара «гадать (на фасоли)», из акәд «фасоль», арцара «бросать», «кидать».

Ацаца «личинки червей», ацарцал «мошка», соотносится с арццара «расчленять».

Ацашь «пузо, брюхо», из ца «спереди», шь «выползать», ср. акылшышьра «то же».

Ацхныга «каменный пестик», из ц-, х «толочь» от ахра «то же» и аныга «орудие», от аныгара «проводить», «убирать».

Ацаҷьа «первенец», из аца «сын», ҷьа – оценочный суф., ср. аҷьҷьа «блистать, переливаться», ацаҷьцаҷь «гарцевать, красоваться».

Ацгара «опережать», из ц – «вперед», агара «взять», «нести», ср. ацгалара «понести на встречу».

Ацдын «торока (у луки седла)», от ацдара «продеть, вдеть (спереди)».

Ацкра «препятствовать, запрещать», из ц «спереди», акра «держать, удержать».

Ацрықәцә «грива», ц «перед», р – аф. притяжательности и ақәцә «верхушка, макушка».

Ацсаҭа «благодеяние», из цс (а) «душа», аҭа от аҭара «давать, приносить».

Адаца «рама (для сита)». Звукоподражательное слово, ср. адацдацра «хлопать, ударять (по бокам сита)», адыц «стук», адыцдыц «стук за стуком».

Аҽацыц «уста», аҽацыцтә ҳәамҭа «устное творчество», из аҽы «рот», цыц «зубы».

Ацаҷса «пасынок», из аца «сын», и ацс′а «стоимость, достоинство», букв. «достойный сына».

Ацылгды «бедро, бедренная часть», из цыл «стык», гды «голый», ср. ирқәдит «голову оголил (сбрил наголо)», иргдит «оголил».

Ацхыкәа «поручение, обязанность», из ц и хыкәа «сверху наложенное».

Алацшҳәаа «горизонт», из алацш «взгляд», ҳәаа «граница», букв. «пространство, охватываемое взглядом».

Алцха «милость, благодарность», из ла «среда», цха «тепло».

Ацҭара «создать, ввести», из ц «начало», ҭа – суффиксоид со значением действия.

Ацыжәац «четвертый день», «три дня тому назад», из цы «перед» и жәацы «позавчера», букв. «старое вчера». Таким образом, ацыжәац букв. «впереди старого вчера», жәацы «позавчера», ср. иацжәацы «позапозавчера», букв. «вчера + старое вчера».

Ахацыза «самоуверенный, самонадеянный», из ахы «голова, себя», ацызара «опережающий», «опережать».

Ахаца «кнопка из крученых ниток», из ахацара «быть накидываемым поверх чего-либо, объять, окутать».

Ахылца «шапка, шляпа, фуражка», из ахы «голова», лца от алцара «выскакивать».

Хымцада «безусловно, безотлагательно, непременно, несомненно», букв. «не проскочить» из ахыцара «перешагнуть, проскочить», ср. аҿҳәара иахыцеит «срок прошел, нарушен»; ахымцара «не проскочить», букв. «не перепрыгнуть», «без просрочки».

Ахыцша «слава, имидж», из ахы «голова, себя», и цша «ветер», букв. от «головы веющееся», «как ветер распространяющееся».

Ацашә «корень, корневая система», из ца «перед», шә «слой, мера» от ашәара «мерить», ашәара «величина, мера длины, высоты».

Ацаԥ «крутой обрыв берега реки», из ца «перед», ԥ «выступ».

Ацеицш «рок, судьба», из ца «впереди», цш от ацшра «ожидать», букв. «впереди ожидаемое».

Ацина «собака мелкой породы». Неясно.

Ацҭа «облако, туча», из ц-, ҭа «рыхлое, мягкое».

Ацха «потеря, лишение», из ц – и ха «остаться, застрять», ср. для х(а) – суффиксоид в слове аныхра «растратить, стереть».

Ацхамшьа «бесстыжий», из ацха от ацхара «лишение, потеря», аф. отрицания шьа от ашьара «считаться», букв. «не считающийся с лишением».

Ацханагьла «соратник», из груз. амханагьи → ацханагь и ла – суффикс совместности.

Ацхзы «пот», из цх от ацхара «тепло» и з «вода».

Ацхҭра «чесотка», из цх-, ҭ – суффикс разнонаправленности действия.

Ацхыз «сон», из цх «тепло», з от азра «терять».

Ацхын «лето», из цх «тепло» от ацхара «то же», н – локативный суффикс, бук. «время тепла».

Ацхьа «впереди, раньше, сначала, прежде», из ц «перед, впереди», хьа – направительный аффикс, букв. «направленный к переду».

Ацхьарца «музыкальный инструмент», из ацхьа «перед, вперед», р – аф. каузатива, ц – «идти», букв. «вперед ведущий».

Ацҳал «кувшин», из ц-, ҳа «высокий», ср. аҳаракы «то же», л «среда (однородная)».

Ацҳа «дочь». Сближают с адыг. цхъуы убых. цхъьу. Н. Яковлев членит адыг. слово цхъуы на древний именной словообразовательный префикс ц и основу хъуы в значении «самец», возводя его к хъуы «зреть, спеть, созревать» (Яковлев, 1948: 274). А.К. Шагиров опровергает данное разъяснение, полагая, что в этом случае в абхазском языке имели бы хъ вместо ҳ. Г.В. Рогава данное слово сближает с абхазским цҳәы, наличествующий в слове ацҳәыс «женщина, жена». А элемент ц/б считает окаменелым экспонентом грамматического класса вещей и женщин, что подтверждается, по его мнению, словом хъуы «самец, мужской пол» и абхазским аиаҳәшьа «сестра»,

употребленных без префикса п/б. По Н. Марру, абхазское ацҳа «сын, дитя» (без различия пола) (Марр, 1938: 42-43).

На наш взгляд, ацҳа «дочь», расчленяющийся на ц и ҳа, производный от самостоятельно существующих слов: ц от аца как и предполагал Н. Марр, однако в исходном значении «начальный, главный, родоначальник» и аҳа от аҳара «пустить корни, размножать, увеличивать, распространять», букв. ацҳа «размножающая (род)». Подтверждением могут служить многие слова, в которых ҳа представлена именно в этих значениях, в частности: ацс’ҳа «божество, богиня», букв. «размножающая абхазов» при матриархате, а затем божество-мужчина при патриархате, впоследствии переросший в значение «царь абхазов».

Ацшыхәра «разведывать, разведка», из цш «смотреть», хә «узкий», букв. «смотреть в щель», «высматривать из щели».

Ацыза «вожак, предводитель», из ц «перед, впереди» и за – связанный корень со значением «двигаться», ср. аҳәазара «ползать», аизара «собираться», арзара «обшарить, обойти (деревню)» и др.

Ацшьра «соединить что-либо к чему-либо», из ц – и шь «двигать (медленно)», ср. ашьшьыҳәа «тихо, медленно».

Адаца «рама для сита», из ада «опора, бок», ца «хлопать», ср. адацдацра «удар по бокам сита при сеянии».

Ацаршеи «паршивый», из ца и аршра «вертеть, подстрекать, крутить, затевать что-нибудь нехорошее», ср. аршра «зараза».

Ацқа «чайка» от ацқара «резать, рассекать», букв. «рассекающий (воздух)».

Аццаца «кончик кнута, плети, нагайки», из ца и ацацара «подкладывать, подстилать, вбивать».

Ацс’лы «бобр, выдра», из цс’ «водная масса» и лы «содержаться, находиться», букв. «находящийся в водной среде».

Ацсыҽ «слабый, сникший», ацсы «дух» и ҽ от аҽра «сникать, спадать».

Арыцҳа «легкие», из р-, цҳа «простираться».

Ацыжәара «опередить, превосходство», из ацы «вперед», жәа тот же элемент, что в ажәылара «наступать, ринуться (интенсивно)».

Ақәацсата «мелкий дождь», из ақәа «дождь», цса «сыпаться», т «мягкий», ср. атата «то же».

Ацынкылара «предъявить обвинение», из ацын «перед кем-то, чем-то», анкылара «держать».

Ацынтца «нос, кончик чего-то», из ацы «перед», нтца от анцара «положить», букв. «расположенное впереди», «нанесенное, начертанное (спереди)».

Ацырхага «вред, препятствие», из ацыр «заслон», ха – суффиксоид со значением «застрять», га – суф. орудийности.

Ацышә «губа», из ц «перед», шә «отверстие» от ашәара «ломать, разрушать, сделать пролаз, разобрать (забор)», ср. ашә «дверь», букв. «проем, отверстие», ахышә «окошко, форточка», букв. «верхнее отверстие».

Ацышәа «опыт, испытание», из ц – и шәа – «мерить», ср. ашәара «мера длины, высоты», имч ишәсит «определил, растратил свои силы».

Арыцхь «шест (для сбивания ореха)», из р – каузатив, цхь «быстро, внезапно (разбрасывать)», для семантики ср. ацхьырцәҳәа «то же».

Аццхь «пламя, искра», из ц «огонь», цхь «мгновенно разбрасываемое» – звукоизобразительное слово, где звучание и значение совпадают.

Ацацал «очень жирный (скот)», из ца-, ц(а) от ацра «поправиться, прибавляться».

Ацс'ыма «одежда для покойника», из ц'сы «покойник» и ма «иметь».

Ацсых'әа «возможность», из цс «душа», хәа от ахәара «помогать, содействовать», букв. «содействовать, помогать духу, душе».

Ацшьар из ацшь в значении «огромный (избыточность качества)», для семантики ср. со словами аматацшь «огром-

ная змея», адауацшь «огромный великан (из мифологии)», ашьацшь «обильное кровотечение» и др.

Ахцара «заносчивый», из ахы «голова», ацара «прыгать», букв. «прыгать через голову».

Аҽцныҳәа «упрек», из ҽ – субъектная версия, цны «перед», ҳәа от аҳәара «сказать», букв. «сказать в лицо».

Ацша «ветер», из ц-, ша «воздушный простор» (полый).

Ацшандага «веер», из ацша «ветер», андара «навевать», га – суф. орудийности, букв. «навевающий ветер».

Ацшза «красивый», из цш «вид, внешность», за – суф. интенсивности.

Ацшқа «нежный, ребенок», из цш «вид», қа «мягкий, нежный», ср. ақақа «молодая поросль».

Ацшь «розовый», из ц-, шь от ашьа «кровь», названный так по своему цвету, ср. аҟацшь «красный».

Ацыраҳәа «фартук», из цыра «заслон», ҳәа от аҳәра «свернуть, скрутить».

Цытқ «немного, часть чего-то мягкого, рыхлого», ср. арҭ «спелый», букв. «мягкий, рыхлый».

Ацхасҭа «убыток, урон», из цха «лишение, потеря», сҭа «след, результат».

Аҿаца «кляп», из аҿы «рот», ца «прыгать, зацеплять».

Ахҭырца «башлык», из ахы «голова», аҭырцара «накинуть».

Агәц «пастушеский коллектив, группа», из агәара «сгрудиться» букв. «сгрудившиеся».

Аҭыц «стоянка, место», из аҭы «место», ц «принятое».

Арац «зеленая кожура грецкого ореха», из ара «орех», ц от ацра «обдирать».

Морфема **ца** образует также ряд и звукоизобразительных слов с редуплицированной основой.

Ацаҭцатра «трепыхаться, барахтаться», из редуплицированной основы цаҭ – цаҭ, где ц – словообразовательный префикс, ҭ – «мягкий, рыхлый», для семантики ср. аҿыҭ «ко-

мок, кусок, ломтик (мягкой земли и других мягких предметов)», ацарцарра «махать крыльями», «порхать», ахыцхыцра «идти подпрыгивая, дергаясь», адацдацра «хлопать крыльями», аҽацҽацра «громко чавкать», ахәацхәацра «шлепаться», ахыцхыц «рысь» и др.

В заключение можно отметить, что на основе вышерассмотренного материала морфема ц(а) во всех своих реализациях выступает на основе своего инвариантного значения: «дергаться, подпрыгивать, прыгать». А правильное определение любой морфемы в слове дает возможность определить этимологию слова в целом, в особенности связанных корней, ныне утраченных как самостоятельные лексические единицы.

Литература

1. Ломтатидзе К.В. Основные виды локальных превербов и их оформление в абхазском и абазинском языках. – Тбилиси, 1982.
2. Клычев Р.Н. Локально-превербное образование глаголов абазинского языка. – Черкесск, 1994.
3. Чкадуа Л.П. Глагольное словообразование в абхазском языке – Сухум, 2005.
4. Шагиров А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. – М., 1977.
5. Марр Н.Я. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. – СПБ., 1912, 1938.

Морфема р(а). Семантическим источником морфемы р(а) является особенности произношения звука р – вибрирование или дрожание в результате ритмического смыкания-размыкания смычки (ср. французское грассирование). Исходное инвариантное значение проявляется в глагольной основе – <u>аррa</u> «переправиться (вброд или вплавь через водное пространство)». Данная основа звукоподражательного характера – это

подражание плеску, шуму воды, производимые при переправе (удары по воде). Таким образом, глагольная основа ар-ра означает: «двигаясь по воде, производить шум». Отсюда по количеству всплесков и растянутость движения. Этим объясняется наличие данной морфемы в различных названиях движущихся, проточных водных пространств: ср. аԝар «дождевой поток», из ԝа – «бегущий»; арԝаш «то же», из р – «поток», ԝа – «бегущий» и ш – «пенистый (белый)»; арԝацшь – название реки, из р – «поток», ԝа – «бегущий», цшь – суф. интенсивности, ср. адуацшь «великан», ашьацшь «обильное кровотечение» и др.; Рица – название озера, из р – «поток (растянутый)», ца – «глубокий» и др. В специальной литературе элемент р в гидрониме Рица увязывают со словом «вода» (Ломтатидзе). Такого же мнения придерживается Р.Н. Клычев (присовокупив к ним еще несколько слов: арра – «переплыть (реку)», аразара «цедить», арапара «валять, скатывать (в жидкости)») [Ломтатидзе, 1977; Клычев, 1994].

В дальнейшем последнее дало возможность использовать морфему р(а) в значении «много, множество или масса кого-чего-л., движущегося в одном направлении». Отсюда и оформление глагольных основ морфемой ра в качестве усилителя процессуальности, но вне связи его со временем и с лицом деятеля. Отталкиваясь от исходного инвариантного значения, морфема р(а) проходит несколько стадий семантического развития:

а) в качестве именных и глагольных основ в значении «много, множество в количественном отношении»;

б) в качестве собирательного множества в именных основах: аҫар «молодежь», ажәлар «народ»;

в) в качестве показателя масдара – усилителя процессуальности, вербальности в глагольных основах: аҟацара «делать», абара «видеть», агара «брать»;

г) показателя каузатива – побудительного залога: агара – аргара «брать – заставить брать», абара – арбара «видеть, показать»;

д) в качестве дериватора – трансформация имен в переходные каузативные глагольные образования, т.е. превращение имен в то, на что указывает лексическая семантика мотивированных имен (ажәра – аражәра «стареть – состарить», аԥацшь – арԥацшьра «красный – сделать красным», аҩажь – арҩажьра «желтый – сделать желтым»);

е) выражение действия, состоящего из неоднократно повторяющихся актов: арашәара «полоть», арыцхра «нанизывать», аԛәрцԥара «накрапывать», архра «косить (сено)» и др.

Таким образом, морфема р(а) многозначна, но все значения связаны друг с другом, т.е. одно значение вытекает из другого.

Морфема р(а) – формант каузатива. Морфема р(а) в качестве каузатива образует лексико-грамматическую категорию глагола, совмещая в себе две функции – словообразовательную и морфологическую [Ломтатидзе, 1945, Шакрыл, 1961; Чкадуа, 2005: 22].

Формант р(а) ставится перед основой глагола: абара’ – арбара’ «видеть – показывать», агара’ – аргара’ «брать – заставить взять» или внутри сложной основы: ақәтәара – ақәыртәара «садиться на что-л., посадить на что-л.».

Каузатив р(а) переводит транзитив в интразитив, образуя коррелятивные пары: транзитив – интразитив; с другой стороны, образует в качестве словообразовательного форманта новое слово с каузальным значением, хотя не всегда четко.

Морфема р(а) сочетается как со свободными основами, так и связанными корнями. Каузальные образования выражают действие, совершаемое лицом по побуждению, содействию, просьбе, совету другого лица. Основное значение – содействовать, заставить сделать что-л. А это все ведет, так или иначе к усилению лексического значения глагола – процессуальности. Реальное действие осуществляет лицо ближайшего объекта при содействии, по побуждению лица субъекта.

Свободные корни.

Абара – арбара «видеть, смотреть – показывать», «сушить, сохнуть».

Абгара – арбгара «рушиться, рухнуть – разрушать, ломать».

Абзара – арбзара «быть живым – оживить».

Агылара – аргылара «вставать – заставить встать», «строить».

Агәакра – аргәакра «страдать, мучиться – заставить страдать, мучить, изводить, терзать».

Агәаара – аргәаара «сердиться, раздражаться, обидеться – обижать, злить, рассердить, раздражать».

Агьалара – аргьалара «качаться – раскачивать».

Агара – аргара «раздаваться (о голосе)», аргара «подать голос, окликнуть; нести – заставить нести, переправить на другой берег».

Аира – арира «родиться – рожать (о животных)».

Акьатара – аркьатара «гаснуть, погибать – умерщвлять, тушить, убить, гасить».

Акацара – аркацара «делать – заставить делать».

Акьалара – аркьалара «заблудиться, сбиться (с правильного пути) – сбить, запутать».

Амацәыса – армацәыса «сверкать (о молнии) – сверкнуть молнией, наводить страх, метать молнии».

Ацхара – арцхара «греть, теплеть – согреть, подогреть».

Атәара – артәара «садиться – посадить, заставить сесть, успокоить».

Ахра – архра «точить, колоть, толочь, пилить – косить, уничтожать».

Ашәара – аршәара «бояться – пугать».

А'сра – арыса «бить – стегать».

Алшара – алыршара «мочь, сделать, выполнить – осилить, суметь, сделать», из лы – среда, ашара «творить, создавать», ср. «анцәа дишеит» – «его бог сотворил».

Ашра – аршра «кипеть – нагревать, накалить, кипятить».

Ашәара – аршәара «мерить – примерять».

А'цазра – ацырзра «затеряться – затмить», «подмять».

Акәашара – аркәашара «танцевать, плясать – заставить, побудить танцевать, плясать», из кәа – корпус (тела), р – каузатив, ша – «крутить», букв. «корпус (тела), крутить».

Акәра – арḱәра «сгибаться, наклоняться – гнуть, согнуть, сгибать».

Анықәара – арныḱәара «ходить – заставить ходить», из ан – горизонтальная поверхность (о земле), ḱәа «сгибать», букв. «заставить сгибать (ноги к земле, по горизонтальной поверхности)».

Асара – арсара «вариться, протереться – переработать, варить до готовности».

Аттара – арттара «расползаться – разносить, превратить в тряпье».

Артытра «расковырять, копошиться».

Ахара – архара «тянуться – заставить тянуть».

А'гәаҭеира – аргәаҭеира «суетиться, терзаться, мучиться – тревожить, волновать».

Аҳәазара – арҳәазара «ползать, волочить», из ҳәа «низ, снизу», за «двигаться», ср. аизара «собираться постепенно», арзара «обойти (деревню)».

А'цәара – арцәара «спать – усыпить», «гаснуть – погасить».

Ашра – аршра «кипеть – кипятить», букв. «становиться пенистым».

Ацагылара – ацаргылара «стать под чем-то – подставить под что-то, подпереть, вставить (зубы)».

А'цазра – ацарзра «затеряться под чем-то – заставить исчезнуть, заставить ассимилироваться».

Ацацхара – ацарцхара «светиться из-под чего-то – осветить снизу».

Ацацшра – ацарцшра «посмотреть под что-то – заставить посмотреть под что-то».

Аҩара – арҩара «сохнуть – сушить, высушить».

А’цаҟьцра – ацарҟьцра «придавиться – придавить».

Агхара – агырхара «уменьшиться, худеть, опоздать – вычитать, уменьшить, уценить, убавить».

Агәалашәара – агәуаларшәара «вспоминать – напоминать».

Акәрра – аркурра «катиться – прокатить».

Азҳара – азырҳара «расти – вырастить».

Атлара – артлара «распороться – распороть».

Ахынҳәра – архынҳәра «возвращаться, вернуться – возвратить, вернуть».

Ахәҳара – архәҳара «покупать – заставить купить».

Аҷиара – арҷиара «развиваться – творить, осуществлять».

Аҷыхара – арҷыхара «проснуться – разбудить», из аҷы «лицо, лицевая сторона», ха – суффиксоид.

Ашанхара – аршанхара «обомлеть, удивиться – удивить», из ашана «диво», анхара «замешкаться».

Ашәара – аршәара «бояться – напугать».

Ашышьара – аршышьара «трескаться – расщепить».

Ачара – арчара «питаться – кормить».

Ацәира – арцәира «крутиться, сгибаться – крутить».

Ацәра – арцәра «киснуть – заквасить, посолить, дубить», арцәы «соление».

Ацәыуара – арцәыуара «плакать – заставить плакать».

Аччара – арччара «смеяться – заставить смеяться».

Ачгара – арчгара «поститься – заставить поститься», из ч от ачара «питаться»; агара «убрать», букв. «убирать питание, не питаться».

Ашьра – аршьра «опьянеть – напоить, заставить пить».

Аҩра – арыҩра «бегать – заставить бегать».

Аҩашьара – арҩашьара «ошибаться, заблуждаться – ввести в заблуждение», из ҩа – «двояко», ашьара «считать».

Ахацара – ахарцара «верить – заставить верить, убедить», из аха «сверху», р – каузатив, ца – суффиксоид со значением действия.

Ахашәара – ахаршәара «падать сверху – откинуть сверху».

Ахацара – ахарцара «овладеть, захватить – накинуть, набросить», из аха «сверху», арцара «кинуть».

Ахаштра – ахарштра «забывать – заставить забыть», из ахы «голова», р – каузатив, ш – «опустеть», т – суф. разнонаправленности действия.

Ахыхәара – ахархәара «быть деятельным, трудиться, помогать себе – «использовать».

Ахцәара – ахырцәара «резать, отрубить, отрезать, переселиться – разорить, выселить».

Ахера – ахырера «спадать (о боли), слабеть – подвернуть, загнуть (рукава)».

Ацәшәара – ацәыршәара «бояться чего-то – отпугивать».

Алахәра – алархәра «участвовать – предложить участвовать в чем-то, включить во что-то».

Агәрдара «утешить, облегчить, расслабить сердце, успокоить», из агәы «сердце», р – каузатив, адара «спадать (об опухоли)».

Ацасра – ацарсра «коснуться (снизу) – втыкать что-то во что-то, опереться на что-л.».

Ацахара – ацырхара «проиграть – заставить проиграть, выиграть, придавить, застрять под чем-л.».

Акәра – арḱәра «сгибаться – сгибать, согнуть».

Азазара – арзазара «качаться – раскачивать».

Аиқәхара – аиқәрхара «остаться невредимым, спасаться – спасать».

Аиḱара – аиḱарахара «равный – сравняться».

Алḱьара – алырḱьара «выскочить – выгнать, проткнуть (иглу)».

Алшара – алыршара «мочь – осилить, суметь сделать что-л.».

Акьалара – арḱьалара «заблудиться – сбить с толку, бродяжничать – запутать, отклонить от правильного пути».

Агәацхара – аргәацхара «нравиться – заставить понравиться, увлечь».

Агәҕра – аргәҕра «надеяться – обнадежить».

Аҕзра – арҕзра «стонать – заставить стонать, подпевать».

Адырра – ардырра «знать – осведомить, дать знать, сообщить».

Азҭра – арзҭра «таять – растопить (лед), растворить, заставить таять».

Аиқәхара – аиқәрхара «спасаться – спасать», из аи – аф. совместности, қә «сверху», р – каузатив, ха – суффиксоид со значением действия.

Аиҟара – аиҟарара «равный, ровный – равенство», еиҟароуп «они равны, ровня».

Аилашәара – аиларшәара «спутаться, запутываться, расстроиться – расстроить», «распутать».

Агәрагара – агәраргара «верить, доверять – заставить доверять», из агәра «нутро, суть», агара «брать, взять – заставить поверить».

Агәырҕьара «радоваться», из агәы «сердце», аҕьара – арҕьара «заживать – заставить зажить».

Ацыршәара – аццшәара «выпасть», «заставить выпасть что-л. из-под чего-то».

Ахцәара – ахырцәара «выселиться – разорить, выселить».

Азхара – азырхара «расходовать бережно», ср. азхара «хватать», достаточно».

Акашәара – акаршәра «падать (о легком предмете) – бросать, ронять», из к (а) – идеофон, изображающий световые, двигательные впечатления в воздушном пространстве, чаще сверху-вниз по траектории воздушного пространства – вниз (на землю, наземь) и шәа «падать»; ср. аршәра «бросать». Морфема ка образует многочисленные слова с тем же значением: икауа «нестись, мчаться по воздушному пространству», икаххаа «безоблачное ясное небо», акаҳара «падать сверху-вниз», из ка и аҳара «наращивать», букв. «наращи-

вать падение сверху-вниз», акаԥәара «исчезать, кончаться в воздушном пространстве», акашра «сильно палить сверху в большом количестве (сверху-вниз)», акаҟьара «выплескивать сверху-вниз», акажьцәара «плевать», акапхара «светиться сверху-вниз (с воздушного пространства – вниз)».

Морфема ка образует несколько сложных превербов, при этом сохраняет свое значение: кыд – «вертикальная плоскость (в воздушном пространстве)»: акыдлара «подниматься наверх», акыдхра «снять с вертикальной плоскости», акыдԥара «вешать на вертикальную плоскость»; акыла – «щель, отверстие», букв. «воздушное (пустое) пространство», акылԥшра «смотреть в щель», акылахара «застрять в щели», акылԥара «выпрыгнуть», акылхра «вынуть» и др.

Ахыԥара – ахырԥара «перепрыгнуть, проскочить» – «заставить перескочить, отсрочить».

Аура – арура «делать – заставить делать».

Аԥьабара – арԥьабара «горевать, печалиться – приводить в печаль, заставить горевать».

Аҩашьара – арҩашьара «заблуждаться – ввести в заблуждение», из ҩ «два, двояко», шьара «считать, принимать».

Аҳәра – арҳәра «виться – завить; свить, скатать».

А’латәара – аларԥәара «внедриться, распространиться – распространить, внедрить», из ла «однородная среда», р – каузатив, тә – связанный корень.

Ахәара – архәара «изгиб, сгибаться – согнуть».

Алахҿыхра – арлыхҿыхра «быть бодрым, быть в настроении – развеселить, поднять настроение», из р – каузатив, ла «глаза», аҿы «лицо», х – суффиксоид, ср. аҿыхара «проснуться, расшевелиться», букв. «расшевелить – лицо, глаза»

Ахшәара – ахыршәара «выпадать, соскочить (о крыше)», «падать, – скинуть, сбросить, отбить (охоту)», «откидывать, разочаровать».

А’ԥахара «проиграть» – аԥархара «заставить проиграть», «придавить, положить под что-то».

А’цкьара – ацыркьара «вскочить – заставить вскочить», из ц «снизу», акьара «махнуть».

Ацыкәҽра «надломиться», ацыркәҽра «хмуриться, насупить».

Ацхаара «износиться», ацырхаара «износить, косить под чем-то».

Ацчаара – ацырчаара «вздуться, заставить вздуться под чем-л.».

Акәшра – ақәршра – «облить сверху (водой)».

Акычра – аркычра «успокоиться – успокоить», из к от акра «давить», ч «вздутие», «опухоль».

Ахаҳара – ахарҳара «идти впрок», из ахы «себе», арҳара «приобрести».

Акашәара – акаршәра «падать – бросать, ронять», из ка «сверху-вниз», р-, шә – связанный корень в значении «бросать».

Алацәара – аларцәара «распространиться, распространить».

Аҭазара – аҭарзара «вместиться – вместить», из ҭа «внутри», р – каузатив, за от аза «пядь – мера длины, объема».

Ацазра – ацарзра «погибать, под чего-л., сгинуть-сгубить», из аца «дно, низ», арзра «терять».

Аиашара – ариашара «ровный, прямой, правдивость – исправить, выпрямить, оправдать».

Аҭәра – арҭәра «наполняться – наполнять».

Азра – арзра «пропадать, гибнуть, исчезать – потерять, сослать».

Аиара – ариара «ложиться – уложить».

Акра – аркра «держать, поймать, ловить, хватать – стоимость (о цене), шака иркуеи «сколько стоит – запирать, вручить, вместить».

Акьаҭара – аркьаҭара «кончаться, прекращаться, испортиться (о шелковичных червях), осчастливиться – тушить, гасить, облагодетельствовать, осчастливить».

Аехәара – арехәара «хвастаться – хвалить».

Ақьақьара – арқьақьара «извиваться, лицемерить, подхалимничать – обвертывать, скрутить, свернуть».

Связанные корни

Арапара «месить, скатывать, уплотнять, валять, трамбовать».

Арцьара «поносить, порочить».

Араара «вырубать, валить, одолжить».

А'лахара – алархара «вляпнуть, застрять – заставить застрять, остаться где-л.».

А'лахәра – алархәра «участвовать – заставить участвовать».

Аркарара «утомить, уморить», из р-, акара, акарахара «уставать, усталость».

Аҭшәара – аҭыршәара «выпасть, вынуть, сковырнуть (о маленьком предмете)», из ҭы «изнутри», р – каузатив, шәа «кидать».

Арашәара «полоть, тохать», букв. «примерить», из ра – каузатив, ашәара «мерить». Прополка зерновых культур требует, как правило, разрядку корней на определенном друг от друга расстоянии, в особенности кукурузных корней, примерно на S м друг от друга, отсюда и название действия, первоначально букв. «соразмерять друг с другом».

Аргәтәра «воодушевить, побудить», из р-, гәы «сердце», тә – суф. превратительности.

Арзара «обшарить (деревню)».

Аркьара «разрезать».

Ахрыцкра «делать защипы».

Аршара «вить, скрутить».

Артра «созреть, поспеть», букв. «становиться мягким».

Ацыршьра «подбить подметку».

Ацыршбра «сполоснуть (рот)».

Ацәарсысра «дремать».

Ахарззалара «заносчивость, заноситься, возгордиться».

Ашаркkара «рассветать, полностью рассвести».

Ахыркра «приукрасить чем-л., придать красивый вид».

Агареарра «идти в развалку, качаясь».

Аеырбара «щеголять, ухаживать», из аеы – субъектная версия, арбара «показывать», букв. «себя показывать».

Ацәырцра «явиться, явление, показаться», цә «снаружи», р – каузатив, ц – суффиксоид со значением движения.

Ацәырҟьара «выскочить», из цә «снаружи», р – каузатив, аҟьара «махнуть».

Ахырҟьара «перестараться», букв. «через голову махнуть».

Ахырцара «отсрочить», из ахы «сверху», рцара «заставить прыгать, перескочить».

Ахырқәақәара «горевать о чем-то», из ахы «голова», арқәаақәара «понурить, клевать (головой)».

Ахыруаара «перебросить через что-л.», ахы «через голову», аруаара, ирууаза «размах, размахнуться».

А'қәрхәхәра «засыпать, обсыпать».

А'қәцсара «сыпать, сеять (семена)».

А'ркалара «размахнуться».

Арҟара «прорубить в лесу дорогу, делать просеку», р – каузатив, ҟа – тот же корень, что в ацҟара «резать, рубить».

Арыцхра «вялить, низать (табак)».

Арыцшьара «разминание вымени».

Арцьара «порочить, хулить», из р – каузатив, цьа – корень с негативным значением.

Ацаргәара «опереться на что-л., подпереть», из аца «снизу», р – каузатив, агәара – связанный корень, возможно, тот же агәара «толкать».

Ацаркьакьара «воткнуть неглубоко (в землю)».

Ацарҟацара «воткнуть глубоко что-л. (кол)», из аца «низ, дно», арҟацара «натягивать, натянуть, закрепить».

Ацарҟәалара «подогнуть», из аца «вниз», р – каузатив, ҟәа «согнуть».

Ацарцалара «стаптывать», из аца «низ», р – каузатив, ца «прыгать», ла – суффиксоид со значением действия.

Ацархәра «прищурить (злобно глаза)», из аца «вниз, дно», р – каузатив, хә «согнуть, склонить (здесь в значении злобный взгляд)».

А'царшәра «стелить что-л. под что-л.», из аца «низ», аршәра «кинуть».

А'царшышьра «втыкать, вбивать что-то (в землю)».

Аршшара «выпрямить, разгладить, уложить», из ш «прямо», ср. ашшапа «прямой, гладкий».

Аҽырҳасра «зевать», из аҽы «рот», арҳасра «разинуть».

Ақәрхәхәара «полить тонкой струей сверху».

Ақәрцхара «осветить, обогревать, греть».

Ахырҷара «подрубить (подол)», из ахы «сверху», арҷара, арҷаҷра «нанизывать».

Ацәыргара «доставать, выставлять», из цә «снаружи», р – каузатив, агара «брать».

Ацәырҳәра «очищать от кожуры», из цә от ацәа «кожура», арҳәра «свить, свернуть, скатать».

Аҭыршара «сполоснуть», из аҭы «изнутри», р «многократно», ша «распределить, крутить», ср. аизшара «распределить».

Аҭырԥыра «вывалить».

Ахарԥьара «переусердствовать, переборщить», из ахы «сверху, поверх», р – каузатив, аԥьара «махать, взмахнуть».

Ахарԥәалара «сгибать», из ахы «сверху», арԥәара «согнуть».

Ахыршара «взвести (курок)», из ахы «вверх», аршара «крутить».

Ахырԥьара «обвинить в чем-то», из ахы «сверху», р – каузатив, ԥьа – связанный корень со значением «взмахнуть».

Ахырффара «укоротить, отрезать», из ахы «верх», арффара – связанный корень со значением «стричь».

Арҳара «зарабатывать, добывать (славу); вздрогнуть, шарахаться».

Арсра «воткнуть (кол), вбить», из р – каузатив, с от асра «бить, ударять».

Арпра «рыть, разрыхлять», р – в значении многоактности действия.

Ацыршьра «подбить (подметку)».

Ацәарсысра «дремать».

Аҕырҳәара «вывалить из брюшной полости, потрошить».

Атрысра «дергаться, вздрогнуть, сорваться с места», из ҭы «место», р – каузатив, с – связанный корень со значением движения.

Морфема р(а) образует также немало и именных основ с сохранением своего инвариантного значения, однако в большинстве случаев –десемантизирована.

Ар «армия, войско, множество, нечто подвижное».

Ара «локоть – старинная мера длины, равная расстоянию от кончика пальцев до локтевого сгиба».

Арагыд/гды «мера длины, равная расстоянию от локтя до кулака (сжатых пальцев), из ара «локоть» и гды аргыдра «укоротить, стричь», букв. «укороченная», ара «локоть».

Ара «ореховое дерево». Дерево названо так по своей плодовитости.

Араса «мелкий орех – фундук», из ара «орех», са «мелкий», ср. аса «кусок, мелкий».

А'рацәа «много, множество», из ра «много», цәа – суф. избыточности чего-л.

Араа «ряд, полоса, борозда», ср. аҭәархѡы бзиа ираала дудыруеит «хорошего косильщика можно узнать по скошенным рядам», из ра – каузатив, аа – пространственный суф.

Арацәа «уголь», из ра «множество» цәа от ацәара «гаснуть, угасать», букв. «угасшие».

Арыҭәа «щипцы, плоскогубцы», из ра – каузатив, ҭәа от аҭәара «подобать, соответствовать», букв. «нечто соответствующее, подобающее».

Арыц «зерно», из р (а) «много», ц «зубец, штука».

А’рахә «скот»: ра «много», ахә «цена», букв. «много ценного».

Некоторые ученые арахә сближают с осет. раҕау/арҕау «скот» и с дагест. авар. чечен. «стадо, табун», арчин irqi, табас. irxi jerxi, агул. jerxi, jelxi/ilxi «то же», курд. alxi.

На мой взгляд в абхазском языке этим данным соответствует не арахә, а ауахьад «табун». В абхазском языке имеется еще одно заимствованное слово для обозначения животных – тур. аҳаиуан «то же». Слово же арахә имеет свои корни в самом абхазском языке, в частности, формула пожелания при встрече: рахә узцшит «чтобы тебя ожидала удача» – сицҳазцшит «чтобы нас вместе (удача) ожидала», или же словосочетание сгәы рахәм «мне не здоровится, сердце не годится» от слова ирахәм «плохой, негодный, непутевый» с отрицательной частицей м. Таким образом, первоначальное значение слова арахә было – «нечто ценное», соответственно арахәм «неценное, негодное, плохое»: арахә – арахәм «ценное – неценное, негодное».

Аарцә – ныцә «этот берег – тот берег». Аарцә из аа – указательная частица, р «поток (река)», цә «край, конец», соответственно ныцә, из н «туда (ана – там)», р «поток», цә «край, конец».

Хырҩа «внимание, забота», из хы «сверху, через голову» от ахырҩра «опрокинуть, закинуть за голову».

Ацарзы «настой сычуга», из аца «сычуг», рзы «их вода».

Ацыра «штука, зерно», из ац «зубец», ра – аф. абстрактности.

Ацыркьы «хромой», из ц «сопровождать», аркьра «накрениться».

Ацәарныҟәа «лунатик», из ацәа «спать, сон», аныҟәара «ходить», арныҟәара «заставить ходить», букв. «сон двигающий, заставляющий двигаться».

Ацәарзга «позорящий», из ацәа «облик», арзга «лишающий».

Ачарҳәра «предательство», из ача, возможно, «хлеб» и арҳәра «грабить, свернуть, скатать».

Аҳәацәара – арҳәацәара «много говорить, говорить лишнее» – «пытать, мучить», букв. «заставить говорить лишнее», из арҳәара «заставить говорить», цәа «много (лишнее)».

Ачарԥә «пастуший столик», из ачара «питаться», рԥә «доска», букв. «доска для еды».

Аҽераҳа «ротозей», из аҽы «рот», араҳара «разинуть».

Ардәына «дрозд», из р – притяжательный префикс, адәы «поле», на – локативный суф. букв. «полевая птица». К.В. Ломтатидзе данное слово связывает с груз. иадони, гаидони «то же».

Ауаргьала «качели», из р – аф. каузатива, гь «качаться», ла – суф. неоднократности действия.

Ацхьарца «музыкальный инструмент», из ацхьа «вперед», р – аф. каузатива, ца от ацара «идти», букв. «заставляющий идти вперед».

Аеырпын «свирель», из аеы «рот», арпра «сыпать, высыпать», н – локативный суф., букв. «сыпающий изо рта (о звуках)».

В специальной литературе делается попытка связать его с герм. хахарон «арфа» и др.

Арытәа «щипцы, плоскогубцы», из р – аф. каузатива, тәа от аҭәара «соответствовать».

Ашәындыкәра «сундук» – из тур. sunduk «то же» [Шагиров, 1989: 101].

Алымҳарыѡ «серьга», из алымҳа «ухо», р – аф. каузатива, ѡ «бежать», ср. аѡра «бежать», букв. «убегающий от уха».

Ахылцарч «папаха», из ахылца «шапка», р – аф. каузатива, ч от ачра «дуть, надувать».

Ашәыра «сумка», из шә от ашәара «измерить», р – суф. абстрактности, букв. «нечто с определенной вместимостью».

Ахарц «рубашка» соотносится с глагольной основой ахырцара «накинуть», букв. «накинутое».

Ацар «сычуг», из аца «желудок, сычуг», р – аф. абстрактности.

Ацшаргъагьа «смерч», из ацша «ветер», аргъагьара «кружить».

Ахтырца «башлык», из ахы «голова», атырцара «накинуть».

Акәрт «икра», из акә «корпус, овальный», арт «мягкий, рыхлый».

Аҽырцра «вылущивать», из аҽы «лицевая сторона», арпра «рушить».

Ацармакьа «медный купорос». Неясно.

Ацартыша «взятка», из аца «под, низ», р – каузатив, т «дать», ша «вить, крутить, завивать, затевать что-л. нехорошее, подстрекать».

Ажәырт «заросли бурьяна», из ажә «старый», р «много», т «рыхлый».

Ашәарах «дикие животные», из ашәара «приноровиться, охотиться», х «результат, следствие», букв. «преследуемые».

Ашәартлеи «обмотка, портянка» – из адыг. «то же».

Ацыра «штука, зерно, плод, один», из ац «зубец», ра – аф. абстрактности.

Ахәрцьын «хурджин» – из тур. hurcin «то же» (Шагиров, 1989: 105).

Ахырзаман «ужас» – из тур. «то же».

Арагәа «ком, комик», ра – каузатив, гәа «овальный».

Арцыс «юноша, парень», из р «армия» и ацыса «опередить», букв. «опережающий, ведущий армию» (Инал-ипа).

Аргама «открыто, явно», из аргара «издавать звук, окликать, подавать голос» и ма – словообразовательный аф.

Ахара «вина, укор (богов)», из х от ааха «удар», ра – аф. абстрактности.

Атәарғәы «деревянная лопата», из тәа от атәара «подобать, соответствовать», р – аф. каузатива, ғә от ағәы «доска», букв. «приспособленная доска».

Арыжәтә «напиток», из аржәра «поить», тә «подлежать», букв. «подлежащий питью».

Ашәыр «фрукты», из ашәы «окрашенный», ср. ашәра «красить», р – суф. собирательного множества.

Ацарч «мякина», из ца-, р – и рча «заставить вспухнуть, вздуться», ср. ачыҟь «куст», ачыӄә «зоб», ачыла «вздутый» и др.

Арцу «стрекоза», звукоподражательное слово, ср. звукоподражательный комплекс ацырцырра «стрекотать», букв. «стрекочущий».

Ацаршеи «увертливый, затейливый», из ца-, аршара «крутить, вертеть».

Руазәы «один из них» (ч), руакы «одно из них (в)», из р – 3-го л. класса человека, мн. числа, уа от аиуа «образец чего-л.», азәы, акы «один», ср. рыуа дарбан «кто из них (из однородной массы)».

Арымз «моча», р «поток», м – аф. отрицания, азы «вода», букв. «поток не воды».

Ахырхә «крупа», из ахы «сверху», рхә «просеянное», ср. ахәра «сеять».

Ачарам «абрикос», из ачара «трескаться», м – аф. отрицания, букв. «нетрескающийся (фрукт)».

Ахырцәы «мацони», из ахы от ахш «молоко» и арцәра «квасить», ср. арцәра «то же», букв. «квашеное молоко». Заимствовано груз. «мацони».

Рацхьа «раньше, сначала, сперва». Из р – экспонент грамматического класса, 3-го лица мн. числа и ацхьа «раньше, впереди», в свою очередь расчленяющийся на ц «перед» и хьа – суф. направления.

Аргама «открыто, явно». Состоит из глагольной основы аргара «издавать (звук, голос), окликать, заставить брать, нести», из р – аф. каузатива, га от глагольного корня агара «брать, нести, взять» и словообразовательного суф. ма.

Арҕьа «правая рука», из р – аф. каузатива и ҕьа из аҕьы «быстрый, стремительный, сильный», букв. «нечто более сильное».

Арма «левая рука», из р – аф. каузатива, ма из амара «медленный, нерасторопный».

Афырхаҵа «герой», букв. «мужчина, муж громовержецев», «мужчина, подобный молнии и грома».

Таким образом, наименования левой и правой руки основаны на их особенностях: правая рука – сильная, левая – слабая.

Арымзаа/арымз'аа «множество», из р «множество», м – аф. отрицания, з «предел», букв. «беспредельное, безграничное множество».

Алаҕырз «слеза», из ала «глаз», ҕы «внутри», р – притяжательный аф., з «вода», букв. «внутренняя вода глаз».

Аҕра «брюшная полость, внутренность», букв. «нечто пестрое».

Аҕара, аҕар «редкие, бедняк», араҕара «разрежать». Эти слова производны одно от другого. Заимствовано грузинским – ҕари «бедняк».

Адырра «знание, знать, узнавать». Звукоизобразительное слово из дырдыр – по этим звукам дать о себе знать, выведать нечто, обнаружиться. Отсюда адырга «знак, метка, ярлык».

Адыр «другой». Обнаруживается в целом ряде слов: адырҩаҕьа «еще раз, другой раз, второй раз», адырхаҽны «на третий день», адырҩаха «на вторую ночь», адырхаха «на третью ночь». В адыгских языках дыр употребляется в самостоятельном виде в значении «другой». Этимология неясна.

Акашәарах «подкидыш», из акашәара «падать», х «результат, следствие».

Арха «долина», из р «протянутый», ха от ахара «тянуть», букв. «нечто протянутое, тянущееся».

Арыцха «бедный, несчастный, неимущий», из р от ара «локоть», ацҳара «кусать», букв. «кусающий локоть».

В качестве активной каузации морфема р (а) легко перево-

дит имена, в особенности прилагательные, в разряд глагольных образований с приданием им процессуальности.

Аҟацшь – арҟацшьра «красный – сделать красным».

Аиаша – ариашара «прямой, правда – исправить, сделать ровным, прямым, выпрямить, устранить».

Аиатцәа – ариатцәара «зеленый – озеленить».

Акьаҳә – аркьаҳәра «кривой – искривить».

Акьацә – аркьацәра «торчащий – выпятить».

Аԥьбара – арԥьбарара «крепкий, насыщенный (о спиртных напитках), крутой, строгий, храбрый (о человеке) – сделать крепким, жестким, грубым».

Ахәашь – архәашьра «мутный – мутить, сделать мутным, грязным».

Ахәчы – архәчра «маленький – сделать маленьким, уменьшить (в объеме, размере)».

Агежь – аргежьра «круг – крутить».

Ахаа – архаара «сладкий – усладить, сделать сладким».

Арацәа – аррацәара «много – преумножить, увеличить».

Аиаша – ариашара «правда, прямой – исправить, выправить».

Ацар – арцарра «острый – заострить».

Ау – ароура «длинный – удлинить».

Акәада – аркәадара «слабый – расслабить, ослабить».

Ацаҳәцаҳә – арцаҳәцаҳәра «горячий, раскаленный, пламенный – сильно разогреть, разгорячить».

Ацагәа – арцагәара «тупой – сделать тупым, притупить».

Ацар – арцарра «острый – отточить, заострить».

Ачкәын – арчкәынра «мальчик, юноша, молодой – сделать молодым, моложавым».

Аччиа – арччиара «бедный, нищий – сделать жалким, несчастным».

Аҕәгәа – арҕәгәара «сильный – усилить, укрепить».

Ашана – аршанхара «диво, чудо – ошеломить, удивить».

Аҭацәы – аҭарцәра «пустой – опорожнить».

Агәаk – аргәаkра «страдалец, мученик – мучить, изводить, терзать».

Абҕы – арбҕыжәра «лист, листья (дерева) – разбрасывать (листопад)».

Абеиа – арбеиара «богатый – обогащать».

Абз (а) – арбзара «живой – оживить».

Абзиа – арбзиара «хороший – сделать (что-то) хорошим, улучшить».

Абааза – арбаазара «мокрый, жидкий – намочить, замочить».

Аkьаkьа – аркьаkьара «плоский – сделать ровным, плоским, расправить, выправить».

Аkәаз – аркәазра «крупный – сделать крупным, укрупнить».

Амазеи – армазеара «готовый – приготовить, заготовить».

Анаа – арнаара «кривой, наклонный – наклонить».

Амч – армчра «сила – усилить, ужесточить».

Амаҷ – армачра «немного, малость – уменьшить, сократить».

Амариа – армариара «легкий, простой, дешевый – удешевить, упростить, облегчить».

Алашә – арлашәра «слепой – ослепить, сделать слепым».

Ацхашьара – арцхашьара «стыдиться – пристыдить, осрамить, опозорить».

Ацсыҕра – **арцсыҕра** «слабость, слабохарактерность – расслабить».

Алашара – арлашара «свет – осветить, озарить, осчастливить».

Морфема р(а) в сочетании с некоторыми компонентами образует сложные превербы с одними значениями.

Преверб **цра/цры** «сопровождать, сопутствовать, потакать». Благодаря аблаутному чередованию а(ы) становится возможным выражать противоположные направления: цра «к объекту», цры «от объекта».

Так, Л.П. Чкадуа считает возможным ц увязать со словом «огонь», аца «горячий».

Ацра «сопровождать, сопутствовать».

Ацралара «зажечься, загореться, заняться (огнем)».

Ацрасра «задеть, коснуться».

Ацраҳәара «прицепить, привешивать».

Ацрацара «разжечь, зажечь».

Ацрагылара «следовать за кем-то».

Ацрацшра «наблюдать».

Ацрыцра «отстать от кого-чего-л.; истекать (кровью), отколоться от кого-то».

Ацрыгара «отделить, разъединить».

Ацрызаара «уменьшаться, отстать, убавляться».

Ацрыкьасара «истекать (кровью)».

Ацрыхра «вычесть, отнять».

Ацырԥкьара «отбить».

Ацыржжра «стекать».

Ацрыццсара «свисать».

Ацрыхара «дергать, беспокоить».

Ацрышәшәара «сбрасывать, сыпаться».

Ацрыҳҳара «отвалиться, отпадать».

Акыр/акры «очень много, немало», букв. «по одному много, много чего, многое».

Акрура «работать», из акры «много чего», аура «делать».

Акрыԥара «отдавать (много), дарить».

Акрыфара «есть, питаться» – из акры «многое», афара «кушать, есть».

Акреилкаара «понимать», из акры «многое» – аилкаара «понимать».

Акреилцара «соображать, быть смышленым».

Акралхра «выгадать что-либо, многое», букв. «многое выбрать».

Акраамԥа «долгое время».

Акраацра «много времени (прошло), давно».

Акраахәара «покупать много чего», из акра – ааҳәара «брать, платить».

Акраагара «приносить много чего», из акры – аагара «приносить».

Акрырҳара «зарабатывать много», из акры – арҳара «зарабатывать».

Акыреацара «кормить многим, чем-нибудь».

Акыршәара «платить (много чего)», из акыр – ашәара «платить».

Акырныхра «тратить (много чего)», из акыр – аныхра «тратить, стереть, убирать».

Морфема р(а) представлена также в наименованиях ряда насекомых и птиц (Ломтатидзе, 1976: 94).

Арбаҷъ «петух», из р – и абаҷъ «самец».

Акәбры «комар», из акә «корпус», бры «бреющий».

Аҟармацыс «соловей», из аҟарма «хмель», ацыс «птица».

Арцына «курица (самка)».

Ардәына «дрозд».

Архьына «серый, белый дрозд».

Акәтаршыц «курочка».

Аҟаршы «сорокопут».

Акәараса «горлица».

Аҟәараан «ворона».

Ауарба «коршун».

Ашьауардын «сокол» и др.

Морфему р(а) в данном случае допустимо увязать с постоянным состоянием птиц – с подвижностью. Как было указано, в специальной литературе выделяют два вида р (а) – один в значении «вода»: Рица – название озера, арра «переправиться (через реку)», арапара «вялить (в воде)», аразара «цедить», а другой – в значении каузатива. На наш взгляд, как в первом, так и втором случае, да и во всех своих реализациях, одна и та же морфема, но на разных стадиях семантического развития связаны между собой значениями, вытекающими одно из другого.

Литература

Ломтатидзе К.В. Основные виды локативных превербов и их оформление в абхазском и абазинском языках. Ежегодник ИКЯ, T.V. Тбилиси, 1978.

Морфема ҭ(а). Морфема ҭ(а) образует именные основы с локальным значением, а также глагольные с локативным и одновременно с направительным значением с огласовкой – аддитивное, без – абитивное. Как выясняется, она дает жизнь большому числу слов.

В большинстве случаев основное, исходное значение сохраняется в них, но немало случаев, где оно затемнено.

Морфема ҭ(а) самостоятельно образует несколько глагольных корней.

Аҭаара – собирать урожай (о висящем на дереве), аҭаара «посетить, приходить в гости с подарками к месту».

Аҭара, аҭазаара «находиться, содержаться в чем-л., внутри чего-н.»; ашкол дҭоуп «он учится в школе», букв. «он находится в школе», игә иҭоуп «он думает», букв. «нечто содержится в сердце», иҧсы ҭоуп «он жив», букв. «его душа находится, содержится внутри него», аутра дҭоуп «он находится в огороде», асас диҭоуп «у него находится гость» и др.

Аҭара «давать», букв. «из одного места туда (направить)», ср. ашәҟә иҭ «дай ему книгу». Кроме этого, в абхаз. языке сохранилось слово аҭа в значении «место», ср. абх. аҭыҧ «то же».

Морфема ҭ(а) в глагольных образованиях в основном представлена в качестве преверба-основы с тем же значением. Может сочетаться с различными глагольными компонентами (Ломтатидзе, 1981; Клычев, 1994; Чкадуа, 2005):

а) с корне-суффиксами (суффиксоиды) ҭа: аҭалара «войти во что-то», аҭыцра «выйти из чело-л.», аҭаҵара «вложить во что-л.», аҭыхра «вынуть что-л. из чего-л.», аҭахара «застрять в чем-л».

б) со связанными корнями:

Аԥшәара «выпасть, выкатываться из чего-н. (о мелких предметах)», «выпадать», из ҭ – и шәа – «падать», «ронять», ср. аршәра «кидать, бросать».

Аԥыркьра «выпячивать», из ҭ(ы) и аркьра «накренить».

Аԥчаара «распухать», из ҭ – «углубленное место», ч – «опухать», аа – суф. интенсивности проявления действия.

Аԥыса «проходить через чего-н.», из ҭы, с – связанный корень со значением движения, «двигаться», ср. аиаса «проходить мимо», ахыса «переходить через чего-л.» и др.

Аԥыкәкәара «опорожняться», из ҭ «изнутри», акәкәара «по каплям (до капли)».

Аԥыжьра «выпускать из определенного места, опубликовать, издать», «отпустить, освободить», из ҭы «место», жь со значением «бросать», ср. акажьра «бросать сверху вниз», акәжьра «набросать, забросать, опустить», алажьра «бросать вовнутрь, в какую-либо среду».

Аԥшьра «окунуть, опускать (в воду)», из ҭ «углубленное место», шь «определенные действия», связанные с зыбкими, тягучими, вязкими веществами; действия, совершающиеся медленно, бесшумно, плавно, ср. ахьшьра «мазать (масло), коснуться»; ақәшьра «намазать (сверху), провести (рукой) по чему-л.»; аҿшьра «намазать на лицо», аԥшьра «соединить что-л. с чем-л.» и др.

Аԥырлашаара «осветить глубину», из аҭы «углубленное место», р – каузатив, лаша «свет», аа – направительный суф. со значением «оттуда-сюда».

Аԥыира «послать то», «продать то», из ҭ «место», и – указательная частица – «там, туда (ему)», ср. иахь «к нему».

Аԥжәара «вырвать изнутри», из ҭ и жә, возможно, от глагольной основы ажәара «трепать, раскромсать», ср. аԥжәара «рвать, разорвать», ахжәара «сломать (грубо)», аҿжәара «оторвать» и др.

Аԥыршара «сполоснуть», из ҭы, р – каузатив, ш от ашара «делить, распределять».

Аҭцаара «исследовать», «изучить», из ҭ «глубоко», ҭца «учить», аа – суф. интенсивности.

Аҭҳәара «вывалить», из ҭ «изнутри», ҳә – связанный корень со значением «свергать, сваливать», ср. аҵҳәара «выдернуть», аҳҳәара «стащить (сверху)», амҳәара «оторвать» и др.

Акьаҭара «гасить, погибать, кончаться, испортить, раздавить (о шелковичных червях), осчастливить, обогатить (о погибших от удара молнии)», из кьа «конец, край», ҭа «рыхлый, мягкий», ср. аҭыртыр «рыхлый».

На наш взгляд, первоначальное значение «становиться дряблым, рыхлым», а затем «скончаться, прекращаться, погибать, гаснуть, становиться счастливым, облагодетельствованным богом (удар молнии)».

Аҭашьшьра «медленно влезать во внутрь», ср. ашьшьыҳәа «медленно, спокойно, бесшумно».

Аҭаеылара «сплющиться», из аҭа «место», ҿ(ы) (от аҿра) «согнуться, сгибаться», ла – суффиксоид со значением действия.

Аҭашәара «падать вовнутрь (чего-л.), «закатиться (о солнце), падать вовнутрь чего-н. (море)».

Аҭгәуцәаара «выхватить изнутри», из ҭ «место (углубленное)», ҭә «решительно», цә «снаружи», аа – суф. направления (оттуда – сюда);

в) со свободными корнями:

Аҭкьара «выпалить, выстрелить», из ҭ – «место изнутри» аҟьара «махать взмахнуть», ср. аҿкьара «сорваться (со скалы)», аркьара «разрезать», ацкьара «вскочить» и др.

Аҭцара «выпрыгнуть», из ҭ – «изнутри», ацара «прыгать».

Аҭабгара «обвалиться, провалиться» из ҭа и абгара «обрушиться».

Аҭабылра «подгорать» из аҭа и абылра «гореть».

Аҭагылара «встать во что-либо (имеющее глубину)» из аҭа-, и агылара «стать».

Аҭагәара «запихивать», из ҭа – и агәара «толкать».

Аԥакра «запирать, загородить, арестовать», «задумать, решить», из ԥа – акра «держать, хватать, загородить (определенное место)».

Аԥакаԥара «приготовить что-л. внутри чего-н.», из ԥа и акаԥара «делать».

Аԥаԥшра «заглянуть вовнутрь чего-н.», из ԥа – и аԥшра «смотреть, глядеть», в свою очередь расчленяющийся на ԥ «углубленное место», аԥшра «смотреть, глядеть».

Аԥацырра «летать внутри чего-н.», из ԥа и ацырра «летать».

Аԥацԥәара «поломать внутри что-н.», из ԥа-, аԥԥәара «ломать».

Аԥырцхара «освещать (сверху в углубленное место)», из ԥы и арцхара «согреть», ацхара «светить», ср. амра цхоит «солнце светит, греет».

Аԥаԥжәара «взорвать (внутри чего-н.), из ԥа – и аԥжәара «рвать».

Аԥырҳәра «пасти в огороженном месте», из ԥа и арҳәра «пасти».

Аԥарысра «стегать, прошивать внутри чего-н.», из ԥа – и арысра «стегать».

Аԥырҳара «вырезать глубоко (о вороте одежды), высунуть (язык), выпячивать», из ԥы «углубленное место», арҳара «увеличивать, наращивать, простираться», ср. араҳара «задирать (голову), разинуть (рот)» и др.

Аԥакаара «вовнутрь орать, выть», из аԥа – и акаара «реветь, кричать».

Аԥиаара «расти изнутри, внутри», из ԥы «внутри», и – от аира «родиться, возникнуть», аа – пространственный суф. со значением направленности действия оттуда-сюда, ср. аара «идти сюда».

Аԥыkkара «выдолбить», из ԥы «изнутри» и аkkара «долбить, наносить удары», ср. аԥkара «резать, бить».

Аԥынхара «остаться, достаться», из ԥ(ы) «место» и анхара «остаться, жить», букв. «остаться на месте», ср. аԥынха «на-

следник, потомство, родственник». Аҭанхара «жить где-л. в определенном месте».

Аҭыҵҵьара «выскабливать», из ҭ(ы) «изнутри из углубления» и аҵьҵьара «скоблить».

Аҭаԥара «высыхать в чем-то», из ҭ «углубленное место», аԥара «сохнуть».

Аҭакьцра «раздавить внутри чего-н.», из ҭ «углубленное место» и акьцра «давить».

Аҭацсра «умереть внутри чего-н.», из ҭ «место», ацсра «умереть».

Аҭахәцра «думать про себя», «внутри себя», из аҭа «внутри», ахуцра «думать», в свою очередь расчленяющийся на ахәы «затемненное место», ц от ацара «идти», букв. «идущий из затемненного места», для семантики хә ср. его значение в словах: ахәлара «вечереть, темнеть», ахәлымшәы «горло», ахуда «шея», ахәҵа «подгорная часть (затемненная часть)», ахәҵалара «прятаться в затемненном месте», «войти в затемненное место (в шахту, в пещеру)».

Морфема ҭ(а) в качестве суффикса выражает разнонаправленность действия.

Ақәиҭра «иметь волю на что-л.», ср. ахақәиҭра «свобода», из ахы «голова», ақәиҭра «иметь волю (на свою голову)», букв. «сверху на то в разные стороны».

Аҿҭра «звать, молвить», из аҿы «рот», ҭ – разнонаправленность действия, букв. «изо рта в разные стороны».

Азҭра «растаять», из азы «вода», ҭ «в разные стороны».

Ашәҭра «цвести», из шә от ашәра «красить, созреть, налиться» и ҭ «в разные стороны», ср. ахышәҭра «опрокинуться, падать».

Абҕьаҭра «расковырять», из бҕьы – звукоподражательный комплекс, характеризующий данное действие и ҭ «в разные стороны».

Арҭра «становиться мягким, рыхлым».

Ақьҭара «сгибаться, извиваться», ср. аҭырҭыр «то же».

Ахаштра «забывать», из ахы «голова», ш «пустое, полое», т «в разные стороны», букв. «опустошаться, опорожняться».

Ашьтра «посылать, отправлять, выпускать», из шь «нога», т – суф. разнонаправленности действия.

Морфема та также образует немало именных основ.

Атаацәа «семья», из ата от атаара «посещать», цәа – показатель мн. числа, букв. «посещающие (один очаг, одно место)».

Атагә «жировик», из ата «место», гә «овальный (название – по форме)», букв. «бугорок».

Атра «вместилище, сумка», «берлога, гнездо», ср. ашәкәтра «портфель».

Атак «ответ», атакцхыкәра «ответственность», из та от атара «давать, дать» и акра «держать, поймать, ловить, хватать, иметь».

Атамха «приспособление из колышек для вяления и сушки мяса», от атамхара «не проваливаться» (Кварчия, 1981:115).

Атацта «опухоль желез», из т-, цта «нечто рыхлое».

Атахы «близкий родственник», из та тот же компонент, что в атаацәа «семья». Второй компонент хы, надо полагать, от ахра «главное, основное», ср. хра злоу «то же».

Атацәы «пустой», из ата «место» и цәы от ацәара «стругать», букв. «нечто выструганное (полое изнутри)».

Атахәтеи «чехол для ружья». Принято считать монгольским заимствованием – toxtay «то же».

Атбаа «широкий, просторный», из т «место», б «большой», аа – пространственный суффикс со значением «простираться».

Атаца «невеста», из та – и ца «идти», букв. «идущая в семью» или «уходящая от своей семьи».

Аката «сеть для ловли рыбы», из ка от акра «ловить», та «место», букв. «место поимки, ловли (из мелкоячеистого материала)».

Имеется мнение об индоевропейском происхождении, из kata-h «плетенка, циновка».

Ашьаҭа «корень, основа», букв. «место ноги», из шьа «нога», ҭа «место (след)», ср. ашьҭа «след».

Аҭлаш «мощный, могущественный, крупный (о человеке)», из адыг. лъаш / лъашъ «то же» (Шагиров, 1989: 23).

Ашҭа «двор, площадь», из ш «пустое (без деревьев)» и ҭа «место». Для семантики ш ср. его значение в словах – абаша «пустое», аӄьаш «лысый, голый (без волос)», ахҭыцша «пустоголовый». По мнению В.А. Чирикба, оно из аиаша «ровный», ҭа «место» (Абхазоведение, 2009: 102). На наш взгляд, ша идет от аша′ра «светать» в полом – космическом пространстве, «полое пустое пространство».

Аҭхаԥьра «наедаться, блаженствовать, обильно вкусно питаться». Возводят к адыг. тхъа жын / тхъа тьын «то же». А.К. Шагиров связывает его с глагольной основой тхын «обдирать» (Шагиров, 1977: 76).

Аҳәышәҭа «помост (культового назначения у пастухов)», ср. ашәымкьаҭ «то же». Аҳәышәҭа из аҳәы от аҳәра «пастись», шә «мера, размер», ҭа «место», букв. «место, емкость для пасущихся, т.е. погибших от удара молнии».

Аҭагәаɷа «дупло, впадина, котловина», из ҭа «место», агәаɷа «пустой», ср. аɷ «нора».

Аҭҳәаа «ложбина, балка», из ҭ «место» и аҳәаа «простор, простираться, граница».

Аҭыцҳа «девушка, барышня», из ҭ от аҭаацәа «семья» и цҳа «дочь», букв. «дочь семьи».

Аҭыцьҳа «старая дева», из ҭа «место», ць – оценочный суф. с негативным значением, ср. ацҳа «дочь», букв. «размножающая род», где ҳа от аҳара «пустить корни, плести, разрастись».

Аҭакар «марево», из ҭа «место» и (ка) от акра «огораживать, запирать», р – аф. абстрактности.

Ахҭылԥ «дитя», из ахҭылԥра «выходить, родить», из ахы «себя», ҭы «место», алԥра «выходить из какой-либо среды (организма)».

Ахтынкьа «упрек, обвинение», из ахы «голова (место)», атынкьара «ударить, стукнуть, замахнуться».

Атамцара «простить, помиловать», из та «место», м – аф. отрицания, ца – суффиксоид со значением действия, букв. «не положить, не подложить то кому-чему-то».

Абахта «тюрьма». Возможно, из рус. «вахта», в свою очередь заимствованного из нем. в польск. wachta → wacht «стража, караул», суффиксального производного от wachen «сторожить, бодрствовать». А само слово «тюрьма» в русском языке считается заимствованным из тюркск. яз., в которых оно образовано от тюрк. «класть», мя – суф., букв. «заключение» [Шанский, 1971: 458].

Ахәарта «полезное», из хәа от ахәара «помогать», рта «место».

Таха «покой», из та «место», ха от аха «досуг», букв. «возможность быть на месте».

Агәта «середина, центр», из гә «центр (сердце)» и та «место».

Ацута «поселок», из ц «совместно», «вместе с кем-н.», ср. ацра «сопровождать, сопутствовать» и та «место», букв. «совместное проживание».

Аамта / г / амта «время», из аара «идти, наступать» и мта «след, следствие, пора, момент», букв. «след грядущего, наступающего».

Ахата «бурдюк (для вина)». На наш взгляд, звукоизобразительное слово, ср. ахата – хата «трепыхаться» заимствовано картвельскими языками: мегр. халта, груз. xalta. В.Г. Ардзынба анализирует как сочетание корня-глагола аҳара «плести» и та – локативный суф.

Аеыт «ком, ломтик, кусок, небольшая часть чего-то», от аеара «мотыжить, отламывать куски (земли)», ср. єыт – єыт «по кускам».

Ацта «туча», из ц и та «рыхлое, мягкое».

Аутра «огород», из у’ от аура «делать», т «место».

Ачҧа «калым, подарок жениха рабовладельцу за дочь его раба, взятую им в жены», из ча от ачара «питаться», ҧа «давать».

Ашәҭ «цветок», из шә от ашәра «красить, окрашенный», ҭ – суф. со значением разнонаправленности действия, ср. ахышәҭра «опрокинуться».

Аурҭ «пурга, буря», из ауеи/ауаи «ненастье», р – каузатив, ҭ – «прерывистость». Для семантики у ср., ауама «ужас». Уамашәа «удивительно». Слово ауеи представлено и в адыгских языках: уайӑ «непогода, ненастье, дождь, гроза». А.К. Шагиров данное слово на адыгской основе разъясняет таким образом: уа – «небо, атмосфера» + уа+hа «плохой, скверный», в связи с чем абхазскую форму причисляет к адыгизмам (Шагиров, 1989: 30).

Акалҭ «подол», из ка – направленность чего-то сверху вниз, л – однородная среда, ҭ «трепыхаться», ср. аҭыртырра «то же».

Ахҷаҭ «сливки», из х «верх, сверху», ҷ «крупинки (масла)», ср. аҷҷара «крошиться», ҭ «мягкое, рыхлое», букв. «мягкие, рыхлые крупинки (молока)». Иные объяснения см. у А.К. Шагирова (1989: 26).

Аҭоуҭада «бездомный, переходящий из одного места в другой», из ҭоу «иметь место (получать)», ҭада «не иметь места».

Амаҭ «змея», из ма и ҭ, ср. аҭыртырра «трепыхаться, трястись, сгибаться, извиваться».

Акәрҭ «икра», из акә «овальный» и арҭ «мягкий, зрелый, спелый».

Аҭырас «папоротник», из аҭыр «колыхаться, колебаться», ср. атыртырра, с «мелкий», для семантики с, ср. аса «кусок», а’са «мелкий», производные от асара «разрезать (на мелкие части)».

Алыхәҭа «сито», из лы «однородная среда», хә от ахәра «сеять», ҭа «место, емкость», букв. «место для просеивания (муки)».

Аҭзы «дом, здание», из ҭ «место» и зы от аза «мера длины (пядь, четверть)», букв. «отмеренное место».

Аҭызшәа «ссора, раздор, молва» из аҭзы «дом», шәа «мера, норов», от ашәара «мерить».

Ахәҭа «часть, доля, норма, обязанность», из ахәы «пища, еда», ҭа «дать», букв. «выделенная еда».

Аҭшәа «узкий», из ҭ «изнутри», шәа «мера» от ашәара «измерить».

Аеыҭ «кусок, ломтик», из аҽ(ы) от аҽара «отламывать, отколоть, мотыжить», ҭ «рыхлый (о земле)».

Аҿаҭахьа «обет», от аҿаҭара «обещать, дать обет», из аҿы «рот, уста» и аҭара «давать», хьа «результат, следствие».

Амаҭраз «окоп», из ма-, аҭра «вместилище», з «подвижный», ср. агазгара «зыбиться (о водной поверхности)». Таким образом, данное слово можно понимать как «нечто легко передвигаемое».

Ахҭыс «событие, прошлое», из ахы «себя, голова», аҭысра «проходить через чего-н.».

Ахәҳахуҭра «торговать», из ахәҳара «покупать, приобретать», ахәҭра «продавать (из ахә «цена», ҭ «отдавать»)», букв. «купить – продать».

Агәҭа «середина, центр», из агәы «середина», ҭа «место».

Апылҳаҭ «трясина, слякоть, жидкая грязь», букв. «нечто трясущееся».

Ажәырҭ «заросль, бурьян», из ажә «старый», ҭ «рыхлый».

Зеиҷьаҭам «наилучший, бесподобный», из з – относительно-местоименный аф. (субъекта), аиҷь «лучший», ҭа от аҭара «находиться», м – аф. отрицания, букв. «лучше которого не находится (не бывает)».

Ахьҭа «холод», из хьы от ахьаа «боль», ахьра «болеть, случиться». В данном случае наблюдается переход ахьра «болеть» → хь – «холод», ср. ахьшәашәа «холодный».

Морфема ҭа в качестве суффикса самостоятельно или в сочетании с другими морфемами образует множество производных слов с локативным значением: ҭа, сҭа, рҭа, ҭра, мҭа.

Ацәарҭа «матрас», ацхьарҭа «читальня», аҩымҭа «рукопись, произведение», ацхасҭа «убыток, урон», аҳәыстa «пастбище», аеыкәабарҭа «баня», букв. «место купанья», ашәахсҭа «шрам», аҳәатра «свинарник», аҭапҭа «жировик» и др. Данные морфемы используются также для оформления топонимов и гидронимов. Как отмечает Х.С. Бгажба, данные суффиксы сохраняют свою этимологическую связь с самостоятельным корнем аҭа – абаз.; аҭыц – абх. «место: Гудаута, Кудырта, Мацеста, Бзыпта, Хоста, Дахәарта, Ҽбаарта, Цәындырта, Хыпста, Лацста, Мзымта и др. (Бгажба).

Агәарҭа «стадо, множество», из агәара «расположиться, скучиться», рҭа – локативный суф., букв. «скучившиеся (о скоте)», переносно «множество».

Морфема ҭа в сочетании с другими морфемами образует несколько сложных морфем со своими значениями: аҭн(ы) – аҭныхра «купить что-л. за вырученные деньги», аҭныцсахлара «обменять»; ахҭ(ы) – ахҭынҟьара «обвинить», ахҭылҵра «родить, происходить», ахҭынцара «давать взамен, оплатить», ахҭыхра «отбить наказание», ахҭакра «пристраститься, налегать к чему-либо, приставать»; аиҭа «опять, снова»; аиҭаҳәара «пересказать», аиҭагара «переводить», аиҭаира «переродиться», аиҭалхра «переизбрать», аиҭасра «перемениться»; аиҭара «сквитаться, ничья», аиҭаҳара «посадить», аиҭаҵра «передвигаться», аиҭашьҭра «снова посылать», аиҭатиира «вновь послать, продать», «переэкзаменовать» и мн. др. Как полагает Л.П. Чкадуа, аиҭа в значении повторяющегося действия выполняет в основном грамматическую функцию, не меняя лексическое значение основы (Чкадуа, 2005: 171).

В некоторых случаях морфема ҭа выражает совокупность лиц, предметов, ср. ҳарҭ «все мы», шәарҭ «все вы», урҭ «все они», арҭ, абарҭ «эти все», букв. «все находящиеся в одном месте».

По мнению К.В. Ломтатидзе, в данном случае морфема ҭ ведет начало от личного местоимения д(ара) «они» и она

представлена в личных местоимениях с указательным оттенком: ҳарҭ «мы эти», шәарҭ «вы эти» (Ломтатидзе, 1966: 283).

П.К. Услар и Г. Дюмезиль полагают, что ҭ связана с выражением инклюзивно-эксклюзивных значений: ҳара, шәара – инклюзив, ҳарҭ, шәарҭ – эксклюзив (Услар, 1887, Дюмезиль, 1932).

Морфема ҭ(а) образует немало редуплицированных глагольных основ, например: аҭыртырра «трепыхаться, сгибаться», ахәҭхәтра «шептать», аҳәаҭҳәатра «копошиться», аҳәаҭаҳәаҭаҳәа «валить густо, крупными хлопьями (о снеге)», абаҭбаҭра «хлопать крыльями (о петухе)», ахытхытра «трепетать (ср., агәы хытхытуеит «сердце трепещет)»; аҽаҭаҽаҭа «бурно, равномерно кипеть», аҭагәҭасра «покачиваться, шататься», переносно – «невзгоды», аҭакәаҭаҷара «бугристое, ухабистое место», аҭакәаҭасра «то же», аҭакьаҭасра «суетиться», аҭакьаҭас «беспутный, ветреный, суетливый», аҭаҳаҭыҷъа «зрелый, рослый», аҳаҭаҳаҭа «учащенное, тяжелое биение сердца», ацаҵцатра «трепыхаться, барахтаться».

Морфема ҭ(а) в некоторых образованиях выражает интенсивность проявления признака, качества: аҭыиқәаҵәаа «глубоко черный», аҭыкаҵшьаа «изнутри красный», аҭцашәаа «беленький, белоснежный», аҭшәшәаа «чернявый», аҭырқәаҵәаа «выпяченные (о губах)». И в этих случаях морфема ҭ(а) используется в ее инвариантном значении: «расположиться в углубленном, загороженном месте».

Литература

1. Ардзынба В.Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгского языков // Абхазоведение № 3, 2009.
2. Дюмезиль G. Studee comparative aur G. Langues. P. 1932.
3. Кварчия В.Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. – Сухум, 1981.

4. Ломтатидзе К.В. К структуре сложно-составных глагольных основ в абхазском языке. – Тбилиси, 1981.
5. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. – Тифлис, 1887.
6. Чкадуа Л.П. Глагольное словообразование в абхазском языке. – Сухум, 2005.
7. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М., 1977.
8. Шагиров А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. – М., 1989.
9. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1971.

Морфема ҽ(а). Это прежде всего звукоподражательные слова: аҽҽа – подражание бурлящей воде; аҽыр-аҽыр – обильно, порывисто льющийся дождь. В данном случае ҽ выражает отдельные части цельного действия – льющейся воды; аҽыр – резкий, обильный, одним махом пролившаяся вода (из какого-либо сосуда); аҽԥ – внезапная вспышка огня; аҽыԥ-ҽыԥ, аҽыгә-ҽыгә, аҽыѡ-ҽыѡ – подражание дробному топоту копыт, каблуков, удару мотыги при разрыхлении почвы и др.

Морфема ҽ (а) образует немало именных и глагольных основ на основе вышеназванных значений.

Аҽара «мотыжить, отламывать (цельные куски земли)», ср. акәакәара «разрыхлять (на более мелкие куски)», звукоподражательное слово, действие названо по звуку удара мотыги.

Аԥҽра «разбить, расколоть, разломать (на части)».

Аԥҽҽра «разламывать (на отдельные части)».

Аҽаҭара «отдаться чему-н., увлечься», из ҽ – субъектная версия, аҭара «дать, отдаться».

Аҽыҭ «ломтик, кусок, небольшая часть», из ҽ «ломоть», генетически связана с предыдущим словом и ҭ «мягкий, рыхлый (о земле)».

Аҽаѡра «урожай», из аҽа от аҽара «разрыхленное поле» и ѡ «всход».

Аеа, даеа «другой (кусок)», из да – экспонент гр. кл. человека, ҽа «ломоть, кусок».

Аены «в тот день», ҽнак «определенный день», букв. «отрезок (времени), кусок».

Аеар «разрыхленное поле», из ҽа от аеара «разрыхлять, тохать», р – суф. абстрактности.

Ҽааны «в будущем году», из ҽа «другой отрезок», аа – пространственный суф., ны – локативный суф. со значением элативного направления, букв. «идущий, наступающий отрезок (другой)».

Аеы «лошадь», звукоподражательное слово, по топоту копыт, ср. аеыҩ-аеыҩ «топ-топ».

Амеара «отламывать, отломить от чего-л. (земли)», из м «иметь», аеара «мотыжить».

Ахера «спадать», ср. ашоура хҽит «жара спала», «подорваться (об авторитете), остыть, ослабеть», из ахы «сверху», аера «сложиться».

Алаера «въестся», из ла «проникать, сложиться».

Аҭаера «вогнуться, сплющиться», из ҭ «глубокое место», ҽ – «сложиться, согнуться».

Ахәаре «спорый, гниль, изъеденный, источенный, червивый (легко разваливающийся)», из хәа «плесень», р – каузатив, ҽ «сникать».

Ашьаера «онемение, отсидеть (ногу)», из шьа (ашьапы) «нога» и аера, «сложиться, складываться, согнуться, сгибать».

Агәаеанызаара «бдительность», из агә «сердце», ҽа – субъектная версия, анызаара «находиться поверх чего-л.».

Ахьарера «загибать (рукав)», из хь (а) «назад», арера «сгибать, складывать».

Агәера «быть подавленным, сникшим», из агәы «сердце», аера «сгибаться, согнуться».

Амехакра «охватить, занять какое-либо пространство, овладеть каким-либо местом, территорией, заняться разносторонней деятельностью».

Ҽеха как отдельная морфема используется в значении «пик, разгар какого-либо действия», образуя деепричастные формы аусураҽеха «в разгаре работы», иажәымҭаҽеха «пик старости, на старости лет», ахулбеха «вечер, вечером», из хә от ахәлара «вечереть» и ҽеха «заняться (возникать, наступать)», анхараҽеха «в разгар хозяйственных работ», ахьҭаҽеха «разгар холода», ашоураҽеха «разгар жары» и др.

Морфема ҽеха в некоторых случаях выступает в значении излишества чего-либо – аҽхарззылара «заноситься, заносчивость, возгордиться», аҽхырцәажәара «бахваляться, плести чушь», аҽхықәмцара «кичиться», аҽхырцшзара «приукрашиваться», аҽхырччара «притворно смеяться» и др.

Однако морфема ҽа в большей степени реализуется в значении субъектной версии, в значении «себя, себе», т.е. отдельной личности, отдельной части.

Аҽыларҟәра «унижаться, спуститься вниз», из аҽы «себя», аларҟәра «опустить, наклонить».

Аҽавакра «укрыться за чем-л.», из ҽа «себя», авакра «держать кого-л.-чего сбоку, согнуть».

Аҽадкылара «прислониться, присоединиться, устроиться к кому-чему-н.», из аҽа «себя», адкылара «приложить, включить, пустить, принять».

Аҽадҳәалара «привязать себя к кому-чему-н.», из аҽа «себя», адҳәалара «привязать».

Аҽазкра «посвятить себя кому-чему-н.», из аҽа «себя», з – субъектная версия, к от акра «держать».

Аҽазыҟаҵара «подготовиться к кому-чему-н. (к экзаменам)», из аҽа «себя», азыҟаҵара «подготовить».

Аҽцышәара «испытать себя», из ҽ «себя», аҵышәара «испытать».

Аҽырхиара «приготовиться, подготовиться, прибраться», из аҽы «себя», архиара «приготовить, убрать».

Аҽырбара «щеголять, кокетничать», из ҽ(ы), арбара «показывать», букв. «себя показывать».

Аеақәжьра «наброситься на что-л.», из аса «себя», ақәжьра «бросать».

Аеалархәра «принять участие в чем-л.», из аса-, алархәра «вводить в долю».

Аеанцара «записаться, опереться на что-л.», из аса-, анцара «положить что-л. на что-л.».

Аеатцакра «запрягать себя».

Аешьра «самоубийство, убить себя», из ас «себя», ашьра «убить».

Встречаются еще несколько сложных морфем с ҿ(а): аецы «берег, край», аецыкә «обочина, край», ҿхәа «очаг», букв. «низ, земляная сфера».

Аецынра «прилегать к берегу, к самому краю», из ҿцы «край», анра «находиться, располагаться».

Аецныхәара «упрекать», букв. «сказать прямо (в лицо)», из аецы «впереди», аҳәара «сказать».

Аецынтәалара «присесть близко к кому-чему-н.».

Аецынгылара «стать к краю берега».

Аецырха «нагрудник», из аепы «перед» и рха «натянуть, натянуться».

Аеҳәа «очаг», из ҿ-, ҳәа «земляная сфера», ср. аҳәаа «граница, межа», аҳәра «низкорослые растения, пастись», аҳәира «бурьян, заросль». Сюда же и низкорослые животные (коротконогие) и птицы, прижатые к земле; аҳәа «свинья», аҳәыс «теленок», аҳәынаҷ «мышь», аҳәыхә «голубь». Сюда же и аҳәырҳәырра «катиться, семенить (по земле)», букв. «семенящие по земле».

Морфема **ҿхәа** в сочетании с многочисленными глагольными основами образует производные слова, обозначающие действие или состояние, протекающие возле очага: аеҳәакра «держать что-л. у очага», аеҳәаиара «лечь возле очага», аеҳәара «находиться у очага», аеҳәатәара «сесть у очага», аеҳәахара «задержаться у очага», аеҳәашәара «скатиться в очаг», аеҳәабылра «сгореть у очага» и др.

Аееиԥкаара «приводить себя в порядок», из аҽа-, аиԥкаара «приводить в порядок, организовать».

Аеаужьра «распускаться, опуститься», из аҽа-, аужьра «отпустить».

Аеахажьра «наброситься на что-л.», из аҽа-, ахажьра «набросить».

Аеаҩшара «раздвоиться», из аҽа-, аҩшара «раздвоить (аҩ + ша «два + делить»)».

Аеахьыгзара «успеть, подоспеть, догнать (с намерением передать, вручить что-л.)», из аҽа «себя», ахьыгзара.

Аеҭажьра «броситься внутрь чего-н., кидаться, кинуться внутри чего-н.», из аеы «себя», аҭажьра «бросать, кидать что-л. в углубленное место».

Аеыԥҽахра «укрыться от кого-чего-л.», из аеы-, аԥҽахра «скрывать, хранить».

Аезара «прятаться», из ҿ-, азара «прятать».

Аеызҽзҽаара «мыться, умываться», из ҿы-, азҽзҽаара «мыть».

Аеыкҽабара «купаться», из аеы «себя», акҽабара «купать (кҽа «корпус тела» + абара «сушить»)».

Аеынкылара «останавливаться, воздерживаться», из аеы-, анкылара «останавливать, задержать, занять».

Аеыцхьакра «отстраниться, укрыться», из аеы-, ацхьакра «припрятать, спрятать».

Аеырцхара «погреться», из аеы-, арцхара «греть».

Аеырԥҽира «корчиться», из аеы-, арԥҽира «крутить».

Аееилыхра «раздеться», из аҽа-, аилыхра «раздеть, разобрать».

Аееиҭакра «преобразиться, измениться», из аҽа-, аиҭакра «изменить».

Аееиуыжьра «распускаться», из аҽа-, аиужьра «распускать, продлевать, напустить друг на друга».

Аееиԥыхра «выпрямляться, вытягиваться», из аҽа-, аиԥыхра «растянуть».

Аеақәжьра «наброситься», из аҽа-, ақәжьра «набросать».

Аеанҵара «записаться», из аҽа – «себя», анҵара «записать», в свою очередь расчленяющийся на ан «плоская поверхность» и ҵа – суффиксоид со значением действия.

Аеаркра «вместиться, объесться», из аҽа «себя», аркра «вместить».

Аеахгара «уклониться, увильнуть», из аҽа-, ахгара «переходить, переступить, уносить, сослать».

Аеалхра «выбраться, отрекаться, убраться», из аҽа-, алхра «вывести (из какой-либо среды), выбирать».

Аеаршьцылара «приучать себя к чему-л., упражнение», из аҽа «себя», аршьцылара «привыкать».

Аеамҵажьра «бросаться перед чем-то, отдаться чему-н.», из аҽа-, амҵажьра «подбросить», из амҵа «около, подле чего-н.», жь – связанный корень со значением «бросать».

Аеҳаракра «возвышать себя, возноситься».

Аехәара «хвастаться», из аҽа «себя», ахәара «помогать», букв. «себе помогать, к себе склонять».

Аеырдура «важничать, возвеличивать себя», из аҽы «себя», ардура «увеличить».

Аеадҵара «прислониться, примкнуть, присоединиться», из аҽа «себя», адҵара «прислонить», в свою очередь расчленяющийся на д «опора», ср. ада «основа», ҵа – суффиксоид со значением действия.

Аеадшьылара «убиться над чем-н., трудиться усердно», из аҽа «себя», адшьылара «убить (прижав к опоре)».

Аеазкра «посвятить себя чему-н., начинаться», из ҽа «себя», азкра «назначить, поручать, приняться».

Аеазыҟаҵара «готовиться», из аҽа «себя», азыҟаҵара «подготовить».

Аееибытара «собраться», из аҽа «себя», аибытара «соединять, склеить, собирать, снарядить».

Аееиқәкра «успокаиваться», букв. «себя успокоить», из аҽа «себя» и аиқәкра «успокоить».

Аееиԥәшара «разъединиться, разделиться», из аҽа «себя», аиԥәшара «делить».

Аееиԥәгара «обособляться, отделяться», из аҽа «себя», аиԥәгара «отделять».

Аекылҳәара «высунуться, высовываться», из ҽ «себя», кыл «щель, отверстие», ҳәа – связанный корень со значением «бросить, вытащить, валить», ср. азаза ҳәит «роса навалилась».

Аееилаҳәара «одеться», из аҽа «себя», аилаҳәара «одевать, обвертывать, завернуть».

Аеалагалара «вводить себя во что-то», из аҽа «себя» и алагалара «вводить».

Аеырцсышәара «сделаться вежливым, приветливым», букв. «наделиться абхазкостью».

Аеаҭара «отдаваться чему-н.», из аҽа-, аҭара «давать».

Аеырцхашьара «позориться, срамиться», из аҽы-, арцхашьара «стыдить, срамить».

Аеырчра «надуться, напрячься, возгордиться», из аҽы-, арчра «надуть».

Аереицьра «горбиться, съежиться», из ҽ «себя», ареицьра.

Аеыреира «исправляться, прихорашиваться, улучшать», из аҽы-, арҽеира «улучшить, исправлять» в свою очередь расчленяющийся на р – каузатив, аҽеи.

Аеырхагара «сумасшествовать, дурачиться, взбеситься», из аҽы-, архагара «взбесить».

Аеыркьаҳәра «кривляться, искривить», из аҽы-, аркьаҳәра «скривить».

Аеыхьчара «беречься, защищаться», из аҽы-, ахьчара «беречь».

Аеышәара «испытывать себя», из аҽы «себя», ашәара «пытать».

Аеалгара «вывести себя из чего-н.», из аҽа-, алгара «вывести».

Аеырхиара «подготовиться».

Аеырҧәҧәара «крепиться, утвердиться, проявить твердость».

Агәаҟра – аеыргәаҟра «страдать – мучить себя».

Агәаара – аеыргәаара «обижаться, притворяться обиженным».

Аеырдагәара «притвориться глухой», из аеы-, ардагәара «оглушить, заставить быть глухим».

Аеырдырра «себя представить, познакомиться с кем-н.».

Ариашара – аеыриашара «выправить, исправить – исправиться».

Ацагьа – аеырцагьара «гордый, делать себя высокомерным, воображать, возгордиться».

Арласра – аеырларсра «торопить – торопить себя, торопиться».

Арцхара – аеырцхара «греть – себя согревать».

Арцхашьара – аеырцхашьара «пристыдить, опозорить – опозориться, срамиться».

Арҧбаара – аеырҧбаара «увеличить, расширить – расшириться».

Архаҵара «делать мужественным» – аеырхаҵара «стараться, быть мужественным».

Аеыхәшәтәра «лечиться», из аеы-, ахәшәтәра «лечить (ахәшә «лекарство»)», тә – суф. принадлежности, букв. «залекарствовать».

Аееуиатәра «уподобиться кому-чему-л.», из ае(а), аиуара «принадлежать к чему-л.», тә «принадлежность».

Аеалгара «вывести себя из чего-то».

Аеаҧара «отдаваться чему-н.».

Аеырхиара «готовиться чем-н.», из аеы-, архиара «подготовить».

Аеырҧәҧәара «сделаться сильным», из аеы «себя», арҧәҧәара «укрепить, усилить».

Аеыргәаҟра «мучить себя», из аеы-, аргәаҟра «мучить кого-л.».

Аеыргазара «прикидываться глупым, дурачиться».

Аеҩычара «наряжаться, облачаться, украшаться», из ҽ «себя», аҩычара «облачать, украшать, нарядить».

Морфема хь(а). Образует ряд звукоподражательных, звукоизобразительных комплексов: ахьхьа, ахьхьаҳәа «звон металла (золото), звонкий смех, треск, шелест сухих листьев, журчанье ручья»; ахьоухьоура «изнурительная боль, возникающая ритмично»; хьарч – подражание всплеску воды и др.

Вышеперечисленные значения комплексов стали основой ряда имен и глаголов.

Ахьы «золото (звон металла)».

Ахьа «каштан» (то же).

Афархь «сухие, отпавшие ветви, хворост, хилый, худосочный».

Ахьырцәацәа «золотой слиток, самородок», из ахьы «золото», цәацәа – суф. интенсивности, ср. арацәара «сжать кулак, уплотнять, трамбовать».

Ашшыцхьыз «жалоба», из ашшра «доносить, жаловаться».

Ахьархь «пила (по звукам, издаваемым при распиливании дров)».

Ахычцацыр «бабочка (по цвету оперения)».

Ахьацарч «еж». Назван по внешнему признаку: из ахьа «цвет каштана, каштановый», ацарч «дутый, пухлый (о мякине)».

Ахьи «золотых дел мастер».

Ахышьаш «лошадь (с эолотистой расцветкой)».

Ахыжь «сойка». Названа так по цвету оперения.

Ахырхын «пресс для выжимания виноградного сока». Звукоподражательное слово.

Ахыцәцәа «бубенчик, золотой колокольчик», из ахьы «золото», цәцә – суф. интенсивности.

Ахынцыца «самый положительный (о человеке)».

Ахьырцар «золотая молодежь».

Ахьаа «боль», ср. ахьоухьоура «звукоизображение чувства боли».

Ахьра «заболеть, случаться», ср. игәы ихьуеит «у него болит сердце»; иухьи – «что случилось?», букв. «что за боль».

Ацәабахь «болезнь животных (кожная)».

Агәхь «сердечная боль».

Агәхьаа «забота, беспокойствие, внимание», букв. «боль сердца».

Агәацәыхь «воспаление легких», из агә «сердце», цә – аф. интенсивности, хь «боль».

Ашьаптахь «мигрень».

Амгәахь «диарея», из амгәа «живот», хь «боль».

Амыхьтә «ужас», букв. «то, что не должно случиться».

Азыхь «родник», из азы «вода», хь «холодная».

Ацшахь «холодный ветер».

Акухь «незрелый виноград».

Ахьзыркы «позолоченный».

Ахьацшьа «шкатулка (золотая)».

Ахьыручуан «котел для мамалыги».

Ахьырхьын «пресс для выжимания виноградного сока (по звукам, издаваемым при его работе)».

Ахьытцәца «золотистая башня», из ахьы «золото», цәца «прозрачный, ясный».

Ахьнырҳаҳ «серый дрозд».

Однако в большинстве случаев морфема хьа реализуется в значении направления и места действия. Это прежде всего глагольная основа ахьара «доить», названная так по звукам надаивания молока в подойник, букв. «сверху-вниз (направленное)».

Аҽархьра «возразить, оборвать», из аҽы «лицо», архьра «причинить боль».

Ахьҭа «холод (по чувству боли)».

Ахьшәашәа «холодный», из хь «холод», шәашәа – оценочный суффикс.

Переход значения хь «боль → холод» вполне допустимо.

Отсюда, надо полагать, и последующие значения хьа – направленность действия «сверху-вниз», «назад, в разные стороны». Морфема хьа в данном значении реализована в образовании ряда имен и производных глагольных основ.

Ахьзара «догнать, достигать, успевать», из хь «сзади», за «предел».

Ахьыз «имя, слава» от предыдущего слова ахьзара «догнать, успеть, осуществить», букв. «сзади до предела (дойти)».

Ахьча «пастух, сторож, защитник», от ахьчара «пасти, кормить, охранять, беречь», из ахь «сзади», ачара «питать».

Ахьышьтра «род, родословная», из ахь «прежний, обратный», ашьтра «след».

Морфема хь(а) в глагольном словообразовании в качестве преверба-основы реализуется именно в этом значении – разнонаправленность действия: «сверху-вниз, снизу-вверх, назад, вперед», но в основном «позади кого-чего-л.» (Ломтатидзе, 1982: 44). Разнонаправленность действия четко выражается в слове иахьабалакь «повсюду», зехьынцьара «везде».

Ахьацшра «оглянуться, оглядеться», из хь «назад», ацшра «смотреть».

Ахьарцәира «загибать, сдернуть (назад, вниз)», из хь «назад».

Арцәира «скрутить».

Ахьарера «загибать (рукава)», из ахь «назад», арера «складывать, сложить (о вещах)».

Ахьаҳәра «обернуться назад», из хьа «назад», аҳәра «скрутить, скатать, свернуть, виться».

Ахьыгзара «распространить, распределить (повсюду)».

Ахьтатара «обрызгать (повсюду)».

Ахьцшра «следовать за кем-чем-л.», букв. «вслед смотреть», отсюда ахьцшы «зависимый».

Ахьцәырра «соскользнуть сверху-вниз», из ахь «сверху-вниз», ацәыр – связанный корень со значением «скользить»,

ср. также со звукоподражательным комплексом ацәырҳәа «быстро, моментально».

Ахьакра «припрятать», из хьа «позади», акра «держать».

Ахьаршшара «смягчить, отступать», из хь «назад», аршшара «сгладить, расправить, выправить».

Ахьасара «недовариваться, вянуть», из ахь-, асара «свариться».

Ахьатцра «отступать», из ахь «назад», тц – суффиксоид со значением движения.

Ахьцаара «оторвать от чего-л., препятствовать, отговорить».

Ахьшәара «оторваться, отстать».

Ахьшьра «касаться, намазать», из хь «повсюду», шь – связанный корень со значением «растекать».

Ахьҳәара «сорвать», из ахь «сверху-вниз», ҳә – связанный корень.

Ахьыспа «задеть, коснуться».

Ахьыссра «свисать», из ахь «сверху-вниз», сс – о мелких предметах.

Ахьынаара «склониться», из ахь «сверху-вниз», анаара «наклоняться».

Ахьырцшра «заставить следовать за собой», из ахь «сзади», арцшра «смотреть».

Ахьцшра «следовать за кем-то».

Ахьхәра «сожалеть, раскаиваться», из ахь «назад», хәра «склониться».

Ахьацара «отогнать, вернуть обратно».

Ахьшра «облиться (водой)», из ахь «сверху-вниз», ш «пенистая вода».

Ахьыжжра «истекать, течь (обильно) по чему-нибудь».

Ахьжәара «сорвать, оборвать (говорящего)», из ахь «сверху-вниз», жәа – связанный корень со значением «рвать», ср. ацжәара «вырвать (дерево)».

Ахьцәуара «плакать из-за чего-л. вслед кому-чему-то».

Ахышәара «падать сверху вниз, отставать», «опоздать».

Ахьысра «слегка прикоснуться к чему-л.», из хь-, асра «бить».

Ахьацш – кәацшра «оглядываться по сторонам (назад, в лоно)».

Ахьыр – выр «неровный, торчащий в разные стороны (вниз, вбок)».

Ахышышьра «сползать, вяло повиснуть», хь «вниз», шышь – связанный корень со значением «медленно, бесшумно (двигаться)».

Ахьыкәкәара «стекать (сверху вниз)», из ахь-, акәкәара «капать, по каплям».

Морфема хь(а) образует также инфинитивные формы глагола со значением «места и направления действия»:

дахьцо «куда он идет», дахьгылоу «где он стоит», ҳахьыҟаз «где мы были», ҳахьнеиз «куда мы пришли». Более того, морфема хь (а) образует давно прошедшие времена: дцахьеит «он (давно) ушел», дцахьан «он уже ушел».

Морфема хь(а) данное значение наследует из первичного значения «назад, позади (оставленного, прошедшего) → уже, давно».

Морфема хь реализуется также в качестве послелога со значением направления действия – в, к, на – ашкол ахь «в школу», хубарахь дцеит «он перешел в пятый класс», амшын ахь «к морю».

Инвариантное значение морфемы хь (а) также дает возможность использовать ее в качестве суффикса в значении «результат, следствие какого-либо действия, уже произведенного».

Аҳәахьа «сказанное».

Атәахьа «старая дева», букв. «засидевшаяся».

Аҿаҭахьа «обет», из аҿа «лицо, рот», ҭа «давать», хьа «результат, следствие».

Шьыжьхьа «завтрак», букв. «следствие полдня», уахьхьа «ужин», букв. «следствие вечера», шьыбжьхьа «обед».

Асахьа «рисунок, картина, портрет, вид, внешность», из с от асара «резать, кроить», хьа «результат, следствие». В специальной литературе принято считать грузинским заимствованием (Ломтатидзе).

Ашәахьа «понедельник», из ашәа «подобно (уже прошедшему – дню)», хьа «впереди», букв. «подобное впереди».

Иахьа «сегодня», и – указательная частица, хьа «впереди», для семантики и ср. ааира «приходить сюда в определенное место». Таким образом, иахьа можно объяснить так: «отсюда-впереди».

Морфема хьа вместе с морфемой ц образует сложную морфему цхьа, широко представленную в глагольном словообразовании.

Ацхьа «впереди, раньше, прежде, сначала», из ц «перед», хь – со значением направления, букв. «вперед направленное».

Ацхьарца «смычковый инструмент», из ацхьа «вперед», р – каузатив, ца от ацара «идти», букв. «вперед ведущий». В свою очередь слово ацхьа в качестве преверба образует немало глагольных основ.

Ацхьагылара «стать впереди», ацхьагыла «ведущий, вождь, руководитель, первенство», из ацхьа «впереди», агылара «стать».

Ацхьажәа «предисловие», из ацхьа «впереди», ажәа «слово».

Ацхьаза «впервые, сначала», из ацхьа «впереди», за – суф. исчерпанности, предельности.

Ацхьазара «считать, признать», из ацхьа, з «предел».

Ацхьара «читать, звать», букв. «направить вперед (к себе)».

Ацхьара «устроиться (на ночлег), назад (вернуться), в сторону».

Ацхьацара «отогнать, погнать (обратно)».

Ацыхьашәара «достать, попадать», из ацхьа «перед (собой)», шәа «падать», ср. аршәра «кинуть, бросать».

Ацхьаршәтра «откинуть, раздвинуть», из ацхьа «спереди», р – каузатив, т – суф. разнонаправленности действия, ср. абгьатра «расковырять (в разные стороны)».

Ацхьаҳәара «расчесать, причесать», из ацхьа «спереди», аҳәара «расчесать».

Иберийско-кавказское языкознание и абхазский язык

Теория иберийско-кавказского языкознания, утверждающая родство всех кавказских языков, возникла в разгар целенаправленной кампании по расширению границ Грузии и служила ее историко-лингвистическим обоснованием. Практическим отражением этой теории была репрессивная грузинизация Абхазии, искажение исторической роли абхазов и абхазского языка, который является одним из древнейших коренных языков региона. Теория иберийско-кавказского единства языков не может считаться доказанной.

Ключевые слова: иберийско-кавказское языкознание, абхазский язык, Абхазия, Грузия, Северный Кавказ, Сталин, А.С. Чикобава.

Основной теоретический постулат иберийско-кавказского языкознания, который сегодня представляет тбилисская лингвистическая школа, сводится к утверждению родства всех кавказских автохтонных языков — абхазо-адыгских и нахско-дагестанских — с картвельскими (грузинским, сванским, занским). Эта теория возникла в разгар инспирированной и вдохновлявшейся Сталиным целенаправленной кампании по расширению границ Грузии за счет территории соседних народов, в первую очередь Абхазии, а затем и других народов Северного Кавказа.

В завуалированном виде эти идеи были высказаны Сталиным еще в начале XX в. Тогда он пропагандировал идею создания на Кавказе областной автономии, которая должна была приобщить народы с «отсталой» культурой к «высокой» грузинской культуре. В 1913 г. он писал: «На Кавказе имеется целый ряд народов с примитивной культурой. Как быть с мегрельцами, сванами, аджарцами, абхазами, осетинами? Национальный вопрос на Кавказе должен быть разрешен лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в

общее русло высшей культуры, областная автономия Кавказа поможет им вылупиться из скорлупы мелконациональной замкнутости, обеспечить им доступ к высшей культуре».

Сталин не остался одиноким в этом вопросе. В 1917 году грузинские меньшевики рьяно взялись за Абхазию, решив во что бы то ни стало ее присоединить и таким образом расширить территорию Грузии. Меньшевистский лидер Грузии Ной Жордания писал: «Русский царизм не успел обрусить абхазцев, но мы как родственное племя должны огрузинить абхазцев своей культурой». Грузинские меньшевики не сумели осуществить эту идею, но ее реализацию впоследствии продолжил Сталин, возглавивший большевистскую партию и советское государство.

Первоначально он понизил ее государственный статус, преобразовав в 1931 г. Советскую Социалистическую Республику Абхазия в Автономную Советскую Социалистическую Республику Абхазия в составе Грузинской Советской Социалистической Республики. Таким образом, Абхазия была лишена государственной самостоятельности, а значит и права на самоопределение. С этого времени и начинается вакханалия с превращением Абхазии в грузинскую землю. Все началось с массового заселения Абхазии грузинами для того, чтобы изменить в пользу грузин демографический состав. Затем последовали замена абхазских топонимов грузинскими, перевод делопроизводства на грузинский, замена абхазов грузинами на всех постах государственных и общественных организаций. Абхазская интеллигенция подверглась истреблению: лучшая часть была физически уничтожена, а оставшихся в живых загнали в колхозы на рабский труд. Проводилось свертывание самобытной культуры абхазского народа, закрывались абхазские школы, что вынуждало абхазов отдавать своих детей в грузинские школы.

В этот период, стремясь свести на нет абхазский фактор на Кавказе, достигла своего апогея кампания по искажению исто-

рии абхазов, по дискриминации всего абхазского — прошлого и настоящего. В связи с этим к каким только не имевшим исторической основы теориям и концепциям не прибегали, намеренно извращая факты, представляя их как истину в последней инстанции. Так, например, абхазов объявляли то грузинским племенем, то племенем «апсуйцев», спустившихся с гор пару веков назад со своей дикой языческой религией и не имевших отношения к древним абхазам. Все эти измышления должны были стать как бы оправданием, научной основой той жестокой дискриминации, которая проводилась Сталиным откровенно репрессивными методами. Эти акции должны были полностью дискредитировать нацию, превратив ее в этническую группу, лишенную даже права говорить на родном языке.

Таким образом, с Абхазией было как бы покончено, она была полностью подчинена Грузии. Однако для создания грузинской империи на Кавказе Сталин хотел добиться подчинения и других малых народов Кавказа. С этой целью он обратил свой взор на Северный Кавказ, взяв на вооружение свои испытанные репрессивные методы. Как известно, в период Великой Отечественной войны с территории Северного Кавказа начали выселять «неугодные» народности, Так были выселены карачаевцы, балкарцы, ингуши, а также чеченцы. Освободившиеся места заселяли другими этническими группами, львиную долю которых составляли грузины.

Под действия Сталина грузинские ученые считали необходимым подвести хоть какую-то научную основу. Для их оправдания они начали доказывать, что границы Грузии исторически переходили на Черноморском побережье за Анапу, доходя до устья реки Кубань, границей Грузии объявлялся также Туапсе, в соответствии с чем Туапсинский, Сочинский, Пиленковский районы объявлялись грузинскими и выдвигались требования их отсоединения от России.

Под сталинскую политику подвели и лингвистическое обоснование, создав теорию иберийско-кавказского языкоз-

нания. Это учение вполне устраивало Сталина для оправдания своей политики на Кавказе. В 1950 г. состоялась встреча Сталина с основателем иберийско-кавказской (тбилисской) школы языкознания Арн. С.Чикобава. Последний признавался, что Сталин интересовался языкознанием по существу в связи с национальным вопросом [Чикобава, 1985]. После этой встречи Сталин в одночасье становится великим лингвистом, языковедом всех времен и народов. В то же время в науке начинает преследоваться учение Н.Я. Марра, взгляды других видных ученых, внесших большой вклад в развитие языкознания, в том числе и абхазоведов А.Н. Генко, Н.Ф. Яковлева, труды которых были изъяты из научного обихода. С этим связано и преследование языковеда К.С. Шакрыл, которого вынудили покинуть Абхазию.

После указанной встречи центр изучения иберийско-кавказских языков был переведен в Тбилиси, где еще в 1933 г. при Тбилисском университете было открыто отделение кавказских языков. Там обучались представители северокавказских народов, в том числе и абхазы, проводились научные исследования. При этом изучение абхазского языка было весьма специфичным. Так, при сравнительно-историческом изучении языков абхазский мало привлекался. Абхазский материал подавался в основном на ограниченном, произвольно выбранном материале, к тому же не подвергнутом подлинно научному анализу. В основном он использовался как подсобный материал к другим исследуемым языкам. Абхазский было предложено изучать в синхронном состоянии (его грамматику), не имевшей отношение к политике, и ради справедливости надо сказать, в этом плане было сделано немало. В историческом, лексическом же плане ему была отведена роль языка-реципиента, заимствующего из чужих языков чужие слова. Более того, все лексические заимствования (из греческого, персидского, иранского, арабского, турецкого) объявлялись опосредованными (через адыгские языки и грузинский), будто сама Абхазия никогда не

имела прямых контактов с другими народами. Это делалось преднамеренно. Дело в том, что представление об отсутствии того или иного слова становилось поводом для дальнейших культурно-исторических выводов, принижающих историю Абхазии и абхазского языка. А что касается версии опосредованных внешних заимствований, то она «подтверждала» пропагандируемое грузинскими фальсификаторами положение о том, что Абхазия всегда была частью Грузии, а потому не имела и не могла иметь собственную историю.

Грузинским ученым было выгодно рассматривать абхазский язык с позиции его современного состояния, когда он ничем себя не мог проявить в силу ряда трагических событий, произошедших в Абхазии в последние два века — махаджирство и грузинская экспансия. Если же в некоторых случаях абхазские факты с точки зрения этимологической наглядности были более показательными и выигрышными, они просто не брались в расчет.

Таким образом, иберийско-кавказское языкознание при сравнительно-историческом изучении языков роль абхазского языка сводило на нет, ибо негласно было принято считать, что он не мог оказать какое-либо влияние на другие языки, а только и делал, что заимствовал их чужую лексику, при этом ничего не отдавая. Но такие крайние выводы делали в большей степени последователи, т.н. безоппонентные ученики из каких-то конъюнктурных соображений, чем основатели этой школы. Абхазскому языку был придан статус колониального языка: дозволялось изучать в синхронном плане, но отнюдь не в диахронном.

В то же время тбилисская школа особое внимание уделяла северокавказским языкам, создавая всевозможные «комплиментарные» историко-лингвистические построения. Так, множество терминов, топонимов, антропонимов негрузинского происхождения, распространенных по всей территории Западной Грузии, объявлялись черкесскими в отрыве от аб-

хазского языка, без учета тех исторических условий, на фоне которых они стали функционировать [Инадзе 1999, с. 72]. Все это делалось для того, чтобы привлечь, заманить на свою сторону еще не вкусивших яда грузинского шовинизма народы Северного Кавказа. Неспроста же Сталин расчищал территорию Северного Кавказа, избавляясь от некоторых народностей и заселяя освободившиеся места грузинами. Это положение было воспринято охотно некоторыми языковедами, не ведавшими о таившихся под ним подводных камнях. Однако неизвестно, чем бы все это закончилось для Северного Кавказа, если бы Сталину было суждено еще пару лет оставаться на политическом олимпе. Наверняка эти территории были бы объявлены исконно грузинскими. С этой целью еще в 40-ые годы прошлого века были переселены 10 тыс. грузин в Сочинский район, дабы сказать, что и эта сторона Кавказа им не чужда.

В то же время иберийско-кавказская школа языкознания не сумела доказать родство автохтонных кавказских языков. Языки считаются родственными, если они произошли от одного языка-основы и только если между этими языками возможно установить регулярные фонетические соответствия в корневых и аффиксальных морфемах, как это было сделано по отношению к индоевропейским языкам. Таких соответствий для кавказских языков не было установлено. Однако основатели школы считали, что искомые закономерные фонетические соответствия между группами иберийско-кавказских языков имеют место, но они завуалированы поздними изменениями дифференцированного материала, т.е. процессами конвергенции, происходившими как с родственными, так и с неродственными языками, которым благоприятствовало наличие многочисленных языков на относительно ограниченном пространстве, каковым является кавказский перешеек [Чикобава 1970, с. 56]. Кроме того, выявлению закономерных звуковых соответствий, как полагают, мешает наличие в иберийско-кавказских языках большего количества согласных фонем, чем в

индоевропейских языках и т.д. Так или иначе, вопрос о родстве иберийско-кавказских языков остается открытым. По данной проблеме можно выделить три основных мнения.

1. Родство между тремя группами иберийско-кавказских языков не доказано, каждая из них представляет собой самостоятельную семью: абхазо-адыгскую, нахско-дагестанскую, картвельскую.

2. Абхазо-адыгская и нахско-дагестанская группы образуют одну языковую семью – северокавказскую, картвельские языки (грузинский, сванский, занский) – южно-картвельскую, родство между которыми наукой пока не доказано.

3. Между кавказскими языками существуют родственные отношения и они образуют одну языковую группу.

Таким образом, вопрос о межгрупповом родстве, можно сказать, с момента выделения кавказских языков, названных впоследствии иберийско-кавказскими, и по сей день остается спорным, нерешенным. Они выражают установки типологической и ареальной лингвистики. Как известно, между кавказскими языками существует ряд структурно-типологических параллелей, признаваемых всеми языковедами. Наиболее общими структурно-типологическими параллелями между группами данных языков являются:

1) чрезвычайно сложный консонантизм и крайне простой вокализм;

2) фонологически релевантное подвижное ударение динамического характера;

3) преобладающая роль префиксации в формообразовании и словообразовании;

4) полиперсонализм, субъектно-объектное спряжение глагола;

5) эргативная конструкция предложения.

Пожалуй, именно эти и подобные структурно-типологические параллели и стали основой объединения данных языков под термином «кавказские языки». Однако в типологии языков

трех семей параллелизм не может иметь доказательной силы в пользу генетического родства, ибо генетическое родство языков может быть доказано на основе установления регулярных фонетических соответствий в семантически идентичных или сходных лексических единицах основного словарного фонда.

Еще в 1930 г. идею родства кавказских языков выдвигал известный языковед Н.С. Трубецкой, который в качестве доказательства приводит 100 материальных общностей. Однако и он не сумел выявить закономерные фонетические соответствия, объясняя это тем, что они затемнены заимствованиями на протяжении тысячелетий. Но Н.С. Трубецкой не выделял грузинский язык как приоритетный и не называл кавказские языки иберийско-кавказскими. У него была истинно научная цель: выяснить, относятся ли языки региона к одной языковой семье или к разным. Здесь же надо отметить, что если даже и удастся доказать родство кавказских языков, ибо исследования в этом направлении все продолжаются, это не значит, что абхазы или другие какие-либо народы должны быть растворены в грузинской среде.

Между тем, как свидетельствуют письменные источники, абхазский язык является одним из древнейших языков Кавказа и вместе с другими языками Западного Кавказа составляет абхазо-адыгскую группу. И за время своего существования пережил разные языковые ситуации. Как говорил М. Горький «история культуры учит нас, что язык особенно быстро обогащается в эпохи наиболее энергичной деятельности людей. Все, что происходит в развивающемся обществе, немедленно отражается в языке, интенсивно растет и развивается словарный состав языка, ибо новые понятия требуют новых слов, новых наименований».

Говоря о развитии абхазского языка, следует отметить, что переломным периодом в жизни всего абхазского народа стали средние века, а именно момент создания Абхазского царства Леоном II в VIII в. и последующие два-три века, когда абхаз-

ские цари, расширяя свои границы в сторону востока, присоединили к Абхазии всю Западную Грузию и страна называлась Абхазо-Картлийским царством. Кроме того, абхазские цари в эти периоды расширяют свои границы и на западе, присоединив к территории своего царства ряд небольших северо-западных родоплеменных групп [Папаскир 2005, с. 334]. Эти события поднимают общественную активность абхазов на небывалую высоту. Именно с этим периодом связано стремительное проникновение абхазских терминов, различных топонимов, антропонимов, гидронимов, эпитетов в картвельские языки. Данный факт сильно смущал современных грузинских фальсификаторов. Но, понимая совершенно очевидное абхазское происхождение этих слов, историки вынужденно объявляли их хотя бы черкесскими субстратами, хотя они являются простыми абхазскими заимствованиями [Джанашия 1940, с. 623; Джавахишвили 1950, с. 47].

Были времена, когда грузины, очарованные деяниями легендарных абхазских царей, абхазской культурой и бытом, называли их рыцарями Кавказа или французами Кавказа, когда абхазский язык был престижным, модным, и его знанием щеголяли цари и высшее сословие. Тогда царица Тамар нарекла своего сына абхазским именем Лаша, да и сами грузинские слова «очарование», «очаровательный» (мхиблави) имеют под собой абхазскую основу: Хьибла – антропоним Златоглазая».

Но в дальнейшем, как известно, из историографии, Абхазское царство, все больше расширяя свои границы в сторону Грузии, на восток, начало растворяться в грузинской среде, так как абхазы оказались в явном меньшинстве. В связи с этим, чтобы сохранить себя, абхазы вышли из этого государства, созданного ими же самими. Но и после этого абхазам не раз приходилось защищать и отстаивать свою территорию, ибо желающих захватить ее было предостаточно. Как отмечает З.В. Анчабадзе, еще в XVIII в. абхазский корень занимал большую территорию от реки Ингури до Туапсинского секто-

ра и даже дальше на север, чем объясняется абхазизация части мелких северо-западных родоплеменных народов [Анчабадзе, 1956. С. 208].

Однако эти исторические факты были фальсифицированы, как и все, что касалось Абхазии, грузинскими учеными, как будто абхазские цари боролись за создание, расширение и укрепление не своего государства, а якобы грузинского царства.

Таким образом, вбивая клин за клином между абхазо-грузинскими взаимоотношениями, они добились того, что Грузия навсегда и бесповоротно лишилась Абхазии. Дело в том, что грузинское общество само поверило в миф о своей истории, о своей исключительности как нации, вплоть до того, что даже древние греки свою культуру якобы переняли у грузин. В абхазо-грузинской войне абхазских воинов вдохновляло прежде всего славное прошлое их предков и окруженные славой и ореолом величия деяния легендарных абхазских царей. Недаром сегодня каждый второй абхаз нарекает свое чадо именем абхазского царя Леона II. Абхазы хорошо помнят свою историю!

Сегодня абхазы явили миру свою неукротимую волю к свободе, свою храбрость и бесстрашие, а также свою мудрость. Есть надежда, что в будущем они явят миру мощь своего государства, как это умели делать абхазские цари и народ в течение ряда веков.

Литература

1. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI — VIII вв.). – Тбилиси, 1956.
2. Джанашия С.Н. Черкесский (адыгский) элемент в топонимике Грузии // Сообщения Грузинского филиала АН СССР, 1940. Т. 1. № 8.
3. Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Т. I. – Тбилиси, 1951.

4. Инадзе М. Вопросы этнокультурной истории древней Абхазии // Разыскания по истории Абхазии. – Тбилиси, 1999.
5. Папаскир А.А. Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. – Сухум, 2005.
6. Чикобава А.С. Когда и как это было // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. XII. – Тбилиси, 1985.
7. Чикобава А.С. К вопросу об отношении картвельских языков к индоевропейским языкам // Вопросы языкознания. 1970. № 2.
8. Кавказские научные труды № 1. М., 2012 // Иберийско-кавказское языкознание и абхазский язык, ст. 184.

К этимологии элемента ԥс′ / ԥс в абхазо-адыгских языках

В абхазско-адыгских языках представлено немало общих элементов (основ, корней, аффиксов). Среди них особое место занимает элемент *пс’ /пс* как в лексическом отношении, так и по степени его распространения. Этот элемент (с огласовкой или без нее) встречается как в самостоятельном виде, так и в качестве составной части производных сложных основ. Так, в 2-томном «Словаре абхазского языка»[1] зафиксировано свыше 300 слов, а в одном из адыгских словарей («Толковый словарь адыгского языка») – около 90[2].

Семантика аналогичных слов ориентирована на весьма важные объекты и явления, связанные с жизнью носителей абхазо-адыгских языков. Слова с этим комплексом встречаются в номенклатурах: этнонимика, ономастика, топонимика, гидронимика, в названиях божеств, святилищ, животных, птиц, рыб и т. д.

Так, например, в абхазско-абазинской подгруппе языков: *апс’абара*[2] (абаз. *псабара*) «природа», *Апс’ны* «Абхазия», *апс’уа* «абхазец», *апс’адгьыл* (абаз. *псадгьыл*) «родина», «отечество», *апсы* (абаз. *псы*) «душа», *апстIвы* «животное», *апсгIааIы* (абаз. *псгIачIвы)* «пернатые», *апс’аса* (абаз. *щасса)* «мелкий рогатый скот», *апс’ыдз* (абаз. *пслачва, псыз*) «рыба», *апстхIва* «туман, облако» и т. д.

В адыгских языках: *псы* «вода», «река», *пс* «душа, дух», *псэуын* «жить», *псей* «пихта», *псалъ* «речь, слово» и др.

Это послужило причиной тому, что их происхождение и первоначальная мотивировка стали объектом исследования для многих языковедов. Предложенные этимологии отличаются друг от друга как разнообразием, так и оригинальностью. Однако, по признанию многих ученых, не раскрыта

[2]Здесь и далее по техническим условиям абхазские слова приводятся на действующем алфавите абазинского языка

до конца природа данного элемента; он продолжает хранить тайны своего возникновения, своей истории, своего исходного значения.

Прежде всего надо отметить отсутствие единого мнения относительно происхождения исследуемого комплекса. Так, основываясь на том, что в современных адыгских языках комплекс *пс* является корнем слова *«вода»* или *«река» (псы* «вода», *псыхъу* «река»), кавказовед П. К. Услар по поводу самоназвания абхазов *апсуа* писал: «Толкование этого названия посредством адыгского языка кажется гораздо более правдоподобным»[3].

По этой же причине грузинские ученые И. Джавахишвили и С. Джанашия топонимические наименования с комплексом *пс,* встречающиеся в Западной Грузии и Абхазии, квалифицировали как адыгские[4]. Однако большинство ученых исследуемый комплекс считают общим для всех абхазско-адыгских языков (Ш. Д. Инал-ипа, Х. С. Бгажба, К. В. Ломтатидзе, Г. А. Климов, М. А. Кумахов, А. Г. Шагиров, Г. В. Рогава и др.).

Л. Г. Лопатинский адыгское *псэ* «дух, душа» сопоставляет с греческим *psixe* «дух, душа»[5]. Однако это не единственный пример языковых встреч. Как отмечает Ш. Д. Инал-ипа, в греческом языке представлен ряд слов, идентичных по значению с абхазско-абазинскими словами: [6] *psari* «рыба» (абх. *апсыдз,* абаз. *пслачв*а); *psammos* «песок» (абх. *апслымдз*); *psilos* «воин» (абх. *апстыр* «полчище») и др. Кроме этого, в греческом языке элемент *пс* присутствует также в именах некоторых божеств, античных героев, в топонимах[7] и т. д. (*Терпсихора, Психея, Калипсо, Дипсак, Псира, Апсис, Пелопс, Кипсея* ...) (См.: указ. соч. Ш. Д. Инал-ипа).

Известно, что абхазы в историческом прошлом имели разнообразные контакты со многими народами, в том числе и с греками. Прямая связь абхазов с греко-римлянами прослеживается еще с древнейших времен, начиная с VII—VI в. до н. э., с эпохи т. н. греческой колонизации берега Черного моря

(создание торговых факторий таких, как Фазис, Диоскурия, Гюэнос, Питиус и др.). Это не могло не отразиться на контактирующие языки. В абхазском языке немало греческих заимствований, однако в данном случае, надо полагать, имеет место совпадение слов из-за общей звуковой символики, не связанной ни влиянием, ни родством.

Это положение можно аргументировать еще и тем, что количество слов с элементом *пс* в абхазско-адыгских языках значительно больше, и обозначаемые им предметы гораздо древнее, чем понятия «дух, душа», появление которых связывают с возникновением развитой религии – христианства.

С какими же значениями выступают слова с корнем *пс?* Непроизводные слова с корнем *пс* с огласовкой (а, ы, э) или без огласовки выступают в следующих значениях:

в абхазском и абазинском языках

1. *Апсы* (абаз. *псы*) «воздух, пар» (ср. *апсы алага-гІвагара* «вдыхать и выдыхать воздух, пар»);
2. *Апсы* (абаз. *псы*) «дух, душа» (→ воздух, пар);
3. *Апсы* (бзыб. *апс'ы*, абаз. *псхъа*) «покойник»;
4. *Апс* (абаз. *лапс)* «самка», «собака-сучка»;
5. *Апса* (бзыб. апс'а) «стоимость, цена, достоинство»;
6. *Апса* «штык, пика»;
7. *Апса* «ель, пихта, сосна»;
8. *Апсра* (абаз. *псра*, бзыб. апс'ра) «смерть, умереть»;
9. *Апс*(*с)ара* (абаз. *псара*) «подметать»;

в адыгских языках

1. *Псы* «вода»;
2. *Псэ* «душа»;
3. *Псын* «чихать»;
4. *Уэпсэн* «строгать», «стричь» (волосы);
5. *Пшэ/пшъэ* «облако» и др.

В лингвистической литературе нет единого мнения относительно структуры данного корня. Одни считают его целым и неделимым, другие расчленяют на два компонента: **П** и **С**.

Компоненту **П** в специальной литературе было уделено достаточно внимания, чего нельзя сказать относительно компонента **С**. Так, например, Н. Яковлев в адыгских языках в *псэ* «душа, дух» выделяет элемент **П** и квалифицирует его как словообразовательный аффикс[8]. Г. В. Рогава адыг. *псэ* «душа, дух» возводит к *беэ*, в котором **П** → **Б** рассматривает как омертвелый классный показатель. Он же в реконструированном им слове *бэс эуы* → *псэу* «живой» выделяет **Б**, который считает тем же классным показателем[9].

К. В. Ломтатидзе в абхазско-абазинском слове *апс* «самка» и адыг. *бз* «самка» компонент **П/Б** относит к омертвелым классным показателям, а вторые компоненты **С** и **З** рассматривает как корневые и соотносит с данными картвельских языков: груз. *незви* «самка (животного)», сван. *зурал* «женщина, дочь», чан. *бозо* «девочка, девушка, дочь»[10].

А. Н. Абрегов полагает, что для адыгского *псэ/бзэ*, убыхского *бза/бзы* и абхазско-абазинского *пс* «самка» исходной формой могла быть основа *ба-са/бэ-сэ*, из которой, с одной стороны, под действием прогрессивной ассимиляции получено *бза/бзэ*, с другой стороны, под действием регрессивной ассимиляции — *пса/псэ* [11].

В специальной литературе остается нерешенным также один из самых существенных вопросов, без которого, как нам кажется, невозможно восстановить историю исследуемого корня. Это вопрос о том, с чем мы имеем дело – с полисемией или же с омонимией?

Вопрос этот очень сложен, и он обусловлен прежде всего тем, что содержания сравниваемых слов сегодня настолько расходятся, что, на первый взгляд, их возвести к общему исходному корню кажется невозможным.

Необходим тщательный анализ не только омонимичных корней, но и производных от них слов по всем абхазско-адыгским языкам. Этими трудностями, на наш взгляд, объясняется существующий в литературе разнобой во мнениях

относительно этимологии данного элемента. Большинство ученых исследуемые слова, особенно непроизводные типа *псэ* «дух, душа», *псы* «вода», рассматривает как разные корни. Противоположного мнения придерживался Н. Ф. Яковлев, который в вышеуказанных словах *пс* считал генетически общим корнем. Однако он дает этому своеобразное объяснение: первоначально слово *псэ* обозначало «одушевленность», «движущаяся жизнь», а затем, уже с появлением развитых религий – христианства, мусульманства – оно приобретает значение «душа, дух». А «жизнь», «одушевленность» кабардинцам представлялась в виде жидкости. Поэтому слово *псэ* «жизнь», «одушевленность», позднее «душа» одного происхождения со словом *псы* «вода» [12].

Комплекс *пс* как полисемантическую единицу, возникновение которой связано с древним религиозным мировоззрением абхазов, считал и Ш. Д. Инал-ипа. К. В. Ломтатидзе *пс* в словах *апсаамӏв* «птица», *апса* «штык» полагает одним и тем же корнем [13].

Мы придерживаемся мнения тех ученых, которые корень *пс* считают полисемантической единицей. В данной статье мы предлагаем иную версию этимологии исследуемого комплекса. Она основана на омонимии, полученной в результате распада полисемантического *пс,* образовав тем самым независимые номинативные значения.

Прежде чем дать соответствующую этимологию ряду исследуемых омонимов и производных от них слов, необходимо было выяснить, какого происхождения омонимия в каждом конкретном случае: получена ли она в результате распада многозначного слова на отдельные номинативные единицы, утратившие объединяющую их стержневую семантическую связь, или в результате звукового сближения слов с корнями разного происхождения.

Современные значения, на первый взгляд, трудно свести воедино (ср. *апсы* «дух, душа», *апслымдз* «песок», *апстхӏва*

«туман», *апссара* «подметать» и др.). Однако анализ семантики слов с комплексом *пс* по всем абхазско-адыгским языкам позволил вывести какой-то инвариант, который дает возможность объединить слова, на первый взгляд, с совершенно различными лексическими значениями. Нахождение инварианта позволило отнести комплекс *пс* к полисемантическим явлениям.

Таким инвариантным значением является выражение массы, способной двигаться. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что *пс* встречается исключительно в тех лексемах, которые как-то связаны с понятием «движущаяся масса, поток». Такой массой может быть воздух, пар, проточная вода, сыпучие, зыбкие вещества, животные (мелкий рогатый скот), птицы, рыбы, семена, шерсть, волосы, мусор и т. д. Почти во всех словах с комплексом *пс* прослеживается это значение. Например, *апсы алага-гІвагара* «вдыхать и выдыхать воздух, пар», *апстхІва* «туман», *апслымдз* «песок», *апсаса* «мелкий рогатый скот», *апсаа* «пернатые», *апсыдз* «рыба» и, наконец, глаголы действия, приложимые ко всякой мелкой массе (шерсть, волосы, стружки, песок, мусор и т. д.): *апс(с)ара* (абаз. *псара)* «подметать», *апсард* (абаз. *псарт)* «ножницы для стрижки овец», *ацвпсара* (абаз. *пс(с)ара)* «строгать», *акІапсара* (абаз. *кІапсара)* «бросать, сеять (семена)», *апсакъьара* «веять» и др.

Надо полагать, что корень *пс* первоначально обозначал «однородную мелкую массу» недифференцированно (неразвитая абстракция, основанная на неразличении предметов). Со временем, в связи с необходимостью дифференцированного обозначения той или иной массы, корень *пс* обрастает различными детерминантами или же получает различные огласовки (а, ы, э). Таким образом, от полисемантического в исходе слова с корнем *пс* образовались новые слова. В основу их лексического значения легли переносные значения исходного слова, которые, в свою очередь, могли стать многозначными словами со своими первичными и вторичными значениями, что,

естественно, привело к ослаблению семантической связи не только между исходным словом и производными, но и между производными словами.

Однако исходное значение полисемантического корня *пс* «движущаяся масса», «поток» и сегодня четко прослеживается в целом ряде случаев, прежде всего, в гидронимике, топонимике. Как известно, структура географических названий характеризуется определенной системой, совокупностью специфических особенностей или признаков.

Специфической особенностью топонимической системы западной части Абхазии является то, что корневой частью серии гидронимов является элемент *пс.* К нему добавляются различные компоненты, отличающие один гидроним от другого. Например, название реки *Пс'оу* состоит из *пс* и *ау* «длинный» (досл.: «длинный поток»), река *Хыпс'ы* – из *хы* «пуля» и *пс* (досл.: «пуля-поток», т. е. «быстрый поток»), *Хы* от слова *ахы* «пуля» в данном случае характеризует скорость течения реки. Река *Лашыпс'ы* – из *лаша* «светлый» и *пс'*(досл.: светлый поток), река *Лапс'та* – из *ла* (от слова *алада* «юг»), *пс* и *та* – локативного суффикса и др.

Как было отмечено, в специальной литературе существует иное мнение, согласно которому указанный элемент выражает понятие «вода», «река» (Х. С. Бгажба, ук. соч., с. 133; Ш. Д. Инал-ипа, ук. соч., с. 356).

Общеизвестно, что топонимы, в том числе и названия рек, служат бесценным материалом для восстановления истории языка. Благодаря своей устойчивости они удерживают свои древнейшие наименования, значения и формы, в особенности крупные природные объекты. Даже при наличии заинтересованности, какая имела место в Абхазии в связи с грузинской экспансией, сохранились наименования наиболее крупных географических объектов, в том числе и рек, благодаря их широкой известности, в то время как мелкие объекты (речки, населенные пункты) подверглись сплошному переименованию:

Хыпсы → ТетрцІкъал, МчІыщта → ШавцІкъал, Гечрыпщ → Леселидзе,ЦІандрыпщ → Гантиади, Пшьдваны → Ахали сопели и др.

Ныне исходное значение гидронима *пс* не осознается носителями абхазского языка, оно десемантизировалось и сохранилось в законсервированном виде.

Нам представляется, что комплекс *пс* является звукоподражательным словом, имитирующим звуки движения живой и неживой природы и, в первую очередь, космические явления. В качестве звукоподражательного слова и сегодня оно активно функционирует. Имеется два варианта *псс* и *ссс*. Компонент **П** в этом комплексе выражает внезапное возникновение движения, начало, **С** — само движение. Псс//ссс – – это подражание шелесту ветра, шуму проточной воды, бесшумному плавному лету пернатых, сыпи *(ссс, псс)* зыбких, сыпучих тел, звуку, издаваемому метлой, веником и мн. др.

Как известно, звукоподражательные слова не подвергаются фонетическим изменениям и в тех случаях, когда употребляются как наименования тех явлений, звуки которых они воспроизводят. Словообразование, основанное на воспроизводстведении звуков природы, признано самым древним, следовательно, и производные слова с комплексом *пс* являются одними из древнейших.

Вышеизложенное понимание корня *пс* потребует иного анализа лексем с данным комплексом, в том числе и многие этимологии, уже получившие распространение.

В связи с этим ниже будут представлены слова с элементом *ԥс′/ԥс,* в которых, на наш взгляд, вскрывается исходное значение («движущаяся масса, поток»), а затем и основы с переносными, вторичными значениями.

1. *Адзпсы.* Сложное образование. Состоит из двух корней: *адзы* «вода» и *пс* «масса» (текущая); в целом композит обозначает «стекающая вода» или «просочившаяся сквозь что-либо стекающая вода» (ср. *адзпсы йхьыкІвкІва дцоитІ* «с него

стекает просочившаяся через одежду вода»; *атзамц азпсы кIыдкIвкIва йцойтI* «со стены стекает просочившаяся вода»). В данном композите объединены слова, в лексическом значении которых имеются смысловые антонимы: стоячая (вода) и текущая (масса). В специальной литературе *адзпсы* этимологизируется как *адзы* «вода» и *пс* «вода». Из них наиболее древним предполагают *пс,* который восходит к праабхазско-адыгскому уровню. Затем *псы* было оттеснено новообразованием *адзы* и соответственно название реки было заменено новообразованием *адзиас* «река (проточная вода)»[14].

По нашему мнению, в абхазском и абазинском языках слово *псы* никогда не означало «воду» или «реку». Иначе говоря, полисемантический в прошлом *пс* в пределах абхазско-абазинских языков не дал омонима со значением «вода», «река», как это имело место в адыгских языках.

2. *АпстхIва* (абаз. *пстхIва)* «туман, облако» состоит из *пс* «движущаяся масса», локативного – *т,* означающего нечто углубленное (в данном случае «расщелина гор») и выражающего в то же время элативное направление (ср. с *та,* выражающий илативное направление), *хIва* — связанного корня, означающего «вывалиться» (ср. *аххIвара* «сверху вывалить», *агIвынхIвара* «вывалить изнутри, из дома» и др.). Таким образом, *апстхIва* в буквальном переводе означает – «вывалившаяся масса».

Иное толкование находим у А. К. Шагирова: [15] *пс* «вода», *т* от *атара* «давать», *хIва* – без объяснения. Однако в данной лексеме наличествует не илативный суффикс – *та,* а элативный – *т* (без огласовки).

3. *Апслымдз* «песок». Состоит из *пс* «движущаяся масса» и *лымдз,* восходящий к глагольной основе *аламдзра/алымдзра* «не пропадать», «не раствориться» (ср. положительную форму *аладзра* «пропадать», «раствориться»). Основа глагола *аладзра* производная, состоит из локативного преверба *ла-,* означающего однородную среду, и корня *а-дз-ра* «пропасть»,

«раствориться». Следовательно, *апслымдз* в буквальном переводе означает «нерастворимая масса (в воде)».

В специальной литературе имеется иное объяснение. П. К. Чарая абх. *апслымдз* сопоставлял с груз. *сила,* мегр. *псила* «мелкий песок», «песок»[16].

Х. С. Бгажба полагает, что *пс* в *апслымдз* есть старое название реки[17], а по А. К. Шагирову, – не только название реки, но и воды.

По нашему мнению, А. К. Шагиров справедливо допускает в картвельских языках абхазское заимствование[18].

4. *Апсыдз* «рыба» (бзыб. *апс'ыдз,* абаз. *пслачва,* убых. *пса).* Состоит из *пс* «движущаяся масса» и *адзы* «вода», т. е. «движущаяся масса в воде».

Данное слово в специальной литературе этимологизируется по-разному. По К. П. Услару *псы* соотносится с адыгским *псы* «вода», а *дзы* – с абхазским *адзы* «вода». П. Чарая *пс* в *апсыдз* увязывает с абхазским *пс* «душа», а *дз* – с абхазским *адзы* «вода». Однако он допускает и заимствование из индоевропейских языков. Аналогичного мнения придерживается и Ж. Дюмезиль[19]. Некоторые языковеды абх. *апсыдз* сближают с адыг *бдзэ-жъей//пцэжъый* «рыба». А. П. Абдоков полагает, что абхазско-адыгские *жъей//дз* семантически соответствуют друг другу и означают «мелкий», однако в абхазском языке *адза* – «тонкий», а не «мелкий» (ср. *арахвц дза* «тонкая нитка», *агвыр дза* «тонкая игла» [20] и т. д.).

5. *Апса* «ель, сосна, пихта» (абаз. *псацIла*, адыг. *псей*, *псэйы*; убых. *пс*). Дерево получает наименование по своей форме. *Апса* – первоначально «обструганный», «конусообразный» от глагольного корня *апс(с)ара* «подметать, метать», *ацэпсара* «строгать», адыг. *псыэн* «строгать, брить».

В специальной литературе этот корень в основном увязывают с элементом пс в значении «вода». Существуют и другие точки зрения [21].

6. *Апс* «самка» (для некоторых животных). Первоначально, возможно, обозначало «размножающийся, плодящийся (соз-

дающий массу)». Подтверждением может служить то, что данный элемент употребляется в отношении тех животных, которые отличаются плодовитостью (плодящие одновременно несколько детенышей): *аджьма – аджьмапс* «коза», *алапс* «сука», *ацгвапс* «кошка», *ахIеапс* «свинья», *ажьапс* «зайчиха» и др. (Ср. дифференцированное выражение понятий «бык» и «корова» разнокоренными словами *ацв* и *ажв*).

7. *Апса* «штык, пика» (абаз. *псахIе*). Это слово свое наименование также получило из-за своей формы, т. е. *апса* «обструганный».

8. *Асыпса* (абаз. *сипса*) «снежная лавина, мерзлый снег, глетчер». Состоит из *асы* «снег» и *пса* «обструганный, гладкий, чистый» от глагольного корня *апсара* «подметать, метать», *ацэрыпсара* «строгать».

9. *АмIврыпсара* «размножаться, разрастись (пустить корни)». Состоит из *амIвы* «собственность», «свое», аффикса каузатива *р* и *псара* «метать, размножаться» (досл.: «свое собственное размножать; свое собственное превратить в массу»).

10. *Ахвапсара* (абаз. *хвапсара*) «испортиться, очервивиться». Состоит из *ахва* «червь» и *псара* «размножаться» (досл.: «черворазмножение»).

11. *Апс'хIвыстра* «лишай». Состоит из *пс'* «масса» и *хIвыстра*, которая, в свою очередь, распадается на *хIв* от корня слова *ахIвра* «пастись» и локативный суффикс (досл.: «место, где пасется масса»).

Исходное значение элемента *пс* прослеживается также в некоторых адыгских лексемах. Например, *уэпсэн* «строгать, стричь (волосы)», *псын* «чихать», *ипшэ/пшъэ* «облако, движущаяся масса», *пшагъуэ/пшьагъуэ* «туман».

12. *Апсард* (абаз. *псард/псарт*) «ножницы (для стрижки овец)». Состоит из *пс* «движущаяся масса» и *ард* от связаного корня *ардра* «стричь» (Ср. *аркъвдра* «стричь», аргыдра «оголить (голову)»). Апсард дословно означает – «массу (шерсть) стригущий, удаляющий».

13. Апсаса (бзыб. апс'ас'а) «мелкий рогатый скот». Состоит из пс с тем же значением («движущаяся, подвижная масса») и аса от асара «крошить, резать» (ср. аса «кусок», дословное значение – «отрезанный»). Иное объяснение дает В. Е. Кварчия: от пса/бза «живое» было образовано понятие «животное»[22].

14. Пса – связанный корень, имитирующий сыпучие тела, который реализуется с различными локативными превербами. Во всех реализациях сохраняет семантику «сыпать массу» (муки, песка, сахара, мелкого мусора и т. д.) и тем самым выступает одним из убедительных аргументов исходной семантики: атапсара «насыпать во что-то глубокое», акIапсара «разбросать, сеять», ацIапсара «подсыпать под что-либо», авапсара «сыпать с боку», ахапсара/ахъапсара «подсыпать сверху», *апсаҟьара* «развеять» и т. д.

Апс(с)ара (абаз. псара) «подметать» состоит из пс «масса» и са от асара «крошить, резать, кроить» (досл. «массу крошить, резать»). Пс в данном случае имитирует шум метлы, веника.

15. Апсаа, апсаамIв (абаз. псгIа, псгIачIвы) «пернатые» (ср. ацIара «мелкие птицы»), Апсаа, на наш взгляд, восходит к исчезнувшему в абхазском, но существующему в абазинском языке глагольному корню апсаара/псгIара. АпсаамIв состоит из апсаа и тIв – суффикса принадлежности, который образует отглагольные имена (ср. афатIв «еда», арыжвтIв «напиток, питье»). Слово апсаамIв свидетельствует о том, что и в абхазском языке понятие «летать» некогда передавалось словом апсаара, которое затем было заменено словом апырра[23]. Слово апсаа К. В. Ломтатидзе сближает с адыг. бзыу «птица», убых. бзэпэ «крыло», зан. псуа/псва/псвасуа, а также с груз. све «крыло», псови «беркут», свови «беркут, гриф», полагая, что в абхазско-адыгских языках исходным, основным значением могло быть «крыло».

На наш взгляд, *апсаа* распадается на *пс* «подметать, метать» и суффикс -*аа*, который выражает регулярность или размеренность движения, т. е. *апсаа* первоначально означало «регулярно, размеренно метающий (крыльями) воздух» (ср. *рзаа-рзаа*

«регулярно, размеренно»; *хаа-хаа* «медленно, размеренно» и т. д.).

16. *Ансаа* «сырой, влажный». Состоит из *нс* «движущаяся масса» и того же суффикса – *аа* «постепенно, медленно», т. е. *ансаа* первоначально означало: «постепенно пропитавшаяся масса», «пропитанная».

17. *Аквансамла* «мелкий дождь, изморось». Состоит из трех частей: *аква* «дождь», *нс* «масса», *мла* — суффикс, обозначающий «мягкий, тягучий» (ср. *аматлы* «иней», «моросящий дождь», абаз. *нстла* «роса» при абх. *адзадза* «роса (стоячая)», *амлар* «гибкий»).

18. *Анс'абара* «природа», «мир», «вселенная». Сложное образование, состоящее из *нс* «движущаяся масса» и *абара* «видеть», «обозревать», досл. «обозримая движущаяся масса». В представлении древних абхазов природа, мир – это все то, что движется вокруг, все то, что обозримо между небом и землей и на самой земле. Комплекс *нс*, имитирующий звуки движения живой и неживой природы, становится наименованием самой природы.

19. *Анс'ны* / *Апсны* «Абхазия» (автоэтноним). Состоит из *нс* «движущаяся масса» → «природа» → «мир» и локативного суффикса – *ны*, т. е. *Апсны* первоначально могло означать – «место природы», «место мира». По представлению древнего абхаза природа, мир – это среда его обитания, где, с одной стороны, воздух смыкается с водным пространством, с другой – с горами. Это и есть его природа (единственная), его мир, его вселенная.

В специальной литературе *Анс'ны* / *Апсны* этимологизируется двояко, исходя из современных значений адыг. *псы* «вода» и абх.-адыг. *нс* «душа, дух», как «страна вод», «прибрежная страна» или как «страна души», «страна апсов» (см. выше).

20. *Аԥс'уа / Аԥсуа* «абхазец». Состоит из двух компонентов: *нс'* «природа, мир → движущаяся масса» и суффикса – *уа*. Последний, на наш взгляд, восходит к самостоятельному сло-

ву *ауа* «сородич, родственник», следовательно, первоначально *апсуа* означало «принадлежащий миру», «часть природы», «часть мира» (ср. *ашуа* «часть, образец чего-то целого». Если заменить в слове *ашуа* **И** на **ПС**, то получим *апсуа*, что значит «часть, образец чего-то целого (т. е. природы)». Суффикс – *уа* ныне означает национальную принадлежность (мужского пола) и встречается в целом ряде других слов: *ашвуа* «абазин», *асадзуа* «садз», *азхуа* «черкес», *агыруа* «мегрел» и др.

Корень *ауа* – «сородич» вскрывается и в слове *ауагIвгIвы* «человек». Данное слово, на наш взгляд, состоит из *ауа* «сородич» и суффикса – *гIвы,* восходящего к глагольному корню *агIвра* «раздаваться, распространяться, простираться, клубиться, ответвляться». Таким образом, слово ауаӀы этимологически должно было означат букв. – «ответвление сородичей, один из сородичей». Подтверждением может служить тот факт, что во множественном числе слово *ауагIвы* утрачивает суффикс – *гIвы*: *ауагIвы* «человек», но *ауаа* «люди» (т. е. множество сородичей), *анхагIвы* «труженик», но *анхацва* «труженики».

С данным – *гIвы*, по всей вероятности, соотносится и – *гIвы* в словах *амгIва* «дорога» (простирающееся), *алгIва* «дым» (клубящееся), *атIвыгIва* «рог» (ветвящееся), *ахшыгIвы* «ум» (истекающее, исходящее от мозга), *азгIва* «зараза» (распространяющееся), *абгIва* «кость» (ветвящееся), *ажвгIва* «крыло» (отходящее) и др. Многочисленность подобных образований свидетельствует о былой продуктивности элемента – *гIвы.*

В дальнейшем данный элемент грамматикализуется (через статус серийности), становясь одним из наиболее продуктивных суффиксов, выражающих лицо деятеля: *ацIагIвы* «ученик» (досл.: «один из учащихся»), *арцIагIвы* «учитель» (досл.: «один из учителей»), *анхагIвы* «труженик» (досл.: «один из тружеников») и т. д.

Однако в специальной литературе существует иная точка зрения относительно данного суффикса. Еще П. К. Услар по

этому поводу писал: «Можно подумать, что – *гIвы*, которым оканчиваются многие из приведенных нами отглагольных прилагательных, есть сокращенное *аог1вы* «человек». То же самое отмечает Н. Я. Марр: «Вторая часть абхазского слова *ауагIвы* «человек» именно – *гIвы* формально как «вино» есть пережиток звукового комплекса... в значении человека».[25] К. В. Ломтатидзе полагает, что лексема *ауагIвы* состоит из двух компонентов: *уа* и *гIвы,* каждый из которых должен обозначать «дитя», «человек».[26]

Однако, как было показано выше, – *гIвы* в слове *ауагIвы* является тем же суффиксом, что и в отглагольных именах, первоначально обозначавших «один из», «одна ветвь». Таким образом, а*уагIвы* первоначально обозначало «один из сородичей».

Из проведенного анализа видно, что исходное, прямое значение *пс* проявляется в целом ряде производных сложных слов (хотя и в завуалированном виде). Оно было сменено вторичными, более конкретными значениями, ныне ставшими уже главными, основными, от которых, в свою очередь, образовался целый ряд производных сложных слов.

Далее мы сочли возможным представить некоторые соображения относительно семантики слов с комплексом *пс*, в которых в качестве основных реализованы переносные значения и производные от них слова.

1. *Апсы* (абаз. *псы*, адыг. *псэ*) «душа, дух». Это значение производно от *апсы* «воздух, пар». Развитие значения шло также, как и в других языках, в частности, в русском языке: ср. зависимость слов «дыхание, дышать» → «дух, душа». В абхазском языке первоначально *апсы* употребляется в узком смысле как физиологические отправления организма при дыхании (вдох и выдох воздушного потока, пара), а затем уже как бессмертное духовное начало, созданное Всевышним, двигатель тела.

Абхазы и сегодня сочетанием *апсы лага-гIвагара* (досл.:

«гонять воздух вниз и вверх»), *йпсы лейга-гIвейгойтI* («он дышит») выражают лишь физиологический процесс. Однако зависимость жизни и смерти от вдыхаемого и выдыхаемого воздуха дали основу, надо полагать, для переосмысления. В дальнейшем *апсы* – это уже не просто воздух, а какая-то жизненная сила, энергия, которая затем стала восприниматься как нечто бессмертное, духовное начало, созданное Всевышним, т. е. *апсы* – «дух, душа».

Производных образований с *пс* («душа, дух») во всех абхазско-адыгских языках множество, в особенности глаголов действия, выражающих различные состояния души: *апсырахIатра* «умиротвориться, успокоиться», *апспжвара* «взорваться», *апсейбакIра* «вспылить», *апсейлашра* «вскипеть», *апсаквпшра* «испугаться», *апсмачIра* «упасть в обморок», «терять сознание», *апстынчра* «успокоиться», *апсымтвра* «ненасытный», *апсыцвгьара* «жадный».

В зависимости от локализации в теле человека душа бывает высшего и низшего порядка: в висках, в груди – высшего порядка, в брюшной полости – низшего. (Необходимо отметить, что *пс* «дух, душа», в отличие от русского, «душа, дух» не обладает значением, указывающим на внутренний мир человека, на его самосознание. Здесь это значение передается словом *adoyxIa* «духовность»).

Интересна словообразовательная модель слова «жизнь» – *апстазаара*. Оно состоит из *пс* «душа, дух» и *атазаара* «находиться, располагаться, содержаться» (досл.: «душесодержание»). Понятие «смерть», «умирать» соответственно выражается словом *анс'ра* (досл.: «превратиться, сделаться духом без тела, без содержания в чем-либо»; ср. *апсыбагIв* «труп, останки», что дословно означает «души кость» или «покойника кости»). Наряду со словом *анс'ра* «умереть» представлено множество его дублетов, конкретизирующих способ отхода души от тела: *апсхыхра* (абаз. *псхъыхра*) «испускать дух сверху», *апстыцIра* «выход духа из углубления» и др.

2. *АпстIвы* «животное». Состоит из двух компонентов: *пс* «душа, дух» и *тIвы* – суффикс принадлежности, т. е. *апстIвы* – «предназначенное для души», «жертвенное животное».

3. Апсытш «слабый, безвольный». Состоит из *пс* «душа, дух» и *тш* от глагольного корня *атшра* «спадать, сникнуть, сложить», следовательно, первоначально означало – «сникшая душа» (ср. Адыг. *псэмах* «слабый, тщедушный»).

4. *Апс'ыла* «жирный, упитанный». Распадается на *пс* «душа, дух» и *ла*, соотносящийся с масдарной формой статического глагола *алазаара*, *алара* «находиться, содержаться в чем-то» (ср. *амч йлоупI* «сильный», досл.: «он содержит силу» или «в нем содержится сила»).

5. *Апсада* (абаз. *псыда*) «беспомощный, тщедушный». Состоит из *пс* «душа, дух» и суффикса лишения – *да* (досл.: «не содержащий, лишенный духа»).

6. *Апс'къы* «руль, центральное место». Состоит из *пс* «душа, дух» и *къ* от глагольного корня *акъазаара* «находиться, располагаться, быть», т. е. *апскъы* первоначально означало «расположение души» (место, где расположена душа → центральное, главное место).

7. *Аԥс'ыхва* (абаз. *псыхъва*) «возможность, помощь, польза». Обычно используется в сочетании с глаголом *амазаара* «иметь» (ср. *псыхвас йамоузей?* («какой выход из положения?»). Состоит из *пс* и *хва* от глагольной основы *ахвара* (абаз. *ахъвара*) «помогать». Следовательно, *апсыхва* дословно означает «то, что полезно душе», «что душе поможет».

8. *Аԥсата* «благодеяние», «место обитания души после смерти». Состоит из *пс* «душа, дух» и *та* от глагольного корня *атара* «давать».

9. *Апсаԥа* «благодеяние» (адыг. *псапа* – то же самое). Состоит из *пс* «душа, дух» и суффикса – *ԥ,* представленного в целом ряде слов со значением «начало», «перед», «начало конца» (ср. *апсып* «пар», *атып* «место», *мшапы/амшап* «пасха», *шарпы/шарпны* «рассвет»).

А. К. Шагиров, вслед за Фогтом, данную лексему причисляет к адыгским заимствованиям [28].

10. *Абаапсы* «плохой, вредный». Распадается на *абаа* «гнилой» и *пс* «дух, душа». По П. К. Услару, вторая часть данной лексемы означает «отметать, выметать». Таким образом, *абаапсы* дословно обозначает «то, что должно быть выметено, выброшено».

11. *Апса* (бзыб. апс'а) «цена, стоимость, себестоимость, достоинство». Переносное значение от слова *апсы* «душа, дух» – мерилом ценностей служило состояние души. *Апса* в значении «достоин» встречается в целом ряде слов: *абпса* «отчим» (досл.: «достойный отца»), *анпса* «мачеха» (досл.: «достойная матери»), *апхIапса* «падчерица» (досл.: «достойная дочери») и др.

Отдельные исследователи *апса* считают заимствованным из иранского языка[29], от *пас*, означающего «скот, мелкий рогатый скот, овца». Другие предполагают грузинское заимствование (К. В. Ломтатидзе, Г. В. Рогава).

На наш взгляд, абхазское *апса* не связано с иранским *пас*, так как имеет свою этимологию. Грузинское *паси* «цена», возможно, заимствовано из абхазского.

12. *Апс'ы* (абаз. *псы*, бзыб. *апс'ы*) «покойник». Этот же корень имеется в словах *апс'ра* (абаз. *пера*, бзыб. *апс'ра*) «умереть», *апс'ыбагIв* (бзыб. *апс'ыбагIв*) «труп, останки», *апехв* (абаз. *псхъвы*, бзыб. *апс'хв*) «поминки» (досл.: «для покойника»), *апсыматва* (бзыб. *апс'ыматва*) «одеяние для покойника» и т. д.

В бзыбском диалекте вместо свистящего спиранта *с* в приведенных словах представлена свистяще-шипящая фонема *с'*. Встает вопрос: какой же из комплексов *пс* или *пс'* наиболее древний?

На уровне современного абхазского языка комплекс *пс'* древнее. Сегодня бзыбский диалект различает и противопоставляет слова «душа, дух» и «покойник» (отсюда «умереть»,

«смерть», «труп») не только семантически, но и формально (материально): *апсы – апс'ы,* таким образом, на уровне бзыбского диалекта не омонимы, а на уровне абжуйского диалекта – омонимы.

Встает вопрос: являлись ли эти слова омонимами на уровне абхазско-абазинского языкового единства? Если да, то какими? Получены ли они в результате распада многозначной лексемы или в результате звукового схождения различных в генетическом плане корней?

На наш взгляд, на уровне праабхазо-абазинского языка во всех анализируемых нами словах был представлен комплекс со свистяще-шипящей фонемой *пс*'. Появление свистящего спиранта **С** в комплексе *пс* «душа, дух» вызвано необходимостью формального различения слов со столь противоположной семантикой, как «душа, дух» и «покойник, умереть». Таким образом, были получены, с одной стороны, *псы* «покойник, умереть» и, с другой стороны, *псы* «дух, душа». В современном абхазском языке в обоих случаях имеется свистящая фонема **С**, что, на наш взгляд, является результатом разрушения полисемии исходного слова *пс*.

Проведенный анализ можно вкратце резюмировать следующим образом: элемент *пс* первоначально обозначал «движущуюся массу», «поток» недифференцированно. Это могло быть массой воздуха, пара, воды, снега, зыбких, сыпучих тел и т.д. По происхождению это звукоподражательный комплекс, имитирующий звуки движения живой и неживой природы, особенно звуков, связанных с космическими явлениями. *Пс* как звукоподражательный комплекс и ныне активно функционирует, выражая шорох, шелест, шепот и другие приглушенные звуки движения. Как известно, аналогичные комплексы звуков (звукоподражательные) не подвергаются фонетическим изменениям, остаются неизменными и в тех случаях, когда употребляются как наименования тех явлений, звуки которых они воспроизводят.

Этим и объясняется, на наш взгляд, устойчивость данного комплекса как словообразовательной морфемы. Данный звукоподражательный комплекс представлен в двух разновидностях: с **П** и без него (*псс/ссс*). **П** в этом комплексе выражает внезапное возникновение движения, а **С** – звук движения. В словообразовании широко представлен первый вариант.

Космические явления разного рода – это священная стихия для наших предков. Отсюда «движущаяся масса» → «природа, мир» – это среда их обитания, т. е. *Апсны* «Абхазия», а сами они – *апсуа* «абхаз», *апсацва* «абхазы» – неотъемлемая ее часть. А совпадение слов с элементом цс в разных языках, на наш взгляд, не результат родства и влияния, а общность звуковой символики, которая могла возникнуть в каждом языке отдельно, независимо друг от друга.

[1]Словарь абхазского языка. 1-2 тт. /Сост. К. С. Шакрыл, В. Х. Конджария. – Сухум, 1986.

[2] Толковый словарь адыгейского языка /Сост. А. А. Хатанов, З. И. Керашева. – Майкоп, 1960.

[3] Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. – Тифлис, 1887. С. 213.

[4] Джавахишвили И. Историко-этимологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока Древнейшей эпохи. //Вестник древней истории. № 4. – М., 1939. Джанашия С. Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии // Сообщения Грузинского филиала АН СССР. № 8, 1940.

[5] Л.Г. Лопатинский. Русско-кабардинский словарь с указателем. Смоленск, 1891. Вып. 12, отд. 2. – С. 42.

[6] Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976 – С. 361.

[7] Этимологический словарь греческого языка. – Париж, 1938. С. 1973.

[8] Яковлев Н. Грамматика кабардинского языка. М., 1948. С. 260.

[9] Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956. – С. 116.

[10] Ломтатидзе К.В. К вопросу об окаменелых экспонентах грамматических классов в именных основах абхазского языка //Сообщения АН Груз. ССР. Тбилиси, 1961 Т. 26, N5 1. – С. 117.

[11] Абрегов А.Н. К этимологии общеадыгских слов *пшъашъэ* «дочь, девушка» и *шъау* «сын»//Адыгская филология. – Ростов-на-Дону, 1976. С. 58.

[12] Яковлев Н. Грамматика кабардинского языка. М., 1948. –С. 148.

[13] Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. С. 360.

[14] Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. С. 300. Об этимологии слова *адзиас* «река» см. также; Х. С. Бгажба. Труды. Книга первая. – Сухуми, 1987. – С. 134.

[15] Шагиров А.К. Этимологический словарь. Т. 2. М., 1977. – С. 28.

[16] Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. – СПБ., 1912.

[17] Бгажба Х.С. Труды. Книга первая. Сухуми, 1987. – С . 113.

[18] Шагиров А.К. Указ. соч. С. 20.

[19] Об этом подробнее см. Шагиров А.К. Указ. соч. С. 82.

[20] Абдоков А.П. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. – Нальчик, 1977. – С. 42.

[21] Об этом подробнее см.: Шагиров А. К. Указ. соч. С. 15.

[22] Кварчия В.Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. – Сухум, 1981. – С. 70-71.

[23] Ломтатидзе К.В. К этимологии абхазского слова апсаа//аԥсаԥа «птица» //Сообщения АН Груз. ССР. Т. 4, № 4. – Тбилиси, 1945. – С. 311.

[24] Услар П.К. Указ. соч. С. 95.

[25] Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. –М.-Л., 1938. – С. 311.

[26] Ломтатидзе К.В. Абхазское слово ауаг1вы «человек» // Сообщения АН Груз. ССР. Т. 4, № 7. – Тбилиси, 1943. – С.

[27] Шанский Н.М., В.В. Иванов Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1973. – С. 135.

[28] Шагиров К. Указ. соч. – С. 13.

[29] Шагиров А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. – М., 1989. – С. 156.

Гублиа Р.К.. К этимологии элемента цс /цс’ в абхазо-адыгсеких языках // Актуальные вопросы абхазо-адыгской филологии. Карачаевск, 1997.

О происхождении некоторых важнейших гидронимов, топонимов, этнонимов в абхазском языке

«Человек живет в мире звуков,
и на все живое влияет вибрация звуков.
Одна из важнейших вибраций
– это вибрация космоса»
П.Флоренский

Древнейший слой лексики абхазского языка отличается исключительным богатством и, как утверждал В. Абаев относительно осетинского языка, «каждое из исконных слов-понятий представляет собой своего рода исторический документ, свидетельствующий либо о происхождении народа, либо о его отношениях с другими народами» (Абаев, 1958).

Когда по изучаемому языку отсутствуют письменные источники, первостепенное значение приобретают древнейшие памятники самого языка – архаические выражения, устное народное творчество, топонимика, гидронимика, ономастика, космогония и др.

Процесс формирования словарного состава длинный и сложный. Находясь в постоянном развитии, в обновлении, язык, в особенности его лексика, претерпевает определенные изменения: постепенно исчезают одни значения и формы, появляются другие. Наряду со словами, которые появились недавно и появляются постоянно, в нем присутствует большое количество слов очень древних по происхождению, но активно функционирующих и ныне. Среди них можно выделить древний абхазо-адыгский слой и собственно абхазский.

Кроме того, в абхазском языке много укоренившихся из различных языков заимствованных слов, так как наши предки с древних времен вступали в культурные, торговые, военные,

политические связи с другими народами, что не могло не привести к языковым заимствованиям.

В данной статье рассматриваются некоторые из выше перечисленных древних памятников.

Известно, что язык вырабатывался человеком, который прежде всего руководствовался впечатлениями от звуков окружающей природы. Постоянный звук, который сопровождает природу в ее обычном состоянии – цс′/цс (Гублиа, 1997:20). Это подражание шелесту ветра, шуму проточной воды (рек), дождя, плавному лёту пернатых, звуку перемещения зыбких сыпучих веществ и др. Хотя при катаклизмах природа способна издавать и иные звуки – при буре, смерче, вихре, проливных дождях, грозе, молнии, снежных лавинах, но они кратковременны и проходящи. Однако здесь же надо отметить, что звуки, слышимые в объективной природе, в разных языках по-разному воспринимаются (хотя в некоторых случаях и совпадают), ибо восприятие их субъективно и неадэкватно реальным звукам. Это зависит от характера средств, которыми располагает каждый язык, или от особенностей быта народа и их мировоззрения.

Этим объясняется наблюдаемое в родственных языках, в частности в абхазо-адыгских, обозначение одних и тех же предметов, явлений близкими, но разными по происхождению звукоподражательными словами, ср. адыг. цсы – убых. бзы «вода»; абх. аԥсаа – адыг. бзыу «пернатые» и др.

Более того, подобное можно наблюдать в одном и том же языке. Так, для наименования рек, в зависимости от того, как воспринимается характер той или иной реки в абхазском языке, в исходе встречаем в основном три звукоподражательных комплекса – цс, бз, цшь в отдельности, а не варианты одного и того же корня, как принято считать в специальной литературе, тем более, что обе части данных комплексов, состоящих из цс – ц + с, бз – б + з, цшь – ц + шь, несут определенные нюансы. Семантика данных комплексов ориентирована на весьма

важные объекты и явления, связанные с жизнью носителей абхазо-адыгских языков. Они встречаются в номенклатурах: этнонимике, топонимике, гидронимике, в названиях птиц, животных, божеств, святилищ и т.д.

В абхазском языке встречаются и другие звукоподражательные элементы, но самыми важнейшими считаются именно эти три комплекса. Это послужило причиной тому, что их происхождение и первоначальная мотивировка стали объектом исследований для многих ученых. Однако, по мнению некоторых ученых, до сих пор до конца не раскрыта природа данных комплексов, они продолжают хранить тайны своего возникновения. Это положение, как нам представляется, вызвано в основном невосприятием их звукоподражательного характера, имитирующих звуки движения живой и неживой природы.

В специальной литературе все три комплекса цс/с, цшь/шь, бз/з, встречающиеся в абхазо-адыгских языках, принято считать вариантами одного и того же корня: адыг. цсы → бз → цшь с одним и тем же значением «вода». Таким образом, вопреки всякой логике и здравому смыслу, одному и тому же понятию приписывается несколько наименований – цсы «вода», бзы «вода», цшь «вода» и, наконец, абх. современное название азы «вода». Безусловно, они все проявляют схожесть в чем-то – обозначают движение однородной массы, но дифференцированно. В связи с этим замена одного комплекса другим неоправданна. Отрицание наличия каждого из них со своим отличительным признаком так или иначе отражается на этимологии отдельных слов, в которых они реализуются. Как известно, звукоподражательные, звукоизобразительные комплексы почти не подвергаются фонетическим изменениям и в тех случаях, когда употребляются как наименования тех явлений, звуки которых они воспроизводят. Словообразование, основанное на воспроизведении звуков природы, признано самым древним, следовательно, производные слова с комплексами цс/с, цшь/шь, бз/з являются одними из древнейших.

Как было отмечено выше, данные комплексы в свою очередь распадаются на две части, каждая из которых обладает своей особенностью, в связи с чем нельзя их сводить друг к другу. При этом основными стержневыми в них являются вторые части, которые выражают движение, но дифференцированно. Так, например, цс’/цс – спокойное, бесшумное движение; бз/з’ – шумное, громкое движение; цшь/шь – тихое, медленное, вялое движение.

Подтверждением могут служить многочисленные глаголы движения, образованные данными спирантами: с/с’, з/з’, шь.

Приведем некоторые из них: с’/с – асара «кроить, резать», ахысра – «проходить сверху», аӄәсра «пройти мост», асара «свариться», ас’ра «бить», ас’ра «ткать, дуть (о ветре)»…

з/з’ – азара «измерить», аз’ара «оседать, очиститься (о мутной воде)», аиз’ара «собираться», арзара «обшарить (деревню)», аҳәазара «ползать», азазара «качаться»…

Морфема шь: ашьара «трескаться, кровотеченье, течь», ашышьра «гладить», аӄәшьра «намазать (сверху)», ахьшьра «мазать (повсюду)», ахьшышьра «свисать», аашьара «лениться».

Данные спиранты образуют также немало именных основ с теми же значениями: амацәаз «кольцо, перстень», букв. «двигающееся вокруг пальца», ахыза «одеяло», букв. «сверху двигающееся», аҩыза «спутник, товарищ», из ҩ – «второй», за «двигаться», букв. «второй двигающийся», ацыза «вожак, предводитель», букв. «впереди идущий», амза «луна», букв. «нечто двигающееся (ползущее)».

с’/с – ас’ы «снег», аса «кусок, мелкий», асас «гость», букв. «прохожий», для семантики ср. аиасра «проходить», ахасра «эпидемия» и др.

Необходимо отметить также, что наличие двух вариантов цс’/цс, бз’/бз со свистящим и свистяще-шипящим спирантами вызвано тем, что внутри данных видов движения была необходимость дифференцированного подхода, однако современное

состояние таково, что такая необходимость в нем отпадает в большинстве случаев, что выражается вытеснением повсюду свистяще-шипящего варианта свистящим во всех подобных случаях.

Возможность выражения движения однородных масс данными спирантами объясняется их физическим свойством – возможностью произносить как коротко, одноразово, так и протяжно. Еще знаменитый немецкий ученый В. Лейбниц отмечал, что есть звуки сильные и слабые, шумные и тихие, мягкие и жесткие, вызывающие соответствующие представления, а эти представления формируют для себя оболочку слова.

Гидронимия. Как известно, высоко в горах Абхазии берут свое начало многочисленные реки, которые получают тонко дифференцированные наименования в языке: по скорости течения, по цвету воды, по месту расположения, по шумовому эффекту и т.д., а иногда в соединении одного с другим, выделяющие наиболее характерные черты тех или иных рек.

Как уже было сказано, в номенклатуре гидронимики широко представлены звукоподражательные комплексы: бз, цшь, цс. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Комплекс бз. Представлен в названии множества рек Абхазии. Это прежде всего в названии реки Бзыц – одной из главных рек юго-западной Абхазии, а также в названии ее притоков.

Бзыц – расчленяется на бзы и ц. На наш взгляд, компонент бзы восходит к прилагательному абза «живой», не в смысле «жить», а в смысле «подвижный, оживленный, расторопный, постоянно находящийся в движении», ср. крылатый афоризм – дмырбзазыкәа длоуит «она родила его, не оживив» (о неподвижном, ленивом, ненаходчивом человеке). Данный комплекс в свою очередь расчленяется на б и з, где стержневым, несущим основное значение, является второй компонент з, выражающий «движение»: ср. агазгара «зыбиться, колебаться (о поверхности воды)», аизара «собираться» и др.

Первый компонент б во всех своих реализациях выступает в основном в значении «большой, громкий»: ср. абыбра «реветь», абыҟ «стук падения больших предметов», буу «рев коровы, быка», абарбарра «громко болтать», абадаҟьра «бахваляться» и др.

Последний компонент ц, как и во всех других случаях, означает «перед, начало, устье». Но в данном случае, как было отмечено выше, главным, несущим основополагающее значение в комплексе бз является –з (выражающий особый вид движения).

Таким образом, в основе гидронима Бзыц лежит ее характерная черта, которую абхазы называют «бешеной» за ее неукротимый бурливый характер, в особенности во время паводков: ворочает камни, вырывает огромные деревья и бешено несет к морю.

По этимологии данного гидронима существуют различные точки зрения. Так, например, С. Джанашия Бзыц возводит к абасац, подводя ее к этнониму абаск → абасац. [Джанашия, 1959: 121]. П. Ингороква в основе Бзыц видит груз. бза «самшит», таким образом пытаясь доказать неавтохтонность абхазов. Однако большинство исследователей в Бзыц усматривают убых. бзы «вода» или адыг. цсыц «то же», якобы полученные на основе озвончения комплекса цс → бз.

А вторую часть названия ц одни возводят к адыг. «устье», другие – к адыг. бе «большой». В. Кварчия Бзыц возводит к Ацсзац → Абзац → Абзац, таким образом усматривает в нем этноним ацсуа «абхаз» (Кварчия, 2006: 113).

В. Чирикба данный гидроним возводит к Бзыц, который в убыхском, по его мнению, дает бзы путем преобразования аффриката в гоморганный спирант (бзы → бзы), а в абхазском в результате утраты начального билабиального б дает з (бз → з) [Чирикба, 2009: 26]. И таким образом, выводя Бзыц из Бзыца, объясняет его этимологически как «прыгающая вода/река», по аналогии современному абх. азыца «водопад». Однако азыца

– искусственное образование, а исконно абхазское название водопада – азхыҽеа.

Таким образом, В. Чирикба по-своему подводит название реки к ее характеру «бурливый, бешеный, неукротимый», т.е. «прыгающая река» бзы – вода, цы – прыгать. [В.Чирикба, 2009:21]. Однако переход бзы в бзы неоправдан, ибо вторые части данных комплексов з, з обладают своими нюансами не позволяющими заменить один на другой. В абхазском языке азы означает «вода» (стоячая), подтверждением может служить наименование реки – азиас, из азы «вода» (стоячая) и аиасра «проходить», букв. «проточная вода». В связи с изложенным с сожалением приходится констатировать, что некоторые авторы, пользуясь своим умением виртуозно интерпретировать специальную литературу, вместо того, чтобы внести какую-то ясность в освещение вопроса – еще больше запутывают, загромождают ненужными ссылками, источниками, таким образом прикрывая свое незнание и неумение работать с фактическим материалом, тем не менее создают видимость «глубоких исследований», что еще больше отдаляет от истоков этимона.

Комплекс бзы обнаруживается и в названиях других рек: Мзымҭа, Грыбзы, Бзырԥы, Ҕәзана, Бзыцә и др. К ним для отличия одной реки от другой добавляются различные конкретизаторы.

Элемент цс′ объединяет реки, текущие более тихо, спокойно, однако для различия одного гидронима от другого к нему добавляются различные компоненты: например, цс′оу – состоит из цс′ – «движущаяся масса, поток» и ау – «длинный», букв. «длинный поток»; хыцс′ы – из хы – «свинец или пуля» и цс′ы – «поток», букв. «быстрый поток»; Лашыцс′ы, из лаша «светлый», цс′ – «поток», букв. «светлый поток»; лацс′ҭа – из ала – «вниз», цс′ – «поток», ҭа – локативный суф., букв. «южная река»; Аацс′ы – из аа – «этот», цс′ы – «поток», названный так по отношению к другим рекам с компонентом цс′, распо-

ложенных на северо-западе Абхазии; Гумыста → Гумцста, из гə – «центр, середина», цс'ы – «поток», букв. «центральный поток», названный так по месту своего расположения – центр Абхазии.

Элемент цшь. Объединяет реки, текущие медленно, вяло, бесшумно. Подтверждением может служить тот факт, что цшь/шь встречается в наименованиях текучих, вязких веществ, которые обладают свойством медленно растекаться, ср. ашьара «кровотечение, кровоточить». Образует целый ряд наименований рек, первоначальной мотивировкой которых мог быть харатер течения – медленно, тихо, вяло. К таковым рекам относятся, например: Риацшь, Мчышь, Пшьандра, Пшьашла, Пшьана и др.

Автотопоним Ацс'ны/Ацсны и автоэтноним ацс'уа/ацсуа.

В данных наименованиях представлены оба варианта звукоподражательных комплексов с пс' – свистяще-шипящим в бзыпском диалекте и свистящим в абжуйском диалекте и литературном языке. Бзыпский вариант под влиянием литературного языка постепенно идет на убыль, так что сегодня можно сказать господствующим является вариант со свистящим спирантом **с**: Ацсны, ацсуа.

В специальной литературе, как известно, Ацсны этимологизируется двояко. Исходя из современных значений – адыг. цсы – «вода», абхазо-адыг. цсы «душа, дух», как «страна вод» или как «страна души». Однако наличие бзыпского варианта с пс' противоречит этому.

Некоторые авторы, связывая наименования данных терминов с адыг. цсы – «вода», совершенно не допускают, что понятие «вода» могло восходить к исходному первоначальному значению – «движущаяся масса, поток, проточная вода», которое сохранилось именно в наименованиях абхазских рек, ср. цс'оу, букв. «длинный поток», хыцс'ы, букв. «пуля поток» и другие.

На наш взгляд, этнотопоним Ацс'ны связан как-то со словом ацс'абара «природа», означающим «место природы», из цс'ы – «природа (движущаяся масса)», абара «обозревать».

Подтверждением тому может служить производное от него слово аԥсʼуа «абхазец», из ԥсʼ «природа», уа от ауа – аиуа «часть, образец чего-то, т.е. природы». Таким образом, абхаз себя считал не просто близким к природе, а неотъемлемой, органической ее частью, как и многие другие народы. А иное объяснение происхождения слова аԥсʼуа, как это принято, на наш взгляд, не приемлемо.

Комплекс ԥсʼ со свистяще-шипящим спирантом, представленный в бзыпском диалекте, как оказалось, встречается в словах, как-то связанных с семантикой различных видов движения однородных масс, потоков, за исключением движения воздушной массы, которое выражается его вариантом – ԥсы со свистящим спирантом, ср. иԥсы лсига ҩсигоит – «он вдыхает и выдыхает воздух (а не душу)» и производные от него слова. На наш взгляд, наличие двух вариантов данного комплекса объясняется необходимостью в свое время каким-то образом выделить из всех видов движения однородных масс – движение воздушной массы, из которого затем развилось вторичное значение: ԥсы – воздух → душа, как и в индоевропейских языках; дух, душа → индийское dhaman «дуть». А комплекс ԥсʼы со свистяще-шипящим спирантом оказывается основой большого количества слов, как-то связанных с другими видами «движущихся однородных масс» (как живых, так и не живых), прежде всего в названиях рек (текущей воды), в названиях сыпучих веществ, живых существ, ср. аԥсʼаа – «пернатые», аԥсʼыз – «рыба», аԥсʼасʼа – «мелкий рогатый скот», и наконец, аԥсʼабара – «природа» из ԥсʼа – «движущаяся масса», абара «видеть, обозревать», букв. «обозримая движущаяся масса» и др… Перечень можно продолжить, но самое удивительное это то, что данный комплекс является основой таких важнейших терминов, как Аԥсʼны «Абхазия», аԥсʼуа «абхазец», что наталкивает на мысль об их звукоподражательном происхождении, что совершенно не приемлет, судя по существующей до сих пор специальной литературе, ни один исследователь.

Топоним Кавказ. Древнейший пласт лексики абхазского языка свидетельствует о том, что абхазы издревле жили у моря в окружении сверкающих гор, и они не мыслили мир без этих двух ипостасей – моря и гор.

Вместе с тем вызывает большой интерес то, что эти две реалии не получили своего собственного имени: Черное море абхазы называют просто морем (амшын), а горы Кавказа – просто «горой, горами» (as'xa), подобно небу, земле, т.е. нарицательными именами. Это может быть объяснимо тем, что абхазы с самого начала только и знали одно море и каскад горных великанов, который ассоциировался в виде одной сплошной горы, и не было необходимости наделять их еще собственными именами. Собственными именами наделялись уже на местах отдельные хребты, ледники, ущелья и перевалы, так как их было множество, и они нуждались в различении.

Еще П.К. Услар отмечал отсутствие термина Кавказ в топонимической номенклатуре языков местных аборигенов. По его мнению, Кавказ является вариантом древне-индийского Gtaukasum, отмеченный у Плиния Секунда, означавшее «Блестящие скалы» (в записи П.К. Услара Gzavaķaza) с оговоркой, что этого названия нет в санскритской литературе, но встречается название ķauķasos от kasa «племя», как «гора».

По мнению О.Т. Трубачева, это наименование (Кавказ) также является «чуждым для кавказских туземцев и соседних с ними восточных народов. Он считает, что оно было дано и занесено на Кавказ греками (не иранцами и не скифами) и что именно греческая форма ķauķasos, впервые зафиксированная Эсхилом XXIII в. назад, была воспринята без изменения всеми европейскими языками. «Если бы греки назвали этот хребет иначе, – пишет он, – конечно, и мы бы теперь называли иначе» [О.Н. Трубачев, 1981: 100].

Исходной формой данного топонима он считает, так же как и П.К. Услар, – ķauķasos, объясняя это как результат упроще-

ния группы согласных в начале слова и оглушение звонких согласных в данной позиции (G→К; S→Z).

Данная версия поддерживается А.К. Шагировым и О.П. Дзидзария [А.К. Шагиров, 1985: 58].

Однако существует и иная точка зрения, в частности, М.З. Закиев полагает, что топоним Кавказ – тюркского происхождения и означает «Белая скала» или «Белая гора», где ḳaz или ḳas – это «скала» от слова ḳas/ ḳes «резать», а ḳav исторически восходит к ḳav ḳau что означает «белый» или «бледно-серый» [М.З. Закиев, 1998:144].

Однако как в первом, так и втором случае настораживает тот факт, что основа топонима Кавказ рассматривается как атрибутивный комплекс, состоящий из определения (белый, блестящий) и определяемого, где оба компонента представляются и в качестве определяемого и в качестве определяющего. В связи с этим нам представляется, что данное слово является редуплицированной основой, так характерной для многих кавказских языков.

Как известно, еще Д.И. Гулия предполагал, что первоосновой данного топонима мог послужить постоянный эпитет, сопровождающий нарицательный географический термин as'xa – «гора», as'xa ḳazḳaz «сверкающая гора».

Помимо горы, эпитет kazkaz сопровождает еще две реалии: «море» – амшын и «небо» – ажәɷан.

Эпитет же kazkaz представляет собой редуплицированную основу с идеофоном kaz, изображающий ледяную гладкую поверхность горы. Kaz в свою очередь расчленяется на два компонента Ка и z, каждый из которых широко используется в словообразовании. Ка – это идеофон, изображающий световые и звуковые впечатления в воздушном пространстве. Соотносится с звукоподражательными комплексами, имитирующими звонкие одиночные звуки в воздушном пространстве: акеи, акыу, икаууа, акка, акеикеи – звон колокола, треск льда, стекла, падение штучных предметов, крик высоко, далеко отдающийся, в част-

ности, крик женщины. Представлен и в звукоподражательных словах: акаркарра «кудахтать», акәркәр «звонко смеяться», акалра «раскалывать брусья» (звук по данному действию), акакан «орех», по звуку падающих штучных орешек, акеикеира «блестеть» и др. Сюда же должно быть отнесено и числительное акә «один», исторически означавшее «штука» (по звуку падающих штучных предметов). К.В. Ломтатидзе акә («один») увязывает с грузинским martoka – «один, единственный». [К.В.Ломтатидзе, 1926: 76].

Компонент ка широко используется в словообразовании в качестве превеба-основы с одним и тем же значением «движение, действие в воздушном пространстве». Так, например, акаҳара – «падать сверху вниз (с воздушного пространства)», акажьра «бросать сверху вниз», акаҷҷара «щедро спускать лучи (о солнце)», акапсара «рассыпать», акаххаа «ясное безоблачное небо» и др. В целом ряде случаев, как и здесь второй компонент основы – з выступает со значением «гладкий, гладь (о поверхности воды, моря, небо, горы)». На наш взгляд, данный компонент соотносится с глагольным корнем азара «отстаиваться, оседать, очиститься», а также «измерить зыбкие, сыпучие вещества». Последнее значение является вторичным, переносным. Так как измерение жидких, сыпучих веществ было связано с процессом заполнения какой-либо мерки (посуды), то компонент з часто вскрывается в значении «полный», «довести до краев, до предела»: азна «полный», азхара «достаточно», вдоволь», зынза «совсем» и др. Отсюда и значение «гладкий (как поверхность воды)». В этом же значении он представлен и в адыгских языках. Встречается и в грузинском языке в виде зомва, однако только лишь в значении «мерить», безотносительно к какому-либо предмету. В связи с этим, надо полагать, оно является абхазизмом в картвельских языках. Как нам представляется, эпитет kazkaz «сверкающий», постоянно сопровождавший в устойчивом определительном словосочетании, нарицательный термин as’xa «гора ḳazḳaz был воспри-

нят греками как собственное имя, т.е. подвергся ономастической конверсии, превратившись в собственное имя, однако с некоторым изменением – заменой серединного z на v (в устах иноземцев): as'xa kazkaz → as'xa Kavkaz.

Как свидетельствуют письменные источники, древние греки, осваивавшие кавказский берег Черного моря, не могли не входить в контакт с местным населением. Между ними имело место живое общение, основанное на взаимной заинтересованности в торговле. Как известно, в период греческой колонизации здесь возникают города с греческими наименованиями (начало VI в. до н.э.). Вместе с тем греки не могли не встречаться и с местными названиями, которые осваивали, приспосабливая их к своему языку. По всей видимости, рассматриваемый нами эпитет и является одним из таких адаптированных слов.

Таким образом, топоним Ḳavḳaz восходит к ḳazḳaz, по своей структуре представляющий собой редуплицированную основу с идеофоном ḳaz, изображающий световые, двигательные, звуковые впечатления в воздушном пространстве. Эпитет kazkaz, постоянно сопровождающий нарицательный географический термин aš'xa «гора» – «гора сверкающая», был воспринят греками как собственное имя данной горы, так же как турки в свое время греч. Istambuli «в город» приняли за название города: Jstambuli→Stambul, вместо Константинополь.

Литература

1. Гублиа Р.К. Абхазо-адыгские этимологии. Сухум, 2004.
2. Гулиа Д.И. Труды. Сухум, 1986.
3. Джанашия С.Н. Черкесский элемент в топонимике Грузии. Труды IV. Тбилиси, 1959.
4. Кварчия В.Е. Аҧсны атопонимика. Аҟәа, 2006.
5. Табулова Н.Т. Грамматика абазинского языка. Черкесск, 1976.

6. Тюркский след в истории Кавказа. Международный коллоквиум. Махачкала, 1998.
7. Чирикба В.А. Абхазоведение. Сухум, 2009.
8. Чирикба, 2009 – Чирикба В.А. К этимологии гидронимов Бзыц и Мзымта // Абхазоведение. Сухум, 2009.
9. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.
10. Шагиров А.К. К проблеме индоарийских (праиндийских) лексических заимствований в северокавказских языках // ВЯ. 1985.

К этимологии терминов традиционной религии абхазов

«Мудрость языка настолько же превосходит
человеческий разум, насколько наше тело
лучше ориентируется во всех деталях
жизненного процесса, протекающего в нем,
чем мы сами»
М. Горький

Как известно, для установления этимологии того или иного слова первоначально необходимо рассмотреть его в отдельно взятом языке с учетом всех аспектов этимологического анализа – фонетического, словообразовательного и семантического, и затем уже сравнивать с другими предполагаемыми родственными языками, хотя при этом не всегда обязательно привлекать все три аспекта, а ограничиться одним из них.

В последнее время все более важное значение придается словообразовательному аспекту в этимологических исследованиях. В данной работе я больше опираюсь именно на словообразовательный анализ, носящий строго выраженный системный характер в отличие от фонетического аспекта, как это свойственно абхазо-адыгским языкам, где до сих пор не удается установить строгую закономерность фонетических соответствий, какое имеет место в индоевропейских языках.

Целью данной работы является анализ терминов, связанных с народной религией абхазов на основе лингвистического материала: по мере возможности, определить из каких частей и по какой словообразовательной модели они созданы и какое место занимают в системе языка, их связь с другими словами в микро – и макросистеме и др.

Как показывает анализ фактического материала, термины религиозных верований можно разделить на две группы:

1) термины, возникшие непосредственно на основе религии;

2) термины, возникшие вне зависимости от религии, а как все другие слова в языке, на основе какого-то отличительного признака обозначаемого предмета, впоследствии включившиеся в систему священнодействия в зависимости от того, какую роль они играли в жизни людей.

Здесь же будут рассмотрены и термины, проникшие в абхазский язык с мировыми религиями, принятыми абхазским народом в разное время, – христианской, мусульманской. Однако необходимо отметить, что наряду с заимствованными терминами при этом были использованы и термины традиционной религии для обозначения различных ритуалов и представлений с новым содержанием (об этом см. ниже).

Анцәа «Бог», «творец и создатель всего мира», «Всевышний». Почитают представители всех религий, как традиционной, народной религии, так и представители мировых религий – христианства, ислама. В абхазоведении утвердилось мнение, что Анцәа происходит от слова ан «мать» во множественном числе, букв. «матери», или «боги много» [Услар, Марр, Чарая].

Эта трактовка была отвергнута Ш.Д. Инал-ипа, указавшим на то, что Анцәа – Бога абхазы представляют в качестве мужского существа и переводить его как «матери» не отвечает элементарной логике, и предлагает иную версию – перевод Анцәа как «небесный бык» или «Бог-бык» на основе древнейшего скотоводческого культа по аналогии почитания священного быка в древнем Египте, у древних евреев, шумеров и др. [Инал-ипа, 1974:159].

Л.Л. Регельсон и И. Хварцкия предлагают свою версию в своей книге «Земля Адама»: **ан** – первое имя бога в религиях многих древних народов.

А.Б. Крылов разделяет мнение Л.Л. Регельсона и И.И. Хварцкия относительно первой части слова **ан**, что она со-

впадает с хаттским ан, а второй компонент цәа относит к показателю множественного числа, но в целом слово Анцәа переводит не как «матери», а как «Бог во множестве своего проявления». Анцәа множественен в своих проявлениях, он является первоисточником, создателем, творцом всего сущего. По его воле созданы различные духи, апааимбары – ангелы-хранители, святыни (аныхи), обеспечивающие защиту и благоденствие отдельных фамилий, родов, поселков и всего абхазского народа [Крылов, 2001].

По представлениям абхазов, вначале все божественные силы жили на земле как обычные люди, но выделялись среди них своей внешностью, манерой говорить, своим праведным образом жизни и т.д. В то же время в них сочетались человеческие и божественные начала. Со временем их бог сделал невидимыми, как и он сам. С тех пор они живут невидимо среди людей, выбирая особенные места, чем-то отличающиеся от себя подобных, и делают местом постоянного своего обитания.

Я предлагаю иную версию происхождения слова Анцәа. Безусловно, оно состоит из двух компонентов **– ан** и **цәа**, однако вовсе не в тех значениях, в которых до сих пор представлялись.

На мой взгляд, компонент **ан** в данном случае выступает в значении «ограниченная горизонтальная плоскость», «находиться на ограниченной горизонтальной плоскости», ср. анра, анызаара, «находиться (двигаться) по горизонтальной поверхности».

В этом значении он встречается как в именах, так и в глагольных основах. В последних в качестве превербов – основ с локативным значением: анылара «пуститься в дорогу», «находиться в пути» (по горизонтальной плоскости), анцара «положить на ограниченную горизонтальную (плоскую) поверхность», аныхра «снять с горизонтальной (плоской) поверхности», ангылара «стоять на ограниченной горизонтальной по-

верхности», анхара «остаться, остановиться на ограниченной горизонтальной поверхности» – «жить», букв. «выбрать место для постоянного проживания» (на ограниченной горизонтальной поверхности).

Второй компонент **цәа** восходит к полисемантическому слову ацәа «шкура, кожа, кожура, скорлупа, поверхность, вершина, макушка, верхушка, наружность». По происхождению звукоподражательное слово, имитирующее звуки, издаваемые при строгании, ср. ацәыцә «стружки», букв. «то, что снимается», в дальнейшем оно приобретает значение «то, что снимается вообще с поверхности» – «поверхность» и другие значения, ср. ақәцә «вершина (горы)», акьатрацә «макушка (край дерева)», анацәа/амацәа «палец», букв. «край руки», ашьацәа «палец ноги», букв. «край, макушка ноги», ахацәа «макушка головы», ныpцә «тот край реки», аарцә «этот край реки (переправа)» и др.

Таким образом, если сложить все части слова анцәа, получим: «находящийся (обитающий) на вершине, наверху», «на макушке (неба)», что соответствует его семантике – «Всевышний» или абхазское хыхь иқәтәоу «сидящий наверху», хыхь иҟоу «находящийся наверху».

Такая трактовка, на наш взгляд, более соответствует действительности, чем то, что было предложено до сих пор. Однако имеет ли отношение часть данного слова **ан** к хаттскому **ан** «отец всех богов», трудно судить, ибо неизвестно ее исходное значение, ее история в хаттском языке – имела ли она изначально значение «Бог» или что-либо другое и т.д.

Далее здесь же можно рассмотреть и некоторые термины религиозных верований, в которых содержится элемент ан.

Аныха «святыня», «особая божественная сила», «икона».

По поверью абхазов, аныха невидимо присутствует среди них и оберегает не только их самих от всякого несчастья, но и их имущество, скот. Каждый род имел своего покровителя – аныху, которому в назначенные дни устраивались моления и при-

носилась жертва. Впоследствии эти родовые патроны слились с другими и стали общенациональными. Они составляют совокупность т.н. быжьныха «семь святилищ, которые оберегают, защищают всех абхазов и Абхазию. Однако еще сохраняются отдельные фамильные и родовые святилища, которые также наряду со своей основной задачей – защитой Абхазии от внешних врагов, выполняют важную функцию в регулировании социальных отношений внутри абхазского этноса путем принесения присяги в святилищах. Они являются местом очистительной присяги для людей, совершивших или подозреваемых в преступлении, и пострадавшие могли обратиться с просьбой покарать виновных или обвиняемых – доказать свою невиновность, дав клятву перед иконой. Данная в святилище клятва считалась священной, и не при каких обстоятельствах нельзя было ее нарушать, а иначе клятвопреступника настигала страшная кара. По представлению абхазов, аныхи – святыни выбирали особые священные места для своего обитания, которые затем становились священными, особо почитаемыми в народе.

Как отмечено в этнографической литературе, многие древнейшие святые места впоследствии стали местами, в которых были воздвигнуты христианские храмы (Лыхны, Пицунда, Лашькиндар, Илор). Абхазы полагали, что эти аныхи иногда покидали свои места, перелетая из одного места в другое в виде огненных шаров, и в том месте, где они садились, появлялся свет и раздавался грохот, подобный пушечному выстрелу.

Абхазы для совершения того или иного обряда или моления выбирали именно те места, с которыми соприкасались эти святыни – аныхи, или постоянные места обитания или временные. В связи с изложенными объяснениями особенности святыни – аныхи нетрудно уже разъяснить и происхождение ее имени.

Аныха «святыня» расчленяется как **Анцәа** на две части: **ан** и ха. По мнению Крылова, ан тот же элемент, что и анцәа

хаттского периода в значении «Бог», а ха «камень», таким образом, **аныха** букв. «камень Бога» или «образ, икона Бога», отражающий древнее значение необработанного камня как олицетворение вечного Бога [Крылов, 2001:176].

Однако на основе анализа языкового материала составляющие части этого слова, широко представленные в словообразовании, дают основание выдвинуть иное толкование.

Первая часть данного слова, в самом деле, та же, что и в слове **Анцәа** «Бог», но не в значении «мать», как предполагают многие ученые, а в значении «ограниченная горизонтальная плоскость», а **ха** выступает в значении «оставаться, обитать, запечатлеться, оставлять след», «наследить», «застрять». В этих значениях широко представлено в словообразовании: анхара’ «задержаться где-либо», анха’ра «хозяйствовать» (остановившись на определенном месте), анхарҭа «земельный участок для ведения хозяйства и строительства», анхалара «запечатлеться», акыдхалара «застрять (на скале)», аҩнахара «застрять в помещении», **алахара** «вязнуть (в грязи)», ақәхара «застрять, задержаться (на чем-либо)», адхалара «задержаться», «засмотреться», ср. илаҵш идхалт «взгляд задержал на ком-то» и др.

Таким образом, сложив все части слова **аныха**, получим: «застрявший на ограниченной горизонтальной плоскости» (выбрав постоянное место своего обитания), «остановившийся на определенном месте», «запечатлевший свой след на определенном месте». Неудивительно, что **аныха** впоследствии приобрела значение «икона» – христианский символ, изображение бога или святого, запечатленного на чем-либо».

Аныхацаақы «жрец» – посредник в общении людей с Богом. Он излагает просьбу молельщиков простить их проступки. Как отмечают религиоведы, традиционная религия абхазов не располагает профессиональными священнослужителями, жрецами, составляющими в обществе отдельное сословие, как это наблюдается в других религиях, что облегчало

непосредственное общение народа со своим богом, как это было свойственно больше начальным этапам развития человечества, чем современному миру.

Жрецы выбирались народом из особо отличившихся высокой честностью и справедливостью. Они принадлежат к определенным фамилиям, чьи аныхи пользуются большим авторитетом и влиянием. Жрец должен был знать все обряды, ритуалы, заговоры, молитвы и т.д.

На мой взгляд, аныхацаа◌ы расчленяется на **аныха** «святыня» и **ацаара** «жречествовать», которое сегодня отдельно не употребляется, но широко представлено в словообразовании в значении «хватать, срывать», ср. **атцаара** «выхватить (пистолет из кобуры)», **ахцаара** «сорвать (шапку с головы)», **акәцаара** «схватить что-либо (со стола)», **ацаара** «вырвать, достать что-либо (изо рта)» и многие другие. Здесь, как и во многих других языках, происходит развитие значения «хватать», «схватывать» в сторону – достигать постигать, понимать», ср. рус. «схватывать на лету, улавливать мысль», нем. greifen «хватать», begreifen «понимать» и др.

Аныхәа «молитва», «моленье», «просьба», «праздник по какому-либо поводу».

Первый компонент **ан –** тот же элемент, что и в предыдущих словах, однако с некоторым иным значением, но родственным, а именно: «быть, существовать, жить», «бытие», ср. **адунеи дануп –** «он обитает, находится в мире», т.е. «живет»; второй компонент от глагольного корня аҳәара «просить», «умолять», «молиться», ср. **анцәа диҳәоит** «он молится, просит бога». Если сложить все части слова, то получим: аныҳәа – «молиться за свое бытие, жизнь». Отсюда и производные слова: **аныҳәаҩ** «лицо, совершающее молитву за других», аныҳәаҷа «заздравный тост», аныҳәаҩ «лицо, совершающее молитву за других», аныҳәатә «лицо, за которого молятся, совершают обряд моления» и др.

Ажьира «кузня», место обработки металла ковкой (шумят меха, летят искры).

Как известно из археологических, этнографических данных эпохи бронзы (середина II тысячелетия до нашей эры), древние абхазы начинают активно заниматься металлообработкой, при обеспеченности в основном местным сырьем: медью, серебром, железом и др. Археологическими исследованиями установлено, в частности, что Сухум являлся одним из очагов древней металлургии на Кавказе. Кроме того, во многих местах Абхазии найдены клады слитков, клады топоров, бронзовые мотыжки, обломки бронзовых серпов, которые свидетельствуют о том, что на этих местах были мастерские по обработке металла. В частности, в лыхненском кладе было найдено рекордное количество бронзовых топоров [Инал-ипа, 1965:265].

Абхазы пользовались древним способом получения металла из руды. На склоне обрывистой горы рыли яму, в которой жгли каштановые дрова до тех пор, пока она не накалялась, затем туда бросали руду, которую сверху опять засыпали раскаленными углями до тех пор, пока не начинал течь расплавленный металл, из которого изготавляли затем земледельческие орудия: аеага «мотыга», абаҳа «заступ», «лопата», аиха «топор», аигәшә «цалда»: боевые оружия – меч, шашка, кинжал, ритуальные принадлежности и т.д.

Таким образом, кузнечное дело **ажьира** являлось одним из наиболее развитых отраслей ремесленного производства. Основными орудиями кузнечного дела были три инструмента, называемые х-напык «три руки»: аҵсангъери «наковальня», ажьаҳәа «молот», арыҵәа «щипцы», а также аҕа, которые затем были введены в систему священнодействия. Огромное значение металлообработки в хозяйственной социальной жизни народа подтверждается особым почитанием божества кузни и железа Ашьашәы и моленьем кузне – ажьырныҳәа, которое должны были совершать в новый год.

Это божество занимает особое положение среди других божеств (духов), по своей значимости оно занимает второе место после Верховного Бога – Анцәа.

Абхазы Ашьашәы представляют в семи лицах и называют Абжь-ныха «семь божественных сил». Моленье Ашьашәы (ажьырныҳәа) совершается исключительно кузнецами или лицами, имеющими кузни. Устраивается оно однажды в год, накануне Нового года, называемого хьычхәама, и совершается исключительно в кузне.

Данный термин заимствован из мегрельского языка – хехун цьоба, который также исполняется в кузне только лишь кузнецами и слесарями, причем в жертву покровителю кузнечного дела Святому Соломону приносится свинья, называемая в этом случае схехунцьс.

В дальнейшем кузня постепенно теряет свое первоначальное назначение и становится святилищем, святым местом, где присягают, приносят жертвы божеству Шьашәы, дают обеты, молятся и т.д. Почитание кузни возводят к древним культам огня и металлов.

Таким образом, кузня выполняла как бы две функции – это прямое ее назначение, связанное с хозяйственно-производственным процессом, и различные культовые обряды, представления, моления, ритуалы, причем одно порождает другое: от производственных к культовым. В дальнейшем, как было сказано выше, большей частью в связи с сокращением ручного производства кузни теряют свое первоначальное назначение, и становятся святилищами, хотя в настоящее время кое-где наблюдается возрождение производственной функции.

По представлению абхазов, **ажьира** могло насылать болезни, разные бедствия и каждый, так или иначе наказанный кузней, должен был отмаливать свои прегрешения в этом святилище, обратившись к посредничеству кузнеца. Присяги, проклятия, очищения, произнесенные в кузне, имели решающее значение, и кузнецы как люди, владевшие тайной изготовле-

ния орудий труда, играли важную роль в хозяйственной и социальной жизни народа. Они пользовались большим уважением как мастера, обладающие тайной ремесла. В то же время их побаивались, как людей, связанных с могущественными богами, духами.

Кузнец – жрец Великого Шьашәы – казался им обладателем особой силы, его ремесло имело священное значение, и был какой-то суеверный страх, что кузнец может также распоряжаться жизнью и смертью человека. Отсюда страх не только перед Шьашәы, но и перед всем тем, что имело отношение к кузне, в том числе и к орудиям труда. Так, например, ацсангъенри («наковальня»), как важнейшую принадлежность кузни также высоко чтили, считая святыней, клялись ее именем, проклинали, даже приносили ей жертвы в отдельности (козлов, кур, восковые свечи).

В целом основное значение ритуала в кузне, с точки зрения его участников, заключалось в том, чтобы добиться расположения Шьашәы молениями, жертвоприношениями.

Наименование кузни **– ажьира** связано с теми процессами, которые происходили в нем: плавка, ковка металла и др., т.е. с признаками плавленого или раскаленного металла.

Таким образом, **ажьира** «кузня» сопоставляется с ярким, огненным цветом горящего, раскаленного железа, букв. означавшее «место жьи», «место огненного цвета» по аналогии целого ряда слов, возникших по цвету обозначаемого предмета: ажьы «мясо» (по цвету мяса), ажь «виноград» (по цвету ягод), ашьыжь «утро» (по цвету утренней зари), ахьыжь «сойка» (по цвету оперения) и др. [Гублиа, 2004:18].

Ашьашәы «божество кузни и железа».

Первоначальное значение данного слова «сгусток крови», состоящее из ашьа «кровь» и ашәы «сгустившаяся, затвердевшая», букв. «сгустившаяся кровь», «сгусток крови».

Это – обычное слово, образованное словосложением, затем введенное в систему священнодействия, превратившись в на-

звание божества. Перенос первичного значения данного слова в название божества, на наш взгляд, связан с производственными процессами, совершавшимися с металлами во время добычи, ковки, плавки в кузне и т.д.

Еще на первоначальной стадии добычи из руды металла в ямах (плавка, разлив по формам, а затем ковка в кузнях) у древних абхазов возникало представление о вмешательстве каких-то сверхъестественных сил, о богах, духах и т.д. Ведь, не зная законов физики, они не могли объяснить удивительные процессы, происходившие с металлом.

На наш взгляд, Ашьашәы в значении божественной силы – это сила, которая способна расплавить твердейший материал, а затем затвердить, придать различные формы, раскалив его.

По представлению абхазов, эта божественная сила могла сотворить то же самое с человеком, сгустив его кровь, сжечь его. Подтверждением может служить проклятие, произносимое от имени этого божества: Ашьашәы урблааит – «Чтобы тебя сожгли Ашьашәы» или Ашьашәы уҭарблааит – «Чтобы тебя выжгли изнутри» (имеется в виду кровь).

Аиха – «железо».

В специальной литературе данное слово сопоставляется с древнегерманским ayah или aiah, «металл, руда, медь, бронза, железо». Впервые была предложена эта идея П.К. Усларом, а затем поддержана и другими кавказоведами, но без каких-либо лингвистических доказательств, а лишь на основе некоторого сходства в звучании. Но такое сопоставление еще ничего не доказывает, как и в большинстве случаев, а для подтверждения предполагаемой этимологии нужна целая система доказательств лингвистического порядка: фонетические, словообразовательные и семантические, характеризующиеся строгой системностью.

Как известно, каждое слово в языке при его этимологизации должно быть отнесено к тому или иному словообразовательному типу. Анализ словообразовательной структуры

слова, из каких морфологических элементов оно состоит и их значение – это один из наиболее важных исследовательских приемов, с помощью которых ученым удается проникнуть в самые сокровенные тайны происхождения слов. Кроме того, нужно иметь достаточно ясное представление о том предмете, который данным словом обозначается.

Безусловно, есть системы, которые существенно подвергались различным преобразованиям, а также слова, возникновение которых невозможно связать с той или иной системой, но в данном случае выявляется обратное.

Слово **аиха** «железо», «топор» расчленяется на **аи** и **ха**, каждый из которых широко представлен в словообразовании. Компонент **аи –** аффикс взаимности в значении друг друга, одновременное взаимодействие участников ситуации или взаимодействие каких-либо элементов. Часто выступает как первый компонент превербов – основ, выражает реверсивные значения типа «соединять, слиться, смешаться, составлять». Редко выступает как показатель дериватемы, гораздо чаще входит в первичную основу глагола или имени, сохраняя при этом семантику взаимности: аизгара «собирать что-либо вместе (мусор)», аизакра «соединять что-либо с чем-либо», аизара «собраться вместе», «собрание», аизга «сборник (стихов)» и др.

В слове **аиха аи** является частью первичной основы имени в значении «слившийся», «слиток». Второй компонент **ха** соотносится с корнем глагола ахра «резать», «рубить», «колоть», «точить», «пилить», «косить», исходное значение которого «ударить, бить», ср. ааха «удар», из аа **–** преверб направления оттуда – сюда, и ха «удар», аахара «удариться», ахара «вина, укор (богов)», букв. «удар», хар сымам букв. «не имею вины, укора (со стороны богов) – удара – боли». Ахара сыдуп «я имею вину», «я виновен (перед богом)», букв. «я имею удар».

В основе слова **ахы** «пуля» также лежит семантика удара, букв. ахы «ударяющий, бьющий», **ах** «жало». Элемент **ха** зву-

коизобразительного происхождения, выражающий скорость возникновения удара, ср. ахыу «мгновенно, внезапно», ср. ахыуҳәа илеит «слетел, упал (с высоты), мгновенно», ахыуҳәа дааит «мгновенно явился» и др.

Таким образом, первоначальное значение **аиха** «слиток ударяющегося, бьющегося». Этим можно объяснить и общность названия топора и железа. По мнению В.Г.Ардзынба, изначально семантика удара была связана со следами понимания происхождения метеоритного железа – мгновенное падение из космоса, отсюда его использование в культе. Подтверждением могут служить некоторые термины из нартского эпоса: афырхы «пуля богов афы», аеԥәаԟь «шлак звезд», т.е. осколки железа, сыпавшиеся из космоса.

По представлению абхазов, божество Шьашәы мечет каленые или железные пули так же, как и божество афы, что указывает на совпадение функции бога-кузнеца и бога афы – молнии, грозы и грома [Ардзинба, 1988:263-306].

Ацсангъери – «наковальня».

Возможно, элемент **цс** в данном слове указывает на важное главенствующее значение инструмента в кузнечном деле, ср. аналогичное образование слова аԥсԟы «руль», букв. «место души» – «центральное место». А вторая часть **гъари, гъыри, гъери,** возможно, связано с формой «нечто округлое», ср. значение **гъа** в словах **агьежь** «круглый, круг», **амгъал** «чурек (нечто округлое)».

Однако Абаев в слове аԥсынгъари первую часть псы связывает с ӣfsă̆n «железо».

Арыҭәа – «клещи», «щипцы». Инструмент, предназначенный для держания раскаленного или плавленого железа, чтобы можно было работать, не обжигая рук. Расчленяется на р – аффикс каузатива, ҭәа от слова аҭәара «подобрать», «соответствовать», букв. «нечто подобающее, соответствующее» (для раскаленного железа). Элемент **ҭәа** представлен также в слове аҭәырԥәы, «то же» «деревянная лопата» для перекладывания

шлака, состоит из аҭәа «соответствовать», р – аффикс каузатива, ҕәы «доска, емкость», букв. «приспособленная доска».

Ажьаҳәа – «молот». Применяется исключительно в кузнях для работы с железом, в отличие от обычных – акумсаг, акәркоу. Расчленяется на жьа и ҳәа. Первый компонент указывает на его отношение к кузне **ажьира**, а второй – на быстроту, равномерность взмахов (молота), ср. аҳәицә – аҳәицә или аҳәҳәыҳәа (звукоизобразительные слова). По этому признаку создано и слово аҳәа «шашка», букв. «нечто равномерно, быстро размахиваемое».

Аиҭар – «божество, создатель домашних животных, создающий животных», «великое божество обновления природы». Оно занимает важное место среди других божеств по широте функций и по общепризнанности.

Представлено в семи лицах, т.е. семидольным. Долями могучего Айтара, единого в своих семи долях, считались:

Џьабран – покровитель коз;

Жәабран – покровитель крупного рогатого скота;

Амра – божество солнца;

Амза – божество луны;

Анаца – божество посевов и урожая;

Алышькьынтыр – божество собак;

Асышьашьан – божество коневодства.

Функции данного божества (главным из семи долей) наталкивают на мысль о связи его наименования со словом аиҭаеиҭа – «вновь», «заново» – обновляться, возрождаться, размножаться, т.е. обычное слово, затем принятое как имя божества.

В Аиҭар входят покровители для каждого из основных видов животных, разводившихся абхазами издревле: Џьабран – переводимое как прародитель коз, Жәабран – прародитель коров, а два других покровителя, хотя и содержат наименования определенных видов животных – ала «собака», аеы «лошадь» – в целом не понятны, ибо значения вторых компонентов –

ашьашьан и шькьынтыр не поддаются объяснению, хотя последний, как нам кажется, связан с приручением, с объездкой лошадей, ср. ашьцылара «привыкать», «привычка», шьышь «тихо, спокойно (утихомирить, успокоить)», ср. рефрен колыбельной песни – шьышь наани «успокойся, засни, перестань плакать, тихо». Поэтому Аҽышьашьан как божество можно этимологизировать таким образом: сила, которая помогает утихомирить «приручить, дрессировать лошадь». Некоторые ученые Айтар связывали с хевсурским божеством Анатори, Антар (Джанашия).

Амра – «божество солнца, солнце».

Как известно, солнце, луна и небо со звездами по суеверию абхазов, не только созданы богом, но и сами выступают в сознании людей, и как божественные силы. Об этом говорят сохранившиеся в языке клятвы, обращения к солнцу, луне, небу как божествам. Однако возникновение их наименования не связаны с религией, а являются результатом эмпирических знаний о них, складывавшихся тысячелетними наблюдениями за ними.

Наиболее простое решение вопроса происхождения данного слова заключалось бы, видимо, в отнесении его к заимствованиям, как это обычно делается в отношении трудных слов и как это сделано и в отношении **Амра**.

Амра связывают с египетским словом **ра –** названием солнца, но мне видится возможность пути решения этого вопроса в самом абхазском языке.

Прежде всего, необходимо начать с того, что могло дать абхазам каждодневное наблюдение за поведением солнца? Какие эмпирические знания они извлекли из этого? Безусловно, не зная законов физики, не имея представления о строении мира, они не могли бы составить правильное представление о нем, оно и не нужно было. Каждодневно наблюдая за солнцем, они видели, что оно движется по небу от одного пункта (восход) к другому (заход) на виду, на весу. А это движение совершалось,

по представлению абхазов, по воле Бога, он направляет и контролирует его.

Слово **Амра** расчленяется на **м –** словообразовательный префикс, широко используемый в словообразовании со значением «иметь, располагать чем-то», **ра** со значением движения в определенной среде, в данном случае – в воздухе.

Компонент **ра** соотносится с глагольным корнем **ар-ра** «переправиться через реку вброд или вплавь от одного берега к другому». Главная идея –движение от одного пункта к другому – и легла в основу наименования солнца. Значение **ра**, как правило, группируется вокруг идеи ориентации движения, распространения от какой-либо точки в пространстве – в воздухе, в воде к другой точке и в целом ряде слов. Так, например: **аҩар** «дождевой поток», **арҩаш** «поток после ливня», **аарцә** «этот берег реки (переправы)», нырцә «тот берег реки (переправы)». Слово **аарцә** состоит из преверба направления оттуда – сюда **аа**, **р –** переправа (движение), **цә** «край» букв. «край этой стороны», соответственно нырцә, из ны – направление движения туда, р – переправа, цә – «край», арԥьа «правая рука», из р – движение, ԥьа – крепкая, букв. «двигающаяся (в такт шагам при ходьбе) крепкая (чем левая рука), арма «левая рука», из р – движение, двигающаяся, ма – от слова **амара** со значением «нерасторопный».

В дальнейшем элемент **ра/р** грамматикализуется, используется для вербализации различных корней: ца – ацара «идти», цхь – ацхьара «читать», аҳәа – аҳәара «говорить, сказать» и т.д.

Амза «луна», «божество луны».

Расчленяется так же, как и солнце, на две части – **м** и **за**, со значением движения, но несколько отличающееся от движения, обозначенного в **Амре.**

Элемент **за** в **Амзе** восходит к глагольному корню азара «оседать, отстаиваться, очиститься медленно, постепенно», Со значением данного вида движения **за** встречается в це-

лом ряде именных и глагольных основ: **аизара** «собираться медленно, постепенно», «собрание», **азазара** «качаться», аҳәазара «ползать», **абз** «язык» (нечто шевелящееся, двигающееся), **ахыза** одеяло (нечто сверху двигающееся, подвижное), **амацәаз** «кольцо» «нечто двигающееся вокруг пальца» и др.

Итак, слово **амза** этимологически должно было означать «нечто постепенно, медленно двигающееся (по небу)».

Таким образом, движение луны представлялось более медленным, чем движение солнца: медленный – более активный, бурный, изначально заложенные в глагольных основах: азара – арра.

В специальной литературе слово **амза** связывают с индоевропейским mas, на основе некоторого созвучия, без какого-либо лингвистического анализа, без изучения его истории, его связей с другими словами в каждом отдельно взятом языке, в частности, в абхазском языке.

Как известно, в последнее время на основе различных экстралингвистических факторов, в частности, о предположении распространения северокавказских языков на территорию Восточного Средиземноморья в историческую эпоху пытаются установить факты взаимопроникновения этих языков с индоевропейскими языками Малой Азии и прилегающих районов Средиземноморья. Для этой цели чаще берутся совершенно не сопоставимые слова ни по звучанию, ни по значению, а иногда, чтобы подогнать под эту теорию, абхазский материал представляется искаженно.

В то время как абхазский материал, приводимый в качестве сравнения, в большинстве случаев легко поддается этимологизации в собственной языковой среде, ибо он создан по определенным словообразовательным моделям, древним, вышедшим из употребления или ныне действующим. Для наглядности можно привести, например, сопоставляемые Старостиным т.н. индоевропейско-северокавказские изоглоссы в некоторых

случаях с нашей подачей этимологии абхазского материала [Старостин, 1985:74].

ПИЕ * (H)aig – «дуб», др-в-нем. eih … абх. ажь «куст», однако в абхазском языке **ажь** означает «виноград» и назван так по цвету виноградных ягод.

ПИЕ * (H)euku – «вид злака», слав. кĉь-ту …абх. ахәз из хә ахәара «польза, полезное», и з «тонкий, мелкий» (о размере зерна).

ПИЕ * agu (e)si – «топор», гот. aguzi, англ. acus … абх. аигәшә, состоящий из аи «состоять, составленный», гә «овальный» и шә – оценочный суффикс. Предмет назван по форме лезвия (овальный с внешней стороны).

ПИЕ * kom – «оболочка, рубашка … абх. ахамы «шуба».

ПИЕ * mizdro – «плата», слав. mzda «цена» … абх. ашәара «платить», «измерить». Первоначальное значение ашәара «ломать, разрушать, растратить (силы)».

ПИЕ * sur-/ *suer – «кислый» … абх. ашә «сыр» из ашәра «налиться краской, созреть», «распуститься», связанный с процессом приготовления сыра.

ПИЕ * pisk / peisk – «рыба» … абх. ацсыз из ацсы «душа», з от глагольного корня азы «вода» этимологически «движущаяся масса в воде».

ПИЕ * ќеќ – /*кеќ – «ласка», «хорек»…абх. ацшза «куница», из цш «вид», «красота», за – аффикс интенсивности, букв. «крайне видный (красивый)».

ПИЕ * kenk – «часть ноги»… абх. аҟәакәа «спина», «спинной хребет», «цепь костей или хрящей, идущих вдоль спины», названный по своему строению, аҟәакәа, букв. «выступы».

ПИЕ * spelgnen – «селезенка»… абх. **аваныза** «то же» из **ва** от **авара** «бок» и «анызаара» «лежать, располагаться», букв. «расположенный сбоку».

ПИЕ * pel(u) – «название лиственного дерева», осет. farwe «ольха»… абх. аҭәа «липа».

ПИЕ * bhăngo – «бук», лат. fagus «бук»… абх. мҳа, выделя-

емое из слов амҳац «лопатка для мамалыги», амҳацə «ложка», амҳацə «соска», якобы означающий «древесина».

Однако в абхазском языке мҳа выступает в ином значении, как в приведенных нами словах, так и в ряде других слов, а именно: «ручка», т.е. «то, за что можно ухватиться, держать, раскладывать», и не имеет никакого отношения к древесине. Элемент **мҳа** представлен и в слове **алымҳа** в том же значении «ухо», букв. «то, за что можно ухватиться, держать».

По этому же методу сопоставляются хаттский и северокавказские языки для доказательства теории родства, вызывающие еще большее недоумение.

Хатт. šul – «изобилие»… абх. аҵс'ыла «жирный».

Хатт. šiniti – «свинец»… абх. аҭса «то же»

Хатт wazzu – птица … абх. аԥсаа «пернатые».

Хатт (d) kaška – «луна» (бог) … абх. аҩажь «желтый».

Хатт. Kut(t)u – «душа»…. абх. агəы «сердце».

Хатт. miša – призыв в ритуалах … абх. цхьа (аԥхьара) «звать».

Хатт. pwakku – воины, войско … абх. аибашьра «война» букв. «взаимно убивать».

Хатт. guwa – «варить» … абх. ажəра «варить».

Хатт. wel gom – ...абх. аҩоны «то же».

Хатт. Štib – «дверь»… абх. ашə «то же».

Хатт. Washab – «бог»… абх. **уашхəа** «клятва». [Иванов, 1985:26].

Здесь казалось бы и фонетические расхождения, и далекие друг от друга значения приведенных слов не дают никаких оснований для их этимологического сближения, а тем более реконструированные на таких сопоставлениях, т.н. праформ, в особенности ПСК, ПЗК. Конечно, нельзя исключить того, что при сравнении большого количества разных языков в каких-нибудь языках без труда можно найти в какой-то степени схожие по звучанию слова. Но это ни о чем не говорит. Главное для предлагаемой этимологии – систе-

ма доказательств лингвистического порядка: фонетический, словообразовательный и семантический, хотя основным принято считать, особенно за последнее время, словообразовательный анализ.

Это один из наиболее важных исследовательских приемов, с помощью которого ученым удается проникнуть в сокровенные тайны происхождения слов. А иначе немудрено договориться до теории Марра о четырехэлементном происхождении всех языков и т.д.

Анаца – нага. Входит в седмицу **Аитар –** божество урожая. Этимология, по мнению Джанашия, такова: **Ацара** «вить что-либо, с трудом пробираться через какую-либо чащу (кукурузу, просо)», **анагара** «нести», букв. Инацо **инаг** «иди, неси, пробираясь через чащу».

Моление производится таким образом: берется алаҳәара «ступка», «самодельное орудие для молотьбы злаков», обращаясь к богу **Анаца-нага**, говорят: Ты великая сила великого бога **Аиҭар**, ниспошли нам теплоту свою, теплоту сердца. Дай нам такую кукурузу, просо, чтобы при сборе урожая мы не сгибались, т.е. чтобы вытянулись высоко.

Ерыш – «покровительница тканья».

Перед началом ткачества женщины обращались к своей покровительнице с просьбой не портить ткани, не спутать ниток, помогать им во всем.

По этому случаю выделяли из сотканного её долю, говоря: «вот и твоя доля!» [Инал-ипа, 1965:523].

На наш взгляд, это слово от глагольного корня **арышҳара** «отбелка холста особым способом».

Ажәеицшьаа – «божество зверей и охоты».

Охота, по понятиям абхазов, также была священным занятием, которое требовало от охотника соблюдения и выполнения известных правил, различных обрядов и т.д.

Чтобы расположить к себе бога зверей и охоты **Ажәеицшьаа абна инцәахә** «доля бога лесов», по представлению абхазов, охотник мог убить только тех зверей, на ко-

торых он указывает, а это те звери, которых он сам предварительно зарезал и съел, а затем оживил и предназначил тому или иному охотнику.

У черкесов божеством лесов и охоты считается Мезитх (Мез «лес», тха «бог»), которого молят о счастливом успехе охоты. Абхазы удачу на охоте приписывают милости и расположению Ажәеицшьаа, которого представляют заботливым хозяином зверей, без его ведома ни один охотник не может убить ни одну дичь. Поэтому когда охотники отправляются на охоту, молятся ему, чтобы он не отказал в своей милости и дал им какую-либо дичь из своего стада.

А умилостивляют божество охоты особыми песнями в его честь с особым поведением. Проводятся многочисленные обряды, магические приемы и т.д. Никаких материалов, могущих пролить свет на происхождение этого термина нет, как и многих других в существующей литературе. Я обращаюсь к лингвистическому материалу, и, как показывает анализ словообразовательной модели, **Ажәеицшьаа** расчленяется на три компонента **жә, цшь, аа**, каждый из которых широко представлен в производстве слов.

Компонент **жә** выступает в значении «совокупность» (чего-то), **цшь –** святые, **аа –** показатель собирательного множества. Жә с данным значением вскрывается в целом ряде слов: **амжәа –** «тутовое дерево», плод тутового дерева, букв. «совокупность/скопление» мелких крупинок, ягод на одной кисти, **ажьымжәа** «кисть винограда», **ажәгараа** «медведица» (из семи звезд), **жә** «совокупность», га – несущиеся, аа – показатель собирательного множества, этимологически означавшее «носящееся скопище (звезд)», **жәаба** «десять», первоначально не конкретное число, а «скопище сборище, много (чего-то)» и др.

Второй компонент **цшь** означает святой от глагольного корня **ацшьара** «святить», «креститься». В целом слово **ажәеицшьаа** этимологически означало «скопище святых».

Ажәеицшьаа, как и некоторые другие божества, представляют как единый коллектив божеств (или покровителей), единый в своей божественности, как и Аитар, афы и др.

Џаџа «божество плодородия, покровительница плодородия». Моление совершалось осенью после уборки урожая. Приносили в жертву из каждого рода злаковых приготовленную пищу на поле, так как по представлению абхазов, она жила в поле, на ниве, и молились. **Џаџу** представляли дородной, коренастой женщиной низкого роста и плотного сложения. Верили, что она ходила по полю, приговаривая: **раки-гдыки, хә-мацә** что означало «В локоть, пядень и пять пальцев». Это в том случае, если делали жертвоприношение, но если не делали, она наоборот, обходила поля, говоря: **нацәкьыс нацәкьыс** «с пальчик, пальчик», т.е. желала скудный урожай. Таким образом Џаџу представляли женщиной громадной силы и способностью дать обильный урожай на ниве и в огороде. Џаџе дают ее имя по внешнему облику, какой они ее представляли: низкорослая, плотная, коренастая. Здесь использовано обычное слово аџаџа, самостоятельно представленное в языке в этом значении; ср. **аџла џаџа** «раскидистое, развесистое, широкое дерево», ауаҩ џаџа «рослый, дородный, коренастый, широкий, крепкий человек» и т.д.

Афы – «молния», «божество молнии».

Первоначально это – название атмосферного явления, вспышка молнии, имитирующее мгновенно возникающую вспышку огня. Подтверждением могут служить звукоподражательные комплексы: уф, фу, афыр, аффа. В дальнейшем, в связи с тем, что она представляла собой угрозу для животных и людей (бьет и поражает), становится божеством, вводится в систему священнодействия.

Божество представляют как одну из могущественных, сверхъестественных сил, что породило множество образов, ритуалов, даже особую песню «афрашәа» – «песня божества афы».

Афы настолько грозен, что он не прощает не только несоблюдение ежегодных жертвоприношений и различных представлений, но и малейшее непочтительное проявление печали по человеку, убитому им. Поэтому человека, пораженного Афы, хоронили с песнями и плясками (Инал-ипа).

Ацәаԥәа – «радуга», «божество радуги».

Древние абхазы считали божество радуги очень страшным и мстительным, По их представлению, оно носится по небу, в облаках и кто грешит, того наказывает беспощадно – кого смертью, кого болезнью, порчей. Чтобы не прогневать это божество, тщательно выполняли все обряды, связанные с ним. Так, например, когда радугой окрашено небо, нельзя было трогать воду рукой, указывать пальцем на нее, палец мог высохнуть и т.д.

Его можно было, как и других, умилостивить только жертвоприношениями, молитвами. Жертвоприношение совершалось таким образом: в один из четвергов три или четыре женщины вели к реке больного и давали обет выполнить своевременно все установленные жертвоприношения, в залог этого обводили вокруг головы больного 5 – 6 аршин пестрого ситца. В следующий четверг те же женщины опять ведут к реке на то же место больного, одетого во все белое и т.д. (Инал-ипа).

Ацәаԥәа, на наш взгляд, расчленяется на цәа «поверхность (неба)» и ԥәа «дуга», т.е. «дуга на поверхности неба» и она первоначально не имела отношения к религии.

Ацқьа – «святой», «праведный», «морально, нравственно чистый», «безгрешный». Первоначально «чистый» в смысле «не грязный, открытый» (небо), «чистоплотный», соотносится со словом **ацеицеи** «сверкающий, чистый».

Как уже было сказано, согласно традиционной религии, общение с высшими силами, чистота и искренность являются совершенно обязательными и со стороны жрецов, и со стороны просителей. Кроме того, и жертвенные животные, и ри-

туальные блюда должны быть чистыми. По поверью абхазов святые – обычные люди, вознесенные на небо, обожествленные за святость их жизни на земле.

Ацқьа расчленяется на **ц** и **қьа.** Первый компонент **ц –** тот же элемент, что и в **амца** «огонь», связанный с звукоподражательным словом **ацеицеи** «блестящий», сверкающий, горячий, накаленный (о солнце) и т.д.

Слово ацқьа одинаково употребляется и в традиционной религии и в христианской: ацқьа ҭыц – священное, святое место (чистое), святилище, ацқьашә «ритуальный сыр», букв. «чистый сыр». **Ацқьа** «Святой Георгий» и ацсыцқьа «Святой дух» и д.р. Происхождение второго компонента қьа неясно.

Таким образом, **ацқьа** из **ц** и **қьа**, где **ц** означает «чистый», развившийся из значения «сверкающий, чистый» – **аценцеи.**

Амшацы – «пасха».

Первоначально – традиционный весенний праздник культа природы, умирающей и воскрешающейся, который соответствовал христианскому представлению об умирающем и воскрешающемся боге – Иисусе Христе.

В дохристианский период его праздновали как «Великий день обновления всего живого – природы, людей, животных», позже переоформился в христианскую пасху [Бжания, 1973:264]. Переводят его как «положенный (принятый) день».

Нанҳәа – «моление в честь матери плодородия земли». Состоит из **нан** «мать» и ҳәа от **аҳәара** «просить, молиться», букв. «моление матери (плодородия)».

Ацсцәаха – «смерть», мифическое божество, уводящее души людей. Состоит из ацсы «душа» и ацәаха **–** «силуэт, привидение, худой, хилый, истощенный», «скелет» [Шакрыл, 1987:41].

Ацхьа – «божество кошек», ср. **ацхьа уагааит** «чтобы тебя унес **ацхьа».** На наш взгляд, это слово звукоизобразитель-

ного характера, основанный на звуках, издаваемых кошками при определенной болезни (цхи, цхи). В таких случаях абхазы говорят: ацгәы ахәажьы иацхьоит – «кошка призывает свое тело (мясо и шерсть) к бдительности, не поддаваться болезни».

Ацшьа, ацшьара – «освящать», «креститься», ср. **апап ихы-иеы ицшьеит** «поп покрестил лицо». «Церковный обряд святости», «сделать почитаемым, священным». Первоначально данный термин был связан с традиционной религией абхазов. Как отмечает Г. Шакирбай, он связан с актом пролития крови жертвенного животного, которого перед закалыванием освящали. Оно происходило таким образом: жрец к святилищу подводил предназначенное к жертве животное (быка, козла, барана) и, произнеся молитву, три раза обводил вокруг святилища, затем только его закалывали. Далее, сняв шкуру с жертвенного животного, разделывали на куски и варили. Когда мясо было уже сварено, его части – сердце, печень нанизывали на специальный заостренный прут, и жрец **– ацшьафы** «святивший», взяв в руки, произносил молитву.

Г. Шакирбай ацшьа этимологизирует, на наш взгляд, справедливо, как «перед пролитием крови», из **ц –** перед, **шьа** «кровь». Впоследствии, после принятия христианства, в связи со схожестью этого обряда с христианским – причащение вином – кровью Христовой, этот языческий термин стал применяться с новым смыслом, в церковной терминологии **ацшьара** «святить», «креститься». Но кресту, символу и предмету христианского культа абхазы дали название ацьар – трехконечный дубовый знак, первоначально связанный с культом дуба и молнии, ветвь с развилкой, вырубленной жрецами в священной дубовой роще. После принятия христианства (V – VI вв.) этот термин в целом во всем Кавказе стал обозначать знак святости – четырехконечный христианский крест.

Заимствованная лексика, связанная с мусульманской и христианской религией в абхазском языке.

Как и во всяком другом языке, в абхазском языке немало заимствованных слов, главным образом из тюркских (турецкого) языков, а также картвельских и адыгских . Современный абхазский язык интенсивно обогащается заимствованиями из русского языка начался начавшимися со второй половины XIX века, вследствие чего по вполне понятным причинам прекратилось взаимовлияние кавказских языков друг на друга.

Турецкие лексические элементы, проникновение которых началось с XVI в., занимают в абхазском языке немалое место. Некоторые ученые полагают, что заимствования из турецкого начались еще раньше, с конца VII в., после захвата хазарами Северо-Западного Кавказа. Большинство заимствованных слов связано с проникновением и принятием вначале христианства а затем мусульманства абхазами.

Слова, связанные с христианской религией:

Адикуан – греч. atakoni «дьякон»

Аеклесиа – греч. eklesia «церковь»

Ақьырса – греч. kirse «рождество»

Акандал – греч. k’ andel «лампада»

Акьалантар – высокая свеча, зажигавшаяся во время поминок, греч. k’ ele p’ ter «то же». В абхазском языке получает и переносное значение – «высокий, стройный».

Слова, связанные с мусульманством:

Аҵсылман / абсылман – из тур. müslüman (араб. перс.) «то же»

Аҵьал – «смерть, смертный час» – тур. ecel (араб.) «то же»

Алаҳ – «бог», «аллах» – тур. allah (араб.) «то же»

Ахраҭ – «загробный мир, тот свет» – тур. ahretz

Бааирам – «праздник, торжество», – тур. bayram «то же»

Агәнаҳа – «грех» – тур. günah (перс.) «то же»

Адауы – «великан, гигант», «див» – тур. dev «то же»

Адин – «религия», «вера, вероисповедание» – тур. din (иран.) «то же»

Адоуҳа – «молитва, заклинание, переносно духовность» – тур. dua (араб.) «то же»

Аԥьаама – «мечеть» – тур. cami (араб.) «то же»

Агьааур – «окаянный», «неверный» – тур. ġavur (араб.) «немусульманин, неверный»

Аԥьанаҭ – «рай» – тур. cennet (араб.) (араб.) «то же»

Ԥьаҳаным – «ад» – тур. cehennem (араб.) «то же»

Аԥьын, аԥьныш – «бес», «демон», «дух» – тур. cin

Ақьаафыр – «мошенник», «каналья, бестия» – тур. kăfir (араб.) «то же»

Курбан – «праздник жертвоприношения» – тур. «то же»

Амаалыԥь – «ангел» – тур. melăik «то же»

Амест – «сафьяновые сапожки без подошвы, ношение которых было связано с омовением и обрядовым молением» – тур. mest (араб.) «то же»

Анаалет – «проклятие, анафема» – тур. nalet «то же»

Намаз – «обрядовая молитва» – тур. namaz «то же»

Аԥиамбар – «пророк», «ангел» – тур. peugamber «то же»я

Асарақь – «чалма», «тюрбан» – тур. saük «то же»

Асадаҟа – «милостыня» – тур. sadaka (араб.) «то же»

Атамчыҭ – «утренняя молитва» – тур. temcit «то же»

Аҭоуба – «клятва» – тур. tevbe «раскаяние», «покаяние, зарок»

Ауаз – «проповедь» (религиозная) – тур. vaiz «проповедь, наставление, поучение»

Ауычра – «пост» (религ.) – тур. oruc (перс.) «то же»

Ахәрҭлаҕь – «привидение, вампир, вурдалак»

Ахәаԥьа – «хаджа, мулла» – тур. hoca «то же» – тур. hoztlak.

Ақьафын – «белая ткань (в которую заворачивают покойника)», «саван» тур. kefen «то же»

Ашьаҳаиҭ – «святой мертвец, который встает по ночам из могилы и ходит, как приведение, делая добро» – тур. šehit

«мученик, павший за веру». В абхазском языке получает переносное значение «затянувшееся (дело)», ср. абыста шааҳаитҭхеит, «мамалыга не варится»

Аллаҳ-уҭаалаҳ – «Всевышний Аллах» – тур. taala «то же»

Ашыих – «мудрец», «Всезнающий» – тур. šeyh (араб.) «наставник», «глава ордена дервишей», «наставник, шейх».

Машьалаҳ – «не сглазить бы» – тур. maš allah «то же».

Литература

1. Ардзынба В.Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитания кузницы у абхазов) // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
2. Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухум, 1973.
3. Гублиа Р.К. Абхазо-адыгские этимологии. Сухум, 2004.
4. Иванов Вяч.Вс. Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским // Древняя Анатолия. М., 1985.
5. Инал-ипа Ш.Д. О генезисе образа Анцәа – Верховного Бога абхазов // Известия. Тбилиси, 1974.
6. Инал-ипа Ш.Д. историко-этнографические очерки. Сухум, 1965.
7. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухум, 1965.
8. Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов. М., 2001.
9. Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. М., 1983.
10. Шакрыл К.С. Словарь абхазского языка. Сухум, 1997.
11. К этимологии терминов традиционной религии абхазов // Первые международные Инал-иповские чтения. Сухум, 2001.

Клятвенная формула Уашхәа мақьапсыс

Уашхәа мақьапсыс употребляется как наистрожайшая клятвенная формула и, вообще, как некая сверхъестественная, ныне ясно не осознаваемая, священная мифическая сила. Сегодня мало кто знает его значение. Как отмечает Ш.Д. Инал-ипа, в народной памяти оно сохранилось в значительно стертом, трансформированном виде. Представлено и в адыгских языках **уашъхуэ/уашхъуэ** «о, небо», «клянусь», и в выражении **уашъхуэ мывашъхуэ ч/анэ** (фольк.) букв. «синее небо, кусок синего камня».

А. К. Шагиров адыг. **уашъхуэ / уашхъуэ** объясняет таким образом: уэ «небо» (ср. уафэ/уашъуэ «небо») и шъхъуэ / шхъуэ в значении «синий», букв. «синее небо», а клятвенное выражение уашъхъуэ, мывашъхуэ ч/ана (фольк.) – как «синее небо, кусок синего камня».

В убыхском языке уашхуэ наделяют несколькими значениями – «молния», «гром и молния», «бог» в смысле страшной карающей силы, «ей богу» и т. д. (Адыгские элементы, 45).

А.И. Абдоков полагает, что уашхъуэ /уашъхуэ и убых. уаба означают «бог /верховный»/, где элементы уа «шхъуэ, шъхуэ и ба этимологизирует как «большой», «великий» (Абдоков, 1973. С. 69).

А.К. Шагиров вслед за Койперсом абхазское уашхәа и осет. уасхо полагает усвоенными из адыгских языков (Шагиров 1977. С. 89). Балкаров адыг. уашъхо расчленяет на уа «град» и схау / шхъау «голубой». Деетерс данное слово сближает с хаттским (протохеттским) washab «бог» (Деетерс, 1963).

Ш.Д. Инал-ипа абхазскую формулу Уашхәа мақьапсыс разъясняет таким образом: **уа** от местоимения **уара** «ты», в качестве обращения, ср. Уа, анцәа «О, бог»; ш – «белый свет» и хәа «часть, доля, отпрыск, принадлежащий», которое в целом должно было означать «о, принадлежащий небесному свету (божеству)». А второй компонент мақьапсыс считает назва-

нием точильного камня для острорежущих предметов (клинков, мечей, кинжалов, шашек и т. д.) (Инал-ипа 1976). Если идти по этому пути, можно найти и другие значения составных частей Уашхәа, так, например, **Уа** «град», «непогода», ш «свет», хәа «серый», ср. ахәа «серый» (адыг. шхъо) и т.д.

В поисках объяснения этого загадочного до сих пор для кавказоведения названия мы обратили внимание на то, что уашхәа совпадает с названием пиратства – ашхәарра, идущего от названия пиратской лодки – ашхәа.

Обращает на себя внимание также то, что в абхазском языке эта клятвенная формула связана как-то с пытками, мучениями, насилием и с водой – это некая страшная карающая сила. В связи с этим мы полагаем необходимым обратиться к определенным реалиям в исторической жизни древних абхазов. Мы связываем ее с институтом пиратства, имевшим место, начиная с античных времен вплоть до начала 19 в., по своему названию совпадающее с названием рассматриваемой клятвы – ашхәарра «пиратство», идущее от названия пиратской ладьи – ашхәа.

Как историческое явление пиратство имело широкое распространение. Оно нашло отражение в устном народном творчестве, в героических сказаниях, в словарном составе абхазского языка, в поговорках, пословицах, фразеологизмах, например: Зашхәа уҭоу иашәа ҳәа « В чьей лодке сидишь, того песню пой»; ахәара ҧсакны аҕба дырҳәуан «держа тростник во рту, грабили корабли». Сюда же мы относим разбираемый нами фразеологизм Уашхәа маҟьапсыс. Но прежде чем дать его этимологию, необходимо более подробно ознакомиться с соответствующими реалиями.

В исторической жизни абхазского народа, издревле проживающего в непосредственной близости от моря, большую роль играло мореходство. Основными стимулами к развитию мореходства являлись, безусловно, экономические и культурные потребности. Абхазия во многом зависела от экспертно-им-

портной торговли: ввозили многие виды товаров, вывозили строительный лес, мед, воск, рыбу и т.д. Другим условием, поддерживавшим мореходство, являлись также пиратство и связанная с ним продажа пленных.

По сообщениям древних греков, абхазы занимались пиратством на Черном море. Они часто нападали на корабли, города и чужие территории. Так, Реклю пишет: «Абхазские суда, ходившие под веслами и под парусами, экипаж которых состоял из 200-300 человек, отваживались нападать на берега Анатолии, Крыма и Европейской Турции, вплоть до Босфора».

Абхазы занимались пиратством вплоть до начала 19 в. Так, например, в донесении на имя управляющего министерства иностранных дел графу Несельроде пишут: «Абхазы, народ, подвластный Турции, теперь уже в большом количестве имеют вооруженные лодки и производят около берегов разбои. Если новые сии корсары будут иметь для пристанища удобную Сухумскую и так называемую Бючвиндскую, то при равнодушии с нашей стороны к сему предмету в короткое время купеческие суда наши не будут сметь приходить в Редут-Кале». Пиратство начинает процветать в наиболее мрачный период работорговли, наступивший с установлением владычества турецких султанов, с 16 в.

Пиратство на море, так же как и набеги, являлись источником богатства, славы, мужества, главным образом, для добычи пленных. Захват пленных требовал больших усилий – схватить, связать, заткнуть рот «мячом» – **аҽаца.** Чтобы они не кричали, им тотчас же затыкали рты войлочными мячами с привязанными в них веревками, завязывавшимися на затылке. Отголоском этого является выражение: аҽаца уҽалама? «Будто рот заложили мячом, что молчишь?» Пленные продавались, превращались в рабов, а иногда за них брали выкуп. Самое страшное зло, которое могло постигнуть человека – это попасть в пиратскую лодку – ашхәа.

Главное место в пиратстве занимает термин ашхәа (отсюда и его название), первоначально представляемое собой выдолбленное из цельного ствола дерево обтекаемой формы. Внешне у судна нос и корма были острыми, изогнутыми, чтобы оно легко могло приставать к берегу любым концом. Встречались разных размеров, вместительностью 1-2; а затем 25-30, а то и 200-300 человек. По конструкции и назначению выделяются несколько видов судна, начиная от примитивных, выдолбленных из цельного ствола небольшого размера, как было указано выше, суднами с трюмом и парусным оснащением, и кончая более усовершенствованными типа триеров – аҧба. При этом как строительный материал использовались различные породы древесины, в основном хвойные деревья (сосна, пихта, кедр, можжевельник) и древесина, если это было необходимо, предварительно изгибалась и просушивалась.

Можно допустить, что слово уашхәа, представленное во фразеологизме уашхәа мақьапсыс – это пиратская лодка, изготовленная из цельного дерева, выжженная или выдолбленная.

Уашхәа расчленяется на уа «ты» (обращение), ш «полое, пустое, пространство», для семантики ср. ашҭа «двор» (пространство пустое без деревьев»), ахашҭра «забыть», букв. опустеть (о голове)» и др.; хәа от глагольного корня ахәара «согнуть» «изогнуть» Лодка получает свое наименование по своей форме: выдолбленное, выжженное (полое внутри), изогнутое.

Второй компонент формулы мақьапсыс состоит из мақьа от глагольного корня амақьасара «быть жертвой чего-либо, ср. аҳәызба уамақьасоуп «чтобы ты попал под нож» и вторая часть цс «душа», с – превратительный суффикс.

В целом, если сложить все части, то получим уашхәа мақьапсыс – «твоей лодке жертвенные души», т. е. пленных.

Таким образом, первоначальное значение данной формулы – это пожелание удачи в захвате пленных отправлявшимся на

пиратство, так же как пожелание удачи лицам, идущим на любое другое дело, ср. удырҩатә еиҧъхааит пожелание охотнику добычи, букв. «другой раз пусть будет лучше». В дальнейшем в связи с тем, что пиратство несло людям мучения, пытки, становится выражением проклятья, заклинания, клятвы.

В конце уашхәа должно было стать божеством наподобие названия молнии – афы, однако, как справедливо отмечает Ш. Д. Инал-ипа, судя по сохранившимся пережиткам, его эволюция не завершилась превращением его в бога в обычном смысле этого слова, как это произошло с **афы** «молния» – «божество молнии». Оно не является культом, не воздают особого почитания, но его очень боятся как разящую мстительную силу (Инал-ипа, 1976: 120).

С этой точки зрения обращает на себя внимание то, что уашхәа выступает то в виде божества, то в виде некой безличной силы. Так, например, это было единственной силой, которую боялась зызлан/зызлан «морская дева», клявшаяся только именем Уашхәа.

А. К. Шагиров относительно адыгского уашхъуэ /уашъхъуэ отмечает также, что у него нет значения бога, приписываемого ему даже в новейших работах. В связи с этим Деетерс, справедливо отрицает его сходство с хаттским, протохеттским Wašhab «бог» (Шагиров 1977).

В абхазском языке известны две разновидности точильного камня: амақьа – обычный, природный камень для домашнего пользования и амақьацсыс – более древний, специально приготовлявшийся для точения клинков (мечей, кинжалов, сабель).

Ш. Д. Инал-ипа приводит один из способов приготовления мақьапсыс – мягкого, гладкого камня. Из сердцевины ствола ясеня вытачивали миниатюрные брусочки соответствующей формы и зарывали глубоко в землю в течение 7 лет, после чего они становились готовы к употреблению, как точильные камни.

Безусловно, названия точильных камней амакьа, амакьапсыс соотносятся с глагольной основой амакьасара первоначально в значении «подвергнуть точению», букв. «пустить под точильный камень», а затем переносно – «мучить, изводить, разрушать, уничтожать». У абазин **уашхъуа** представлен в виде уашҳәа (вместо хуа – ҳәа), кроме того, его сопровождает вместо макьапсыс слово татартуп: Уашхәа татартуп, значение которого также утеряно. Ш.Д. Инал-ипа полагает, что, возможно, это связано с названием урочища у подножия Эльбруса, куда перед новым годом каждый кабардинец, желая иметь в течение года удачу, отправлялся молиться. В молитве произносились какие-то таинственные слова, а в знак посещения оставляли пули, ножи и др. Однако возникает вопрос, имеют ли отношение наши камни и клятвенная формула Уашхәа макьапсыс к адыгской *Уашъхъуэ мывашъхъуэ ч/ана,* где содержится также название какого-то камня – «синим небом и синим камнем клянусь».

Н. А. Членова возникновение адыгской формулы относит к киммерийской эпохе (VIII-VII вв. до н. э.). Киммерийцы, которых она рассматривает как одно из древнейших адыгских племен, имели в своем употреблении маленькие бруски серо-голубого камня, считавшиеся у них атрибутом Бога неба и грозы. Каждый киммерийский воин обладал этим камнем (Н. А. Членова, 1984).

С. Х. Хотко считает, что эти оселки были атрибутом бога неба, ибо имеется отдельно бог грозы – Шибле.

А не являлись ли эти камни первоначально средством точки (точения) клинков, затем включившиеся в систему священнодействия, вместе с почитанием культа меча, шашки, кинжала, клятвы оружием и т. д.

Оружие и доспехи представляли собой важнейшую ценность, с ним трепетно относились. И это отношение было сопряжено с наделением их мифическими легендарными функциями.

Как отмечает С. Х. Хотко, вначале, в древности, культ оружия был связан с мечом на всем Западном Кавказе, меч занимал ключевое положение в отправлении культа бога войны (Хотко, 2004).

В условиях войны было некогда устраивать сложные церемонии с культовыми сооружениями. Воины вместо этого просто втыкали клинки в землю и молились за успех, за победу, клялись его именем как богу. А остальные виды оружия – сабли, шашки, кинжалы, как он отмечает, пошли в употребление приблизительно в средние века (VIII в.). По всей видимости, и точильные камни – необходимый атрибут для точения клинков, тоже наделялись мифическими функциями, обожествлялись, возвеличивались вместе с оружием войны, прежде всего, с мечами.

Итак, признавая за существующими этимологиями право на существование, я предлагаю свою версию видения вопроса, согласно которому Уашхәа связывается с институтом пиратства, где, как и все что связано с ведением войны, мифологизируется, обожествляется.

То же самое происходит и с мақьапсыс из амақьа «точильный камень» и цсыс от слова апсасиира «смягчить», «подвергнуть обработке» (смягчению зарыванием в землю на 7 лет куска ясеневого ствола). В связи с этим можно допустить два варианта.

Учитывая, что и в адыгских языках клятвенная формула с **Уашхъо** содержит название камня (мыва) – **Уашхъо, мывашхо ч/ана,** абхазской формуле дать такое объяснение: Уашхәа мақьапсыс «Клянусь точильным камнем», как это делает Ш. Д. Инал-ипа. И второе объяснение – «чтобы я стал жертвой лодки (если говорю неправду)». При всех обстоятельствах эти значения связаны в основном с культивированием военного искусства на море, с институтом пиратства и вообще с войнами.

Литература

1. Абдоков А. И. Фонетические и лексические параллели абхазо-адыгских языков. Нальчик, 1973.
2. Балкаров Б. Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965
3. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухум, 1965.
4. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 1976.
5. Хотко С. Х. История Черкесии в средние века и в Новое время. Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004.
6. Членова Н. А. Оленные камни как исторический источник на примере оленных камней Северного Кавказа. Новосибирск, 1984.
7. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.
8. Шагиров А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1929.

Резюме

Уашхәа мақьацсыс употребляется как найстрожайшая клятвенная формула и вообще как некая сверхъестественная, ныне ясно не осознаваемая, священная мифическая сила. Как отмечает Инал-ипа, в народной памяти она сохранилась в значительно стертом, трансформированном виде. (Инал-ипа, 1976).

Представлено и в адыгском языках отдельно как уашъхуэ\ уашхъуэ, переводимое как «о небо», «клянусь» и в выражении Уашъхо мывашхъо чIана «клянусь синим небом, куском синего камня».

Возникновение этой формулы мы относим к эпохе языческого многобожья и связываем с культивированием военного искусства и всего, что было связано с войной – оружием,

доспехами т. д. Это было сопряжено с наделением атрибутов войны мифическими легендарными функциями, клялись ими, их обмен закреплял соприсяжные отношения между родами и т. д. В частности, сильно был развит культ меча: вонзание в землю и поклонение ему как богу (войны), клятва его именем.

Исходя из того, что первый компонент клятвенной формулы Уашхәа совпадает с названием пиратства – ашхәарра, идущего от названия пиратской лодки – ашхәа, полагаем, что первоначально – это название пиратской лодки, средства передвижения по морю, затем включившаяся в систему священнодействия с наделением его мифическими и легендарными функциями.

Однако так как пиратство было связано с пленопродавством, с самым страшным злом, которое могло постигнуть человека, ашхәа – пиратское судно – получает значение некой разящей страшной, карающей силы, проклятия. Оно становится самой нерушимой клятвой, настолько была сильна его сила: Уашхәа – значит «клянусь».

Второй компонент мақьацсыс можно объяснить двояко:

1) мақьапсыс – точильный камень особого приготовления (из бруска ствола ясеня, зарываемый в землю сроком на 7 лет для смягчения в противовес природному камню, амақьа «точильный камень».

Амақьацсыс состоит из амақьа «природный камень» и цсыс из ацсасиира «размягчать».

В этом случае Уашхәа мақьацсыс этимологизируется таким образом: «клянусь точильным камнем», ср. адыг. Уашхъо мывашхъо чІана «Синим небом, синим куском камня клянусь»;

2) мақьацсыс от глагольной основы амақьасара «быть жертвой чего – либо», ср. аҳәызба уамақьасоуп – «чтобы ты попал под нож», «чтобы ты стал жертвой ножа». Амақьацсыс, в свою очередь, распадается на амақьа – «природный точильный камень», цсы – «душа» и с – суффикс со значением дей-

ствия, букв. «подвергнуть точению, пустить под точильный камень», переносно: «мучить», «изводить, уничтожать, разрушать».

Таким образом, сложив все части формулы, получим: «твоей лодке жертвенные души», т. е. пленных, вначале как пожелание, затем приобретает значение проклятия, клятвы с учетом того зла, которое оно несло людям (пытки, мучения, потеря статуса пленных).

(Гублиа Р.К. К этимологии клятвенной формулы Уашхәа мақьацсыс // Абхазоведение. Вып. II. Сухум, 2000. С. 36).

Зиуоу – обряд вызывания дождя

Религиозные верования, абхазские культы, мифология представляют особую сферу духовной культуры народа.

Это древнейший пласт культуры, зафиксировавший мировоззренческий опыт народа. В нем накоплены уникальные эмпирические знания об окружающем мире, о происходящих в нем явлениях, о самовосприятии, о временных и пространственных представлениях и т.д.

Изучение этого древнейшего пласта культуры способствует глубокому пониманию истории и культуры народа.

В древности абхазы, как и все народы, были язычниками и поклонялись древним культам. Формирование пантеона божества ранних религиозных верований было тесно связано с условиями жизни человека, с обожествлением тех природных богатств и стихии, от которых зависела его жизнь.

Первоначально древние люди различали священную силу, заключенную в предметах природы, с внешней формой проявления, и поэтому в качестве главных объектов поклонения выступали сами предметы.

Предметы становились священными по разным причинам: главное – они должны были отличаться от себе подобных, должны были быть необычными по форме; форма, цвет, свойства должны были выделить их в ряду себе подобных. Таким образом, не всякий предмет становился священным. Со священными предметами древний человек связывал многое происходящее с ним. Он наделял их охранительными функциями, в его мышлении явления и предметы материального быта сопоставлялись, прежде всего, в ассоциативном плане. В частности, наблюдая причудливые скопления туч и облаков, составляли из них узоры и линии животных, растений, людей, великанов, духов и т.д. И люди наделялис магическими свойствами, которые особо выделялись, как было сказано выше, по своим размерам, цвету, местоположению, главным образом,

по общей конфигурации, чем-то напоминавшей человека или какое-либо животное.

Как известно, обряд вызывания дождя был распространен не только на Кавказе, но и в фольклоре многих народов мира. Примечательно и то, что у всех народов обряд справляли женщины. В связи с этим предполагается, что его возникновение относится к глубокой древности, эпохе матриархата (А.А. Чибиров).

Абхазский обряд вызывания дождя с помощью человекоподобной куклы представлен в нескольких вариантах. Первая запись была сделана С. Званба, а затем Н. Джанашия, Н. Патейпа, И. Джавахашвили, П. Чарая, Н. Марр, Г. Чурсин, Ш. Инал-ипа и другие.

Приведем описание обряда в том виде, как его дал С. Званба.

Совершая этот обряд, толпа сооружала из двух крестнакрест связанных палок или из деревянной лопаты, обмотанных тряпками, куклу, на которую надевали женское платье и повязывали платком. Одна часть отправлялась к речке и сооружала из ветвей плот, другая сносила к плоту сухую солому. После этого эту куклу сажали на ишака, покрытого белой простыней. Одна девушка поддерживала куклу, остальные, разбившись на две стороны, начинали шествие к месту, где был устроен плот и пели следующую песню

Зиуоу, Зиуоу, воду дождевую, маргаритку красную.

Сын владыки жаждет немного воды, немного воды,

Зиуоу, Зиуоу, зарикәакәа мыркылдыш, ах ипа дзышуеит: зы хәҷык, зы хәҷык.

Придя к плоту, снимали с ишака куклу, сажали ее на плот, зажигали наброшенную на нее солому, затем горящий плот пускали по течению воды, а ишака заставляли выкупаться в той же речке, и сами окунались в воду [Званба].

С. Джанашия само слово Зиуоу считает сложным, состоящим из азы «вода», уоу – ау от аура «иметь возможность достать что-либо». Отмечает также, что оно означает и «идти»,

относительно снега, дождя: акәа ауеит – «дождь идет». На основе этого слово Зиуоу переводит так: «тот, кто имеет воду, кто имеет возможность дать воду». Он приводит также свой вариант песни, распеваемой в этих случаях, записанной им в селе Атара:

Зиуоу, Зиуоу!
Зарикәакәа мыркылда
Ах ипа дзышуеит, зы иауам
Абжь – кәарак еимидоит
Зы ҳат, зы ҳат.
Зиуоу, Зиуоу!
(Ты) жемчужная дождевая вода!
Сын владетеля жаждет воды,
Вина не пьет, воды не достает,
Во всех семи ручьях ищет воды.
Дай воды нам, дай воды нам! [Джанашия].

Выражение зарикәакәа, по его мнению, означает «темная дождевая вода» зари вместо з «вода», кәакәа от ақәа «дождь темный». Однако в данных словах разные звуки: кәакәа – кә абруптивный, лабиализованный звук; в ақәа – глухой лабиализованный его вариант.

На наш взгляд, кәакәа – усилительная частица, употребляющаяся для усиления проявления качества, признака, действия, ср. ахаакәакәара «сладкая, сладкая», ашкәакәа «белый» и т.д.

Вцелом Зиуоу он описывает таким образом: большую куклу (почти в рост человека) насаживают на длинный шест, а во многих селах сажали на лошадь или на осла и с пением песни несли ее к реке. Все одеты празднично.

Подойдя к реке, опускают Зиуоу в воду и мочат его. При этом сами же толкают друг друга в воду в полном одеянии и мокнут. Кроме того, атарцы устраивают атыҩ, на котором разводится огонь, и пускают его по течению воды. По его предположению, это символ того, что настала такая страшная засуха,

что даже и вода горит. Это замечание, нам кажется, вполне вероятным.

В следующих записях исчезают из этого обряда плот, солома, покрывало, ишак.

Приведем один из самых распространенных вариантов.

К ручке деревянной лопаты прикрепляли немного ниже лопасти крестообразную палку, затем на приготовленную таким образом основу надевали женское платье. Лопасть оборачивали тряпками и на полученном подобии головы рисовали черным углём глаза, рот, нос и повязывали изображение головы платком. Затем две девушки брали к себе на плечи эту куклу и в окружении всех остальных девушек с песней Зиуоу отправлялись к реке. Они погружали куклу в воду, стараясь при этом столкнуть в воду и друг друга.

Песня, сопровождавшая этот обряд, также представлена в нескольких вариантах, в одних – это сын царя, в других – дочь царя.

Некоторые исследователи в начальных словах песни (Зиуоу, Зиуоу) видят имя божества или божественной силы, другие же – жертву, изображение человека, приносимого в жертву, от которого зависит дождь. В Зиуоу Чурсин объединяет бога и жертву, наделяя и жертву божественными атрибутами.

Зиуоу разные исследователи переводят по-разному: водяной воу! (И.Джавахишвили); дает воды (С. Званба); воды достать (С. Джанашия, П. Чарая); высыхает вода (Н. Марр), а по мнению А. Генко, этот обряд связан с анимистическими воззрениями древних абхазов на природу дождя. И слова песни переводит таким образом:

Рождается ли вода? Рождается ли вода?

Дожди водяного воинства, resp – божество

Зар подобна белому перламутру.

Приведем точки зрения еще нескольких исследователей по данному вопросу. По мнению Ш. Салакая, Зиуоу – посредница между теми, кто просит воду, и покровителем во-

дной стихии к земной женщине, которую символизирует кукла. С. Бганба осетинское (Зwar/ Зiwara) «крест», «святой», «святилище», «оспа» считает, что имеет отношение к абхазскому Зиуоу, к абазинскому Зиуара/Зыуара – название божества дождя. На наш взгляд, осетинское zwar «крест» идет от абхазского аԥьар, «крест», а не Зиуоу, это – разные термины. Абхазский аԥьар – первоначально языческий знак, связанный с культом дуба и молний, нательный знак – оберег от злых духов. С принятием христианства (IV – V в.) этот термин стал означать четырехконечный христианский знак. Затем он постепенно усваивается и другими народами, в том числе и осетинами. Связано это с тем, что христианство на Кавказе начинает распространяться с территории Абхазии (Абазгии). Как известно, уже в первой четверти IV в. одним из главных центров христианства на Кавказе становится Питиунт (Пицунда), где была учреждена епископская кафедра (Гублиа 2004:94).

В какое-то время обряд Зиуоу, полностью утратив свое магическое значение, стал веселым представлением. Дети наряжали в женское платье кочергу или лопату с поперечной перекладиной и ходили с ними, распевая песни. Сегодня данный обряд совершенно исчез и в этом виде забыт.

Обряд Зиуоу по форме и содержанию наиболее близко стоит к адыгскому ханцегуаше.

Одной из главных общих особенностей адыгского и абхазского обрядов является то, что они одинаково оканчивались обливанием водой и сбрасыванием в воду всех участников, в том числе и куклы. Некоторые, как отмечалось выше, этот момент объясняют как имитацию человеческого жертвоприношения, а другие считают, что обливание водой женщин является символическим действием языческого времени владыке туч. Чтобы умилостивить разгневанного владыку вод, в жертву ему бросали человека, а затем, чтобы не топить его, стали довольствоваться тем, что его только окунали, толкали в

воду. Обряд, как полагают, содержит магические действия, основанные на принципе подобия: собрание женщин было аналогично скоплению туч, а окропление водой было аналогично дождю.

Таким образом, так или иначе, этот обряд связывают с тучами, облаками (с предвестниками дождя), дождем.

На наш взгляд, происхождение культа Зиуоу связано с обожествлением кучевого облака или тучи, принявших человеческий женский облик, от которых ждут дождя, несущих дождь.

Таким образом, кучевое облако или тучу наделяют сверхъестественными свойствами и делают объектом религиозного культа, т.е. превращают в божество вод, властительницу водного мира. Иначе рождение вод как не от божества им необъяснимо. Что касается куклы, то это срисованное с этого божества изображение, его подобие (женский облик с носом, со ртом, с глазами) и как всякое изображение, изваяние – неподвижное, молчаливое, отрешенное.

Данное объяснение подтверждает и структура слова Зиуоу-Зиуоуа, которое распадается на зи и уоу-ууа – определительное словосочетание, где и означает «рождающая воду», из з «вода», и от глагольного корня аира «рождать», ср. ажьи «кузнец» ахьи «золотых дел мастер», а уоу-уоуа «отрешенный, неподвижный, безжизненный», характеризующий ее облик, ср. дуауаза дгылоуп «стоит отрешенно, молчаливо, неподвижно». В этом же значении может выступать и само слово в целом: дзиуоуза дгылоуп - «стоит отрешенно, неподвижно».

Таким образом, если сложить все части слова, то получим: «рождающая воду, отрешенная, неподвижная, молчаливая». Здесь можно привести незабвенные строки поэта: «Изображение языческого божества и в ликах их печать недвижных дум» (А. Пушкин).

У абхазов многие божества не имеют изображений, но те, которые имеют, как бы скопированы с человека. Так, напри-

мер главное божество, всевышний творец природы и людей Анцәа, представляют в виде молодого красивого мужчины или седого старца с длинной бородой.

А это не результат ли той же причудливой игры туч и облаков, принявших облик длиннобородого старца?

По понятиям древних абхазов, земные божества созданы для покровительства людей Всевышним, верховным божеством, повелителем, вседержателем мира.

(Гублиа Р.К. Зиуоу – обряд вызывания дождя // Труды АГУ. Сухум, 2008.)

Термины родства

Как известно, терминология родства рассматривается в двух аспектах: в лингвистическом и социальном. Как явление лингвистическое номенклатура родства – объект исследования языкознания, и, следовательно, она должна соответствовать морфологической структуре отдельных языков; как социальное явление, выражающее существующие родственные отношения – объект этнографии. В терминах родства, с одной стороны, отражается архаический слой языка, с другой – социальные отношения в минувшие стадии развития общества. Анализ терминологии родства в сочетании с данными этнографии показывает, как изменялись первичные термины, а вместе с ними и осмысление их. Следовательно, в одни и те же термины в разные эпохи развития семьи вкладывались разные понятия, тем самым, выражая различные этапы развития общественных отношений.

Термины родства абхазов в свете проблем исторического, лингвистического, этнографического характера рассматривали многие авторы, в частности, Н. Марр, И.А. Джавахишвили, С.Н. Джанашиа, К.В. Ломтатидзе, К.С. Шакрыл, Ш.Д Инал-ипа, Н.С. Державин, Г.В. Рогава, В.Х. Конджария, А. Шинкуба и др.

Н.С. Державин, учитывая значение терминологии родства в выяснении эволюции брачно-семейных отношений, впервые обращается к ним в статье «Абхазия в этнографическом отношении» [Державин, 1907, с. 12]. Он устанавливает, что современной абхазской семье предшествовала т.н. большая семья или семейная община, состоявшая из 8-10 отдельных малых семейств, что указывало на то, что у абхазов при жизни родителей сыновья обыкновенно не отделялись. По его мнению, свидетельством тому могут служить некоторые термины родства, например, как *дад-ду* (dad-du) «большой дед», *нан-ду* (nan-du) «большая бабушка» и др. Ш.Д. Инал-ипа также при-

водит ряд специальных терминов и выражений, связанных с большой семьей: аҭаацәа ду (ataac°a du) «большая семья», аҭаацәа *ду рчуан* (ataac°a du rčuan) «котел большой семьи», аҭаацәа ду рымца (ataac°a du гəмса) «огонь большой семьи», «очаг большой семьи» и др. Раздел большой семьи происходил тогда лишь, когда она неимоверно разрасталась так, что приготовление общей пищи для такого большого числа членов семьи становилось невозможным [Инал-ипа, 1954. с. 185]. Семейный раздел аиҿыцра (ajcᵊ.əc.ra) начинается в порядке старшинства в малые семьи – аҭаацәа хəыҷы (ataac°a x°čə). Родственные семьи называются амца еиҟəшаз (amca ejq°zᵊaz) «разделившие огонь» или архныҵьна еиҟəшаз (arxnəʲna ejq°zšᵊaz) «разделившие, перерезавшие надочажную цепь». В результате раздела из одного большого семейства могут образоваться одна или несколько семей, а каждая из них, в свою очередь, в дальнейшем образует новые семьи. Таким образом возникшая родственная группировка ближайших по крови семей называется абицара (abipara) «поколение», букв, «отца сыновья» [Инал-ипа, 1954]. Из совокупности таких абицар (abipar) образуется, в свою очередь, аиашьара (ajaš'ara) «братство», а совокупность аиашьара (ajaš'ara) образует ажəла (az°la) «фамилия, род, порода». Эти братства, происходившие от одного предка, населяли одну территорию, называемую аҳабла (ahabla), ср. адыг, habl «то же» и ацуҭа (acuta) «поселок» [Инал-ипа, 1954. с.186]. Другим общим термином родства является ашьҭра (a š'tra) в значении «родословная», «родня».

В указанной работе Ш.Д. Инал-ипа представлен полный перечень терминов родства (свыше 70). Среди них имеются названия, выражающие как более общие понятия, так и конкретные, причем большинство из них носит описательный характер.

По особенностям морфологической структуры термины родства подразделяются на три категории: элементарные, со-

ставные и описательные. В абхазской системе терминов родства по морфологическим особенностям обнаруживаются все три категории. Элементарными, первичными терминами родства являются – *аб* (ab) «отец», *ан* (an) «мать», аԥа (apa), «сын», *ашьа* (aš'a) «брат». Составными, состоящими из элементарного термина и детерминанта являются: аԥха (apha) «дочь», *аиашьа* (ajaš'a) «взаимно брат», аиаҳәшьа (ajah°š'a) «взаимно сестра», амаҳәыла (amah°əla) «свояк», *ацала* (acala) «свояченица». К описательным относится большинство терминов, представляющих собой комбинацию двух и более элементарных терминов родства, связанных атрибутивными отношениями: *абиашьа* (abiaš'a) «дядя» букв. «брат отца», *аншьа* (anš'a) «дядя», букв. «брат матери», абиаҳәшьа «тетя», букв. «сестра отца», анлаҳәшьа (anlah°š'a) «тетя», букв. «сестра матери» и др.

В этнографии принято выделять родство трех категорий: кровное, свойственное и фиктивное (искусственное, духовное).

Основными терминами кровного родства принято считать: отец, мать, сын, дочь, сестра, брат..., которые на ранних стадиях развития человеческого общества могли иметь более широкие групповые значения, а затем в моногамной семье приобретать узкое значение родных по крови [Морган, 1934, с. 251]. Свойственное родство, как известно, создано на основании брачных норм и отношений, для обозначения отношений свойства (родственников мужа и жены). Каждый родственник одного из супругов для другого супруга и его родственников является свойственником [Семенов, 1974, с. 6]. Для обозначения отношений свойства существуют также особые термины (муж, жена, зять, невестка, золовка, деверь, тесть, теща и др.).

Искусственное родство – это родство, возникающее в силу усыновления, кумовства, аталычества, побратимства и др. Все три категории, названные выше, образуют систему терминов родства.

Как известно, употребление различных терминов для выражения одинаковых родственных отношений при непосредственном обращении родственников друг к другу и при упоминании их в третьем лице легло в основу образования двух видов терминов: вокативных, или терминов обращения, и референтивных, или терминов обозначения. Референтивные термины отражают дифференциацию родственников и показывают родственные связи и степень родственной близости, т.е. они более наглядно отображают структуру родственных отношений; представляют собой систему терминов обозначения отношений социального родства. Вокативные термины отражают систему терминов обращения, используемую при прямом обращении, определяют нормы поведения одних родственников по отношению к другим в зависимости от места, занимаемого ими в родственной структуре.

Приоритетными считаются референтивные термины. Однако полагают, что вокативные термины родства в определенных случаях отражают более древние ступени развития общества.

В абхазском языке образование вокативных форм с помощью притяжательных аффиксов – явление обычное, однако некоторые термины обладают и особыми вокативными формами:

Референтивные	**вокативные**
аб (ab)«отец»	баба (baba)«папа»
ан (an) «мать»	нан (nan) «мама»
абду (abdu) «дед»	бабаду (babadu), даду (dadu) «дедуля»
анду (andu) «бабушка»	нанду (nandu), нану (nanu) «бабуля»

Абиаҳәшьа (abjah°š'a) «тетя (сестра отца)» хәшьаду (h°š'adu) анлаҳәшьа (anlah°š'a) «тетя (сестра матери) – ҳәшьаду «тетя (большая сестра)».

анхәцҳа (anx°pha) «золовка» ҳтыцҳа (htəpha) «наша дочь».

Основная цель данного исследования – этимологическая разработка наиболее важных терминов родства, из ряда непрозрачных, неясных, но в ряде случаев рассматриваются и вполне этимологически ясные, прозрачные термины, имеющие параллели в родственных языках. Также в работе пересматриваются термины, уже не раз становившиеся предметом этимологического анализа, однако воспринимаемые автором как неприемлемые или малоубедительные.

Термины кровного родства. У абхазов родственные отношения выступают в самх разнообразных формах, но исключительным своеобразием отличаются отношения, основанные на признании своего происхождения от общего предка и на родстве более широких масштабов. К их числу относятся, как уже отмечалось выше, ажәла (aћ°la) «фамилия, род, порода», ашьҭра (aš'tra) «родословная, происхождение», абицара (abipara) «сыновья одного отца», аешьара (aeš'ara) «братство», *ауешьара* (aueš'ara) «однофамильцы», аҭаацәа (ataac°a) «семья» и др. Рассмотрим некоторые из них:

Ажәла (až^{ə}la) «семена» «фамилия, род, порода». Расчленяется на *жә* (ž^{ə}) «скопище, сборище (предметов, лиц)», «густо, плотно, много, множество» и окаменелого суффикса совместности *ла* (la), ср. атәыла (at.°əla), из атәы (at°ə) «собственность, л(la) «совместно» букв. атәыла (at.°əla) «совместная собственность», агәыла (ag°ə1a) «сосед» из агәы (ag°ə) «сердце-близко», букв. «близко, совместно состоять» [Гублиа, 2000, с. 93]. Для семантики жә (ž^{ə}), ср. ажьымжәа (amž^{ə}a) «кисть, гроздь (винограда)», амжәа (amz°a «тутовое дерево, плод дерева», букв. «плотно, густо, усаженные крупинки ягод (на одной кисти)», ажәпа (až^{ə}pa) «густой», ср. ашәпа «толстый», амажәа (ama ž^{ə}a) «тесто», букв. «нечто густое».

Ашьҭра (aš'tra) «родня», «родословная». Состоит из шь (aš'tra) «кровь» и суффиксоида ҭ(t), широко представленного

в словообразовании со значением «направление действия с одного места в разные стороны». Функционально эквивалентно русской приставке рас // раз. Таким образом, ашьҭра (aš’tra) первоначально означало: «кровь распространить в разные стороны». Для семантики ҭ (t) ср. его значение в словах: абгьаҭра (aby’atra) «разгребать в разные стороны», азҭра (aʒtra) «растаять», букв. «вода в разные «стороны». Данное слово приобретает и переносное значение «посылать куда-либо».

Аиашьара (ajaš’ara) «братство», из аи (aj) суффикс взаимности и шьа (š’a) «брат», букв. «взаимное братство».

Аҭаацәа (ataac°a) «семья». Расчленяется на ҭаа (taa) от глагольной основы аҭаара (ataara) «посещать и цәа (c°a) показатель мн. числа, букв. «посещающие». Объектом посещения можно предположить «огонь, костер, очаг» или «трапезу, общий стол». Компонент цәа (c°a) проливает свет на социальную сторону возникновения данного понятия. Он связывался не с отдельным человеком, а с группой людей, однако, как очевидно, не в современном понимании семьи, члены которой связаны отношениями родства (мать, отец, дочь, брат), а имелась в виду группа, толпа людей, постоянно собиравшихся вокруг огня или стола. Глагольная основа аҭаара (ataara), от которой произошло разбираемое слово, в свою очередь расчленяется на ҭ (t) «место» и аара (аага) «приходить», букв. «приходить к месту (к очагу, огню, столу)», соответственно производное от него слово первоначально с ударением на втором слоге аҭаацәа (ataac°a) должно было означать «посещающие», а затем уже с ударением на последнем слоге аҭаацәа ataac°ă) приобретает значение «семья». Данное слово, надо полагать, появилось еще тогда, когда не было каких-либо форм семьи и брака, возможно, в шельско-ашельскую эпоху, когда люди объединялись в дородовые эндогамные коммуны, состоявшие из небольших групп в несколько десятков человек, со своими вожаками, сообща владевших огнем, определенными орудиями, территорией, осуществлявшие коллективно орга-

низованную охоту. А затем уже в мустьерскую эпоху начинает приобретать значение «семьи» [Анчабадзе, 1964, с. 20].

Ан (ап) «мать», вокативная форма нан (nan) «мама», адыг. an гӑnə «то же». Принято считать, что эта лексема из детской речи [Абаев, 1958, с. 148]. Представлена в самых различных языках, как родственных, так и неродственных: груз, (мегр.) *nana !* nena, чеч. na; инг. na; дарг. ana «мать», «бабушка». Ср. также хетт. anna «мать», лат. anna «кормилица», удмур. anaj «мать», тюрк. ana «то же».

Некоторыми исследователями делается попытка объяснить его на том или ином языке. В частности, М.А. Хабичев полагает, что в тюркских языках an «мать» и его разновидности ən, ын первоначально состояли из ai + n, əj + n, ыj + n, где n – имяобразующий аффикс, что могло означать «тот, который создает человека». Таким образом, по его мнению, корневым, несущим основное знаменательное значение является компонент aj, əj, ыj, связанный с якутским, означавший «создавать человека» [Хабичев, 1981, с. 104].

Однако по материалам абхазского языка знаменательной корневой частью все же является компонент **н(n),** ср. глагольное образование *анра, анызаара* (anra, anəzaara) «находиться, располагаться на горизонтальной поверхности, обитать (в мире) «существовать»: *адунеи данып* (adunei danup) «он обитает, существует (в мире)». Таким образом, *анра, анызаара* (anra, anəzaara) обитать, существовать > **ан** (an) «дающая бытие, жизнь, существование» → *ан* «мать».

Аб (ab) «отец», **баба (baba)** – вокативная форма «папа». На наш взгляд, исходным значением данного термина было «большой», стало быть, самый сильный, крепкий в стаде, в группе, в коллективе, в семье. Подтверждением может служит слово аб (ab) в значении «козел – вожак» (самый большой, сильный), *абаҩь* (abay') «нехолощенный козел», «козел-производитель», ср. также ахыб (axəb) «крыша, кровля», абырг (abərg), «пожилой, почетный старец», абаа (abaa) «крепость

(большое, крепкое)». В адыгских языках термин звучит иначе: адыг, тә, каб.dә.

К.С. Шакрыл полагает, что данное слово в древнем абхазском языке употреблялось в значении «производитель», т.е. человек мужского пола, а также самец некоторых животных и птиц, ср. в современном абхазском *алаба* (alaba) «кобель», *аеаба* (ačəaba) «конь», букв. «лошадь отец», *арбаҕь* (arbaγ) «петух». Однако значение «производитель», «самец», надо полагать, выражает элемент ҕь (γ) от слова *аҕьа* (aγ'a) «самец (производитель)», а не **6(b).**

Ацҳа (apha) «дочь», ср. адыг. рх'°ә, убых рхьй «то же». Расчленяется на ц(р) – словообразовательный аффикс и ҳа (ha) – от глагольного корня *аҳара* «разрастись, увеличиться, пустить корни», букв. «способствующая разрастанию (родства)». Соответственно адыг. **рх'°ә** «дочь» должно восходить к **хах'°ah** (с превербом хӑ**)** в значении «расти, увеличиваться», ср. убых. **хә** «то же».

В специальной литературе абхазо-адыгские формы получают различные толкования. Н.Ф. Яковлев адыг. слово **рх°ә** делит на префикс **р** и **х°ә** «самец», который возводит к **х°ә** «спеть, зреть, созревать» [Яковлев, 1948, с. 261]. Р.В. Рогава адыг. рх°ә «дочь» членит **на р,** который считает экспонентом грамматической категории вещей и **х°ә,** по его мнению, означающий «мужской пол», ср. адыг. **х°а – I'fәγā** «мужчина», букв. **х°а** «мужского пола» I'fәγā «рожденный» и увязывает с абхазским ҳә (h°), присутствующим в словах *ашаҳәшьа* (ajah°ša) «сестра», *аԥҳәыс* (aph°әs) «женщина» [Рогава, 1956, с.33].

Н. Марр абхазскую морфему ҳа (ha) сближал со сванской xw bjexw, xexw «женщина, жена» и она образовалась, по его мнению, из сложения ц(р) в значении «сын», «дитя» (без различия пола) и *ҳа* (ha) показателя женского пола [Марр, 1938, с. 43]. С ним солидаризируется А.Н. Шагиров, допуская, что ц(р) в адыгских языках в значении «сын» может быть утрачен как самостоятельная лексическая единица.

Аиашьа (ajaša) «брат», абаз. ашьа (aš’a). Состоит из **аи (aj)** – префикс взаимности – и шьа (š’a) от ашьа (aš’a) «кровь», букв. «взаимно общая кровь», «брат для брата», «брат для сестры». В адыг.: q°ažᵊ «брат»; адыгейск. žᵊ «брат», sžᵊa «мой брат»; каб. zžᵊ «друг другу братья есть». В хакучинском говоре адыгейского и в бесленеевском диалекте кабардинского языка элемент žᵊ представлен в виде аффрикаты čə//čᵊ(ə). Н.Ф. Яковлев полагает, что это результат перехода čᵊ в č. Однако, как отмечает Г.В. Рогава, для адыгских языков характерен обратный процесс, т.е. спирантизация аффрикат. В связи с этим исходным видом в этих терминах считает šᵊ → šᵊ, а абхазский корень **шь (č)** в слове *аиашьа* (aja ља) и адыг. льᵊ (-и) в словах q°ᵊšᵊ «брат», šᵊ «то же», равно как и в абхазском *аиаҳəшьа* (ajah°š’a), в адыг. льᵊəрх° «сестра» принято считать разными корнями [Рогава, 1956, с. 65]. Если абхазское **шь (š’)** означает «кровь», то льᵊ в адыгских языках, по мнению большинства ученых, означает «родня, сородич». На наш взгляд, абх. **шьа (**š’a**)** и адыг. š’ᵊг – варианты одного и того же корня **ашьа (a**š’**a),** выражающие родственные значения: «одна кровь», «кровное», «родня», «сородич».

Аиаҳəшьа (ajah°š’a), абаз. ah°š’a «сестра». Расчленяется на *аи* (aj) – аффикс взаимности, основы ҳə (h°) «таз» и шьа (š’a) «кровь». Морфема ҳə (h°) представлена и в слове ацҳəыс (aph°əs) «женщина», связанная с физиологическим свойством женщины – с ее предназначением рожать детей и элемента **шьа (š’a)** «кровь», «общая кровь» – «брат», букв. «сестра (для брата)», в адыгских языках льᵊəрх° рсчленяют на льᵊ тот же элемент, что в слове «брат» льᵊə, и рх° «дочь». На наш взгляд, абх. š’a и адыг. льᵊə – варианты одного и того же корня, тем более, что данное звукосоответствие наблюдается и в других группах слов. Восходят к слову *ашьа* (asᵊa), «кровь»: *шьа* (š’a) / (šᵊə) в значении «общая кровь», «родня», «сородич». Иначе невозможно объяснить, откуда изначально значение адыг. льᵊə «родня, сородич», если оно не связано с абхазским корнем *ашьа* (aš’ a) «кровь».

Ахәҷы (ах°č.ə) «маленький». Состоит из ахә (ах°) – тот же элемент, что и в слове *ахәамҷ* (ах°amc), «туловище, корпус тела» и ҷы (č.ə) «маленький», букв, «маленькое туловище, маленький корпус тела, тельце».

Ачкәын (ač.k°ən) «мальчик». Из ҷ(č.) «маленький», кәы (к.° ə) «корпус тела», «пазуха» и **н(n)** – суффикс со значением времени, срока[Л] ср. аԥхын «лето», букв. «время тепла», азын (азən) «зима», букв. «время сырости».

Термины свойственного родства. Для обозначения отношений свойства существуют также особые термины: тесть, теща, свекровь, свекор, зять, золовка, деверь и др. Свойственное родство складывается в результате бракосочетания неродственных лиц. Брак представляет собой акт, посредством которого происходит породнение не только двух семей, но и двух родов. В результате родственных связей, возникших посредством брака, происходит сближение отдельных родов. У абхазов свойственное родство обозначается термином *абхәараа* (abx°araa), «отцы, отцовство», «родство со стороны зятя и со стороны невесты». В основе свойственно-родственных терминов лежат основы *ахаԥа* (ахас.а) «муж, мужчина» и *аԥҳәыс* (аph°əs) «жена, женщина», бзыб. *аԥҳәыс*’ (aph°əs’), абаз. ph°əs, убых. арх’eš’ то же. В адыг. х’°|fəy, Ļ’ə «мужчина», bzəl’fəy, fəz, с. əх°bz «женщина», |’ə, / с. əх°bх’° «муж», s’°əz / fəz «жена».

Ахаԥа **(ахас.а)** «муж, мужчина, герой». Расчленяется на **ха** «главный, глава»: ср. *ахада* (axada) «глава, предводитель, вожак» и *ҷа* (с.а) и *ҷа* «основа, дно», ср. *аԥа* «то же».

Аԥҳәыс **(аph°əs)** «жена, женщина», из ԥ **(р)** – словообразовательный аффикс и ҳə **(h°)** «таз», «часть тела ниже талии», ср. убых арх’əš’[ə], где рх’е также означает «таз» и с(s) – уменшительно-ласкательный суффикс, давший ž[ə].

Данный термин связан с особенностями женского тела, с ее физиологическим свойством – рожать детей.

Абхәа **(абх°а),** анхәа (**апх°а)** «свекор, тесть, теща, свекровь». Из *аб* (ab) и ан (an) «отец и мать» с прибавлением *хәа*

(х°а) от *ахәа* (ах°а) «кривой», те. непрямой: букв. «отец кривой», «мать кривая», т.е. «непрямые» [Шакрыл, 1971, с. 93].

Амаҳә (amah°) «зять». Расчленяется на *ма* (ma) – словообразовательный аффикс и *ҳә* (h°) от глагольного корня *аҳәара* «сватать», букв. «некто сватающий».

Некоторые исследователи этот термин сближают с адыг. малъхъă | махъулъа «то же». Исходной формой принято считать мах°|'ă с лабиализованной формой. Н.Ф. Яковлев адыг. форму членит на **м(m)** и **х'**ə «сеть» «вязать» и |'ə «кровь», букв. «род», «связующий по крови (свой род с родом жены)»; доказательство первичности примачества при матриархате [Яковлев, 1948, с. 273]. Г.В. Рогава членит его на *ма* (ma) – окаменелый показатель класса вещей; **х'°ə,** увязываемый с каб. адыг. **х'°**ə «самец» «мужского пола» и |'ə. Последний сближает с абхазским *ашьа* (аљ'а) «брат», «кровь» [Рогава, 1956, с. 33]. В абхазском языке наличествует производное от него слово для обозначения понятия «свояк», «муж сестры жены»: *амаҳәыла* (amah°əla), из *амаҳә* (amah°) и ла (la) – суффикс совместности, широко используемый в словообразовании, ср. *амҩала* (amw°ala) «спутник», *ацала* (acala) «свояченица», *алахәла* (alax°la) «половинщик (по ниве)» и др.

Как очевидно, последнее слово амахәыла (amah°ə1a) наиболее близко к адыгскому м**ах'°1ă.** Возможно, здесь имеет место внутригрупповое заимствование (из абхазского в адыгейский), именно абх. *амаҳәыла* (**amax'°ə1a),** но не в своем значении, а в значении «зять»: абх. **amah°əla** «свояк» → адыг. махъулъг «зять», ибо все объяснения, даваемые на основе адыгского материала, маловероятны (см. свыше). Для образования же слова «свояк» в адыгейских языках, соответственно, к слову махъулъа добавляется показатель совместности у: махъулъау.

Атҷаца **(ataca)** «невеста, невестка». Расчленяется на ҷа (ta) – локативный аффикс, ср. его присутствие в словах *атҷаацәа* (ataac°) «семья», *атҷып* (atəp) «место», абаз. **ata** «то же».

Второй компонент *ца* (ca) связан со словом *ацара* (acara) «идти». Таким образом, данное слово этимологически должно было означать: *атаца* (ataca) «невеста», букв. «к месту (в семью) идущая».

Абхәында (abx°ənda) «деверь, шурин». Состоит из *абхәа* (abx°a) «свекор, тесть» и *нда* (nda) от глагольного корня *андара* (andara) «провести, протянуть, приобщить кого-чего-либо с чем-либо», букв. «протянутый, приобщенный к тестю (свекру)».

В адыгских языках данное слово имеет основу: pš'əq° (ps'əq°a) «деверь», где pš'ə «свекор» и q°a сын, букв. «сын свекра», а в каб. s'əq°s'.ala «шурин».

Анхәцха (anx°pha) «золовка», свояченица», из *ан* (an) «мать» и цха (pha) «дочь», букв. «дочь матери». В адыг. pš'әрх'° (ps'әрх'°) «золовка», букв. «дочь свекра».

Аца, ацала (aca, acala) – «жена одного из братьев по отношению к другой, жены братьев по отношению друг к другу». Первоначальное значение **аца (aca)** «сопутствующая (кому-чему-либо)», ср. значение **ца (ca),** выражающей категорию союзности «вместе с кем-чем-либо»: *ацура* (ajcura) «совместно делать что-нибудь», *ацира* (ajcira) «родиться одновременно».

Анцса (anpsa); абцса **(abpsa)** «мачеха, отчим». Состоит из **ан (an), аб (ab)** «мать», «отец» и элемента цса **(psa)** со значением «замена, заменяющие», ср. *аҧсахра* (apsaxra) «заменить», букв. «вместо матери и отца» [Шакрыл, 1971, с. 90]. То же самое в адыг. языке **adăp.ăs, tənăpas** «отчим», nəăăpas anănap.ăs «мачеха». Первичным значением элемента цса (psa) было «стоимость», «достоинство», «цена», ср. *аҧсара* (apsara) «стоить (о цене), быть достойным», «заслужить».

Аншьа (anš'a) «дядя по матери». Из **ан (an)** «мать» и **шьа (š'a)** «брат» букв, «матери брат», а форма «*аианшьа*» (aianš'a), букв, «дядя (для племянников)». В адыг, anāš^{ə} «родня матери». Расчленяют на **anā** «мать», š^{ə} из q'°š^{ə} «брат» (в адыгейском – «фамильный брат») и š^{ə}ə рх'° «сестра», s^{ə}ə «брат» [Шагиров, 1977, с. 61].

Ацҳәызба (aph°əzba) «девушка», «девушка на выдании», из *аԥҳәыс* (aph°əs), где s → z и ба (ba) от абара «видеть», «смотреть», что должно было этимологически означать «девушка для смотрин». По той же модели построено и слово арцызба / арбысба (c → z) (arpəzba | arpəsba), из арцыс (arpəs) «юноша» и абара (abara), «видеть, смотреть», букв, «юноша для смотрин». Тот же компонент ба (ba), надо полагать, содержится и в словах *аиҳабы* (ajhabə) «старший кого-либо» (брата, сестры) и *аиԥбы* (aic.bə) «младший кого-либо». Таким образом, данные слова расчленяются *аиҳабы* (ajhabə) на аи (aj) – префикс взаимности ҳа (ha) «выше, старший» и ба (ba); *аиԥбы* (aic.bə) на аи (aj) – префикс взаимности, ԥ (c.) «ниже, младше» и того же ба (ba) «смотреть, видеть».

Ахла (axla) *аихла* (ajxla) «свахи» «матери жены и мужа по отношению друг к другу». Состоит из х, содержащегося в названиях молока и молочных продуктов и ла (1a) – аффикса совместности, ср. *ацала* (acala) «жена брата по отношению к жене другого брата», ср. *амаҳәыла* (amah°əla) «свояк» и др. Таким образом, слово ахла (axla) этимологически означало «соучастники по вскармливанию (молоком)».

Термины искусственного родства. *Аазара* (aazara) «аталычество»[3] – древний институт искусственного или молочного родства в Абхазии. В абхазском языке оно именуется словом *аазара* (aазага) – «воспитание» или *ахашатəра* (axasᵊat.°ra), букв. «подвергаться разделению грудного молока» (между родным и приемным сыном). Сущность аталычества состояла в том, что дети представителей высшего сословия по традиции передавались на воспитание в крестьянские семьи до определенного срока, затем их торжественно возвращали в отчий дом. При этом между семьями воспитанника и воспитателя устанавливались тесные родственные отношения, ничем не уступавшие обычному естественному родству.

[3] Аталычество – производно от «аталык» «воспитатель», тюркского происхождения.

Дети воспитателя становились молочными братьями по отношению к воспитаннику, что обязывало его в дальнейшем оказывать помощь, поддержку, покровительство им в случае необходимости. Такое родство в народе очень высоко ценилось, ибо в лице высшего сословия они приобретали покровителей. С другой стороны, высшие сословия благодаря этому обычаю приобретали зависимых людей и преданных союзников, что позволяло им усилиться экономически и политически [Иналипа, 1965, с. 481].

Этот институт, в свою очередь, породил множество терминов родства, большинство которых сегодня уже не функционирует.

Ахашатəра (axašəat.°ra) «молочное родство». Из *ахш* (axš^{ə}) «молоко», ша (šəa) «делить» от *ашара* (aš^{ə}ara) «то же», тə (t.°) «сделаться, подвергнуться», в целом означает «подвергнуть разделению молока». Естественно, кормилицей могла быть только мать грудного ребенка, которая одновременно должна была кормить как своего ребенка, так и чужого.

Мбадлацса (mbadlapsa) «штраф за недосмотр». При недостаточном внимании с точки зрения родителей к воспитанию их сыновей или дочерей, аталык (воспитатель) должен был заплатить штраф за недосмотр ребенка. Естественно, родители при этом забирали ребенка. Расчленяется на м (m) – аффикс отрицания, ба (ba) от абара (abara) «смотреть», да (da) – аффикс лишения, л(1) – аффикс наращения и *ӈса* (psa) «стоимость, цена». Сегодня этот термин употребляется в значении «недосмотр вообще», ср. *мбадлаӈса* дычмазаѡхеит (mbadlapsa dəčmazaw°xeit.) «из-за недосмотра заболел».

Аазара (aazara) «воспитывать», «отдать на воспитание». Расчленяется на аа – преверб направления оттуда-сюда (к говорящему лицу), за – корень от слова аза «пядь» – «мера длины», «предел чего-либо», ср. его корреляты: *аѡазара* (aw°azara) «достичь предела вверх», *алазара* (alazara) «достичь предела вниз», *аназара* (anazara) «достичь предела ту-

да». Однако из них значение «воспитать, воспитание» приобретает только лишь форма с аа – преверба направления от третьего лица к говорящему лицу. Таким образом, слово *ааза́ра* (азара) этимологически означает достичь предела → довести до определенного срока (до совершеннолетия) → воспитать» [Гублиа, 2002, с. 50]. Производными от него являются *аззеи* (аззɛj) воспитатель, (-ница); кормилец, (-лица); *аназзеи* (anaззɛi) «кормилица», *абаззеи* (abbaззɛi) «кормилец, воспитатель».

Ахамҭа **(ahamta)** «подарок», (которым одаривали родители ребенка воспитателей), из аҳ (ah) «князь», мҭа (mta) «дар» – самостоятельная лексическая единица *амҭа* (amta), ср. Анцәа *имҭоуп* (Anc°a imtoup.) «дар от Бога».

Слово *амҭа* (amta) обладает целым рядом значений [Хеция, 1988, с. 40]. Н.В. Аршба слово *аҳамҭа* (ahamta) переводит как «подарок царя (князья)» [Аршба, 1979, с. 35]. По мнению А.Д. Хеция, этот компонент восходит к глагольному корню, представленному в словах *арҳара* (arhara) «заработать, приобрести, увеличить» *ахәҳара* (ax°hara) «покупать», *ахаҳара* (axahara) «пойти на пользу» и др. [Хеция, 1988, с. 40]. Сегодня это слово обозначает «подарок, дар вообще», а не дар конкретного лица.

Ацаҕа **(асаɣа)** «мать воспитанника по отношению к кормилице». Отсюда и слово *цыҕрацара* (сәɣасага) «возвращение воспитанника в родительский дом, к родной матери».

Ш.Д. Инал-ипа в слове *ацаҕа* (аса) ца (са) сближает с *аца, ацала* (acal, acala) «жены братьев по отношению друг к другу». От слова *ацаҕа* (асауа) «мать воспитанника» образовано и слово *цаҕра* (саɣра) «взятие (возвращение) воспитанника к утробе, из которой он вышел». Слово ацаҕа мы расчленяем на ца (са) – показатель категории союзности в значении «сопутствовать, сопровождать», для семантики ср. *ацыфа* (асәfa) «нечто сопутствующее главной еде (мамалыге, хлебу) и ҕа (ɣа) «утроба» (аҕра). Таким образом, слово *ацаҕа* (асаɣа) этимоло-

гически означало: «сопутствующее утробе матери (или кормилицы)» (см. выше).

Ахәӈҳа (ахәpha) «воспитанник». Расчленяется на ахә (ах°) «доля» и цҳа (pha) «дочь», букв. «доля дочери, предназначение дочери».

Термин присутствует и в адыгских языках, однако с некоторым семантическим сдвигом: **х'°рх'ā** «многообещающий, имеющий хорошие задатки», «отличающийся хорошим поведением». А.К. Шагиров разъясняет его как образование от глагола х'°n «делаться, становиться» посредством суффикса **рх'ā** со значением материала, предназначенности, в свою очередь восходящим к именной основе рх'č «дрова» «древесина», на основании чего абхазскую и абазинскую формы относит к адыгизмам [Шагиров, 1977, с. 25].

Агандал (agandal) «прислужник воспитанника» Ш.Д. Инал-ипа об этом пишет так: «Некоторые высокопоставленные родители вместе с ребенком отправляли к аталыку также одного или даже двух людей зависимого от их сословия, которые оставались при них у аталыков на весь период воспитания. Это мог быть и один из молочных братьев, главная обязанность которого состояла в том, чтобы сопровождать воспитанника во всех его бесконечных разъездах, прислуживать ему, быть телохранителем, стремянным и т.д.». *агандал* (agandal) производно от *аган* (agan) «бок, сторона», да (da) в значении «связывать, приобщить, связанный», ср. *аимадара* (aimadara) «соединить что-то с чем-либо», *аѡнадара* (awnadara) «приобщить к дому», л(1) – словообразовательный суффикс. В целом слово *агандал* (agandal) этимологически означало «находящийся рядом, под боком», переносно *агандалеира* (agandalejra) – «бездельничать», «бродить без дела».

Абзыцәашьа (abzəc°aš'a) «молочный брат воспитанника», *абзыцәаҳәшьа* (abzəc°ah°ъ'a), «молочная сестра», ср. *анабзытӈ* (anabzət) «приданое», ср. груз, namzitevi «то же». Здесь в обоих словах один и тот же элемент бз (bz) в значении блажен-

ствовать», ср. *абзабаа* (abzabaa) «блаженство, жизнь (хорошая)», *абзаҳәра* (abzah°ra) «приветствие пастуху: «да пасется твой скот благополучно». Сюда же относится и слово *абзиа* (abzia) «хороший».

В целом термин разложим на следующие компоненты: *абзыцәашьа* / ҳәшьа ((abzəc°aš'a / h°š'a) бз – «блаженствовать», цә (c°) «сосать», *шьа, ҳәшьа* (љ'a h°љ'a) «брат, сестра».

Ахаазала (axaazala) «родной ребенок кормилицы». Кормилицей могла быть, как отмечалось выше, естественно, только кормящая мать, и она должна была одновременно кормить и своего, и чужого ребенка, но все же предпочтение отдавалось при этом воспитаннику, а собственный ребенок становился как бы второстепенным [Инал-ипа, 1965, с. 482], что хорошо отражает и данный термин. Он расчленяется на ха «верх, сверху, поверх», за «воспитывать, л(1а) – суффикс совместности, букв, «поверх воспитуемого».

Литература

1. Абаев В.И. Историко-этимилогический словарь осетинского языка. Л., 1958. С. 148.
2. Анчабадзе З.В. История и культура Древней Абхазии. М., 1964. С. 20.
3. Аршба Н.В. Динамическое ударение и редукция гласных в абхазском языке. Тбилиси, 1979. С. 35.
4. Гублиа Р.К. Абхазский язык и его место среди других кавказских языков // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Сухум, 2000. С. 86.
5. Гублиа Р.К. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских яхыках. Сухум, 2002.
6. Инал-ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954. С. 186.
7. Инал-ипа Ш.Д Труды. Сухум, 1988.
8. Ковалевский М.М. Очерки происхождения и развития

семьи и собственности. М., 1939.
9. Крюков М.В. К методике сбора полевого материала по системам родства // СЭ, 1967, №6.
10. Морган Л.Т. Древнее общество. Л., 1934.
11. Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. М. – Л., 1938.
12. Рогава Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских языках. Тбилиси, 1955.
13. Хабичев М. А. Карачаево-Балкарское именное словообразование. Черкесск, 1981.
14. Хеция А.Д. Неологизмы в абхазском языке. Тбилиси, 1988.
15. Шакрыл К.С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми, 1971.
16. Шакрыл К.С. Некоторые лексические и звуковые соответсвия в абхазско-адыгских языках. Сухум, 1968.
17. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л., 1998.
18. Гублиа Р.К. К этимологии некоторых терминов родства. Абхазо-адыгские этимологии. Сухум, 2004. С. 119.

К этимологии социальных терминов в абхазском языке

Как и у всех других народов, в определенный период исторического развития у абхазов появляются сословные категории.

Этому вопросу посвящено немало работ, однако до сих пор остаются неразрешенными вопросы: когда появились царские и другие роды, более знатные, менее знатные, что лежало в основе приоритета тех или иных родов – насилие или завоевание, богатство или праведность.

В данной работе мы касаемся этого вопроса в связи с лингвистическими проблемами, а именно с историей семантического развития морфем, в частности, морфем (а)ч(а), (а)х(а), представленных в важнейших сословных терминах: аҳ – «господь, владыка, вожак, владетельный князь, удельный князь», ацсҳа – «господь, царь абхазов» и ч(а) – в княжеских фамильных именах – Ачба, Чачба. В данном случае особый интерес вызывает схожесть морфем: х(а) в аҳ , ацсҳа и ч(а) в Ачба, Чачба. Возникает вопрос: случайна ли схожесть данных терминов? Ответ на этот вопрос можно найти у Аристотеля, который отмечал: «Если два явления называются словами, образованными от одного корня, это служит надежным свидетельством наличия внутренней связи между данными явлениями. Языковые явления обязательно должны выражать связи реальной жизни».

Как известно, в образовании слов участвуют уже существующие в языке словообразовательные морфемы со своими основными и производными значениями. А это дает возможность в большинстве случаев безошибочно раскрывать значение неизвестных этимонов. При этимологизации каждое слово в языке обязательно должно быть отнесено к тому или иному словообразовательному типу, при этом определяется из каких частей оно состоит, поэтому необходимо группировать

слова по составу морфем. Морфемы выделяются в слове на основании сопоставления тех слов, в которых представлены одни и те же морфемы. Однако здесь может возникнуть немало трудностей. Известно, что в процессе исторического развития языка структура слова может измениться в результате морфологических процессов, важнейшими из которых являются опрощение и переразложение. Опрощение – результат слияния аффиксальных морфем с корневыми, переразложение – перемещение границы морфем. Но эти процессы в большей степени характерны для флективных языков, а в агглютинативных – слабее, что выражено в самом названии – агглютинация – «склеивание». Но это не значит, что в агглютинативных языках, каковым является и абхазский язык, структура слова не меняется. В процессе развития языка многие морфемы утрачивают свое значение в том или ином слове, становясь неразложимыми, или же вовсе выпадают, ср. абх. абла – ала «глаз», где корневая морфема б от глагольной основы абара «видеть» выпадает, ее функцию принимает суф. общности, совместности ла, для семантики ср. ее функцию в словах: амҩала «спутник», атәы-ла «страна», букв. «собственность совместная», ашыла «мука», из ш «белое», ла «совместно» и др.

В подобных случаях и требуются этимологические изыскания. Морфемы могут образовать целые группы производных слов, объединяемых по одному определенному признаку в противовес другим признакам, в совокупности которых дается имя тому или иному предмету, явлению, качеству, действию.

Искусство этимолога заключается именно в том, что он находит то связующее звено, которое позволяет говорить об общности происхождения. Однако прежде чем начать этимологический анализ, необходимо тщательно ознакомиться с экстралингвистическими данными – историческими, этнографическими, фольклорными, на фоне которых лучше понимаются раскрываемые этимологии. А. Мейе считал, что нельзя понять язык, не имея представления об условиях, в которых

живет народ, говорящий на этом языке. Этим объясняется, что этимология зиждется не только на лингвистических, но и экстралингвистических факторах, т.е. на конкретных достижениях носителей языка в этих областях. В этом отношении весьма интересна история семантического развития морфем ч(а) и х(а), составляющих основу вышеназванных социальных терминов. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

Морфема ч(а). Как показывает анализ фактического материала, морфема ч(а) представлена в целом ряде слов с одним и тем же значением или с родственными значениями. На наш взгляд, самое древнее основополагающее значение выражено в глагольной основе ачара «питаться, насыщаться». Абхазский язык этим словом сохранил следы того далекого времени, когда всякая совместная еда, трапеза-пир, праздник, свадьба были связаны с разными верованиями, с обрядами, ритуалами, с божествами, с духовностью, где главное место отводилось жертвоприношению богам, для умилостовления их, «первоначально возможно жертвоприношение самки промыслового зверя, считавшейся самой древней формой жертвоприношения» [Акаба, 1984:113]. Морфема ч(а) встречается в целом ряде слов с сохранением инвариантного значения или связанными с ним однородными значениями: ачара «питаться, насыщаться», ачачара «молотить пшеницу», ача «хлеб», «пшеница», ачсиҵьыка «хлеб-соль», ачыс «пища, еда», из ч от ачара «питаться, насыщаться» и с – превратительный суф., букв. «превращенный в еду, в качестве еды», ачыҵъ «крошки еды», ачабаба «буханка хлеба», букв. «пышный хлеб», ачаз «солома», ʻача «перепела», ʻачарах «вожак перепелов», ачаса «кусок хлеба», из ача «хлеб» аса «кусок» от глагольного корня асара «резать» букв. «отрезанный хлеб», ачаҵь «лепешка», из ача «хлеб», ҵь от аҵьра «жарить», ачма «калым, дар жениху», букв. «для питания», ачыргә «вымя», букв. «вздутое», ачаала «коса», ачамха «ложка деревянная» из ча от ачара «питаться» и ха тот же

элемент, что в амҳацә «ложка», амҳац «лопатка для мамалыги», из мҳа «поднимать», букв. «то, чем поднимают еду»; ачалтра «бороновать», из ача «хлеб, посев», л – суф. со значением «однородная среда» и т – «раскрошить, разрыхлять»; абчараҳ «вожак охотников, меткий стрелок»; ахьча «пастух» – ахьчара «пасти», из ахь локативный префикс, ачара «питать, кормить», букв. «кормить на определенном месте». Пастушество как род деятельности было связано также с проблемой охраны скота от хищных зверей и скотокрадов, отсюда и значение ахьчара-ахьча «не только кормить, но и охранять, оберегать, защищать, караулить».

Так как пастухи, как правило, были вынуждены длительное время находиться вне общества в труднодоступных горных пастбищах, они становились отсталыми, что в целом отражалось на их статусе (умственно отсталые, ни в чем не разбирающиеся). Однако вторичное значение ахьча «защитник» получает высочайший статус – «защитник родины», в противовес другим однородным значениям – «караулить, охранять, сторожить (определенный объект)».

Можно привести еще ряд слов, соотносящихся с ачара «питаться», например, амч «сила» (результат питания), ачра «опухать, вздуться», ачгара «поститься», букв. «убрать, лишить питания», аķамчы «кнут», из ķа, ср. апķара «бить, резать», амч «сила», букв. «сильно бьющий», ачҳара «терпеть, накапливать что-то», ʻача «перепела», букв. «пухлое», ач’ара «свадьба», ачацара «приготовление пищи», «ковать, состряпать нечто плохое», «чеканить, создать нечто», ачаķәа «куча, горка, копна», ачақы «карманный ножик, используемый во время еды для разрезания мяса и др.

Итак, морфема ч(а) во всех своих проявлениях обнаруживает связь с ачара «питаться, насыщаться, опухать, вздуться, налиться силой»...

И наконец, остается рассмотреть фамильные имена Ачба, Чачба, объединяемые морфемой ч(а). Здесь возникает ряд во-

просов: случайна ли их схожесть, связаны ли они с основой ачара «питаться, насыщаться»?

Согласно некоторым преданиям князья Ачба и владетельные князья Чачба когда-то были жрецами Дыдрипшского святилища в селе Ачандара, которое функционирует и поныне. В Абхазии известно немало святилищ, связанных с почитанием гор, лесов, отдельных деревьев, рощ, породивших немало ритуалов, обрядов, в которых отразились различные верования. Все эти святилища обслуживались специально выделенными жрецами. Жрецы выбирались народом из особо отличившихся своей праведной жизнью. Жрец должен был знать все обряды, ритуалы, заговоры, молитвы и т.д. Среди этих святилищ особое место занимала гора Дыдрыпшь в селе Ачандара. Описанию, изучению святилища на горе Дыдрыпшь немало работ посвятили этнографы – А.Н. Введенский, А.П. Пасхалов, И.С. Уварова, Т.Ф. Чурсин, Ш.Д. Инал-ипа, Л.Х. Акаба, А.Б. Крылов и др.

Причиной почитания горы Дыдрыпшь послужило то, что, по представлению абхазов, она имела свое божество – Аныпсныха, распоряжавшееся атмосферными явлениями – громом, молнией, грозовыми силами, со стихией огня, в связи с чем Аныпс приобретает и функцию божества войны. По представлению абхазов, божество Аныпс также оберегало народ от войны: «оно не допускало врагов дальше своей вершины, отражая их наступление невидимой рукой (устраивало перестрелку без войны, без участия войск со стороны абхазов)» [Пасхалов, 1874:141]. В самом наименовании горы Дыдрыпшь отражена связь ее с громом и молнией, с грозовыми силами, со стихией огня. Слово Дыдрыпшь исследователями переводится по-разному: Н. Джанашия –как «гром благословенный», из адыдра «греметь», ацшь «благословенный», Г. Шакирбай – как «святилище громов», Л. Акаба – «громов владение». На наш взгляд, последнее наиболее соответствует действительности. Эта святыня была наделена такой свято-

стью и в то же время такой грозной силой, что никто не мог близко подойти к ней. Для этого было выбрано место пониже ее расположения для моления, жертвоприношения, присяги, различных обрядов. Аныпсныха имеет также несколько этимологий: Н. Джанашия рассматривает как «Икона души матери», полагая, что это место усыпальницы, Г. Чурсин – как ан «мать», псы – «умершая», ныха – «икона», букв. «Успение богоматери», Л. Акаба – как «богиня-мать, покровительствующая людям, зверям, птицам, растениям, плодородию, т.е. миру природы». Со святыней горы Дыдрыпшь была связана сложная система обрядов, руководителями которых выбирались жрецы, отличавшиеся высокой честностью и справедливостью. В преданиях называются несколько жреческих фамилий, в первую очередь, Ачба, Чачба, а затем позднее назначенный ими жрец из фамилии Чичба, еще одна схожая фамилия из сословия ашьнаҟәма. По мнению Г.Ф. Чурсина, все имеющиеся святыни в Абхазии первоначально были родовыми, каждый род имел на своей территории священный пункт, где совершались родовые моления. Со временем святилища сильных и влиятельных родов могли приобрести характер общенародных святынь. Такой святыней, по его мнению, сделалась и святыня Аныпсныха горы Дыдрыпшь для бзыпских абхазов. Таковыми могли стать и другие родовые святыни, в частности, в Самурзакани общенародной стала святыня Илор [Чурсин, 1957:19]. Так как некоторые ветви Ачба и Чачба родом из села Ачандара, можно предположить, что первоначально Дыдрыпшьская Аныпсныха была их родовым святилищем, в котором они и выполняли жреческие обязанности. Жрец – это человек, который выполняет обязанности посредника между божеством и людьми и испрашивает у этих божеств необходимые для людей блага. По представлению абхазов, благодаря общению с богом (божествами) они сами становятся святыми, обладающими определенными божественными силами. По мнению Л.Х. Акаба, впоследствии это дало им возможность

занять высшее место в социальной иерархии, став господствующим сословием: Ачба «князь», Чачба «над князем князь». Наличие морфемы ч(а) в трех фамильных именах – серьезный довод в пользу связи между ними, основой которой должна являться жреческая функция [Акаба, 1984: 109].

Показателями процесса перерастания жреческой власти в социальную могут служить различные молитвенные формулы, завершающие слова жреца во время различных ритуалов, упоминающих фамильные имена Ачба, Чачба: Абри агәи агәатцәеи еиԥкьа – еиԥцәа еизшаны, Ачбеи Чачбеи аласырчаааанза Анцәа шәимшьааит – «Пока я, разделив на части сердце и печень этой жертвы, не накормлю Ачба и Чачба, будьте во здравии». Эта формула говорит о сходстве их функции, которой обладали обе фамилии. Надо полагать, она возникла позже, когда жреческие функции ими были переданы другим фамильным родам, скорее всего, роду Чичба, а сами уже были правителями. На это указывает также и формула проклятия: Ачааи Чачааи ирхылацшхә илахь уоуаааат – «Да обрушится на тебя гнев того, кто оберегает род Ачбовых и Чачбовых». В молитвенных и клятвенных формулах фамилия Ачба всегда упоминается первой. Об этом красноречиво свидетельствует пословица, и по сей день бытующая в народе: Ачба умҳәакуа Чачба узҳәом – «Не сказав Ачба, не скажешь Чачба». И это, как отмечают исследователи, имеет историческую почву. Вначале жрецами святилища были Ачба, затем ответвленный от них род Чачба, с которым и связано перерастание жреческой власти во владетельскую [Акаба, 1984: 108]. В более позднее время, как уже говорилось выше, владетельные князья сами стали назначать жрецов святилища Аныпсныха на горе Дыдрипшь, дав им фамилию, схожую со своей – Чичба. Появление во всех этих фамилиях морфемы ча может уяснить лингвистический материал. Впервые к языковому материалу обратилась Л.Х. Акаба, связав морфему ча в данных фамилиях с глагольной основой ачара «питаться, насыщаться», широко

представленной в религиозных верованиях абхазов. На наш взгляд, Л. Х. Акаба совершила научный прорыв в разрешении данной проблемы, но с сожалением приходится констатировать, что это положение не было воспринято другими учеными и было предано забвению. Однако как известно из истории религиозных верований абхазов, все обряды, ритуалы, моления с древнейших времен были связаны с жертвоприношением различных животных, а как полагает Л. Х. Акаба, первоначально самок промыслового зверя, что всегда заканчивалось совместной трапезой, пиром, праздником, т.е. ачара «питаться, насыщаться», «пир», «свадьба». Подтверждением может служить и тот факт, что в бзыпской Абхазии вместо ашәарацара «идти на охоту» употребляли аначара ацара «идти есть, насыщаться самкой», отсюда и образование фамильных имен Ачба, Чачба, магически обеспечивавшие плодородие, благополучие, благосостояние, питание (жизнь) в начале в качестве жрецов, а затем правителей, удельных владетелей [Акаба, там же]. Абхазы верили не только верховному богу – Анцәа, но и второстепенным со специальным назначением божествам, ведавшими на земле различными сторонами жизни, обеспечивавшими существование человека. В связи с этим они считали нужным и необходимым жертвоприношениями задабривать их. При этом жертвоприношение производилось по особой для каждого божества обрядности. Соответственно люди, руководившие ритуалами, жертвоприношениями, жрецы, посредники между божествами и людьми получают свои фамильные имена – Ачба и Чачба, букв. «кто дает возможность питаться, насыщаться (жизнь)» или же как «обеспечивающие питание, защиту, благополучие, плодородие». Ср. значение ча в слове ахьчара «защищать, охранять, оберегать, пасти» и др.

Итак, абхазский языковый материал дает возможность расшифровать данные фамилии таким образом, но этому противостоят в большей степени народные предания, где среди противоречивых версий преобладает иноземная версия проис-

хождения, также как и всему абхазскому народу присваивается миграционная версия: из Малой Азии, Ближнего Востока или Египта. Князьям Ачба чаще приписывается северокавказское происхождение, однако в некоторых версиях с оговоркой, что это абхазы, вернувшиеся в поисках своих древних корней [Инал-ипа, 198:310].

А фамилия Чачба, по некоторым фольклорным преданиям, более позднего происхождения, она была дана Ачбовцами, когда они накрепко обосновались в Абхазии в результате того, что Аԥсҳа «царь» (грек) оставил им эту землю и одного молодого человека, а сам вернулся в Грецию. Молодой человек во всем помогал Ачбовцам для управления Абхазией. Впоследствии он стал незаменимым человеком, как защитник, помощник людей, снабжающий их продуктами питания, одеянием и др. Впоследствии он стал известным в народе под именем Чачба по аналогии с фамилией Ачба, которых он превзошел во всем. По некоторым преданиям, абхазские цари были из фамилии рода Ачба, предшествовавшие по времени появлению позднефеодальных владетелей из фамилии Чачба-Шервашидзе, которые становятся правителями Абхазии во времена Давида Строителя.

Имеется также версия: Шервашидзе – ставленник иранского царя по имени Шах-Шарун, заменивший по просьбе абхазов прежнего владетеля своего – Ачба.

По некоторым грузинским летописям, хроникам первые сведения об абхазских княжеских фамилиях Ачба, Чачба, грузинские формы Анчабадзе, Шервашидзе относятся к периоду грузинского управления, это период формирования абхазского феодализма. О появлении этих родов имеются разные версии. По одной из них грузинский царь Давид Строитель дал Абхазию в удел роду Шервашидзе, одному из потомков Ширван-Шаха, династии Ширванского княжества. До этого эриставами были князья из рода Ачба-Анчабадзе. По другим версиям, в период царствования царицы Тамары князь Датаго

Шервашидзе, первый исторически известный Шервашидзе, был назначен в Абхазии потомственным эриставом. Некоторые род Шервашидзе связывают с родом Геч/чеч из Джигетии. А по легендам они – потомки Прометея [Кудрявцев, 2009:137].

В Картлис-Цховреба «Жизнь Картлии» дается материал о политическом положении Абхазии первой четверти VII в., где говорится о том, что первый абхазский царь Леон I был Багратидом (вопреки народным преданиям), потомком царицы Елены, который получил от Ираклия – византийского императора звание куропалата, считавшегося в Византийской империи одним из почетных. По мнению Кудрявцева, Картлис-Цховреба – это фамильная хроника, и вполне понятно, что эта хроника хотела видеть во всех владетелях свою кровь, и она находила ее в грузинских, армянских и византийских, в том числе и абхазских царях. Однако и до составления хроники Багратидов в XI в. Абхазия уже была более крупным государством, чем другие закавказские. Составитель хроник Сумбат нашел кровь Багратидов и в Леоне, успешном царе, желая польстить современным ему Багратидам, которые в то время царствовали в Грузии. Картлис-Цховреба написана, заключает Кудрявцев, частью, чтобы создать грузинскую историю, недостаток которой в то время сильно чувствовался в народе, но главным образом, чтобы возвеличить царствовавших в то время в Грузии Багратидов, придать их правам историческую санкцию [Кудрявцев, 2009:130].

К.Д. Кудрявцев, поддерживая безусловную аборигенность, предлагает свою версию происхождения фамилии Ачба, Чачба, которых возводит к разным линиям Леонидов – первых абхазских царей (Леон I, Леон II, Феодосий, Константин, Георгий, Феодосий Слепой). По его мнению, абхазское происхождение их подтверждается, как показывает вся история Абхазии, тем, что чужой иноземный род не мог удержаться и главенствовать столь длительное время в стране. А грузинскую форму Шервашидзе объясняет стремлением господству-

ющих классов несамостоятельной страны, какой была Грузия, перенять обычаи, нравы, одежду, фамилии и имена страны, от которой находилась в зависимости [Кудрявцев, 2009 (1922): 136]. Однако предлагает и другой вариант. Разрозненные грузинские племена (картли, мегрелы, имеретинцы, гурийцы, кахетинцы, аджарцы), терпя постоянные набеги абхазов, окрестили их правителей за национальные качества народа или их правителей – Шервашидзе, что означает – «сыновья (род, фамилия) с пути доблести (храбрости)», т.е. «доблестный род, храбрая фамилия» из Шара «путь», ваша «доблесть», дзе – суф. Однако, как известно, в дальнейшем династия Леонидов сходит со сцены. Вот как описывает эти события Кудрявцев: «Это было связано с тем, что последний обладатель Абхазского царства Феодосий Слепой умер бездетным. Единственным наследником Абхазского царства оказался Баграт Багратиони по линии матери Гурандухт – дочери абхазского царя Георгия и сестры Феодосия Слепого. Баграт Багратиони был наследником Тао-Кларджетского царского дома в Юго-Западной Грузии. И он выступает в качестве царя объединенного Абхазо-Картлийского царства. Таким образом, смещается династия Леонидов в Абхазии на Багратидов, ибо воцарение Багратиони на абхазский престол означало не просто смену одного лица другим, а оно несло смену династии, и дальше – больше: с момента воцарения Баграта начинается царствование в Абхазии чуждой стране и ее интересам династии грузинских Багратидов» [Кудрявцев, 1929 (2009): 130-131]. С X-XIII вв. Багратиды именуют себя царями абхазов и картлийцев, но с первых дней сказывается проникновение грузинского влияния. А в 994 г. Баграт II соединяет все свои владения в одно и свою столицу переносит в Уплис-Цихе. После этого Абхазия постепенно превращается в отдаленную заброшенную провинцию Грузии. В это время и зарождается феодальный строй, появляются владетельные князья, которые разрозненно ведут войны с иноземцами, и друг с другом за

первенство в стране. Грузия, сама ослабленная нашествиями внешних врагов и разрозненностью своих частей, не смогла удержать их. Первая попытка отделения от Грузии и создания самостоятельного царства была предпринята владетельными князьями Чачба. Но это произошло позднее, когда Грузия распалась на отдельные царства: Кахетию, Картли, Имеретию и пять княжеств, в числе которых была и Абхазия. Абхазия стала небольшим княжеством с феодальным строем, терпя нападки со всех сторон внешних врагов, соседних племен, к которым присоединялись также междоусобные столкновения князей за первенство в стране. Это продолжалось вплоть до присоединения Абхазии к России в 1810 г. [Кудрявцев, 2009 (1922): 140].

Привилегированные фамильные имена Ачба и Чачба упоминаются и в некоторых адыгских преданиях, в виде Аче и Чаче, что свидетельствует о их древности и связанности. По одной из версий, записанной К.Ф. Сталь, дворянство у адыгов ведет свое начало от двух братьев Аче и Чаче, при этом указывается, что род Аче выше, чем Чаче [Ссылка на К.Ф. Сталь делается по Ш.Д. Инал-ипа, 2002:172]. Исходя из того, что основа данных фамилий ачара «питаться, насыщаться» отсутствует в адыгских языках, можно допустить, что здесь налицо абхазское заимствование.

Морфема ҳа/аҳ. Связана по своему значению с размножением, увеличением, распространением, ростом, разрастанием. Широко используется именно в этих значениях. Прежде всего, это глагольная основа аҳара, в которой выражено самое древнее основополагающее значение «свить, сплести, пустить корни, ткать». В сочетании с различными компонентами развивает те же значения в том же направлении, ср. азҳара «расти, увеличиваться», азырҳара «приумножить, увеличить», арҳара «зарабатывать, приобретать», ахаҳара «идти на пользу, прививать, окулировать», ашьаҳара «путать путами, мешать», араҳара «задрать (голову)», аҷәаҳара «рыгать», ахә-

хара «покупать», ацхара «кусать» из ац «зуб» и ахара «наследить, наращивать».

Морфема ха в сочетании с различными превербами-основами образует производные глаголы со значением «падать с определенной высоты, наращивать падение», ср. акахара «падать», ахахара «падать на что-либо (сверху)», аԥнахара «вваливаться в дом», алахара «упасть в какую-либо среду», аҽа'хара «наткнуться на что-либо, привалить (богатство)» «упасть на лицо», аилахара «рухнуть», аваҳара «упасть сбоку», ацахара «падать под что-либо», аҭахара «рухнуть в углубление».

Морфема ха образует также немало именных основ с теми же значениями: наращивать, нарастать (расти), дать возможность чему-либо вырасти, образоваться, простираться, распространяться. Это, прежде всего, различные объекты, предметы, сосуды с полым пространством различного размера (протяженность, объем), что выражено морфемой х(а).

Ахацы – «пещера», из ха «простираться, наращивать, образоваться», т.е. полое пустое пространство, образовавшееся внутри сплошного твердого объекта, результат постепенного воздействия подземных рек, растворяющих твердые породы.

Ахацшьа – «пифос», «амфора», «глиняная посуда», из ха «наращенное» (о полом пространстве) и цшьа «освященный». Абхазы издревле зарывали в землю кувшины с вином для различных религиозных обрядов.

Ахаԥа – «глубокий овраг», «яр», из ха «простираться» (в глубину, в ширину) и ԥа – в «высоту», для семантики ср. аԥада «вверх».

Ахаҟьа – «плоский камень», для приготовления аджики, из ха «простираться» и ҟьа от аҟьаҟьа «плоский», букв. «нечто пространное плоское».

Ахацаҟьа – «каменная глыба с гладкой поверхностью». Состоит из ха «простираться» и ацаҟьа «скала, утес».

Арцха – «легкие», букв. «наращенный».

Аҳаҭгәын – «могильный памятник». Объект назван так по своей форме. Некоторые исследователи в вышерассмотренных словах морфему ҳа связывают со словом камень – ахаҳә, полагая, что она указывает на материал, из чего состоит объект, где х переходит в х. Для подтверждения приводят абазинскую форму этого слова аҳахъв «то же». Однако, на наш взгляд, здесь исходным является абхазская форма ах'аҳә, из х(а) «голова», аҳәра «виться, скататься, свернуться, быть скрученным, подвергшийся значительному изменению», переход: х → ҳ; ҳә → хъв. Об этом могут свидетельствовать многочисленные слова с морфемой ҳа, не имеющие отношения к камню.

Аԥшьырҳа – «деревянный сосуд» цилиндрической формы для кислого молока, «кадка», из аԥшь «бок» и рҳа «вытянутый» [Кварчия, 1984:124].

Аҳаша – «белая глина», букв. «белое с протяженностью».

Аҭамҳа – «вешалка для мяса» от аҭамҳара «не проваливаться вовнутрь» [Кварчия, 1984:114].

Ацҳа – «мост», из ац «зубец», ҳа «наращивать».

Ацҳара – «извещать, сообщать, уведомлять что-н.», букв. «распространить».

Аҳаскьын – «трава», из ҳа «простираться» и скьын «мелкий», ср. акынц-мынц «мелкота».

Аҳасыр – рогожа, настил, из ҳа – «плести», с – «ткать».

Аҿаҳа – «немой», из аҿы «рот», ҳа от аҳара «свить, сплести», букв. «у кого рот свит».

Аҳандақь – «изгородь» (сплетенный, свитый).

Аиҳабы – «старший» (по сравнению с кем-то).

Ацҳа – «дочь», из ц – словообразовательный префикс и ҳа – «размножать, увеличивать (род)», букв.: «размножающая».

Алымҳа – «ухо», из лы – однородная среда, м – аффикс наращивания, ҳа от аҳара «слышать», букв. «свить, сплести (звуки)», букв. «сплетающий» (звуки).

Ҳара – «мы» – местоимение I лица, мн. числа, букв. «размноженные, увеличенные».

Итак, судя по вышеизложенному, становится совершенно очевидной связь между словами, образованными морфемой ҳа. Здесь семантическое развитие идет, как и в других случаях, в направлении постепенной абстракции значений.

Среди этих наименований особое место занимает полисемантическое слово Аҳ – «божество, вожак, предводитель, глава, правитель, удельный князь, владетельный князь». В языке немало слов, в которых слово аҳ представлено в значении «божество», ср. нымираҳ /лымилаҳ «божество супружеского счастья», аҳ «божество оспы», ажәеицшьаа аҳ «божество охоты», Цьыкыр Салаҭ Аҳ ду – имя великого божества, направляющего мысли человека, Аҳ ду «господ, владыка», ср. Аҳ ду зылцҳа ҳаура «Боже великий, твое милосердие нам» [Инал-ипа, 1988: 293].

В некоторых словах аҳ представлена в значении «глава, вожак»: ачараҳ «вожак перепелов», абчараҳ «вожак охотников, меткий стрелок» или «кормящий турами», из аб – «тур», ачара «питаться», аҳ «вожак». Данное слово сопоставляют с адыг. цсарыҳ, разъясняемое А. Шагировым как «жироноситель», соответственно абх. «абчараҳ», произвольно относит к адыгизмам [Шагиров, 1977:29]. Как отмечают некоторые исследователи, слово аҳ употребляется в различных обрядах, ритуалах, что свидетельствует о древности его происхождения, возводят к первобытнообщинному строю. С распадом общинного строя и развитием феодализма его содержание меняется, приобретает феодальный характер, используется уже для обозначения высшего сословия феодалов. Входит в состав новых слов и понятий, выражающих новые социальные отношения: аҳ «владетель, правитель, господин», аҳҭны «владение князя, столица», аҳкуажә «госпожа, княгиня», аҳҭнырцар «люди владетеля» и др. [Инал-ипа, 1988: 292].

Не менее интересна история социально-политического термина ацсҳа «царь Абхазии», обозначающий высшее лицо в Абхазском царстве.

Как отмечает Инал-ипа, этот термин глубоко национальный, ибо для обозначения «царь» (вообще) используется заимствованное из араб слова – аҳәынҭқар. Хотя Абхазия не раз попадала под правление чужеземных правителей – византийских, греческих, грузинских, русских, но их не называли этим термином, ибо само содержание слова указывает на конкретного царя – «царь абхазов».

Представляет большой интерес – каковы истоки данного термина, давший столь высокий статус, – Царь Абхазии, абхазов? Существуют различные точки зрения.

Ш.Д. Инал-ипа термин аԥсҳа расчленяет на две части: ԥс от племенного названия абхазов и ҳа из аҳ в значении «покровитель, властитель, правитель, царь». Переход аҳ в ҳа считает результатом метатезы – перемещение коренного гласного а на конце слова. На основе этого происхождение данного термина он относит к периоду образования Абхазского царства с единым правителем в лице Леона II [Инал-ипа, 1988: 295].

Однако Л.Х. Акаба полагает, что первоначально аԥсҳа было именем божества, как это прослеживается в некоторых вариантах преданий о нем: «Абхазы происходят от аԥсҳа. Они его потомки и наследники».

По верованиям абхазов, как и иных других народов, божества – первопредки народа, стало быть, аԥсҳа – первоначально божество, затем приобретающий черты владетеля или царя, отсюда представление о добром царе, магически обеспечивающем благополучие народа» [Акаба, 1984: 109].

Также как Ш. Д. Инал-ипа, Л.Х. Акаба расчленяет аԥсҳа на две части, однако в других значениях. Принимая во внимание основные плодородные функции древнейших божеств, компонент ҳа в аԥсҳа считает возможным увязать со значением «размножение, увеличение, рост». Для подтверждения приводит ряд слов, где ҳа выступает именно в этих значениях: азҳара «расти, прибавиться», азырҳара «увеличить, умножить», наречие аиҳа «больше», с другой стороны ԥс, выступающий

в многообразных значениях: «живой, душа, самка, мертвый» и т.д. По ее мнению, элемент цс проливает свет не только на то, что это имя божества, но и на природу этого божества, как «божество всего живого, одушевленного или же божество, размножающего души», так же как представленное в абхазском языческом пантеоне с такими же функциями другое божество ажьаҳара «божество очага», из ажьы «плоть» и ҳа от глагольного корня аҳара, букв. «плоть размножающее».

Термин ацсҳа как божество сопоставляет с адыг. цсатҳа «божество, раздающее души» и считает, что их сходство и по форме, и по функции не случайно, оно свидетельствует о глубочайшей древности, восходящей к общему предку абхазо-адыгов по случаю проявлений могущественных сил природы. Однако полагает, что адыг. цсатҳа более позднего происхождения, отражает время сложившегося патриархального общества, а абхазское ацсҳа более древним, относящимся к периоду матриархата. Имеется прямое указание на это по сохранившейся поговорке у бзыпских абхазов: Ацсҳа ҳарухан – зегьы зхароу Џьарымхан «Высокочтимая ацсҳа Ҳарухан, а во всем виноватая – Джарымхан». Это само божество или женщина, выполнявшая эту роль при матриархате, приобретает черты божества – мужчины, а затем и царя.

Таким образом, по мнению Л. Х. Акаба, адыг. цсатҳа и абх. ацсҳа – олицетворение одних и тех же природных сил, но на разных ступенях исторического развития [Л. Акаба, 1984:107].

В основном соглашаясь с данной интерпретацией автора, мы считаем нужным внести некоторые уточнения. Как известно, в абхазском языке слово цс представлено в двух вариантах: со свистящим спирантом – с и свистяще-шипящим – с′ (цс-цс′). Комплекс цс выступает только лишь в значении «воздушная масса» и производных от него слов: цс «воздух, душа» и др., а цс′ – во всех остальных случаях для обозначения природы и ее составляющих: ацс′абара «природа», цс′ «проточная вода», ср. азпс’ы «стекающая вода», ацс′аатә «пернатые», ацс′ас′а

«мелкий рогатый скот», аԥсʻыз «рыба», аԥслʻымз «песок», аԥсʻуа «абхазец», букв. «часть, образец природы», из ԥсʻ «природа», уа «часть, образец», Аԥсʻны «Абхазия», букв. «место природы» и мн.др. Абхазы, как и некоторые другие народы, себя считали неотъемлемой органической частью своей природы, называемой аԥсʻабара – Аԥсʻны, а себя аԥсʻуа «часть этой природы». Дело в том, что абхазская народная религия – это культ природы не только в целом, но и большей степени – ее отдельным элементам, которые человек считает наиболее влиятельными, необходимыми: культ солнца, луны, воды, огня, посевов, охоты и др. Отсюда, надо полагать, языческий религиозный термин аԥсʻҳа первоначально должен был означать «божество природы, царь природы», но не «божество души», ибо в этом случае мы имели бы спирант с – аԥсы «душа».

Впервые термин аԥсʼҳа был зафиксирован при переводе церковных книг с русского языка в начале XIX в. в значении именно «бог», «царство небесное», что подтверждает его первичное значение «божество, божественная сила». А значение царь – единый верховный правитель Абхазии – вторично, точно так же, как и значение аҳ «владетель, князь» – вторично.

На наш взгляд, морфемы (а)ҳ и ҳа одинаково соотносятся с глагольной основой аҳара, но с разным расположением вокализации.

В устном народном творчестве о происхождении аԥсҳа в значении «царь» немало версий, противоречивых, исключающих друг друга. Так, например, по одной из них аԥсʻҳа – грек по происхождению, по каким-то обстоятельствам переселившийся в Абхазию, по другим – это грузинский царь Давид или царица Тамара, или же это – абхаз Губаз Куаташь, то сын Аббаза или из рода Арлан, то Иосиф Блистательный (Есыф), которого родила дочь владетельного князя от секретаря отца, грузина, который затем был возвращен в Грузию, одетый с ног до головы в абхазскую одежду. Там эта одежда так понравилась, что с тех пор ее носят грузины и др. [Инал-ипа, 1988:315].

Специфическая особенность фольклорного творчества в отличие от письменного, обусловлена его основными определяющими признаками – коллективность, устность и анонимность, что создает противоречивость, переосмысление содержания, перенесение или наслоение одних событий на другие, смещение времени и места, имена героев и их деяний. Общей специфической особенностью фольклора любого народа можно объяснить также упорные повторения одних и тех же мотивов о происхождении как отдельных фамилий, так и народа в целом – извне, из каких-то неизведанных стран, встречающиеся и в абхазском фольклоре. А все это мало способствует установлению этимологии.

В абхазском языке встречаются и другие социальные термины, но они более позднего происхождения и более прозрачны, не требуют столь развернутой этимологии. Так, например, термин аҭауад «князь» – позднее заимствование из груз. тавади «то же». Это было связано, надо полагать, с необходимостью дифференцированного обозначения привилегированных сословий «князь» (вообще), «удельный князь», «владетельный князь». В ходе исторического развития феодального строя появляется и категория дворян аамсҭа, по мнению Инал-ипа, обозначающая «произведенные владетелями», из аҳ «князь», амуслҭа «произведение», вероятно, имея в виду частый переход аҳ – аа(аҭаҳцәа-аҭаацәа) [Инал-ипа, 1988: 294]. Однако данный термин имеет и другую этимологию. С. Джанашия абх. аамсҭа сопоставляет с адыг. пса «князь, господин», ср. ĵапсын «господствовать», цсыҷа «власть» сван. цусд /цуст/цусна. Исходная форма аамсҭа в виде амбысҭа сохранилась в абазинском языке, которую он сопоставляет с данными вышеназванных языков: адыг. цса// цус, сван. пус/цусд/цуст, абх. мбыс [Джанашия, 2007:196]. К дворянскому сословию примыкают и ашьнаԥкәма, называемых личными дворянами владетельных князей. А.Н. Тарасов-Дьячков их появление относит к периоду, когда князья Шервашидзе приобретают больше веса, чем другие. Они отражают нечто похожее на дворянскую гвардию,

попадавшие из сословия анхаԥы – «крестьяне», приобретая своей службой особое расположение владетелей [Дьячков-Тарасов [(1910) 2008: 674]. За ним следует и свободное сословие крестьян анхаԥы из анхара «остаться, задержаться» (в определенном месте), анхара «хозяйствовать» и ԥы «лицо деятеля», букв. «занимающийся хозяйствованием, хозяйствующий». Другую разнородную группу составляли зависимые сословия: аусуԥ «рабочий», букв. аус «дело», аура «делать», ԥы «лицо деятеля, ахәԥы «слуга», из ахәы «еда», ԥы «лицо деятеля», букв. «делающий (готовящий) еду», атәы «раб», букв. «собственность», ахашәала «пленный», «добыча, прибыль», аҵлаҳәыста /аҭлаҳәыста «батрак», по народной этимологии «одинокий, как дерево на пашне – без роду и племени», из аҵла «дерево», ахәыста «пашня». Однако наличие второго варианта аҭлахәыста опровергает данную этимологию, ибо тла из адыг. тлас′ «батрак». Стало быть, данное слово составлено из сочетания адыг. и абхазского компонентов.

Как отмечает ряд исследователей, зависимые сословия состояли в основном не из абхазов, а из представителей других народностей, в основном из мегрелов и их потомков, а также из других, добытых в качестве пленных во время набегов и войн людей. Ф.Ф. Торнау о сословных категориях абхазов сообщает (1835 г.): «Народ абхазский, управляемый русским правительством со времен Сафарбея в 1808 г., добровольно отдавшегося в подданство России, делится на пять состояний: на князей (тавад), дворян (аамста), среднее состояние между дворянами и крестьянами (ашьнаԟәма), крестьян (анхаԥы) и рабов (агыруа)». Представляют интерес его разъяснения относительно сути ашьнаԟәма, в особенности касающиеся их происхождения. Это состояние, отмечает он, составилось частью из крестьян владетеля абхазцев, получивших за оказанные ими заслуги разные льготы, частью из выходцев черкесов или других горцев, что полностью опровергает укоренившееся мнение как ранних, так и поздних отечественных ученых, якобы ашьнаԟәма – это прислужники мегрельской княгини

Тамары Дадиани, жены абхазского владетеля Сафарбея Чачба, прибывшие вместе с нею в Бзыпскую Абхазию, таким образом, представляя их как образовавшихся единым актом. Это, на наш взгляд, крайние издержки советской идеологии, в целом считавшей привилегированное сословие эксплуататорским классом, врагом народа, соответственно превратное толкование всего, что их касается с поводом и без повода. Также отголоском этой идеологии является утверждение некоторых ученых и о том, что одной из причин выселения абхазцев в Турцию стало предательство представителей княжеско-дворянского сословия, променявших «честь и престиж родины на золото и серебро». А было ли золото и серебро?

Махаджирство – величайшая трагедия всего абхазского народа, явившееся результатом столкновения интересов России и Турции за владычество на Кавказском побережье Черного моря. После победы одной из сторон – России, свободолюбивые абхазы, не сумев выстоять в борьбе за свою независимость, не желая подчиняться победителям, часто брались за оружие. А русские в связи с этим проводили систематически карательные экспедиции, каждый раз заканчивавшиеся выселением их в Турцию. Выселения, начавшиеся в 1830 г. продолжались до 1877 года, в результате чего большая часть абхазцев оказалась в Турции.

В это трагическое время абхазы в отчаянии метались из стороны в сторону: от турок к русским и обратно. А после окончательной победы русских в Русско-турецкой войне некоторые протурецки настроенные абхазы, зная, что им не будет пощады, сами переселились в Турцию. Вот что пишет об этом К.Д. Кудрявцев: «Занятие Абхазии императорскими войсками сопровождалось наказанием возмутившихся жителей – целым рядом жестокостей с целью наведения ужаса и страха на население, сжигались целые селения, без всякого стеснения реквизировали и угоняли скот сотнями и тысячами голов и т.д.» [Кудрявцев, 2009:196]. Так закончилось махаджирство – это

страшное зло, в результате которого на чужбине оказалась большая часть населения, от последствий которого до сих пор не может оправиться Абхазия.

Итак на основании вышеизложенного можно сделать вывод: фамильные имена Ачба, Чачба, являвшихся жрецами святилища Дыдрипш, благодаря общению с божествами, самих воспринимают как святых, обладающих определенными божественными силами, впоследствии давшие им возможность стать владетельными князьями, правителями. С другой стороны, термин Аԥсҳа «божество природы, царь природы» затем приобретает значение «царь абхазов». Аҳ, обозначавший различные второстепенные божества, ведавшие различными сторонами жизни, впоследствии перерастает в значение «правитель, владыка, владетельный князь». Отсюда восприятие правителей, царей как высших сил, обладавших божественными силами. С этим связано издавна благоговейное, почтительное отношение ко всяким правителям. Ключ, с помощью которого раскрывается семантическое развитие данных терминов, прежде всего, это язык, как и во всех других случаях. В связи с этим уместно привести слова Мейе по этому поводу: «Ни в чем этнос не раскрывается так полно, так тонко, так широко, как в его языке» [Мейе, 50]. А устное народное творчество из-за своей неустойчивости, изменчивости с наслоением одной версии на другую не может быть решающим для научной этимологии, хотя оно помогает в определении главного направления этимологии. А исторические предания, представленные в грузинских летописях, хрониках, тем более не могут быть надежными, ибо они в основном выстроены на корысти.

Литература

1. Акаба Л.Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми, 1984.
2. Генко А.Н. Абазинский язык. М., 1955.

3. Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии (1910) // Абхазия и абхазы в российской периодике // Сухум, 2008.
4. Инал-ипа Ш.Д. Труды. Сухуми, 1988.
5. Инал-ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2001.
6. Кудрявцев К.Д. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 2009.
7. Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов. М., 2001.
8. Мачавариани Н.Д. Определительный путеводитель по городу Сухум и Сухумскому округу. Сухум, 2009.
9. Пасхалов Я. Дудрыпш – святыня горы абхазов. К. 1874, № 141.
10. Потиха В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
11. Торнау Ф.Ф. Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния (1835). // Материалы по истории Абхазии XIX в. Сухум, 2008.
12. Шагиров А.Н. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков II-I. М., 1977.
13. Чурсин Т.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухум, 1956.
14. Джанашия С.Н. Дневник. Тбилиси, 2007.

(Кавказские научные записки. № 3, М., 2011.)

(Кавказские научные записки. № 1, М., 2012.)

(Гублиа Р.К. К этимологии некоторых социальных терминов в абхазском языке // Кавказские научные записки. № 3. М., 2011.)

Абхазские заимствования в картвельских языках

В данной работе мы приводим свыше 120 словарных единиц, болышая часть которых взята из специальной литературы, где они представлены, часть – как генетически общие, часть – как картвельские заимствования. Однако при этом надо отметить, что П.Чарая, Н.Кипшидзе, Н.Марр, а затем В.Чирикба, О.Дзидзария выделяют несколько словарных единиц в качестве абхазизмов в мегрельском языке: abarza “крыльцо”, aguara “скотный двор”, bžᵊ’ake “борода”, adagua “глухой”, atami “персик”, apuni “весна”, apra “парус”, tigi “баран”, kuata “утка”, labaš’a “посох”, nax°ta “недоуздок”, niga “подойник”, g’etama “ярмо”, “шкворень”, tata “мягкий”, рацха “хижина”, “шалаш”; čᵊ,aqua “род посуды”, č.,ač.,a “почка” [Чарая, 1912, Кипшидзе, 1914, Марр, 1912, Чирикба, 1998, и др.].

В данной работе и этот материал подвергается этимологическому анализу, в результате чего подтверждается предположение названных авторов. Наряду с этим мы представляем новые словарные единицы, выявленные нами. Абхазские заимствования в картвельской языковой среде, адаптируясь, подвергаются различным фонетическим изменениям. Фонетические изменения в мингрельском языке рассмотрены В. Чирикба [Чирикба, 1998. С. 128]. В основном те же изменения наблюдаются и в грузинском языке. Приведем некоторые из них:

а) вокалические соответствия;

абх. а > груз, и, е, о – абх. ацас ас.as “обряд, обычай, адат” – груз. c.esi “правило, обряд”; абх. амаца (amac.a) – груз. mc.eri “саранча”; абх. амза (amza) “луна” – груз. mze “солнце” и др.

Абх. ə > груз, i, e, a, o ш – абх. азара (azara) – груз. zomva “измерить”; абх. азыз – груз. зизи “женская грудь”; абх. абыкь (abək’) – груз. buki “труба”; абх. ачыkə (ačəq°) – груз. čiqvi “зоб” и др.;

б) метатеза, субституция, эпентеза;

Абх. ачалm (ačalt) – груз. čelti, мегр. “čerti “борона”; абх. аџьар (аз’ar) – груз. ž’var, абх. абжьеи (abž’ei) – груз. mž’ave “уксус”; абх. акәац (ак,°ас) – груз. xorci “мясо”; абх. а аҳаргь (aharg’) – груз. kolga “зонт”;

в) консонантные соответствия.

Палатализованные и лабиализованные консонанты меняются на простые с переносом палатализованного и лабиализованного тембра согласных на соседние гласные:

к, > ki, g’ > gi, к’ > ki; g° > gu, к° >ки, к,° > к,u; d° > du, t°> tu, t,° > t,u; z° > zu, s° > su (абх. акәал (ak°al > груз. kvali “след”, ажәынҭхь (az°әntx’) > груз. zutxi, абх. атҟәа (atq°a) > груз. t,qwe “пленник”, абх. ахәаҷа (ax°ač.,a) “насекомые” > груз. хоИ,о “жук”, абх. акәырҭ (ak,° ərt) > груз. k,viriti “икра”.

1. Агәы (ag°ә), абаз. гәы (g°ә), адыг. g°ә, убых. g’ә “сердце”, “ядро”, “середина”, “центр”, “грудь” – груз. guli, мегр. guri, сван. guigu “сердце”, “грудь”.

В специальной литературе его принято считать общеиберийско-кавказским словом. Однако, как показывает анализ фактического материала, данное слово свою этимологию обретает в абхазо-адыгских языках. Слово агәы (ag°ә) соотносится с глагольным корнем абхазского агәара (aguara), адыг, іәg°an, убых. gu, “толкать”, в свою очередь, являющийся звукоподражательным по происхождению, ср. звукоп. комплексы, имитирующие глухие, гулкие удары в замкнутом пространстве, в том числе и удары сердца: гә (g°), гәгәы (g°g°ә), гәц (g°p), гәр (g°г), гәз (g°z), гәакь (g°ak’), гәрқь (g°rk’) и др. Они могут быть подражанием не только равномерным ударам сердца, но и раскату грома, шуму мотора, шуму телеги, ударам тяжелых предметов о землю, взрыву бомбы, тяжелой ходьбе и др. Таким образом, слово агәы (ag°ә) этимологически должно было обозначать: “нечто толкающееся (в замкнутом пространстве)”, “толкающееся”, “тыкающееся” из агәара (ag°ara) “толкать” → агәы (ag°ә) “толкающееся” → “сердце” [Гублиа, 2000, с. 186].

В абхазо-адыгских языках производных слов от агәы (ag°ə) множество, однако многие из них, по мнению некоторых ученых, нельзя свести к корню агәы (ag°ə) “сердце”. Исключение составляет мнение Яковлева Н.Ф., который справедливо, на наш взгляд, связывал суф. g°a в каб. bzag° / bzak°, “немой”, “глухонемой”, зag°ă / cak,°ă / “тупой”, dag°š / dag° “глухой” и др. со словом g°ə “сердце” → “нечто овальное (по форме сердца, груди)” → “тупое” [Яковлев, 1940, с. 284].

Как выясняется, производными от данного слова являются не только вышеуказанный суффикс, но и многие другие древние лексемы, как абх. агәыц (ag°әр) “пастушеский коллектив”, “группа людей и животных”, “группа”, адыг. g°әр / к°, р, к°, р/ к°, рə “группа”, груз. з’gupi то же, абх. агәарҭа (ag°arta) “загон”, “стадо”, “отара”, “гурт» адыг. g°arta /к,°art “отара”, “гурт” и др. Учет многозначности, исторической подвижности значений позволяет вскрыть внутреннюю форму многих подобных наименований. Интересно отметить, что в абхазском языке одних только фразеологизмов со словом ag°ə “сердце» свыше 386 [Касландзия, с. 70-142].

Видный ученый З.В. Анчабадзе возникновение вышеназванных слов относит к периоду появления отгонного “кошевого” или яйлажного скотоводства (I тыс. до н.э.), при котором стада отгонялись на пастбищные луга с равнин в горы сравнительно небольшим числом пастухов, получивших наименование – агәыц (ag°әр) “пастушеский коллектив”, “группа людей и животных” [Анчабадзе, 1964, с. 94]. Состоит оно из агәы (ag°ə) в значении “грудь” “сгрудиться” и суф. ц(р), этимологически означавшее “сгрудившиеся”, т.е. “собравшиеся в одном месте (стоянке) пастухи и стадо”, образовав выпуклость (в виде груди), так как под стоянку выбиралось ровное сухое место (в горах), расположенное ближе к опушке леса [Бжания, 1956, с. 114]. К данному слову примыкает и глагольный корень агәара (ag°ara) (с ударением на последнем слоге), означающий “располагаться, останавливаться где-либо со скотом,

отдыхать”, ср. выражение арахə гəсит(arax° g°ejt) “животные отдыхают”, букв, “животные сгрудились”, “скучились”, (образовав выпуклость) [Кварчия, 1981, с. 110]. Отсюда и агəара (ag°ara) (с ударением на втором слоге) в значении “загон”, “двор”, “ограда”, ср. адыг. g°ən, убых. g°ага то же. В данном случае в абхазском для выражения родственного понятия используется перенос ударения: агəар**а** → агəара (ag°ara → ag°ara) “сгрудиться” “загон”, букв. “место скучиванья (скота)”. Наряду со словом агəы (ag°ə) “сердце” в картвельские языки проникли, образованные от этого корня вышеназванные слова: в мегр. aguara “скотный двор”, в чан. диалекте грузинского языка aguarta “пасека”, сван. gwal “ограда”. Сюда же и груз. ʒ’gupi “группа”, ср. абхаз. аʒ‘g°ara “законопатить”, “затыкать”, “скомкать”.

В специальной литературе существуют различные мнения о происхождении данных слов. В.А. Абаев предполагает для адыг. g°arta / к°art “отара”, “гурт” заимствование из осет. kurd / kward, kuar “группа», “стая”, “множество”, которое, в свою очередь, может идти из гот. предполагаемого *kaurdr “стадо”, отсюда, по его мнению, и старославянское кəрдə (гурт) [Абаев, 1958, 637]. А.К. Шагиров, разделяя это мнение, привлекает сюда и абхазо-абазинское агəарта (ag°arta) «отара, гурт” [Шагиров, 1977, с. 209]. Однако, по мнению некоторых ученых, русское gurt заимствовано из польского языка – hurt “овечье стадо”, которое является соответствием немецкого hurde, означающее “плетень”, “загородка овец”, первоначально – “загороженное место (для овец)”. [Шанский, 1971, с. 1118]. Как видим, эта этимология отличается от абхазского слова aguarta “место скучивания скота” ← “скот”, что не позволяет считать его заимствованием. Точно так же источником для абхазо-абазинского слова ag°əр “пастушеский коллектив”, “группа», адыг. g°əр/к°р «коллектив», «группа» некоторые исследователи считают индоевропейскую (славянскую) основу “купа», “совокупность предметов”, украин., белор. “купа”,

“куча”, польск. купа “куча”, “толпа”. Однако у рус. “купа”, по мнению многих, иной источник: оно восходит к немецкому gruppe “группа”, “узел”, прованс. grop “узел”, производному от gropar “связывать” [Шанский, 1971, с. 161]. Если это так, то и оно не имеет отношения к абхазо-адыгскому (а) гәц (а)g°әр), этимологизируемому нами как “сгрудившиеся, “скучившиеся” (принявшие форму груди).

2. Амза (amza), адыг. maza, убых. məzӑ “лунӑ”, “месяц”, груз. mze, мегр. bz’a, сван. miz ”солнце”, в дагестанских: лак. barz, дарг. baз, лезг. varз, таб. vaз “солнце” и др. [Трубецкой, 1930, с. 82]. Койперс в адыг. mazӑ za возводит к глагольной основе za “поворачиваться” [Койперс, 1960, с. 92]. В абхазском языке данное слово мы увязываем с глагольной основой азара azara “отстаиваться”, “очищаться”, «измерить», представляющей особый вид движения: ”двигаться медленно, постепенно (об осадках)”, родственное адыгскому za “поворачиваться”, привлеченное Койперсом. Отсюда и исходное значение слова amza “луна”, “нечто двигающееся размеренно, медленно, постепенно (по небу)”. Первый компонент м(m) в слове амза (amza) “луна” – это широко представленный в словообразовании аффикс со значением “иметь, располагать чем-то”, ср. амшә (amš°) “медведь”, амра (amra) “солнце”, амаза (amaza) “секрет” и мн. др.

Корень за(za) с исходным инвариантным значением “двигаться медленно, постепенно, размеренно” также широко используется в целом ряде именных и глагольных основ. Прежде всего, он образует множество глаголов движения в сочетании с различными компонентами, усиливающими вербальность: азазара (azazara) “качаться”, арзара (arzara) “обшарить, обойти (деревню)”, ахәазара (ah°azara) “ползать”, аизара (ajzara) “собираться», “собрание”, ачаразра (acarazra) “скользить, скольжение” и др.

Можно привести также несколько именных основ, образованных с помощью данной морфемы: абз (abz) “язык”, из б.

b – словообразовательный аффикс з(z) “двигаться, шевелиться”, в целом означавшее “нечто двигающееся, шевелящееся”, абза (abza) “живой, расторопный» букв, “нечто двигающееся, шевелящееся (подающее признаки жизни)”. Таким образом, анализируемое нами слово амза (amza) “луна” является генетически общим абхазо-адыгским словом, проникшим в картвельские языки, однако с некоторым семантическим сдвигом: луна – солнце. Это слово зафиксировано и в ряде других кавказских языков. Некоторые исследователи склонны увязать его с др. – инд. masa “месяц, луна”. Однако членимость данного слова в абхазо-адыгских языках должна исключить его заимствование.

3. Ацсы (apsə) адыг, psă, убых. psa “душа, дух”, груз. suli, мегр. suri то же. Еще П. Чарая данные слова сопоставлял как родственные “абхазо-яфетические” [Чарая, 1912, с. 34].

В абхазском языке, как выясняется, значение данного слова “душа, дух” является вторичным, переносным, оно исходит из более раннего значения ацсы (apsə) “воздух”, ср. ицсы леига-ҩеигоит (ipsə leiga-ẃ°eigoit) “он вдыхает и выдыхает воздух”. Развитие значения идет, так же как и в других языках, в частности, в русском языке, ср. взаимозависимость слов «дыхание, дышать → дух, душа». Первоначально оно употребляется для выражения вдоха и выдоха воздушного потока, т.е. как физиологические отправления организма при дыхании, а затем уже как бессмертное, духовное начало, созданное Всевышним, двигатель тела – “дух, душа”. Основой такого переосмысления стала, безусловно, зависимость жизни и смерти от вдыхаемого и выдыхаемого воздуха и восприятие его как бессмертного духовного начала данного Всевышним.

Итак, развитие значения идет от ацсы (apsə) “воздух, пар” → “душа, дух”. Как было отмечено выше, в свою очередь слово ацсы является звукоподражательным по своему происхождению, имитирующим звуки движения живой и неживой природы. Оно встречается исключительно в тех словах, которые

как-то связаны с понятием “движущаяся масса”, “поток”. И это инвариантное значение дает возможность объединить слова, на первый взгляд, с различными лексическими значениями в одно словообразовательное гнездо. В абхазском языке с данным элементом представлено свыше 300 словарных единиц, а в адыгских, по нашим подсчетам, около 90. Встречается в двух разновидностях, с ц(р) и без него: цсс / ссс (pss /sss). В этом комплексе (р) означает начало движения, а с(s) – само движение, его процесс. На основании вышеизложенного нам представляется, что картвельские формы данного слова – абхазо-адыгское заимствование.

4. Амца (amca), адыг, ma, убых. məʒ’a “огонь”, груз, cecxli, мегр. daixiri, сван. lemesk то же. На наш взгляд, Н.Марр справедливо увязывает в абхаз. амца (amca) со словом аца (aca) “горячий”, “обжигающий” [Марр, 1912, с. 29]. Данное слово разложимо на два компонента: м (m) – словообразовательный аффикс, широко представленный в абхазских словах со значением “иметь, располагать”, и ца(са) «горячий, обжигающий”, в целом означавшее “нечто обжигающее”. В грузинском языке эти два взаимосвязанных слова представлены в виде (cxela – cecxli) “горячий, огонь”, где также прослеживается корень ц(с). По мнению Ломтатидзе, в слове cecxli – х фонетическое наращение, а первый компонент ц(с) она возводит к s; s → cx, таким образом, по ее мнению, груз. cecxli получено из secxli → secli, а в мег. представлен его закономерный вариант: dačxiri “огонь” [Ломтатидзе, 1944. С. 35].

А абхазское амца (амса) она увязывает с основой слова амацəыс (amac°əs) “молния”, букв. по ее мнению, означавшее “огнем бить”, из мацə (mac°) “огонь”, и с(s) от глагольного корня аспа (asra) “бить, ударять”. Выделенный таким образом компонент мацə (mac°) она сопоставляет с адыг. mas,°ă, где шъIŷ возводит к цIу. Однако, как показывает фактический материал, слово амацəыс (amac°əs) не имеет отношения к огню, стало быть, не может быть источником для слова амца

(amca) ”огонь”. Дело в том, что данное слово в самом деле расчленяется не на мацə (mac°) и с(s), как предполагалось, а на ма(ma) – известный словообразовательный аффикс со значением “иметь, располагать” ср. амшə (amš°ə) “медведь”, амза (amza), “луна” амшын (amšəən) “море” и мн. др. (см. выше), и глагольный корнь ацəыср (ac°əsra) “баловаться, резвиться, бездельничать”. Таким образом, слово амацəыс (amacəəs) этимологически должно было означать “нечто резвящееся, балующееся (на поверхности неба)“, исходящее из представления древних абхазов о молнии как о нечто резвящемся, балующемся на поверхности неба, в противоположность другой ее разновидности, которая бьет и поражает объект – афы (afə) “молния”. Таким образом, абхазы различают два вида молнии, соответственно, два наименования: 1) амацəыс (amac°əs) “молния”, возникающая вдали, в облаках и не представляющая опасности, не бьет, не поражает (мгновенный разряд электричества между облаками); 2) афы (afə) “молния” «божество грома и молнии», представляющая грозную силу – бьет и поражает (мгновенный разряд электричества между облаками и землей). Наличие двух названий объясняется своеобразием восприятия данного явления абхазами, их образным представлением, отражающим опыт народа, особенности восприятия им окружающего мира, той модели мира, которую он создает. Знаменательная часть анализируемого слова амацəыс-цəыс (amac°əs, c°əs) также расчленяется на два компонента: цə(c°) от слова ацəа (ac°a) “кожа... поверхность” и с(s), как и предполагалось Ломтатидзе, от глагольной основы асра (asra) “бить, ударять”. Таким образом, она этимологически должна была обозначать: ацəыср (ac°əsra) – “бить, ударять по поверхности (чего-либо)”. Развитие значение шло таким образом: “бить, ударять по поверхности (чего-либо) > делать что-либо поверхностно, «баловаться, резвиться, бездельничать». Отсюда и значение амацəыс (amac°əs), букв. означавшее “балующееся, резвящееся на поверхности (неба)” [Гублиа, 1998, с. 31].

5. Адгьыл (adg’əl) “земля”, “планета”, “суша”, груз. adgili “место”. Идентичные слова, однако, с некоторым семантическим сдвигом: “земля, место”. В абхазском языке оно расчленяется на две части: д(d) от отдельно существующего слова ада (ada) “корень, основа, опора, вена” и гьыл (g’əl), которая, в свою очередь. расчленяется на гьы (g’ə) со значением “круглый”, “круг”, для семантики ср. ее присутствие в словах агьыжь (agəž’) “круглый”, аргьагьа (arg’ag’a) “круг”, амгьал (amg’al) “круглый чурек”, агьагьара “двигаться кругообразно вперед” и суф. л(1a) со значением “состоять в однородной среде”, ср. апартиа далоуп (apartia daloup) “он состоит в партии”, ажәԝан далоуп (aħ°w°an daloup) “он парит в небесах” и др. Таким образом, слово адгьыл (adg’əl) этимологически означало: “опора, основа, нечто округлой формы”. В словообразовании все части данного слова широко представлены, в особенности первый компонент д(d). В качестве первербаосновы он образует множество производных глаголов с инвариантным значением “опора, основа”: адԥара (adʒara) “прислониться к чему-либо (опоре)”, адԥра (adʒra) “отойти от какой-либо опоры”, адгара (adgara) “отодвинуть от опоры”, адгылара (adgəlara) “пристать к чему-либо” и др. [Гублиа, 2000, с. 183]. В специальной литературе данное слово причислено без объяснения к картвельским заимствованиям [Чарая, Ломтатидзе, Шагиров].

6. Ацара (ac,aza) бзыб. ацʼара (ac.’ara) “учиться, учеба” – груз. sc.avla то же. В абхазском производно от имени аца (бзыб. ацʼа) (ac.a-ac.’a) “истина”, “правда”. Таким образом, оно первоначально должно было означать: “найти истину”, к нему примыкают слова ацаара бзыб. ацʼаара (ac. aara-ac.’aara) “спрашивать” (для выяснения истины), ацоура (бзыб. ацʼоура) (ac.oura-ac.’oura) “положительный, истинный (герой)”, ԥоуп бзыб. ԥʼоуп (c.oup-c.’oup) “правда (есть)”, ацааԝы (бзыб. ацʼааԝы) (ac.aaw° ə-ac.’aaw°ə) “гадалка, ясновидящая”, “ищущая истину”, “провидица”.

7. Ацас (ас.as) “обычай, адат, характер”, “поведение, привычка” – груз. с.esi “правило” (а > е). Данное слово расчленяется на аца (ас.а) “дно, низ, основа”, и превратительный суф. с(s), восходящий к указательному местоимению ас(as) “так”, “вот так”, в целом первоначально означавшее “в качестве основы”, ср. аналогичные образования в абхазском языке: аус (aus) “дело” (из аура “делание”, “делать” и с(s), букв. означавшее “в качестве делания”, ачыс (аиəs) “пища”, “еда” (из ча(ǩа) от ачара (ачага) “питаться, насыщаться» и с(s), в целом означавшее “в качестве еды” и др. [Ломтатидзе, 1988, с. 148]. Обращает на себя внимание использование его отрицательной формы цасым (zasəm) “не положено”, “грешно” (по религиозным соображениям). Слово ацас (с.as) широко используется в словообразовании в качестве второго компонента имен существительных, образуя наречия образа действия: ауаҩы – уаҩцас (auaw°ə-uaw°с.as) “человек, по-человечески, в качестве человека”, апсуацас (apsuaʒas) “по-абхазски”, цхəысцас (ph°sc.as) “по-женски”, “характерное для женщины», “как женщина”, “в качестве женщины” и др. В специальной литературе слово ацас (ас.as) равно, как и компонент с(s), принято считать грузинским заимствованием [Ломтатидзе, 1988, с. 151].

8. Аца (ас.а) “дно”, “низ” – груз. (диал. с.ale “внизу”, “на нижней стороне”). Чикобава Арн. С. справедливо, на наш взгляд, груз. (чан.) с.ale возводит к абхазскому аца (ас.а) “дно, низ”. С данным словом увязывает также широко используемый в качестве преверба-основы элемент ца(с.а) как в абхазском, так и в чанском диалекте грузинского языка. По этому поводу он пишет: “По значению и фонетическому облику чан. с.а и абхазский ца(с.а) идентичны. В чанском диалекте грузинского языка констатируется наличие соответствующего наречия с.ale “внизу”, “на нижней стороне”, но этимология корня ца обретается не в чанском диалекте, а в абхазском языке: аца (ас.а) “дно”, “низ” [Чикобава, 1942, с. 159].

9. Агылара (agəlara) “вставать”, “подниматься”, “стоять”, “принять вертикальное положение” – груз. dgas, dgoma “стоять”, “вставать”, “подниматься”. В абхазском языке слово агылара (agəlara) “вставать” расчленяется на корневую морфему гы(gə) со значением “приходить в движение” и ла(la) – корень – суф. направления движения в сторону от говорящего лица, ср. ахалара (axalara) “подниматься вверх от говорящего лица”, ацалара (ac.alara) “спуститься вниз от говорящего лица” и др. Исходное значение морфемы га(ga) “прийти в движение”, “задвигаться” вскрывается и в ряде других слов: агара (agara) “нести”, “уносить”, букв, “сдвинуть с места”, “привести в движение”. Сюда же и слово ага (aga) “берег”, букв, “нечто находящееся в состоянии движения”, “качающееся (двигающееся из стороны в сторону – о песке и волнах)”, агазгара “зыбиться, колыхаться” (движение поверхности воды), агара (agara) “колыбель”, букв. “находящаяся в состоянии движения”, «колеблющаяся, шаткая», агага (agaga) “призрак”, “тень”, букв. “нечто неустойчивое, зыбкое” и др.

10. Аҭәа (at°a) “сено” – груз. tiwa то же. Соотносится с глагольным корнем аҭәаҭәара (at°at°ara) “молотить колосья (пшеницы, проса)”. Абхазский лабиализованный согласный аҭәа (at°a) передается в груз. через u/w.

Таким образом, слово аҭәа (at°a) первоначально должно было означать “молотое, отбитое”, а затем уже приобретает значение “сено”, т.е. “скошенная и высушенная (трава)”. К.В.Ломтатидзе полагает, что абхазское аҭәа (at°a) из груз. tiwa, где выпал i, в результате чего получено: tiwa → twa → at°a [Ломтатидзе, 1977, с. 159]. Однако аналогичный процесс мог иметь место и при его заимствовании из абхазского языка в картвельские: аҭәа (at°a) → twa → tiwa [однако с наращением i].

11. Ацхын (архән) “лето” – груз. zaрxuli, мегр. bzarxuli, сван. lupxu то же. Сюда же и gazaрxuli “весна”.

Производно от глагольного корня ацха (архara) “светиться, греться”, в свою очередь являющийся звукосимволическим по

своему происхождению, ср. ацхеицхеира (археірхеіra) “переливаться (о лучах солнца, о вине)”.

12. Аԥьар (аʒ’ar) “талисман, оберег от грома и молнии”, “крест”, адыг. ž^{o}or/ǯor – груз. ʒ’vari «то же».

Слово в абхазском языке первоначально означало трехконечный языческий знак, связанный с культом дуба и молнии. Это дубовая ветвь с развилкой, предназначенная для ношения как оберег от удара молнии. А затем уже, с принятием христианства, ставшая главным знаком святости-христианским крестом [Орелкин, 1977, с. 199]. Оно было усвоено всеми народами Кавказа, в том числе и картвелами: груз. ʒ’var, осет. ʒ’wari, балк. ʒ’ar, zor, ингуш. zhargi то же и др. Это слово в абхазском языке становится наименованием и его носителей (по смежности): аԥьар (аʒ’ar) “оберег-крест-толпа, народ, масса”. Таким образом, аԥьар (аʒ’ar) не только “крест», но и носящих этот знак. В картвельских языках представлено в виде ʒ’ari “армия” (но не ʒ’vari). Знаменательной частью данного слова является ԥьа (ʒ’a) от слова аԥь (аʒ’) “дуб”, p/r в нем суффикс собирательности. Данное слово также усвоено мегрельским языком в виде ʒ’a.

13. Аԥьыка (аʒ’ək,a) “соль” – мегр. ʒ’i то же. Состоит из той же морфемы, что в предыдущих словах со значением “крепкий, твердый” и ка(к,а) “кристалл (соли)” являющийся, звукоподражательным по происхождению (по звукам удара по поверхности кристалла).

14. Аԥьа (аʒ’a) “труд” – груз. ʒ’ара то же. Та же морфема ԥьа (ʒ’a), приобретает переносное, вторичное значение: “тяжелый, твердый, крепкий”.

15. Аԥьабара (аʒ’abara) “скорбеть, горевать”, груз. ʒ’avroba “горе”, “печаль”. Состоит из аԥьа (аʒ’a) “труд, тяжесть, усилие” и ба (ba) от абара (abara) “видеть”, “переносить”.

16. Абԥьар (abʒ’ar), где б(b) – словообразовательный аффикс и ԥьа (ʒ’a) со значением “твердый, тяжелый, крепкий”, образующий целую серию слов, родственных по этому зна-

чению (см. выше). “В специальной литературе слово абцьар (abʒ’ar) получает разные толкования, в частности, П.К. Услар справедливо сближал данное слово с ацьбара (aʒ’bara) “крепкий”, полагая, что оно исконно абхазское; Н.Я. Марр, П. Чарая считали, напротив, что оно из сванского языка, однако без объяснения [Марр, 1912, с.12; Чарая, 1912, с.12].

17. Акьат (ak’at) “жердь”, “шест” – груз. keti “дубина”, “палка”. Данный термин относится к группе слов, образованных от морфемы кьа (к’а) со значением “торчать, торчащий”. В картвельские языки, помимо акьат (ak’at), проникло еще несколько аналогичных слов (см. ниже). Расчленяется на кьа (к’а) со значением «торчать» и та (ta) от глагольной основы атырра (atərra) «сгибаться», в целом означает «нечто торчащее, гибкое».

18. Ажакьа (až^{ə}ak,a) “козлиная борода”, “борода”, адыг. za č.ă, в старом произношении z’akă’/ž^{ə}ak’ă [Шагиров, 1977, с. 199] – груз. (мегр.) bz^{ə}ake «борода». Расчленяется на тот же кьа (к’а) со значением «торчать» и жа (ž^{ə}a) от глагольного корня ажаҳәара (až^{ə}ah°ara) «жевать (жвачку)», в свою очередь расчленяющийся на жа (ž^{ə}a) и глагольного корня аҳәара (ah°ara) «издавать, произносить», в целом означавшее «издавать жа (ž^{ə}a), по звуку издаваемому жвачными животными при разжевывании жвачки, ср. звукоп. Комплексы жыѡ (ž^{ə}w°) жыв (ž^{ə}əv). Таким образом, анализируемое нами слово ажакьа (až^{ə}ak’a) этимологически должно было означать: «торчащий (при разжевывании)». Связь данного корня с глагольной основой ажаҳәара (až^{ə}ah° ага) вполне оправдана, ибо трясущаяся козлиная борода особенно бросается в глаза при разжевывании жвачки. В дальнейшем и мужская борода получает данное наименование по ассоциации с козлиной бородой, однако с комическим оттенком. Мужская борода в зависимости от формы имеет несколько своих наименований ацацабаба (apac.ababa) «пушистый ус», ацацаду (apac.adu) «большой ус», ацацакьала (apac.ak’ala) «ус клином» и др.

В специальной литературе представлены различные мнения: П.Чарая считает его общим с яфетическими языками, Н.Марр – абхазским заимствованием, А.К. Шагиров – адыгизмом, проникшим в некоторые кавказские языки [Шагиров, 1977, с. 199], А.Н. Генко, хотя данное слово увязывает с абхазским словом ажаҳәара (až^{ə}ah°ara), считает его старым черкесским заимствованием, полагая, что элемент жа (ħ^{ə}a) в них из адыг., означающий «челюсть», «рот» [Генко, 1955, с. 87], К.С. Шакрыл – генетически общим абхазо-адыгским словом [Шакрыл, 1968, с. 24]. Однако как было сказано выше, у элемента жа (ħ^{ə}a) иное исходное значение – это подражание звукам пережевывания жвачки (животными).

19. Амакьа (amak'a) «жеребая, щенная (беременная)» – груз. make то же. Расчленяется на ма(а) – словообразовательный аффикс со значением «иметь, располагать» и того же кьа (к'а) «торчать», в целом означавшее «торчащее» (о животе), в груз. (мегр.), оно заимствовано с некоторым изменением: амакьа → make.

20. Асаркьа (asark'a) «стекло», «зеркало» – груз. sarke то же. Расчленяется на са(sa) от глагольного корня асара (asara) «резать», «кроить» и того же кьа(к'а) со значением «торчать». В специальной литературе его относят к грузинизмам, однако без объяснения [Чарая, Ломтатидзе, Климов, Шагиров].

21. Асахьа (asax'a) «лик», «образ», «рисунок», «облик», «вид» груз. saxe «облик», «образ». Первоначально слово употреблялось в значении «лик, изображение лица на иконах», букв. «нарисованное», «результат, следствие рисования», из аса(asa) от глагольного корня асара (asara) «резать, кроить» и хьа(х'а) со значением «результат, следствие», в целом означавшее «следствие рисования, кройки», ср. асахьаҭыхра (asax'atəxra) «рисование», букв. «снять образ». Морфема хьа(х'а) в значении «следствие, результат» широко представлена в словообразовании: аҳәахьа (ah°ax'a) «речь», «слово», «сказ», букв. «следствие произношения, высказывания»,

аҽаҭахьа (аи,ᵊatax’a) «обет обещание» из аҽа(аи,ᵊa) «согласие (на предложение стать супругой)» и ҭа(ta) от аҭара (atara) «давать», хьа(х’а) «результат, следствие», ачгахьа (acgax’a), «поčтная пища» и др.

22. Асал (asal) «клин» – мегр. sali то же. Состоит из аса(asa) от глагольного корня асара (asara) «резать», «рассечь», «расколоть» и суф. л(l) со значением «однородная среда», в целом означавшее «раскалыватель дров однородной среды)». В специальной литературе, как и большинство подобных слов, принято считать картвелизмом в абхазском языке, однако без объяснения (Ломтатидзе, Рогава, Шагиров).

23. Ацкьапар (ack’apar) “плотничий топор”, «тесак”, груз. ckepari то же. Относится также к группе слов с морфемой кьа(к’а) в значении “торчать”, “торчащий”. Орудие для тесания получает свое наименование по форме лезвия: “торчащий” кьа(к’а) + “тонкий” па(ра).

24. Ашьакьыкь (až’ak,ək,) “мигрень», “кровотечение из носа (струей)” – груз. š’akiki то же.

Состоит из ашьа (aš’a), «кровь» и редуплицированного кьыкь (k’ək’) со значением “торчать”, в целом означавшее “торчащая кровь (струей)”.

25. Акьанцьа (ак’anža) “пугало (огородное)”, “кукла (из тряпок)” – груз. (мегр). kenž’i “кукла”. Относится к предыдущим словам с элементом кьа “торчать”. Слово расчленяется на кьа(к’а) “торчать”, н(n) аффикс наращения, цьа(ž’a) оценочный суффикс, ср. ахьараҵь (ах’агаž’) “колчерукий ” ахəаҵсаҵь (ах°apsaž’) “червивый”, кадыҵь (qadəž’) “бывалый» и др.

26. Абыкь (ab) “труба” – груз. buki то же (о > и). Состоит из б(b) – словообразовательного аффикса и того же кь(k,) “торчащий”. Предмет назван так по издаваемым пронзительным звукам.

27. Ачалт (ačalt,) “борона”, “плетень, силок” – груз. čalti “плетенка”, мегр. čert,i “борона”. Состоит из ача(ača) “пше-

ница (в зерне)”, л(l) – суф. со значением “однородная среда”, m(t,) от глагольного корня артытра (art, ət,ra) “ковыряться”. Содержится оно и в слове атыхра (at,əxra) “бороновать”, “разрыхлять”. В целом слово ачалт (acalt,) означало “разрыхлитель пшеницы”.

28. Ацан (apan) “брод”, “характер”, “норов” – груз. poni “брод”, “пруд”, “запруженная вода”. Состоит из ца(ра) “перед” и н(n) — локативный суффикс, в целом этимологически означает “место впереди (где можно переходить реку)”.

29. Ацарда (aparda) “занавес” – груз. pardi то же. Расчленяется на ца(ра) “перед”, “спереди», р(г) каузатив, да(da) – связанный корень со значением “продеть (нитку), провести (линию)” [Ломтатидзе].

Широко представлен в качестве преверба-основы в глагольных основах: ацдара (ac.dara) “продеть (нитку)”, алдара (aldara) – “провести линию”, амадара (amadara) “соединить что-либо с чем-либо”, ақәдара (akudara) “провести сверху линию” и др. Таким образом, слово ацарда (aparda) этимологически означало “продетое спереди”.

А.К. Шагиров считает его общим кавказским заимствованием из турецкого языка (perde) [Шагиров, 1989, с. 13].

30. Акәапеи (ак,°ар,ej) “ковш, черпалка (с длинной ручкой из тыквы)” – груз. kop,e то же. Состоит из акәа (ак,°а) со значением “изящный, овальный” (о корпусе предмета), па(р,а) “тонкий” (о ручке), еи – оценочный суффикс. Для семантики первого компонента ср. акәара (ak°ara) “капля, частица жидкости овальной, изящной формы” или же акәац (ak°ap) “крапинка”.

Входит в группу слов, образованных морфемой кәа(k,°а) со значением “овальный, изящный”. Оно является звукоизобразительным словом по происхождению. Представлено и в осетинском языке в виде k,ор,а “деревянная чаша”. Из этой группы в картвельские языки проникли также еще несколько слов (см. ниже).

31. Акәынҷа (ak,°unč.a) “пеструшка”, “чиж” – груз. kvinč.a состоит из (k,°) “корпус тела”, “нечто овальное, изящное”, ср. акәа (ak,°a) “пазуха”, “корпус тела” и ҷа(č.a) “маленький”, ср. ахәыҷы (ax°әč.ә) “малыш”, аҷкәын (ač.k,°ən) “ мальчик” и др. В целом слово акәынҷа (ak°,ənca) этимологически означало “нечто маленькое, изящное”.

32. Акәырҭ (ak,°ərt) “икра” – груз. kwiriti то же. Состоит из акәы (ak,°oə) “корпус тела (нечто изящное)”, р(r) – аффикс (притяжательный) и ҭ(t) “спелый, зрелый” от слова аҭра (atra) – “зреть, созревать, поспевать”, букв. означает: “изящное, овальное” «мягкое».

33. Акәакәар (ak,°ak,°ar) “лепешка, начиненная сыром для ритуальных культовых целей” – груз. kverkveri то же. Состоит из редуплицированной основы кәа + кәа (k,°a + k,°a) со значением “изящный, овальный”, таким образом “лепешка” получает свое наименование по своей округлой, изящной форме.

34. Акәты (ak,°t,ə), адыг. ča ă, шапс. k’k’at,t,г, каб. з’ad “курица” – груз. katami то же. Встречается и в ряде других кавказских языков. Состоит из акәы (ak,°) “корпус тела”, “изящное, овальное” и компонента т m (t), который пока не поддается объяснению, хотя он содержится и в наименовании «утки» – акәата (ak,°ata).

35. Аҳаргь (aharg) “зонт” – груз. korga то же. Состоит из ҳа(ha) «высокий», «высь», ср. аҳаракы (aharak,ə) “высокий”, р(r) – притяжательный аффикс и гь(g’) со значением “круглый”, “круг”, для семантики ср. агьыжь (ag’əž’) “круглый”, аргьагьа (arg’ag’a) – “круг”, аргьала (arg’ala) “качели» и др. Если сложить все части данного слова, то получим “круг ввысь”.

36. Азыз (azəz), адыг. (bəzə) “женская грудь” – груз. zuzu то же. Редуплицированная основа с зы(зə) соотносится с глагольным корнем аазара (аазara) “воспитание, воспитать”, в свою очередь, расчленяющимся на аа – направительный преверб и корневой компонент з, восходящий к отдельно существую-

щему слову аза “пядь” (мера длины)”. Слово аазара (аазara) “воспитать”, букв. означало: “довести до определенного срока”, “достичь предела”. Обращает на себя внимание использование данного компонента в качестве послелога за(нза) со значением “дойти до чего-нибудь»: аѡынза (aw°nənza) “до дому”, асаат хца рҟынза инеит (asaat xpa rqənza) “до трех часов” и др. Корень за сочетается и с другими направительными превербами ѡа ла на (w°a, la, na): аѡазара (aw°azara) “достичь предела, вверх”, аназара (anazara) “достичь предела туда”, алазара (alazara) “достичь предела сверху вниз”. Однако значение “воспитать” приобретает только лишь форма с превербом аа: аазара (аазara) “достичь предела сюда”, “довести до определенного срока”, “воспитать».

Слово же азыз, представляющее собой редуплицированную основу с корнем з, букв. означало “то, чем воспитывают”, “то, чем доводят до определенного срока”.

37. Аззеи (азеи) “воспитательница” – груз. зіза / зізаі то же. Данное слово связано с обрядом аталычества – отдавать на воспитание детей из привилегированного сословия в крестянские семьи до совершеннолетия [Инал-ипа, 1965, с. 48], которое также проникло в картвельские языки: аззеи → зіза / зізаі. Развитие значения данных слов шло таким образом: аазара (аазara) “воспитывать (кормить до определенного срока)”, азыз → “грудь”, букв. то, чем воспитывают” → азеі “воспитательница (кормилица)”, “та, которая воспитывает”. Таким образом, хотя данные слова присутствуют и в картвельских языках, свою этимологию обретают на почве абхазского языка.

38. Ахәажәа (ах°аž°а) “конусообразные или круглые вареники, начиненные сыром (культовые, ритуальные)” – мегр. хozo то же. Состоит из хәа(х°а) от ахәыз (ах°әз) “просо” и жәа(ž°а) от ажәра (аž°ra) “варить”, этимологически означает “сваренное просо”.

39. Амажәа (amaž°a) “тесто” – мегр. mazwa “лепешка из муки и меда”. Состоит из ма(ma) – словообразовательного

аффикса и морфемы жәа(ž°a) со значением “густой”, в свою очередь образовавшая целую группу слов, связанных с данным значением [Гублиа, 2000, с. 94]. В специальной литературе его принято считать ср. греческим заимствованием [Чарая, Ломтатидзе, Шагиров].

40. Амжәа (amž°a) “тутовое дерево”, “плод дерева” – груз. bĥola то же. Состоит из м(m) – словообразовательного аффикса и того же жәа “густой”, “плотный”. Морфема жәа является корневой, несущей основное значение данного слова: “густой, плотный”. Дерево получает свое наименование по особенностям его плода, представляющего собой “плотно усаженные крупинки ягод на одной кисти”. Представлен и в слове ажьымжәа (až’əmž°a) “виноградная кисть” из ажь (až’) “виноград” и мжәа (mž°a) “кисть”. Таким образом, слово амжәа (amž°a) – это “кисть”, букв. “нечто плотно усаженное (крупинками ягод)”. К.В. Ломтатидзе полагает, что в абхазском амжәа (amž̊a) и груз. ž̊ola корневым является жә(ž°) → ž’amıb – преффиксы [Ломтатидзе, 1961].

41. Азмах’ (azmax’) “болото” – мегр. azmax “искусственная вода, создаваемая возле летней стоянки”. Лексема расчленяется на три компонента: азы “вода”, м(m) – аффикс наращения и ах’ – “гуща”, “осадок вина”, ср. аҩы ах’ (aw°ə ax) «винная гуща», «осадок вина», ашәах (aљ°ax)» пена» и др.

42. Амахәар (amax°ar) “рука без кисти” – мегр. maxvari то же. Расчленяется на ма(ma) от анапы / амапы – “рука”, хәа(x°a) от слова ахәы (ax°ə) “ручка”, “часть предмета, которую можно держать”, ср. аҽага ахәы (acᵊaga ax°ə) “ручка мотыги”, р(r) – суффикс абстрактности, в целом означает: “часть руки, за которую держат”. Еще Н.Марр считал его абхазским заимствованием в мегрельском языке, однако без объяснения [Марр, 1912, с. 23].

44. Адач (adač.) “цепь” – груз. ǯ’ač,wi то же. Соотносится с глагольным корнем ачачра (ač.ač.ra) “нанизывать”, “низать», ср. ататын рчачуеит (atatən č.č.ueit,) “табак нанизывают”. В

целом слово адаҷ (adač.) означало “нанизанное (кольцо одно на другое)”.

45. Амасар (amasar) “частокол” – груз. masari то же. Расчленяется на м(m) – словообразовательный аффикс и с(a) (sa) от глагольного корня асара (asara) “расколоть, разрезать, расщеплять” р(r) – словообразовательный аффикс, в целом означает “расщепленный (на колья, жерди)”.

46. Акәац (ak,°ac) “мясо” – груз. xorci то же. Состоит из акәа (ak,°a) “туловище”, «корпус тела» и ц(c) со значением “сопутствовать, сопровождать” от глагольного имени ацра (acra) с теми же значениями. Таким образом, слово акәац (ak,°ac) первоначально означало: “сопутствующее корпусу тела”.

47. Ачапан (ac.’ap,an) “пупок” – груз. č.’ip,i то же. Корневой частью данного слова является морфема ҷа(č.’a), широко представленная в словообразовании со значением “маленький”, ср. ачиц (ač’ic) “зрачок”, ахәыҷы (ax°č.’ə) «малыш», ачкәын (ač.’k,°ən) «мальчик», ачыҷмаса (ač.’əč.’masa) “мошкара”, ачынҷа (ač.’ənč.’a) “крапивник”. Элемент ҷа(c’a) в них звукоподражательного характера, имитирующий “щебет птиц” ачырҷырра (ač.’əč.’ərra), “детский лепет”, ачарҷалеира (ač.’arč.’altera), “писк птенцов” ҷит (č.it). Возможно, здесь имеет место одинаковое восприятие звуковой символики, ибо в грузинском языке имеются собственные слова с элементом č.’a в значении “маленький”: č.’ič.’ina “сверчок”, č.qivili “пищать”, и’č.ivint,i “молодой (сыр)”, č.ianč.vela “муравей” и др.

48. Акы (ak,ə) “один – мегр. ak,a то же. Из акыу(ak,əu) – звукоподражательного комплекса, имитирующего падение штучных предметов: акыу (ak,əu) → акы (ak,ə), ср. аналогичные звукоподражательные комплексы: акеи (ak,ej), акараҳәа (ak,arah°a), кап (k,ap) и др.

49. Акакан (ak,ak,an) “грецкий орех” – груз. k,ak,ali то же. Представляет собой редуплицированную основу с элементом ка(k,a), имитирующим “падение штучных предметов” (ср. выше).

50. Азаҧьа (азаг’а) “мозоль”, “пузырь» – мегр. загі то же. Расчленяется на азы “вода” и ҧь(г’) “твердый”, “затвердевший”, ср. аҧъара (аг’ага) “зажить, затвердеть (о ране)”, этимологически означает “вода под затвердевшей кожей”.

51. Амаҷар (amač.ar) “молодое вино” – груз. mač.ari то же. Название дано по звукам брожения вина, ср. звуковые комплексы: аӄӄа, аӄӄаҳәа, отсюда и название водки аҷаҷа.

52. Ар (ar) “толпа”, “масса”, “армия” – груз. eri “народ”. В абхазском языке слово ар (ar) соотносится с глагольной основой ар-ра (ar-ra) “переплыть” (реку), ср. азы дырит (азә dərit) “переплыл воду”, где р(r) означает “водную массу”, в связи с чем она должна была этимологически означать: ар-ра (ar-ra) “водную массу преодолеть”. С данным значеним элемент р(r) встречается в целом ряде слов, связанных с водой: арԥаш (arw°aš^{ə}) “горный поток”, арха (arха) “долина реки (воды)” ааарцә (aarc°) “этот берег реки (водной массы)”, ныцә (nərc°) “тот берег реки”, Рица (ric.a) – название озера и др. [Ломтатидзе, 1947, с. 127; Аджибеков, 1986, с. 184]. Таким образом, значение слова ар (ar) «армия” – переносное, первоначальным же, исходным значением было: “водная масса” → “масса людей, толпа” → “армия”. В грузинском языке наличествует слово з’ari “армия” и абхазское аԥьар (аз’ar) то же, но оно не имеет отношения к вышеприведенным словам (см. ниже).

53. Ахапара (ахар,ara) (род тыквы) – груз. хар,eri то же [Чубинов, 1722]. Состоит из ха “голова” и па (р,а) “тонкий”, т.е. тыква получает свое наименование по внешней форме (овальный, суживающийся кверху).

54. Аҟәуа (aq°ua) “обух” – мегр. q°ua, сван. q°ua то же. Предмет назван так по внешней форме: изогнутый, овальный с замкнутым пространством. Соотносится с глагольным корнем аҟәра (aq°ura) “сгибаться”, “согнуться”.

55. Абга (abga), адыг. бажӑ/баджӑ груз. mgeli, мегр. mgeri то же. Расчленяется на б(b) от слова абард (abard) “заросль”, “куст”,

абабира (ababira) “бурьян, заросль”, то же самое в слове абна (abna) “лес”, ср. адыг. банӑ (bana) “кустарник”, “заросль” и га(ga) от глагольной основы агара (agara) “нести”, “таскать”, в целом означает “таскающий в лес (домашних мелких животных)”. Ср. аналогичное образование в рус. волк от волочить, букв. значившее “таскающий (домашних животных)” [Шанский, 1971, с. 89].

56. Ахразага (ахгазага) “цедилка” для молока – мегр. хәгазага то же. Расчленяется на х “молоко», раза от аразара (агазага) “цедить” и га (ga) – орудийный суф., ср. аҽага (ачᵊага) “мотыга”, аѡыга (аw°әga) “ручка” и др. Относится к серии слов, образованных звукоподражательным элементом х, имитирующим звуки надаивания молока в цедильник, так, например, наименование молока образовано сложением элемента х (звук доения) с компонентом ш(šᵊ) в значении “белое”, в целом означавшее, букв. х – ш “белое → молоко”. При образовании наименований молочных продуктов используются не все названия молока – ахш (ахљᵊ), как можно было ожидать, а один из компонентов, именно компонент х: ахҷаҭ (ахи,ат) “сливки”, ахыз (ахәz) “сыворотка”, ахарцәы (ахарč.°ә) “простокваша”, ахаатца (ахаас.а) “закваска”, ахҳәар (ахh°ar) “пена, образующаяся на поверхности сыворотки при закипании” и др. [Генко, 1956, с. 83; Шакрыл, 19, с. 102; Кварчия, 1981, с. 118]. Многие из них, наряду с вышеуказанным словом, проникли в картвельские языки [Дзидзария, 2000, с. 145].

57. Ахарцәы (ахарс.°ә) “простокваша” – груз. mac.oni, мегр. marc.vena, сван. marc.ven то же. Состоит из того же элемента х со значением “молоко” и глагольного корня арцәра (arc.°ra) “заквасить” [Дзидзария, там же].

58. Ахаатца (ахаас.а) “закваска для сыра” – мегр. хас.а то же. Состоит из х “молоко”, ца от аитцатцара (aic.ac.ara) “заквасить”, “заложить”, букв. “заложимое (в молоко)”.

59. Ахачҷа (ахач.а) “творог” – груз. ха č.о то же. Расчленяется на ха “молоко” и чҷа (č.) “крупинки”, букв. “молочные крупинки”.

60. Ахҷаҭ (ax č.at) “сливки” – мегр. axč.ati то же. Из х “молоко”, ҷа (č.a) “крупинки”, ҭ(t) “мягкий” от слова арҭ (art) “мягкий, зрелый”. В специальной литературе иные объяснения [Шагиров, 1977, с. 136; Кварчия, 1981, с. 119].

61. Ахаз (axaz) “сыворотка”, из х “молоко” и з (z) со значением “зыбкий”, ср. агазгара (agazgara) “зыбиться”, иҟазҟазо (iqazqazo) «то же».

62. Ацслымз (apsləmʒ) «песок» – груз. sila, мегр. psila то же. Расчленяется на цсы (ps) “движущаяся масса” и глагольный корень алымзра (aləmʒra) “не растворяться, не пропадать” (ср. положительную форму алазра (alaʒra) “растворяться, пропадать”, в целом означает “нерастворимая масса (в воде)”. В измененном виде оно воспринято картвельскими языками.

63. Хьыбла (x’əbla) “златоглазая” – груз. xiblva “очаровательная”. В абхазском языке это патроним, состоящий из определения и определяемого ахьы (ax’) “золото” “золотой”, бла (bla) от абла (abla) “глаз”, в целом означавший “златоглазая”. В грузинский язык он проник с некоторым семантическим изменением: “златоглазая очаровательная”.

64. Аиҧ (aiг’’) “лучший” – груз. г’irsi «достойный”. Слово аиҧ (ajг’) состоит из au (aj) “совместно, между собой» и корневого компонента ҧ (γ) “лучший”. Для семантики ср. аҧыра (aγəra) “большая часть, лучшая частъ”, арҧа (arγa) “правая рука», букв. “лучшая рука” (более крепкая, чем левая), аҧъеѡ (aγ’ew°) “герой” и др.

65. Аҟычра (aqəčra) “успокоить (сердце)” – груз. qučdeba “успокаивается, утихает (сердце)”. Расчленяется на ҟ(q) от глагольной основы аҟра (aqra) “сникать”, “топтать”, “трамбовать” и ч(č) от ачра (aira) “опухоль”, «опухать’’, “вздувать», в целом означает “сникнуть опухоли”, т.е. “успокоиться”.

66. Аимак (ajmak,) – груз. k,amati «спор». Состоит из аи – префикс совместности взаимности, корня амакра (amak,ra) «оспаривать», в свою очередь расчленяющегося на словообра-

зовательный префикс ма(ma) и глагольный корень к от акра (akra) “держать”, в целом означает “держать взаимно».

67. Аб (ab) “отец”, вокативная форма баба (baba) “папа» – груз. babua, мегр. babu “дед”. Слово аб (ab) “отец» первоначально означало “самый большой (значит самый сильный) в коллективе, в семье”, “вожак”. Судя по всему, оно появилось в тот период, когда еще не было каких-либо форм семьи и брака, когда люди объединялись в дородовые, эндогамные коммуны, состоявшие из небольших групп в несколько десятков человек со своими вожаками, сообща владевшие огнем, определенными орудиями, территорией, осуществлявшие коллективную организованную охоту [Анчабадзе, 1964, с. 20], а затем уже в мустьерскую эпоху, когда начинает складываться кровнородственная семья, оно приобретает значение “отец”. Таким образом, развитие значения данного слова должно было идти в следующем порядке: большой (сильный) → вожак → отец. Для подтверждения ср. его присутствие в словах: аб (ab) “козел”, «вожак”, абаҕъ (abaг) “нехолощеный казел», ахыб (axəb) “крыша”, “кровля», абырг (abərg) “почетный, уважаемый, мудрый, пожилой», абаҟа (abaqa) “памятник, статуя”, букв. “нечто большое, крепкое”, абаа (abaa) «крепость, башня» и др.

68. Ашьалашьын (aš’alaš’ən) “рубанок” – мегр. š’alaš’ini то же. Соотносится с глагольным корнем ашьышьра (aš’əš’ra) “гладить». Предмет назван так по действию данного глагола.

69. Ацашэ (araš°) “корень”, “корневая система” – груз. pesvi то же. Расчленяется на ца(ра) со значением “перед”, “начало” и шэ(š°) от глагольного корня ашəара (aš°ara) “мера”, в целом этимологически означает “нечто, имеющее размер (в длину, в ширину)”. Усвоено картвельскими языками в виде pesvi, posvi то же. Некоторые ученые предполагают обратное заимствование [И. Кипшидзе, Г. Шмидт, Г. Мачавариани]. П.Чарая данное слово считает генетически общим абхазо-картвельским [Чарая, 1902, с. 35]. А.К.Шагиров, сопоставляя

его с адыгским pabz’ “кустарник”, “куст”, “заросль”, выдвигает версию, что в абхазском и адыгских языках ца(ра) мог означать “растение» [Шагиров, 1977, с. 7].

70. Аѡны (aw°nə) “дом”, “сакля”, адыг. uənă – груз. vani (древне-груз.) “обиталище», “пристанище”, “приют». Абхазское аѡны (aw°nə) расчленяется на ѡ(w°) от числительного ѡба (w°ba) и ны (nə) – локативный суф. ср. Лыхны (ləxnə) – название села, Ацсны (apsnə) – Абхазия и др., в целом означавшее “место между двух (скатов крыши)”, “развилка между двумя скатами крыши”. Первоначально аѡны (aw°nə) – это древнее коническое жилище абхазов с двускатной крышей, ср. аналогичные образования аѡыца (aw°əc.a) “подмышка», букв. “место, низ двух ответвлений (корпуса тела и руки)”, аѡхаа (aw°xaa) “ущелье” (между двумя крутыми склонами) и др.

71. Ачыцра (ač,əγra) “пестрый”, “пятнистый” – груз. č,reli “пестрый”. Абхазское ачыцра (ač,əγra) расчленяется на ч(č,) “мелкие пятна”, “крупинка” и цра (γra) “пестрый” от слова ацра (aγra) «то же», в свою очередь, восходящее к ацра (aγra) “брюшная полость”, “нечто, состоящее из разнородных органов”.

72. Акəал (ak,°al) “след”, “наследие”, “гены” – груз. k,vali “след”. Производно от слова акəа (ak,°a) “пазуха, корпус тела, туловище”, л – суф., ср. акəалзы (ak,°alзы) “броня”, “кольчуга”, состоящее из акəа (ak,°a) “туловище”, л (l) – суф. наращения и з “обшить”, от слова атазра (atazra) то же, в целом акəалзы (ак°a1зə) означало “обшитое туловище”.

73. Ахцара (axc.ara) “метка” – мегр. xənc.əra то же. Состоит из преверба-основы х со значением «острие», «острый, отточенный» и ца (с.а) “нанести”, “начертать”, букв. «острием нанесенный, начертанный» для семантики элемента х, ср. ааха-ра “ударять”, ахра “точить”, ахы “пуля».

74. Амацуар (amac.uar) «гончая собака” – груз. mc.evari то же. Из амац (amac.) “служба, служить, обслуживать” и уа(ua) от ауаруарра.

75. Аилаҷь (ajlaʒ’) “мамалыга, сваренная с сыром” – мегр. elarʒ’i то же. Из аила “состав”, “смесь”, “смешанный” и ҷь(ʒ’) от аҷьоуҷьоура “переливаться”. Первый компонент аила (ajla) «состоять» широко используется в словообразовании, ср. аилазԝа (ajlaʒw°a) “разбавленный”, аиларш (ajlarʃᵊ) “припарка”, аилартәа (ajlart°a) “сплав”, “сталь” и др. Для семантики ҷь ср. его присутствие в слове аҷьашьара «изумляться, удивляться».

76. Азара (azara) “измерить, мерить зыбкие вещества” – груз. zomve то же. Современное значение данного слова в абхазском языке является вторичным, переносным, оно из азара (azara) в значении “отстаиваться, оседать, очищаться (о воде)”, т.е. “двигаться медленно, постепенно ко дну (об осадках)”.

77. Алабашьа (alabaš’a) “палка с железным наконечником”, “посох” – мегр. labaš’a то же. Состоит из алаба (alaba) “палка” и оценочного суф. шьа (š’a) от глагольного корня ашьара (aš’ara) “оценивать, считаться, уважать”, “ублажать”, ср. ицсы ишьоит (ipsə iš’oit) “он отдыхает”, букв. “он ублажает свою душу”. Отсюда слово алабашьа (alabaš’a) можно этимологизировать таким образом: “палка (посох) ублажающая”.

78. Ахәара (ax°ara) “помогать” – груз. daxmareba “помогать”, “помочь”, мегр. moxuara “помогать”. В абхазском языке данное значение является переносным, вторичным, первоначальным же значением было “наклонить к себе что-либо”, “согнуть (ветку)”. Таким образом, развитие значения шло в таком порядке: “согнуть к себе” → себе “помогать”. Для семантики, ср. ахыхәа (ахәxua) “деятельный”, “полезный”, букв. “себе помогающий”, ахымхәа (ахәmxua) “бесполезный, бездеятельный”, букв. “себе не умеющий помогать” из ахы (ахә) “голова”, “себе”, м(m) – аффикс отрицания, хәа (x°a) от ахәара (ax°ara) “помогать”.

79. Хазы (xazə) “отдельно”, хаз-хазы (xaz-xazə) “по отдельности” – мегр. zoxo “отдельно”, груз. zogi “часть”, “некоторые”. В абхазском языке слово хазы (xazə) расчленяется

на ха “голова, себе” и зы (zə) “один” от слова закы (zak,ə) “один”, букв. означает “себе по одному”.

80. Аган (agan) “сторона”, “бок”, “одна из сторон”, “ширина” – груз. gani “ширина”. Соотносится со словом агылара (agəlara) “вставать, стоять, становиться”, а также “высота”, “рост”. Таким образом, развитие значения идет в таком порядке: агылара (agəlara) “вставать”, аган (agan) “высота, протяженность по вертикали (снизу вверх), одна из высот (сторон), бок”.

81. Абагьал (abag’al) “клубок канатной веревки” – груз. bagiri «то же». В абхазском языке данное слово относится к серии слов, образованных морфемой гьа (g’a) в значении “круглый”. Расчленяется на ба (ba) – словообразовательный аффикс, гьа – корень, л – суффикс со значением “состоять” (см. выше).

82. Ацшьырҳа (apš’ərha) “деревянное ведерко с крышкой для кислого молока” – мегр. apš’irqa то же. Состоит из цшь (pš’) “бок”, «сторона”, р(r) – притяжательный аффикс, ҳа (ha), ср. аҳаракы “высокий”, в целом означавшее “с высокими боками (сторонами)” (ведерко). [Кварчия, 1981, с. 124].

83. Ахьархь (ax’arx’) “пила» – груз. xerxi, мегр. xorxi то же. Звукоподражательное слово, имитирующее звуки пилы.

84. Акра (ak,ra) “держать”, “поймать”, “ловить” – груз. dak,aveba “держать”, мегр. dak,əneba то же. В абхазском языке данное слово относится к древним однокоренным глагольным основам с одним согласным, ср. а-х-ра (axra) “косить, резать”, “рубить”, а-с-ра (a-s-ra) “бить, ударять, дуть (о ветре)”, а-ж-ра (a-ħ^{ə}-ra) “копать”, аҳəра (ah°ra) “пастись” и др.

85. Ауарчан (auarčan) “артачливый, норовистый”, “упрямый” – груз. orčani то же. Оно проникло и в осетинский язык в виде očan, однако В.И.Абаев относит к грузинизмам [Абаев, 1973, с. 223]. Состоит из звукоизобразительных комплексов уар (uar), чан (čan), имитирующих определенный шум, ср.

аналогичные звукокомплексы аурур (aurur) “шум, гам, гвалт”, ауаҟьан – чаҟьан (auaq’an-čaq’an “шум какого-то спора”, ауарчарра (auarčarra) “роптать” и др.

86. Ажьакца (až’ak’ca) “ржавый, ржавчина» – груз. ž’angi то же. Входит в группу слов, образовавшихся с помощью морфемы жьа(ž’a) в значении определенной гаммы цветов: аѡажь (awᵒaћ’) “желтый”, ашьыжь (aš’əž’) “утро (по цвету зари)”, ахьажь (ax’aћ’) «сойка» (по цвету оперения), ажь (až’) “виноград» (по цвету плодов) и др.

87. Азаз «шило” – груз. зезw “колючник» “шип”. Представляет собой редуплицированную основу из зы(зə) от слова аза “тонкий”, ср., азара “талия”, букв. “нечто тонкое”. Иные объяснения см. у Г.А.Климова, А.К.Шагирова [Климов, 1968, с. 229; Шагиров, 1977].

88. Ампышҵа (amp,əšᵊta) “мочевой пузырь”, “пузырь” – груз. buš’ti то же. Расчленяется на мп(mp) “комок (уплотненный, принявший округлую форму», ср. его присутствие в слове ампыл (ampə1) “мяч” со значением “полое, пустое”, ҵа(ta) – локативный суффикс. В целом слово ампышҵа означало: “полый комок”. Для семантики ш(šᵊ) ср.: ашҵа (ašᵊta) “поляна, площадь пустая (без деревьев) ”, атыша (atəšᵊa) “яма, овраг”, букв. “полое место” и др.

89. Ашҳам (ašᵊham) “яд” – груз. š’xami то же. Состоит из ш(š) от аша (ašᵊa) “горький”, ҳа (ha) от аҳара (ahara) “польза”, м(m) – аффикс отрицания, в целом означает “горькое, вредное”, для семантики ср. аҳарам (aharam) “вредный”.

90. Атама (atama) убых. тыма (t,əma) “персик’ – груз. atami то же. Месарош полагает, что оно из убых., означавшего “сочное яблоко”, из ты(tə) “мягкое”, ма(ma) “яблоко” [Месарош, 1934, с. 257]. Однако в абхазском языке оно расчленяется на ma(ta) “мягкий” от слова amama (atata) то же, и ма(ma) – словообразовательного аффикса. Как справедливо отмечает В. Чирикба, наличие префикса а в грузинском слове может также служит доказательством его заимствования из абхазского язы-

ка [Чирикба, 1986, с. 112]. Еще большим подтверждением может служить тот факт, что в некоторых дагест. языках “персик” называется “абхазским яблоком» [Дзидзариа, устн. сообщ].

91. Аѡы (aw°ə) “вино» – груз. γwino то же. В данном слове ѡ та же морфема, что и в аѡѡра (aw°w°ra) “распространяться, раздаваться”, аѡар (aw°ar) «дождевой поток”, аѡра (aw°ra) “бежать”. Таким образом, слово аѡы (aw°ə) этимологически должно было означать: “нечто, истекающее (из виноградных выжимок)”, ср. ахшыѡ (ахљ^{ə}əw°) “ум”, букв. “нечто вытекающее, исходящее из головного мозга, из ахы (ахə) “голова”, ш(š^{ə}) “мозговая масса”, ѡ(w°) “истекающий, бегущий”.

В специальной литературе различные толкования (об этом подр. см. у Шагирова, 1977, с. 96.).

92. Ацыра (acəra) “штука” – груз. cali то же. Данное слово производно от абхазо-адыгского ац(ac) “зуб”, “зубец” → “одна штука”, которое встречается и в ряде других кавказских языков: авар. co, цахурск. sa, арчинск. os и другие [Шагиров, 1977, с. 210].

93. Адагəа (adag°a) “глухой” – мегр. dagwa то же. Еще Чарая, на наш взгляд, справедливо возводил грузинскую форму к абхазской [Чарая, 1912, с. 23]. Данное слово расчленяется на ада (ada) “вена, жила, сухожилие” и суф. гəа (g°a) со значением “изогнутый, овальный», идущий от слова агəы (ag°ə) “сердце, грудь”, этимологически означавший “изогнутая, овальная, тупая жила”, ассоциировавшийся с больным ухом, отсюда и значение “глухой”. Итак, развитие значения шло: изогнутая, овальная → тупая → глухая.

94. Аɣба (aγba) “корабль” – груз. gemi то же. Образовано от звукоподражательного элемента ɣ(γ), имитирующего “лязг железа” и словообразовательного аффикса ба(ba). Для семантики ср. с аɣа (aγa) “кузнечный мех”, являющееся звукопод. словом.

95. Ацра (apra) “парус” – груз. apra то же. Как отмечал еще Н. Марр, о заимствованном характере груз. apra может

свидетельствовать префикс а. Оно производно от абхазского глагольного корня ацырра (арərra) “летать”, “развеваться” и первоначально должно было означать “развевающееся”. Хотя и в грузинском языке представлено аналогичное слово prena “летать”, но оно без префикса а, стало быть, ацра (apra) от абхазского ацырра (арərra), а не груз. prena.

96. Амазеи (amazej) “готовый” – груз. mza то же. Корневым компонентом данного слова является морфема за(za), восходящая к глагольному корню азара (azara) «измерить зыбкие, сыпучие вещества, жидкости”, связанная с процессом заполнения какой-либо мерки (сосуда) данными веществами. На наш взгляд, развитие значения происходит таким образом: заполнить → измерить → приготовить. В значении “полный”, “исчерпанный” он встречается в целом ряде слов: азна (azna) “полный”, азхара (azxara) “вдоволь”, “вдосталь”, зынза (zənza) “совсем”, “всецело”, зегьы (zeg’i) “все”.

97. Абжьеи (abž’ej) “уксус”, “кислота” – груз. mž’ave то же. Абхазское абжьеи (abž’ej) соотносится с глагольным корнем абжьыспа “испортиться, скиснуть», ср. абжьыс (abž’əs) “испорченный (о человеке)”. Помимо данного корня, оно содержит оценочный суф. еи → аи (ej → aj). Таким образом, абжьеи (abž’ej) “испорченное, скисшее (о вине)”.

98. Атқəа (atq°a) “пленный” – груз. tqwe то же. Расчленяется на т(t) со значением “места”, ср. атыша (atəšᵊa) “овраг”, где т(t) также означает “место” и қəа (q°a) от глагольного корня ақəра (aq°ra) “согнуться (покориться чьей-либо силе)”, “согбенный”.

99. Ахьз (ах’з) “имя, слава” – груз. saxili “звать”. В абхазском языке данное слово производно от глагольного корня (ах’зara) “догнать, достичь чего-либо”, “достижение”. Он, в свою очередь, расчленяётся на ахь(ах’) -из преверб направлени (отсюда туда) обстоятельственная частица со значением “слух, весть”, ср. изы ааѡит (ізə aaw°it), “весть (слух) о нем раздалась.

100. Ахәаҷа (ах°аč’а) “мелкота”, “насекомое” – груз. хоć,о “жук”. Состоит из ахәа (ах°а) «мелкие черви” и ҷа (č.а) “маленький”.

101. Ардәына (ard°әna) “дрозд” – груз. jadoni “канарейка”. Расчленяется на три компонента: р(r) – префикс (неясного происхождения), д(d°) “поле”, на(na) “место”, букв. означавшее “полевая птица”. В специальной литературе его принято считать греческим заимствованием [Ломтатидзе].

102. Аҕар (аγar) “бедный” – груз. γaribi “бедняк”. Произошло от слова аҕа (аγа) “редкий”, р(r) – словообразовательный суффикс.

103. Акалмаҳ (akalmah) “форель” – груз. k’almaxi то же. Состоит из кал(k,al) от акала (ak,ala), дкалаза (dk,alaza) “стройный”, м(m) – аффикс наращения, ҳ(h) со значением «высокий”, “вытянутый”, ср. аҳаракы (aharak,ә) “высокий”, “вытянутый”. В целом данное слово должно было означать “нечто вытянутое, стройное”. Рыба названа так из-за своей формы.

104. Аҟәыц (ak°әc) “колючий куст” – груз. kvici то же. Состоит из аҟә “сверху, верх”, (ср. аѳны аҟә (aw°nә ak°) – “верх дома, крыша” и ц(c) от слова ац (ac) – “зубец”, “зуб”, означает “сверху зубец” или “сверху, усыпанный колючками”.

105. Ахага (axaga) “сумасшедший” – мегр. axanga то же. Состоит из ахы (ахә) “голова”, га(ga) со значением “недоставать”, “не хватать”, соотносящийся со словом агра (agra) “недостаток”, “изъян”, “инвалидность”, в мегр. – с наращением н.

106. Аҕәра (аγ°ra) “узда, уздечка” – груз. аγwiri то же. Корневая часть данного слова соотносится со словом аг°г°а “крепкий”, “сильный”, а р(а) – словообразовательный суффикс.

107. Аҳаҭа (ahata) “бурдюк”, “мех” – груз. xalta, мегр. xarta то же. Из ҳа(ha) “колыхаться” ср. аҳаиҳаира (ahajhajra) “пыхтеть, кряхтеть, тяжело дышать”, аҳашҳашра (ahašʰhašʰra) “запыхаться” и ҭа(ta) “мягкий”. В целом означавшее “нечто колышащееся, мягкое (не туго наполненное вином, мех)”.

108. Аныга (anəga) “подойник” – мегр. nəga то же. Производно от глагольного корня аныгара (anəgara) “уносить, убирать”, в свою очередь, расчленяющегося на ан(an) преверба-основы со значением “ограниченная горизонтальная поверхность” и га(ga) от агара (agara) “уносить”, “нести”, “взять”, букв. означает “то, чем убирают (молоко)”.

109. Аха (аха) “кол” – груз. хе “дерево”. Абхазское слово аха соотносится с глагольным корнем ахра (axra) “резать, рубить, точить”. Таким образом, этимологически оно должно было означать “нечто отрезанное, отточенное (для вбивания в землю)”. Для семантики ср. аахара (аахara) “ударять”, ахра “точить”, ахы (ахə) “пуля”.

110. Ахəы (ах°ə) “доля, еда”, “часть” – груз. xvedri, xwedri, xoda, мегр. bxuad, xualam то же. Абхазское ахəы (ах°ə) состоит из х от ахы “голова”, “себе” и у(u) от аура (aura) “получать”, в целом этимологически означавшее “получаемое для себя”, “предназначенное себе, своей голове”.

111. Аҟəраан (aq°raan) (ворона) “ворона” – š° груз. qorani то же. Птица получает свое наименование по издаваемым ею звукам.

112. Азиқəа (азik°a) “панталоны (нижние)” – мегр. зikua то же. Состоит из з от глагольного корня азара “прятать”, “скрывать”, ср. также амаза (amaza) “секрет”, “тайна” и қəа (k°a) от аиқəа (aik°a)“ штаны (верхние), брюки”, в целом означает “спрятанные, скрытые штаны”.

113. Аҷаҷа “почки” – мегр. то же. Соотносится со словом аҷаҷра “низать”, “делать мелкие сборки”, ср. также акҷыра “морщины», “складки”.

114. Шəкы (s°k,ə) «сто» – груз. asi, мегр. os’i то же. Абхазское шəкы (s°k,ə) «сто» распадается на шəы(s°) со значением «сто» и кы (k,ə) «один», в целом означавшее «одна сотня», ср. ҩышə (w°əs°) «двести», букв. «две сотни». Элемент шə (s°) первоначально означал не конкретное число «сто», а «нечто далекое, призрачное, неопределенное», для семантики

ср. его значение в слове ашәиқәа (as°ik,°a) «зори», ашәиқәа далоуп (as°ik°a daloup,) «он витает в облаках, в поднебесье, в призрачном мире». На наш взгляд, то же значение лежит в основе слова ашәы (as°ə) – «страна абазин, осетин, осов», букв. «нечто далекое, призрачное, неопределенное». В специальной литературе слово шәкы (ʃ°k,ə) сближают с индоевропейским [Койперс] или с др. – инд. cata-m “сто” (Муфти), а ашәы возводят к адыг. хаš’°a, š’°a, č’°afa в значении “степь”, “равнина”; Генко – к осетинскому этнониму ас(as), ср. груз. ovsi/osi, а также др.-русск. асы/ясы.

115. Ашәваз (aš°vaz) “дверная рама». Состоит из ашә (aš°) “дверь”, ва (va) от авара “бок” и з(z) со значением “гладкий”, ср. аѡыз (aw°əz) “гладкий», “ровный”, арѡызра (arw°əzra) “подровнять, сгладить”. В целом слово ашәваз (aš°vaz) этимологически означало: “гладкий дверной бок (рама)”. В специальной литературе принято считать картвелизмом [Ломтатидзе, 1977, с. 178, 332].

116. Ажәыԥхь «осетр» – груз. zutxi, мегр. zuntxi. В абхазском языке рыба получает свое наименование по внешней форме, состоящее из жә(ħ°) со значением «большой» ← старый, н — аффикс наращения, ԥхь (tx‘) – о выпуклых хрящах.

117. Аура (aura) – груз. uro «деревянный молот, кувалда». В абхазском языке исходным значением данного слова было «необъезженный, неприрученный, необузданный» (о лошади). Молот получает свое наименование по ассоциации, который из-за своей неуклюжести плохо подчиняется.

Ряд звукосимволических слов с прозрачной этимологией, обнаруживаемых в абхазском и картвельских языках, мы относим также к абхазизмам, так как для абхазского языка, как выясняется, в целом весьма характерен данный тип словообразования.

Абх. абақь (abak’) “бахвальство”, “хвастовство” – груз. bakja “хвастун”, “бахвал”; абх. азыԥзыԥра (азγзγра) “дрожать”, “трястись” – груз. зігзіга то же; аб ақыжра (aq’əžᵊra)

“кричать” (для птиц) – груз. k’iž’ina то же; абх. аҟәырҟәырра (aq°ərq°ərra) “бурчать” – груз. qurquri то же: абх. атҟәацра (atq°acra) “взрываться” – груз. tq’orcna то же; абх. акамкам (ak,amk,am) “прозрачный (о воде) – груз. kamk’ami то же; абх. ицамцамуа, ицеицеиуа (icamcamua, icejcejua) “мерцать, мерцающий” – груз. cimcim то же; абх. алақлақра (alaklakra) “болтать», “тараторить” – груз. laklaki то же и др.

Литература

1. Абаев В.И. О принципах этимологического словаря // ВЯ. М., 1956.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I, Л., 1958.
3. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. Сухум, 1956.
4. Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
5. Анчабадзе З.В. Абхазское царство и абхазы. – История Абхазии. Сухум, 1986.
6. Аджибеков Е.С. Грамматическая и семантическая характеристика элемента р в абхазском и абазинском языках// Проблемы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1986.
7. Бгажба Х.С. Некоторые вопросы абхазской топонимики. Труды, 1. Сухум, 1987.
8. Бжания Ц.Н. Скотоводческое хозяйство в Абжуйской Абхазии // Труды АБНИИ. Сухум, 1957.
9. Генко А.Н. Абазинский язык. М., 1955.
10. Гамкрелидзе Т.В. Диахроническая лингвистика и картвельские языки // ВЯ, №3. М., 1971.
11. Гублиа Р.К. Абхазский язык и его место среди других кавказских языков // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Сухум, 2000.

12. Гублиа Р.К. Абхазский язык и его отношение к картвельским языкам // Сборник научных трудов Абхазского государственного университета. Сухум, 2000.
13. Гублиа Р.К. К этимологии топонимических элементов цшь/шь в абхазо-адыгских языках //Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения выдающегося историка-кавказоведа З.В. Анчабадзе. Сухум, 2000.
14. Гублиа Р.К., 1997. К этимологии элемента цс в абхазо-адыгских языках // Актуальные вопросы абхазо-адыгской филологии. Карачаевск, 1997.
15. Гублиа Р.К., Абхазо-адыгские этимологии. Сухум, 2004.
16. Гублиа Р.К., 2002. Абхазские заимствования в картвельских языках. Сухум, 2002.
17. Джанашиа С.Н. Черкесский (адыгский элемент) в топонимике Грузии // "Сообщ. Груз. Филиала АН ССР", 1940. Т. I, №8.
18. Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Т. I. Тбилиси, 1951.
19. Дзидзария (Дзари О.П.) Строительная лексика абхазского языка. Сухум, 1989.
20. Дзидзария О.П. Море и абхазы. Сухум, 2002.
21. Дзидзария О.П. Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Сухум, 2000.
22. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 1976.
23. Инадзе М. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии // Разыскания по истории Абхазии // Тбилиси, 1999.
24. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
25. Койперс А.Н. Phoneme and morpheme in Kabardian. S-Gavenhage, 1960.

26. Кварчия В. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухум, 1981.
27. Касландзия В.А. Фразеологичесий словарь абхазского языка. Сухум, 1999.
28. Ломтатидзе К.В. О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов // «Мнатоби», 1956, №12.
29. Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков, I. Тбилиси, 1976.
30. Ломтатидзе К.В. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944.
31. Ломтатидзе К.В. Абхазское слово ауаҩы (ауаw°ə) "человек" // Сообщ. Акад. наук Груз. ССР. Т. IV, №7. 1943.
32. Ломтатидзе К.В. К вопросу о закономерном и регулярном характере звуковых соответствий // ЭИКЯ. 1982.
33. Ломтатидзе К.В. К вопросу об окаменелых экспонентах грамматических классов в именных основах абхазского языка. // Сообщ. АН Груз. ССР. Т. XXVI, №1. Тбилиси, 1961.
34. Ломтатидзе К.В. К этимологии слова Рица // IV научная сессия института языка им. Марра. Тбилиси, 1947.
35. Орелкин В.С. Культовый памятник древнего скотоводства абхазов // Известия, №1. Сухум, 1977.
36. Филин Ф.Н. К проблеме происхождения славянских языков // ВЯ, №5. М., 1976.
37. Чикобава Арн.С. Введение в языкознание, I ч. М., 1953.
38. Чикобава Арн.С. Введение в иберийско-кавказское языкознание. Общие принципы и основные положения // ЭИКЯ, № VII. Тбилиси, 1980.
39. Чикобава Арн.С. К вопросу об отношении картвельских языков к индоевропейским языкам // ВЯ, №2. 1970.
40. Чикобава Арн.С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. Известия // ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942.

41. Чикобава Арн.С. Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик // ИКЯ, II, 1948.
42. Чирикба, 1986 – Чирикба В.А. Абхазские лексические заимствования в убыхском языке // Проблемы лексики, грамматики языков народов Карачаево-Черкесии, Черкесск, 1986.
43. Чирикба В.К. К вопросу об абхазских заимствованиях в мегрельском языке // ВЯ, №4. М., 1998.
44. Шакрыл К.С. Труды. Сухум, 1985.
45. Шакрыл К.С. Лексические и звуковые соответствия в абхазско-адыгских языках. Сухуми, 1968.
46. Шагиров А.М. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.
47. Шагиров А.М. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.
48. Яковлев Н.Ф. Грамматика адыгейского языка. М. Л., 1948. Этимологический словарь. М., 1971.
49. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1977.
50. Шагиров А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1989.
51. Шанский Н.М. Краткий Этимологический словарь. М., 1971.
52. Гублиа Р.К. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. Сухум, 2002.)

«Уашхәа мақьаҧсыс» аҭоурых ахьтә

Абызшәақәа зегьы рҽы ишыҟоу еиҧш, аҧсуа бызшәаҿгьы ажәақәа зегьы аки-аки еимадоуп, еихьҧшуп ма ҧакыла, ма формала. Урҭ еимаданы иҟазҧо ажәа аҧаки афармеи аазырҧшуа ажәа ахәҭақәа роуп. Абас ала ажәақәа реибыҭара асистема шьақәнаргылоит: микро-система – ажәа гәыҧ мачӷ, макро-система – ажәа гәыҧ ҭбаа. Урҭгьы дара-дара еимадоуп, машәырны ажәа ҟалазом, машәырны егьырҭ ажәақәа зегьы ирылкьны игылоу атәым бызшәақәа рахьынтә иалало ажәақәа роуп (заимствованные слова). Аха урҭгьы раҧхьа ианаланагало ауп, ашьҭахь ишнеиуа реырыҧсахуеит, аҧсуа ажәа гәыҧқәа ирышьашәаланы иҟалоит. Уимоу зны-зынла убриаҟара реырыҧсахуеит, ахатәы ажәақәоушәа игә-наҳкыло аҿынза иназоит.

Ус еиҧш зеызыҧсахыз, зышьҭа зырзыз иалалаз ажәақәагьы ҷыдала рыҭҧаара анаҭаххо рацәоуп. Иаҳҳәап, ажәа адоура «азәы иазбра», еидоуит «еинызбит» – аҭырқәшәахьынтә иаагоуп дава «спор», «аимак» аҿынтә. Аҧсшәа ианаланагала мачӷк аҧакгьы, аформагьы аҧсахит. Иаагап даеа ажәак: «амханагьла» «аҧханагьла» ақыртшәа ахьынтә иаауеит, амханагьи «аѳыза» аҟнытә. Аҧсшәаҿы мачӷк аҧаки афармеи аҧсахит, аҧханагьла иаанаго «еишьашәалоу ауаа» ауп. Ишдыру еиҧш, ажәахырҿиаагатә маҭәахәқәеи ажәахырҿиаагатә хкӷәеи имазеины абызшәа иалоуп, урҭ рхы иадырхәоит ажәа ашьақәыргыларан. Аха иҟалаз убри ауп, абызшәа еснагь аҿеиҭанакуеит, аҿаҧсахуеит, иҿиоит, ҭыпк аҿы ишьақәхаланы иҟазам, зыҧсы ҭоу иѳызоуп. Убри иабзоураны, абызшәаҿы еснагь иҟоуп ажәытәи аҿатәи, абызшәа иканажьуа, ишьҭнахуа ажәахырҿиаагатә маҭәахәқәеи ажәахырҿиаагатә хкӷәеи. Ажәытә шьагәыҭқәа, аффиқсқәа рҧакы, рхылҧышьтра, рҭоурых ырзны баша дырганы, символны ианыҟало рацәоуп. Урҭ рыҭҧаара, ҭҧаарадыррала рызнеира аҭа-

хуп, иаҳҳәап, ажәа аҵла – аҵла захьзу, абна – абна уҳәа уб. иҵ.

Иахьа ахархәара змоу ажәа маҭәахәқәа, ажәа хырҽиаагатә ххқәа рыла еибыҭоу ажәақәа рхылҵшьҭра ашьақәыргылара дарараза имариоуп, урҭ аҵсышәала иҵәажәо зегьы рзы еилкааун, иаҳҳәап, ажәа *абзиабара* шьақәгылеит ажәақәа *абзиа, абара* еилаланы, *аусура – аус, аура* еилаланы, *амшынҵа – амши, анҵареи* еилаланы уб. иҵ. Аха хазы иаагозар урҭ злашьақәгылоу ахәҭақәа – *абзиа, аус, амш* рхылҵшьҭра рҭоурых ызхьеит, убри аҟынтә урҭ унадыххыланы еилукааун иҟазам, урҭ ирҭахуп ҷыдала аҭҵаара, мамзаргьы ретимологиа ашьақәыргылара (етимон – «аиаша», логос – «аҵара»).

Аха араҟа иҵәырҵыр ҟалоит азҵаара – изаҭахузеи ажәа аҭоурых аҭҵаара, амаҭәар иахьзу ахьзуп, иабаҭаху артытра ҳәа. Аетимологиа абызшәа аструқтура аҭҵаара инаваргыланы, уи ныҟәызго ажәлар рҭоурых ҭәҭәала иамадоуп. Ажәлар рынхашьа-рынҵышьа, рбзазашьа, изхысыз-изҵысыз, рдунеихәаҵшышьа, рқьабз, рҵас, аҵсабара ишазыҟоу ажәытә аҷатә зегьы иара ианыҵшуеит. Ари аҭагылазаашьа еиҳагьы аҵакы ҭәҭәоуп, аҵсуа бызшәеиҵш ажәытә ҩыра, ажәытә баҟақәа змамыз абызшәақәа рзы. Иаҳҳәап, аурысҷәа рбызшәа зеиҵшраз Х ашә. инаркны шаҟа аесиҭанакыз злардыруа аҩыратә баҟақәа рылоуп. Аҵсуа бызшәеи уи ныҟәызго ажәлар рҭоурыхи рзы баҟас иҟоу иара абызшәа ахаҭоуп. Убри аҟнытә абызшәа аҭоурых аҭҵаара ииашамкәа уазнеир (ма идырны, ма идырымкәа), уи ажәлар рҭоурых арҩашьарахь кылнагоит. Еилкааун аетимологиа аҭҵаара закәытә ҭакҵхыҷәроу иаҵаҵәаху, уи аҿазкра шаҟа игәаҧылаҵәоу. Убри азакәхап иахьа уажәраанзагьы аҵсуа бызшәадырраҟны аетимологиа (ажәақәа рхылҵшьҭра ашьақәыргылара) иахәҭоу ахшыҩзышьҭра зазум. Иаагозар, уажәраанзагьы иҳамазам аетимологиатә жәар.

Ибзианы иҭцааупҳҳәар ҟалоит афонетика, аморфология, асинтаксис, иҟоуп еиусиԥшым ажәар хкҟәа. Аԥсуа грамматика аҭцаара иалагеит XIX ашә. аѡбатәи азбжазы аурыс генерал, абызшәадырѡы П.К. Услар ибзоурала. Уи имѡа иқәлеит, ҭәҭәалагьы аус азыруит аԥсуа грамматика абызшәадырѡцәа нагақәа, азәымкәа-ѡыцьамкәа (Марр, Иаковлев, Генко, Ломҭатизе, Аллен...). Аграмматика аҭцааѡцәа ирымѡатәны иалкааны аԥсуа жәақәа акык-ѡбак рхылԥшьтра ианалацәажәо ыҟоуп, аха урҭ злоу асистема еҵырҭ ажәақәа ирызхьамԥшкәа акәын ишазнеиуаз, убри аҟнытә арѡашьарақәа ҟамлар залшомызт. Аха еиҳарак уи зхароу аԥсуа бызшәа аматериал инҭкааны иахьырзымдыруаз акәзар ҟалоит.

Ишдыру еиԥш, кавказтәи абызшәақәа ретимологиа (иара убраҟа аԥсуа бызшәа иазыҟоу адыга бызшәақәагьы налацаны) ҭырцаахьеит, ирзацырцахьеит аетимологиатә жәарқәа. Урҭ аусумҭақәа рыҟны ирызхьаԥшуеит аԥсуа ажәақәагьы, еиҳарак еиԥшу ажәақәа. Аха араҟа хыла аԥсуа етимологиа макьана иахьыҭцаам рхы иархәаны, аԥсуа ажәақәа, шамахамзар, ишыҟоу акәымкәа, дара ишырҭахыз, иахьырҭахыз амаа аҭаны иазнеит. Уи икыланамгар алшомызт аԥсуа бызшәа аҭоурых арѡашьарахь, уи инамаданы ажәлар рҭоурых арѡашьарахь.

Еиҳарак ари аинтерес змаз ақыртуа царауаа ракәын, аԥсуаа рҭоурых арѡашьара хыкәкыс ишрымаз еиԥш, рбызшәа аҭоурых арѡашьарагьы хыкәкыс ирыман. Урҭ ирзымдыруа иҟазма ажәлар рҭоурых абызшәа аҭоурых ишамадаз. Ақыртуа царауаа кавказтәи абызшәадырра хырхартас иартаз иқәныҟәаны, абызшәадырѡцәа дасу дара рбызшәа иадгыланы, аԥсуа бызшәа иаԥшәымадоу бызшәас ицхьазаны иазнеит, уи иахьыкылнагаз усгьы идыруп.

Абри аҭагылазаашьа еснагь иаҿагылан К.С. Шьақрыл, Т.П. Шьақрыл, Е.П. Шьақрыл, аха усгьы амчра змаз дара ақыртқәа ракәын, кавказтәи абызшәадырра хадара азы-

зуагьы – дара (усҟан иберия-кавказтәи абызшәадырра зыхьзыз) астимологиа аполитика иадҳәалаз амҩа ркит, аграмматика ауархал азышьҭарцеит.

Аха рыцхарас иҟалаз, убарҭ аилагарақәа иахьа уажәраанзагьы шамахамзар иреиим. Кавказтәи абызшәадырра цасатәи ахырхарҭа аҿагылара гәаҧылацәахеит, уаҟа иҟалеит ахьз нагақәа, дара рыхцхьазараҿы ҳара иаҳзааигәоу ажәларқәа рхаҭарнакцәагьы, дара рышәшьыра аҧыцыра имариам усхеит.

Иахьатәи аҧсуа бызшәадырҩоы ихы иара даҧшәыманы данықала, атеориа аганахь ала азықаҧара ҩаза имазар, урҭ ахьз нагақәа дыдмырблакьароуп, ишькламҳәыроуп, избан акәзар уи аҧыжәара имоуп иҧәгәоу ганк ала: аҧсуа бызшәа дынҭаҳәа-аатаҳәо, ахи-аҧыхәеи ибзианы идыруеит (идыруазароуп), уи ахақәгәыцра инатозароуп. Абызшәа ззымдыруа, егьа жәар дрыцхьаргьы, ихы иаирхәаргьы, уи абызшәа аҧанза дызнеиуам.

Абраҟа салацәажәар стахуп кавказтәи абызшәақәа акырҧьара иаҳцыло, ирзеиҧшу ажәа Уашхәа, нас аҧсшәаҿы уи иацааиуа мақьаҧсыс. Иҟоуп еиуеиҧшым агәаанагарақәа, аимак-аиҿак, аха аҧыжәара аганы иҟоуп уи адыга ажәоуп, уахьынтә егьырҭ абызшәақәа рахь иаланагалт ҳәа (аҧсуа, абаза, аубых, ауаҧс).

Уашхәа мақьаҧсыс – ақәра, анықәра, аргәаҟра аанагоит. Иаҳцылоит еиҳарак ажәлар рҿаҧыцтә ҳәамҭақәа рҿы, иара убас аиҳабацәа рҿцәажәашьаҟны «уашхәа идырхәеит» ддыргәаҟит аҧакы аманы. Иаҳцылоит адыга бызшәақәа рыҟны, аха актәи ахәҭа мацара: уашхъуа//уасъхъуа «мақьаҧсыс» аҧымкәа. Уи ситаргоит абас – «О, небо», «клянусь» ҳәа. Иҟоуп аубых бызшәаҿы, иара убас ауаҧс бызшәаҟынгьы.

Адыга бызшәадырҩоцәа ргәаанагарала, уашхуа/уашьхуа – адыга ажәоуп, уантәи егьырҭ абызшәақәа рахь иаланагалеит.

Ш.Д. Инал-ипа игәаанагарала уашхәа мақьапсыс апсуа бызшәа иахатәуп, уи астимологиа абас ишьақәиргылоит: Уа – уара ақнытә, уа анцәа ақны ахархәара змоу аҩыза; ш – ашкәакәа ақнытә; хәа – ахәы «доля», «часть» апакы ақнытә. Абас ала, рапхьатәи апакы – «Уа, ажәҩан лашара иатәу (иахәыуа)». Уа ажәҩан анцәахәы, мақьапсыс – ахаҳә ауп ҳәа. Аха урт еидутцар, апакы маншәалахом (уа, ажәҩан лашара иахәу мақьапсыс?).

Ишдыру еипш, ажәақәа рхылпшьтра аттцаараан абызшәатә дыррақәа аназымхо ыкоуп, уска ирызхьапштәуп еиуеипшым екстралингвистикатә дыррақәа: афольклор, етнографиа, атоурых, археологиа. Ишаҳҳәаз еипш, ажәеидхәала Уашхәа мақьапсыс иахьа иахьаҳцыло афольклор акноуп. Еиҳарак Зызлан-Заҳкәажә илыдхәаланы. Иаҳҳәап, Зызлан илиааины данырклак, Уашхәа мақьапсыс лдырхәон уаҳа азәгьы дшицырхагамхо ала, доурыжьуазар. Уи ахацәа дырцырхагоуп, ицхасталтәуеит ҳәа ирыцхьазон. Абас данқәлак лыгәра ргон, лажәа шеилалымго ала, дагьаурыжьуан. Уи адагьы Уашхәа рхы иадырхәон, ауаҩы аказы ауама дақәдыршәеит, ддыргәакит, ицәа дтырхит рхәарц аныртаху. Абрака иқәгылоит азцаара: закәытә гәакроузеи, закәытә хлымзаахреи Уашхәа иататцәахыз, уи иацәшәаны ианықәуа аҷынза ианнеи. Ауаҩы «Анцәа иныс» аниҳәа, иажәа деижьом, иажәа еилеигом дшәаны. Убас икоуп афы амчгьы (иқшо, ауаҩы дызшьуа), уи иацәшәаны, нцәахәыс икатцаны иамтцаныхәо иахьыкалаз.

Екстралингвистикатә дыррақәа излаҳарҳәо ала, апсуа жәлар ртоурых дакьақәа рыкны ауаҩ изы агәакрақәа зегьы иреиҳаны ирыцхьазоз ашхәарра, азырхәра пиратство иадхәалаз ахтысқәа ракәын. Ашхәа, Уашхәа мақьапсыс акны иаабо ажәа, хымцада, ашхәарра иадхәалоуп уҳәартә икоуп. Ажәытәтәи антыцтәи аҩыратә нцамтақәа ишаадырпшуа еипш, апсуаа ианакәызаалак ғәғәала амшын иадхәалан, имҩацыргон ахәаахәтрақәа, антикатә аамта

аахыс абырзенцәа ирҽырцааз азырҳәарагьы иара убра иналатцаны.

Аҧсуаа рхала иҟарцон ашхәақәа, еиуеиҧшым уи аххқәа, аҧбақәагьы убра иналатцаны. Амшыни аҧсуааи реизыҟазаашьа, реимадара наукала итырцаахьеит антыцтәи аетнографцәа, еиҳарак аурысҟәа. Аҧсуа царауаагьы – аетнографцәа, атоурыхтцааѡцәа, афольклористцәа, абызшәадырѡцәа – урт цәырганы ихартәааны аҧсуа цхьаѡ идыргалахьеит. Сара араҟа уи азцаара ртытаны салалом.

Аха араҟа иазгәататәуп аҧсуаа рҽацыцтә ҳәамтақәа рҽы атыц ҭәҭәа шааннакыло амшын матәахәқәеи, мшынла ахәаахәтреи, азырҳәреи, ашхәарреи ирыдҳәалоу ажәақәа, ажәеицааираҟәа, ажәаԥҟақәа, афразеологизмқәа. Аҧсуаа уск антәи аамтазы ашхәарра малрҳагас, хатцарас ирыцхьазон, хьзы рҳагас ирыман. Еиҳарак изышьтаз ауаацсыра ракәын, урт тҟәаны иргон, тәыс иҟарцон, рыхьз, рыжәла рхыхны, атәымаԥьара иртиуан, рыхә ыцырхуан. Аха уи аѡыза арыцҳара иташәар ауан дара рхатақәагьы ианатцахоз аамтазы, атәым шхәақәа ианрыхәхоз. Уи иашьтамтоуп, иаххәап, аҧсуаа рҽацыцтә ҳәамта хамштхәны иалатцәаз ажәаԥҟа «Зашхәа утоу иашәа ҳәа». Уи иахьа иааиаго узыкәшәаз усанраал ауп, мамзар иара иатцатцәаху агәаҟра, арыцҳара аҧстазаара иахханарштхьеит, ашхәарра ацыхәа анцтцәа аамта инаркны (XIX ашә., актәи азбжазы).

XIX ашә. алагамтазы аҳәынтқар Николаи II иминистрцәа руазәы иашшыцхьыз еиқәиршәаз иаҳәон: аҧсуаа аанкыламзар, урт еиқәхацса бԥьарла сибытоуп, ашхәақәа рымоуп, рааигәара уаѡ дызнеиуа иҟам. Ас мацара ицо иалагар, урт аанаҳамкылар, ҳагбақәа зынза дара рҟәарахьы изымнеиуа иҟалоит. Ажәа ашхәарра ашхәа аҟнытә иаауеит, амшынрныҟәага. Ашхәақәа, ишаххәаз еицш, аҧсуаа дара рхала иҟарцон, цәымг адымгалакәа, атцла дуқәа тцәаани, ахи ацыхәеи ырхәаны аҟәара акыдгыларазы иманшәаланы. Рацхьатәи ашхәақәа азәы-ѡыцьа акуа иҟарцон,

аха ашьҭахь ишнеиуаз 20-25-ԝык, уимоу 200-ԝык зкуазгьы ҟарҵо иалагеит. Урҭ абырзенҵәа «Камари» ҳәа иашьҭан. Аҵысшәала иара аҟаҵашьа, аибыҭашьа ахьз иҳанаҳәоит, уи ахьз иагәылоуп.

Ашхәа – астимологиа ҟалоит абас: ш – иҭаҵәу (иҭыҵәааау), хәа – ирхәоу (ахыи аҵыхәси). Ш – аҭаҵәы уи шаанаго ҳзырбо ажәаҟәа рацәоуп аҵсшәаҿы, иаҿшә. ашҭа — иҭаҵәу, ҭла зыкәгылам адәы; абаша – иҭаҵәу, аҭашақьа, ахаштра (зхы ҭаҵәыз) уб. иҵ.

Ари афразеологизм аҟны ашхәа иаҵу аԝбатәи ахәҭа – мақьаҵсыс ажәа амақьасара иадҳәалоуп, иаҿшә «аҳәызба уамақьасоуп», «аҳәызба уахәхааит» ауп иаанаго. Ус анакәха Уашхәа мақьаҵсыс иаанагоз «Уашхәа дахәхааит», «уашхәа дамақьасоуп» акәын. Рацхьа, сара сгәанала, зеиҧашьарак аҳасабала ирҳәон, ауаԝы шәарыцара ицоз «удырԝатә еиҧхааит» ҳәа шиарҳәоз еицш, аха нас ишнеиуаз ашәира, аныҟәра аҵакы аанахәеит, уи иаҵаҵәахыз аҵәгьара иазхәыцны. Атәым шхәа иаҟәланы атҟәаҵәа аныргоз уама еиҟәаҵәа рхаҿы иааргон, мчыла усын, еибарххаран, урҭ ҿырымтразы аҿаца рҿарцон. Уажәы иахьа «аҿаца уҿалама» ҳҳәоит ҿызымтуа ауаԝы изы, аха иахьынтәааува ҳхаштхьеит, уи нханы иҟоуп ажәлар рҿацыцтә ҳәамтаҿы ашхәарра иадҳәаланы. Аҿаца захьзыз мпылын, аехәыц иалхны иҟарцон, наҟ-ааҟ ашаха аҵданы, ауаԝы иҿы иҭарцон, изҿымтразы.

Адыга бызшәаҟәа рыҟны иҟазам ажәа ашхәа амшын аҿы арныҟәага аҵакы змоу, насгьы иҟазам ажәа «амақьасара», «мақьаҵсыс». Убартқәа рыҟнытә Уашхәа аҵсшәахьынтә адыга бызшәаҟәеи, ауаҵс бызшәеи рахь иаланагалт уҳәартә иҟоуп, аха рацхьатәи аҵакы аламкәа, ашьҭахьтәи аҵакы – нцәахәык еицш ицхьазаны иамҵаныхәо, ианықәуа ианалага ашьҭахь. Убри азы акәхап аубых бызшәаҿы Уашхәа – ададиамацәыси, анцәеи заанагогьы. Омар Биуиук ишазгәеиҭо ала, «Уашхәа мақьаҵсыс» нцәахәуп, амшын амчқәа анапаҿы иҟоуп, убри аҟнытә

амшын ихугьы рлахьынца иара иашоит. Ахархәара амоуп аныҟәра, аҟәра ацакала. Уи ианыҟәыз (убри аҟара амч ҭәҭәоуп) иажәа ахаангьы еилеигом, ирҭаху азәы иныҟәыр, ма изыцәшәо акы ианыҟәыр, ражәа шеиларымго еицш. Иахьа, ҳәарада, урҭ ацакқәа цсыҷхеит: «Анцәа инысгьы», «Уашхәа мақьацсысгьы» реиҳа амц анырхәо рхы иадырхәаргьы ауеит. Ҳара ҳазлацәажәо аҭоурых ауп.

Аха араҟа иазгәаҭатәуп мақьацсыс амақьасара ажәа амақьа аихалых ахразы, арццышәразы рхы иадырхәо аҟнытә ишааua (аҿага, абаҳа, аҳәызба). Аџсуа бызшәаҿы аихалыхтә маругақәа рыхразы ҩ-хкык ыҟоуп: акы – амақьа – ацсабаратә хаҳә ҷыда, егьи – амақьацсыс – амҷелых.

Ш.Д. Инал-ипа ишазгәеиҭо ала, амақьацсыс араш тҵла агәыцә иалырхуан, уи цәрыџсаны аформа цшза аҭаны, анышә ицарцон арцсасииразы. Уи анышә ицазар акәын 7-шыкәса. Рхы иадырхәон аибашьыга маҭәахәқәа – аса, аҳәа, аҟама рыхразы. Уи аганахьала ҳахәацшуазар, Уашхәа мақьацсыс аибашьыга маҭәахәқәа рхыга аныкәроуп иаанаго: Уашхәа мақьацсыс «клянусь точильным камнем». Ишдыру еицш, адыга бызшәақәа рыҷгьы уашхәа ахаҳә ацны ахархәара амоуп: «Уашхо мывашхо» ҷана аҟны «клянусь голубым небом, голубым камнем» ҳәа еиҭарго.

Аҭоурыхҭцааҩы Н.Л. Членова ишазгәалҭо еицш, акиммериицҵәа (урҭ адыга племиақәа иреиуоуп ҳәа илыцхьазоит) иныҟәыргон ахаҳә сақәа нцәахәык иҳасабала, ажәҩани амацәыси ирынцәахәны, С.Х. Хотко игәаанагарала, – ажәҩан нцәахәны, избан акәзар афы нцәахәы ҳәа адыга бызшәақәа рыҟны хазы иҟоуп – *шибле.*

Сара сгәанала, акиммериицҵәа рхаҳә ацхьа иныҟәыргон аибашьыга м*аҭәахәқәа рыхразы, раԥхьа аса «меч»,* нас егьырҭ аххқәса – аҳәа, аҟама. Ишнеиуаз, егьырҭ аибашьыга маҭәахәқәа зегьы реицш, нцәахәыс ицхьазаны иамцаныхәо, ианыкәуа иалагеит.

(Труды АГУ. Сухум, 2008.)

Об этимологических изысканиях Ш.Д. Инал-ипа

Ш. Д. Инал-ипа – уникальное явление в абхазской науке и культуре. Трудно назвать какую-либо область научной деятельности в абхазоведении, которая не была бы связана с его именем.

Как говорят, у каждого своя правда, но истина – одна. Истина всегда проста, но путь к ней очень сложен. При всех обстоятельствах надо находить ближайший прямой путь, а не окольный, как это делают многие ученые, не говоря уже о номенклатурных ученых, стремящихся свою деятельность окутать ореолом загадочности, таинственности, чтобы возвеличить себя и свое дело. Ш.Д. Инал-ипа как подлинный ученый был чужд всему этому, он занимался наукой, не заботясь о себе, о своем благополучии, за что часто расплачивался в результате выпадов против него со стороны врагов и недоброжелателей.

Как известно, начало научной деятельности Ш.Д. Инал-ипа совпало со временем развернувшейся кампании грузинских ученых по дискредитации всего абхазского – ее прошлого и настоящего. Агрессивная политика грузинских властей была направлена на игнорирование вопросов истории Абхазии, они вынашивали на протяжении многих десятков лет идею расширения Грузии за счет территории соседних стран, прежде всего, Абхазии. Эта идея была взята на вооружение грузинскими учеными, которые начали лихорадочно фальсифицировать историю Абхазии, таким образом, будто она никогда не имела собственной истории. И якобы Абхазия политически, этнически ничем существенным не отличается от таких грузинских областей, как Кахетия, Имеретия, Картли и т.д., из чего следовало, что она одна из грузинских провинций, а средневековые абхазы являлись грузинскими племенами, ассимилированными «апсуйцами», спустившимися с гор пару веков назад.

Понятно, что в то время разработка любой абхазоведческой

темы абхазскими учеными встречалась в штыки, если она не шла в русле концепции грузинских ученых. В самом деле, в то время абхазоведение было не просто парализовано, а репрессировано. Одни ученые были арестованы и расстреляны, другие вынуждены были покинуть родину, а остальные попали под жесточайший цензурный режим. Абхазские ученые, пытавшиеся опровергнуть положения грузинских ученых, подвергались жестоким проработкам, различного рода преследованиям, унижениям, оскорблениям, клевете.

Чтобы как-то представить себе, в каких условиях Ш. Д. Инал-ипа приходилось жить и работать, достаточно вдуматься в слова, приведенные им в предисловии одной из своих книг: «Невыносимо было жить в этом жестоком мире и переносить удары судьбы, которые обрушивались на нас, если не было помощи и содействия близких людей, их милосердия и высокого благородства». Мы в нравственном долгу не только перед теми, кого расстреляли, т.е. физически уничтожили, но и перед теми, кого всячески преследовали, пугали, дискредитировали.

В частности, Ш. Д. Инал-ипа однажды был даже обвинен в плагиате, так что ему пришлось потребовать создания комиссии для расследования и доказательства абсурдности подобных измышлений.

В данной статье я не буду оценивать всю многогранную деятельность, а остановлюсь лишь на некоторых его работах, связанных, главным образом, с этимологическими изысканиями.

Исследования ученого основаны не только на достоверной источниковедческой базе, но и на всестороннем знании народной жизни абхазов, их хозяйства и быта, национального характера, психологии и традиций, что делает его глубоко национальным ученым в лучшем смысле этого слова. Роль его трудов, несомненно, значительна в формировании самосознания народа. Он был буквально проникнут народным духом. В то же время в культурном и духовном творчестве абхазского

народа он четко усматривал общечеловеческие ценности непреходящего значения. Величие его как ученого-этнографа историка, фольклориста, литературоведа, лингвиста состоит в подлинно научном понимании им общечеловеческого значения духовного творчества абхазского народа. Он выявил определенный вклад немногочисленного абхазского народа не только в культурное наследие народов Кавказа, но и в общечеловеческую сокровищницу вообще, в то время как грузинские ученые абхазский фактор на Кавказе стремились свести на нет.

Ш. Д. Инал-ипа имеет крупные заслуги, прежде всего, в деле собирания этнографических материалов, касающихся абхазской культуры быта, религиозных верований, фольклора и других подлинных этнографических факторов. Не меньшие заслуги имеет он и в деле собирания лингвистического полевого материала: лексики, связанной с различными отраслями народного хозяйства, с древними ремеслами и промыслами, в области семейных и общественных отношений, военного быта, морского дела и т.д.

Как известно, развитие машинного производства, оказавшего сильное влияние на затухание древних ремесел, постепенно вытесняло их вместе с терминологией, так что сегодня забыты не только способы домашнего производства, но, зачастую и термины, связанные с ними, многие из которых даже не зафиксированы в современных словарях. Все это делает неоценимыми записи Ш. Д. Инал-ипа, проводившиеся им в продолжение всей второй половины XX века.

Ш.Д. Инал-ипа как истинный ученый не мог не знать, что многие этимологические факты зачастую приводят к выводам, имеющим непосредственное отношение к истории. Неправильное ошибочное определение этимологии слов и терминов приводит нередко к искажению истории общества, так как этимология как часть исторической лексики тесно связана с культурной, исторической реальностью и имеет важное

значение для решения этнологических вопросов, а также проблем, связанных с изменением социальной, материальной и духовной культуры народа, словом, с историей народа, носителя языка.

В данном случае классическим примером может служить отнесение абхазского слова аҧсы в значении «душа, дух» к греческому языковому миру, к слову psixe, как это было сделано в кавказоведении. Согласиться с этим значило бы важнейшие абхазские термины с элементом ҧсы и пс'ы (бзыб), представленные в различных номенклатурах: этнонимике, ономастике, топонимике, гидронимике, в названиях божеств, святилищ, животных, птиц, рыб и т.д., объявить заимствованиями из греческого языка.

Против этого установившегося положения первым выступил Ш.Д. Инал-ипа. Но в то время (50-60 лет тому назад) заявить об этом значило полностью дискредитировать себя как ученого, но ничего его не остановило. Его доклад на эту тему, подготовленный к IX МКАЭН, был подвергнут критике и поездка его не состоялась.

В то время к греко-западно-кавказским взаимодействиям и взаимоотношениям подходили предвзято, очень часто пренебрежительно к тем формам культуры и быта, которые развились здесь, при этом культивировалось все греческое как в военнополитическом, так и в культурном и в других отношениях. Но, как отмечает адыгейский историк Хотко: «Цивилизация Кавказа древнего времени в сравнении с дорийской (греческой) была намного старше. Горцы северо-западного Кавказа, хотя не строили городов и не писали книг, но обладали развитой богатой культурой другого характера в таких немаловажных сферах деятельности, как земледелие, скотоводство, мореходство, коневодство, производство оружия, доспехов, врачевание, мифология, фольклор и т.д., они занимали высокие позиции и оказывали цивилизующее воздействие на соседей» [Хотко, 2002]. Таким образом, кавказцы, несомненно,

испытывая влияние со стороны греков, в то же время и сами в определенных сферах влияли на греков.

Сегодня уже многое пересматривается. Ученые устанавливают наличие значительного кавказского элемента, и даже субстрата как в греческом, так и в некоторых других индоевропейских языках. Теперь это не выглядит уже чем-то невероятным и непонятным, как это было 50-60 лет назад, так как эти факты получают внушительное дополнение и подтверждение в данных этнографии, но, главным образом, в работах таких видных ученых-лингвистов, как И.М. Дьяконов, И.М. Дунаевская, С.А. Старостин, С.Л. Николаев, В.В. Иванов, В.Г. Ардзинба и др.

Ш.Д. Инал-ипа, изучив полисемантический корень цс во всех его проявлениях (дух, душа, природа, вода, жизнь, смерть, животные, пернатые, тучи, песок, рыба), пришел к выводу, что этот корень не мог быть заимствованным, тем более, что, как он выяснил, в греческом языке он необъясним [Ш.Д. Инал-ипа, 1976:146].

В связи с этим в дальнейшем нами делается попытка установить первичное исходное значение данных элементов как цс'ы с шипяще-свистящим спирантом (с̲'), так и цсы (с̲) со свистящим спирантом.

На мой взгляд, цс'ы//цсы – звукоподражательные комплексы, имитирующие различные виды движущейся массы, потоков, с одной стороны, в основном поток воды (проточная вода) и связанные с ними понятия, с другой – поток воздуха, воздушную массу.

В первом случае представлен вариант цс'ы, а во втором цсы. Таким образом, комплекс цс'ы (со свистяще-шипящим вариантом) оказывается, прежде всего, в наименованиях рек Аацс'ы, Цс'оу, Лашицс'ы, Хыцс'ҭа, а также в некоторых важнейших абхазских терминах (Ацс'ны «Абхазия», ацс'уа «абхаз», ацс'абара «природа», ацс'аа «пернатые», ацс'ыз «рыба», ацс'лымз «песок» и мн.др.).

Второй комплекс цс (со свистящим спирантом с̲) встречается, в основном, в наименованиях «воздуха», «пара» и производных от них слов ср. Ицсы лсига-ɷсигоит «вдыхает и выдыхает воздух», т.е. «дышит воздухом». Таким образом, цсы означает вдыхаемый и выдыхаемый воздух, т.е. «воздух», предназначенный для дыхания в отличие от «воздуха вообще», обозначаемого заимствованным из греческого языка словом äer – «воздух». Таким образом, цс, означавший «воздух», связанный с физиологическим процессом дыхания, в отличие от воздуха (вообще), обозначаемый заимствованным из греческого äer «воздух» или же из турецкого аҳауа, становится обозначением «душа, дух», в результате того, что жизнь и смерть зависела от вдыхаемого и выдыхаемого воздуха. Таким образом, цсы – это уже не просто «поток воздуха», а какая-то жизненная сила, энергия, воспринимаемая как нечто бессмертное, духовное начало, внедряемая Всевышним в тело человека.

Здесь происходит то же самое, что и в индоевропейских языках: дышать, вдыхать-выдыхать, дыхание, дух, душа дух, душа соотносимый с индийским dhaman «дуть».

Первичное исходное значение элемента цс (ncixe) в греческом языке сегодня неизвестно, но можно предположить, что совпадение с абхазским значением «душа, дух» объясняется его ономатопоэтическим характером.

Как известно, в отношении происхождения элемента цсы существовали и другие точки зрения. В частности, название ряда местностей с элементом цсы, встречающиеся в Западной Грузии (Гурии, Раче, Аджарии, Мегрелии), принято было считать наследием именно адыгского населения. Этот постулат исходил главным образом от грузинских ученых, готовых в стремлении отказаться от всего абхазского, допустить заимствование из любого другого языка, только не абхазского. Еще П.К. Услар полагал, что в основе названия абхазов лежит адыгский элемент цсы. По этому поводу он писал: «Толкование этого названия посредством адыгских языков

кажется гораздо более правдоподобным» [Услар, 1887:121]. Ш. Д. Инал-ипа же, исходя из факта многозначности элемента цс в абхазском и его органической связанности с разного рода понятиями, пришел к выводу, что он лучше всего сохранил наиболее архаическую природу именно в абхазском языке, что свидетельствует о его исконности в последнем. Когда речь идет об истории языка, нельзя обойти молчанием негативную роль грузинской школы языкознания, задававшей тон всему кавказскому языкознанию. По отношению к абхазскому языку была выдвинута концепция об одностороннем в нем характере заимствования слов и понятий из родственных и неродственных языков, которая полностью исключала какое-либо заимствование из абхазского не только в картвельские, но и в адыгские языки.

К сожалению, этому соблазну поддались и некоторые кавказоведы, прошедшие грузинскую школу языкознания, с готовностью отрицая какое-либо заимствование из абхазского языка, не обращаясь к какому-либо анализу абхазского материала. И это мнение настолько укоренилось в кавказоведении, что требуются большие усилия для его преодоления. Однако переубеждать всегда труднее, чем иметь изначально правильное определение. Надо сказать, в этом деле изрядно усердствовал А.К. Шагиров, получивший уроки Тбилисской школы языкознания. Но как гласит поговорка, «Платон – мой друг, но истина дороже». Ш.Д. Инал-ипа как истинный ученый не мог не откликнуться на это.

А.К. Шагиров большинство адыгских заимствований объяснял экстралингвистическим фактором – позднесредневековой политической и культурной гегемонией Кабарды. Ш.Д. Инал-ипа, возражая этому, отмечал, что многие слова имеют более глубокие корни, далеко отстоящие от позднесредневекового периода, и поэтому не считал эти объяснения приемлемыми. В частности, абхазо-адыгское слово Уашхәа, вопреки А.К. Шагирову, считал общим наследием абхазо-адыгских

языков. По мнению Ш.Д. Инал-ипа, представление об образе Уашхәа, не отличающееся достаточной четкостью, является связным у всех его носителей на Кавказе, который понимается, в основном, как крепкая, нерушимая клятва некой небесной силе, и выдвигает свою версию этимологии данного термина: элемент уа – это обращение, призыв от местоимения уарш – белый свет, небесный свет, хәа – часть, доля, в целом обозначает – «принадлежащий небесному свету (божеству)», что почти совпадает с переводом адыгского варианта, данного Шагировым: **уа** – «небо» **шхъуа, шхъо** – «синий», букв. «синее небо» и «клянусь» [А.К. Шагиров, 1977:89]. Существуют и другие варианты этимологии данного термина. Наличие нескольких объяснений одного и того же явления – норма развития любой научной гипотезы и языкознания и не является исключением. Главное в каждом конкретном случае – принципиальный подход. Признавая за существующими этимологиями право на существование, я предлагаю свою версию, которую связываю с культивированием военного искусства на море, с пиратством, носившим название ашхәарра, производное от названия пиратской лодки – ашхуа. Первоначально – это обычное название средства передвижения по морю, затем включавшееся в систему священнодействия с наделением его мифическими легендарными функциями.

Абхазская формула Уашхуа мақьацсыс первоначально, на наш взгляд, означала пожелание удачи в захвате пленных, букв. «твоей лодке жертвенные души». Затем в связи с тем злом, которое пиратство несло людям (пытки, мучения, потеря статуса), становится выражением проклятия, заклинания, клятвы, ср. название атмосферного явления афы «молния», ставшее самым грозным божеством – божеством грома и молнии. Подтверждением может служить и слово мақьацсыс от глагольной основы амақьасара – «быть жертвой точильного камня», ср. аҳәызба уамақьасоуп «чтобы ты попал под нож» [Гублия, 1997:20-36].

Далее, как известно, в религиоведении было принято считать абхазскую традиционную религию языческой и, что Анцәа – Верховное Божество (Всевышний), стоящее над второстепенными божествами, вместе с ними составляет языческий пантеон абхазских божеств.

По этому поводу А.Б. Крылов писал: «В религиозных верованиях абхазов насчитывают такое количество богов, что их стало больше, чем самих абхазов (бог занозы, бог кори и т.д.)». Впервые против такого подхода к объяснению религиозного состояния абхазов выступил С.П. Басария, позднее его поддержал Ш.Д. Инал-ипа, который предложил рассматривать абхазскую традиционную религию как складывавшийся и формировавшийся абхазский национальный монотеизм, который, однако, еще не порвал с системой многобожия [Инал-ипа, 1974: 159].

В дальнейшем эта идея получает развернутое объяснение в трудах современных этнографов, религиоведов, в частности, в трудах А.Б. Крылова.

Ш.Д. Инал-ипа, занимаясь вопросами религиозных верований абхазов, также обратил внимание на то, что имя Боготворца Анцәа принято переводить как «матери», тогда как абхазы своего общего бога представляют в качестве мужского существа, что не отвечает требованиям элементарной логики, и предлагает свою версию перевода, как Анцәа «Бог – бык» на основе древнейшего скотоводческого культа, по аналогии с почитанием священных быков у хурритов, шумеров, египтян, у древних евреев и т.д. Верна ли эта версия, не так существенно, не бывает исследований, не вызывающих никаких возражений и разногласий. Главное, он поднял голос против существующей и уже утвердившейся ложной версии этимологии этого важнейшего термина.

Следующее слово, которое я хочу привести, особо связано с экстралингвистическими факторами, которыми в совершенстве владел Ш.Д. Инал-ипа. Это слово арцыс – арцар –

«юноша, юноши». Подступ к разрешению загадок, связанных с происхождением слова арцыс, открывается семантическим анализом, прежде всего, определением того, что реально обозначалось этим словом. Рассмотрим, как разрешает этот вопрос Ш.Д. Инал-ипа.

«Вся жизнь абхазов была проникнута военным духом. Подготовка храброго и выносливого воина была одной из первейших задач воспитания подрастающего поколения. Все мужчины с детства умели владеть конем и оружием. Совершеннолетие определялось возрастом, когда юноша становился способным носить оружие и участвовать в боевых действиях. Главная обязанность каждого мужчины заключалась в исполнении военного долга, каждый должен был в случае надобности явиться с оружием для защиты общей безопасности» [Инал-ипа, 1965:419]. Призывной возраст начинался с юношей – арцыс, подчеркивающий тот факт, что юноша так подготовлен, что даже может повести за собой армию, стать во главе отряда или войска. Таким образом, по мнению Ш.Д. Инал-ипа, слово арцыс этимологически означало «армию опережающий, ведущий», из ар «армия» и цыс от глагольной основы ацысра «опередить», означающее «опережающий армию». Таким образом, арцыс-арцар возрастная категория юношей, которым предстояло в необходимых случаях идти на войну.

И никто не мог так верно определить значение этого слова, как Ш.Д. Инал-ипа.

Здесь подтверждается в полной мере старый верный тезис о связи истории слова с историей народа, а также о связи истории слова с историей обозначаемого предмета, вещи, явления.

Едва ли не самым важным в его этимологических изысканиях в вопросах истории Абхазии является слово «апсҳа» (apsha), которому он посвятил ряд своих статей. По его мнению, этот термин сложился из двух элементов апсуа (apsua) и аҳ (ah). Оба они имеют самостоятельное значение: цс «абхаз»

и аҳ «владетель». При их сложении в слове аџсҳа по законам абхазского языка в термине аҳ происходит метатеза, т.е. перестановка ҳ и а – аҳ // ҳа.

Это положение имело существенное значение, прежде всего потому, что этим было опровергнуто бытовавшее до этого представление об отсутствии аҳ в абхазском языке, из чего делались неоправданные культурно-исторические выводы, но его доклад на эту тему, подготовленный к IX съезду МКАЭН, был отвергнут, и поездка его не состоялась.

Таким образом, установление этимологии данного слова считаю ценнейшим вкладом в раннесредневековую историю абхазов, Абхазии и Абхазского царства, доказывающим именно абхазское происхождение формирования царской власти и царства в среде абхазоязычного населения [Инал-ипа, 1971].

Можно было бы предложить еще целый ряд этимологий, которые затронул Ш.Д. Инал-ипа, но и приведенный материал достаточен, чтобы понять его принципиальную установку в решении того или иного вопроса. Чтобы понять его вклад в этом направлении, лучше всего читать его труды и сделать их настольными, помня, что если исчезнет прошлое, исчезнет и настоящее, не будет и будущего, что расставаясь с минувшим, мы все равно нуждаемся в нем. Кроме того, это даст нам возможность увидеть, как одаренные и мужественные сыны, почувствовав себя необходимыми своему народу, не щадя своей жизни, отдавали себя служению науке, способствующей самоидентификации народа и сохранению его как цельного этноса.

Заканчивая эту маленькую статью о большом человеке, хочу сказать: «Да святится имя Твое!».

Литература

1. Гублиа Р.К. К этимологии цсы в абхазо-адыгских языках. // Актуальные вопросы абхазо-адыгской филологии. – Карачаевск, 1997. С. 20.

2. Гублиа Р.К. К этимологии клятвенной формулы Уашхәа Мақьацсыс. // Абхазоведение. Вып. II. – Сухум, 2000. С. 36.
3. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. – Сухум, 1976. С. 146.
4. Инал-ипа Ш.Д. О генезисе образа Анцәа – верховного бога абхазов. // Известия Абияли. Т. III. – Тбилиси, 1974. С. 419.
5. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. – Сухум, 1964. С. 419.
6. Инал-ипа Ш.Д. Историческая этнография абхазов. – Сухум, 1971. С. 212-215.
7. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М., 1977. С. 89.
8. Хотко С.Х. История Черкесии в средние века и новое время. – М., 2002.
9. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. – Тифлис, 1887. С. 89.

(Гублиа Р.К. Об этимологических изысканиях Ш.Д. Инал-ипа // Первые международные Инал-иповские чтения. – Сухум, 2011).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Морфемы и их виды 19
Морфема **аа/г/а** 21
Морфема **ба** 23
Морфема **ka** 27
Морфема **ҵәа** 29
Морфема **ҳәа** 31
Морфема **қә(а)** 34
Морфема **м(а)** 43
Морфема **ц(а)** 73
Морфема **р (а)** 88
Морфема **ҭ(а)** 111
Морфема **ҿ(а)** 123
Морфема **хь(а)** 131
Иберийско-кавказское языкознание и абхазский язык . . . 138
К этимологии элемента *ПС* в абхазо-адыгских языках . . . 149
О происхождении некоторых важнейших гидронимов, топонимов, этнонимов в абхазском языке 171
К этимологии традиционной религии абхазов 185
Клятвенная формула Уашхәа мақьапсыс 213
Зиуоу– обряд вызывания дождя 223
Термины родства 230
Социальные термины 248
Абхазские заимствования в картвельских языках 271
«Уашхәа мақьацсыс» аҭоурых ахьтә 308
Об этимологических изысканиях Ш.Д. Инал-ипа 316

Гублиа Раиса Константинова
Очерки по абхазской этимологии

Редактор Т.Ю. Алексеева
Компьютерная верстка А.Ш. Береджи

Формат 60x84 1/16. Физ. печ. лист 20,6.
Тираж 500.

Отпечатано ф. «Алашарбага»
г. Сухум, ул. Университетская, 1

329